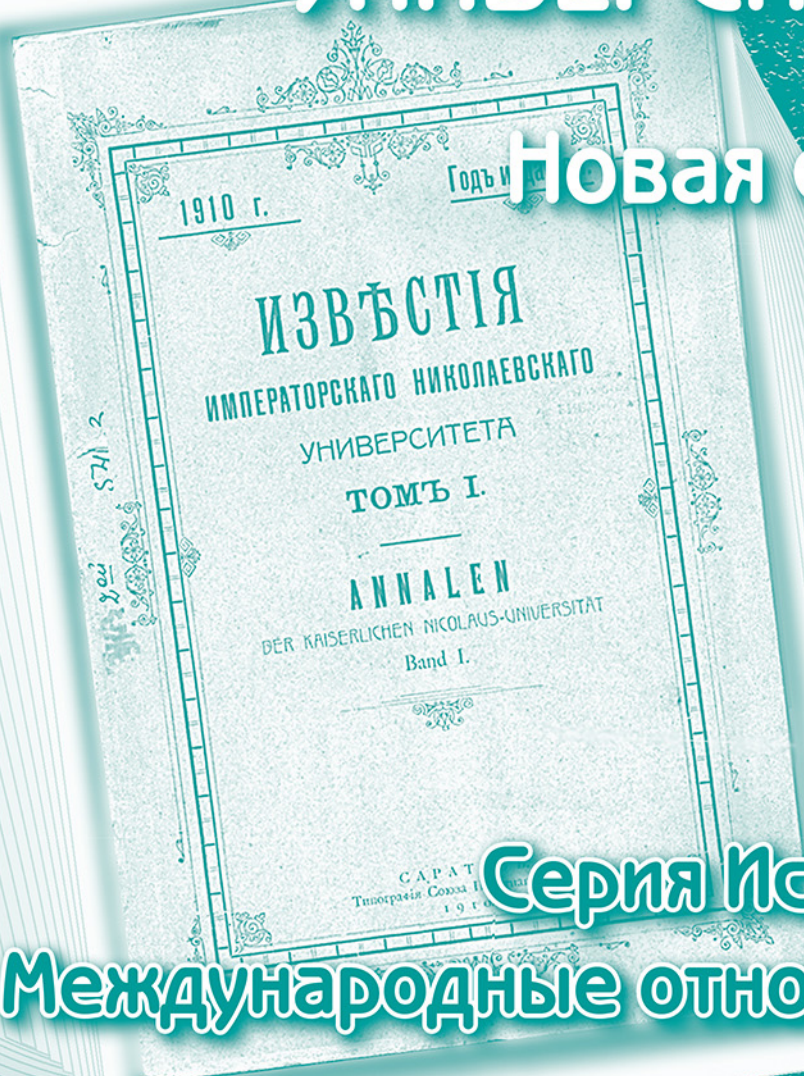

ISSN 1819-4907 (Print)
ISSN 2542-1913 (Online)

ИЗВЕСТИЯ САРАТОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

Новая серия

Серия История.
Международные отношения

2020

Том 20

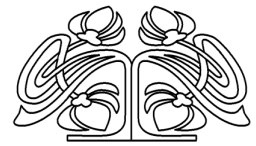
Выпуск 4

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования
«Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского»

ИЗВЕСТИЯ САРАТОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

Новая серия

Научный журнал
2020 Том 20

ISSN 1819-4907 (Print)
ISSN 2542-1913 (Online)
Издается с 2005 года

Серия История. Международные отношения, выпуск 4

Продолжение «Известий Императорского Николаевского Университета» 1910–1918, «Ученых записок СГУ» 1923–1962,
«Известий Саратовского университета. Новая серия» 2001–2004

СОДЕРЖАНИЕ

Научный отдел

К 75-летию Победы в Великой Отечественной войне

Голуб Ю. Г., Данилов В. Н. Саратов – город трудовой доблести 424

Отечественная история

Афонюшкина А. В. К вопросу о развитии источниковой базы исторической науки в России в 40–60-х годах XIX века 437

Лиманова С. А. Особенности организации столичных торжеств в позднеимперский и раннесоветский периоды: пространство, время, идеология 445

Митрохин В. А. Феномен большевизма в восприятии российской эмиграции 454

Коновалов И. Н. В. Ф. Тотоманц – историк, теоретик и пропагандист российской кооперации 461

Филимонов А. В. Резьвакуация жителей Псковской области (1944–1948 годы) 464

Кленяева И. Е. Советское государство и религиозные организации в 70-е годы XX века (на материалах Рязанской области) 471

Столетова А. С. Жилищный вопрос середины 1970 годов как проблема социального обустройства в СССР 475

Кабытов П. С., Кабытова Н. Н., Баринаева Е. П. Семейные истории о Великой Отечественной войне: специфика исторических источников 482

Всеобщая история и международные отношения

Рева К. С. «Община королевства» в конце XIII века: к вопросу о становлении парламента в средневековой Шотландии 490

Яблонская О. В. Уильям де ла Поль: история падений и успеха «любимого купца» Эдуарда III 497

Котлукова Д. А. Супруги Лайл: деловые партнеры или «сердечные друзья»? 504

Многолетняя Е. Н. Издательская деятельность чешского типографа XVI века Бартоломея Нетолицкого из Нетолиц 513

Эльфонд И. Я. Споры о монархии в политической мысли Франции XVI века 517

Эрлихсон И. М. Даниэль Дефо и становление криминальной биографии в XVIII столетии («Правдивое и подлинное описание жизни и деяний Джонатана Уайлда», 1725) 526

Региональная история и краеведение

Рабинович Я. Н. Посольство в Грузию князя Федора Федоровича Волконского и левобережный Саратов в 1637–1639 годах 535

Морозова Е. Н. Фискальная политика Саратовского земства (1866–1914 годы) 542

Ахметов А. А. Феномен проституции в повседневной жизни Саратова на рубеже XIX–XX веков 548

Аленичева Н. В. Социально-психологические факторы восприятия революционных событий 1917 года в солдатской среде (по материалам Саратовской губернии) 554

Критика и библиография

Представляем книгу

Креленко Н. С. Английские философы-рационалисты о феномене чудесного 559

Журнал «Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия «История. Международные отношения» зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций.

Запись о регистрации СМИ ПИ № ФС77-76642 от 26 августа 2019 года

Журнал включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук (специальности: 07.00.02 – отечественная история, 07.00.03 – всеобщая история (соответствующего периода), 07.00.09 – историография, источниковедение и методы исторического исследования, 07.00.15 – история международных отношений и внешней политики)

Индекс издания в объединенном каталоге «Пресса России» 36018, раздел 30 «Научно-технические издания. Известия РАН. Известия вузов». Журнал выходит 4 раза в год

Директор издательства
Бучко Ирина Юрьевна

Редактор
Батищева Татьяна Федоровна

Художник
Соколов Дмитрий Валерьевич

Редактор-стилист
Кочкаева Инна Анатольевна

Верстка
Степанова Наталия Ивановна

Технический редактор
Каргин Игорь Анатольевич

Корректор
Батищева Татьяна Федоровна

Адрес учредителя, издателя и издательства (редакции):
410012, Саратов, ул. Астраханская, 83
Тел.: (845-2) 51-45-49, 52-26-89
E-mail: izvestiya@info.sgu.ru

Подписано в печать 25.12.20.
Подписано в свет 21.12.20.
Формат 60x84 1/8.
Усл. печ. л. 16,04 (17,25).
Тираж 500 экз. Заказ 101-Т.
Цена свободная

Отпечатано в типографии
Саратовского университета.
Адрес типографии:
410012, Саратов, Б. Казачья, 112А

© Саратовский университет, 2020

ПРАВИЛА ОФОРМЛЕНИЯ РУКОПИСЕЙ

Журнал принимает к публикации общетеоретические, методологические, дискуссионные, критические статьи, результаты исследований в области всеобщей и отечественной истории, региональной истории и краеведения, международных отношений, источниковедения и историографии, рецензии и хронику.

К рассмотрению принимаются статьи, написанные докторами и кандидатами наук, аспирантами, соискателями. Статьи, написанные в соавторстве (кроме тех случаев, когда оба автора – доктора наук), к рассмотрению не принимаются.

Объем статей должен составлять 20–40 тыс. знаков через полуторный интервал в формате MS Word для Windows и содержать до 5 рисунков и 4 таблиц, объем сообщений и рецензий – 10–20 тыс. знаков и до 2 рисунков и таблиц. Рецензии оформляются так же, как статьи.

Статья должна быть оформлена строго в соответствии с правилами и тщательно отредактирована.

Последовательность предоставления материала:

– на русском языке: индекс УДК, название статьи, инициалы и фамилия автора, сведения об авторе (фамилия, имя, отчество (полностью), ученая степень, ученое звание, должность и место работы, e-mail), аннотация, ключевые слова (5–10), текст статьи, благодарности и ссылки на гранты (если есть); примечания (концевые автоматические сноски);

– на английском языке: название статьи, инициалы и фамилия автора, сведения об авторе (имя, инициал отчества, фамилия, ORCID, место работы, почтовый адрес организации (с указанием индекса), e-mail), аннотация, ключевые слова.

Отдельным файлом оформляются сведения об авторе статьи (на русском и английском языках): фамилия, имя и отчество (полностью), ученая степень, ученое звание, должность и место работы, e-mail, телефон.

Требования к аннотации:

– должна отражать краткое содержание статьи; оптимальный объем 300–500 знаков;

– не должна содержать сложных формулировок, повторять название статьи, быть насыщена общими словами, не излагающими сути исследования.

В примечаниях (концевых автоматических сносках) нумерация источников должна соответствовать очередности ссылок на них в тексте.

Более подробную информацию о правилах оформления статей можно найти по адресу: <https://imo.sgu.ru/ru/dlya-avtorov>

Материалы, отклоненные редколлегией, не возвращаются.

Адреса для переписки с редколлегией серии: larisachernova@mail.ru; 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, 83, Саратовский университет, Институт истории и международных отношений, заместителю главного редактора журнала «Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия История. Международные отношения» Л. Н. Черновой.

CONTENTS

Scientific Part

Dedicated to the 75th Anniversary in the Great Patriotic War

Golub Yu. G., Danilov V. N. Saratov – the City of Labor Valour 424

Russian History

Afonushkina A. V. On the Problem of Development of Source Base on History in Russia in the Middle of the 19th Century 437

Limanova S. A. Special Aspects of Organizing Celebrations in St. Petersburg (Petrograd) and Moscow in 1894–1924: Space, Time, Ideology 445

Mitrokhin V. A. Phenomenon of Bolshevism as it is Perceived by Russian Emigration 454

Konovalov I. N. V. F. Totomianz – Historian, Theorist and Propagandist of Russian Cooperation 461

Filimonov A. V. Revacuation of Residents of the Pskov Region (1944–1948) 464

Klenyaeva I. E. The Soviet State and Religious Organizations in the 70s XX Century (Based on the Materials of the Ryazan Region) 471

Stoletova A. S. Housing Issue Mid-1970s as a Problem of Social Arrangement in the USSR 475

Kabytov P. S., Kabytova N. N., Barinova E. P. Family Stories about the Great Patriotic War: Specifics of Historical Sources 482

World History and International Relations

Reva K. S. ‘The Community of the Realm’ in the Late XIII Century: on Formalization of the Parliament in Medieval Scotland 490

Yablonskaya O. V. William de la Pole: the Story of the Fall and Success of “Favorite Merchant” of Edward III 497

Kotlukova D. A. Lisle Spouses: Business Partners or «Loving Friends»? 504

Mnogoletnyaya E. N. Publishing Activities of the 16th Century Czech Book Printer Bartholomew Netolicky of Netolic 513

Elfond I. Ya. The Debate about the Monarchy in French Political Thought in the 16th Century 517

Erlihson I. M. Daniel Defoe and Criminal Biography Establishment in the 18th Century (“The True and Genuine Account of the Life and Actions of the Late Jonathan Wild, not Made up of Fiction and Fable, but Taken from his Own Mouth, and Collected from Papers of his Own Writing”, 1725) 526

Regional History and Local Studies

Rabinovich Ya. N. Embassy to Georgia of Prince Fyodor Fedorovich Volkonsky and Left-Bank Saratov in 1637–1639 535

Morozova E. N. Fiscal Policy of the Saratov Zemstvo (1864–1914) 542

Akhmetov A. A. Saratov Prostitution at the Turn of the XX Century 548

Alenicheva N. V. Socio-psychological Factors of Perception in the Soldier Environment of Revolutionary Events of 1917 (According to the Materials of the Saratov Province) 554

Critics and Bibliography

Presentation of the Book

Krenenko N. S. English Rationalist Philosophers about the Phenomenon of Miracle 559

**РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ ЖУРНАЛА
«ИЗВЕСТИЯ САРАТОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА. НОВАЯ СЕРИЯ.
СЕРИЯ: ИСТОРИЯ. МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ»**

Главный редактор

Данилов Виктор Николаевич, доктор ист. наук, профессор (Саратов, Россия)

Заместитель главного редактора

Чернова Лариса Николаевна, доктор ист. наук, доцент (Саратов, Россия)

Ответственный секретарь

Рабинович Яков Николаевич, кандидат ист. наук, доцент (Саратов, Россия)

Члены редакционной коллегии:

Барабанов Олег Николаевич, доктор полит. наук, профессор (Москва, Россия)

Голуб Юрий Григорьевич, доктор ист. наук, профессор (Саратов, Россия)

Дённингхаус Виктор, доктор истории, профессор (Люнебург, Германия)

Кабытов Петр Серафимович, доктор ист. наук, профессор (Самара, Россия)

Любичанковский Сергей Валентинович, доктор ист. наук, профессор (Оренбург, Россия)

Мезин Сергей Алексеевич, доктор ист. наук, профессор (Саратов, Россия)

Монахов Сергей Юрьевич, доктор ист. наук, профессор (Саратов, Россия)

Рейли Дональд, доктор истории, профессор (Чапел-Хилл, США)

Репина Лорина Петровна, доктор ист. наук, чл.-корр. РАН (Москва, Россия)

Тисье Мишель, доктор истории, доцент (Ренн, Франция)

Федоров Сергей Егорович, доктор ист. наук, профессор (Санкт-Петербург, Россия)

Цатурова Сусанна Карленовна, доктор ист. наук, ведущий научный сотрудник

(Москва, Россия)

Черевичко Татьяна Викторовна, доктор экон. наук, профессор (Саратов, Россия)

**EDITORIAL BOARD OF THE JOURNAL
«IZVESTIYA OF SARATOV UNIVERSITY. NEW SERIES.
SERIES: HISTORY. INTERNATIONAL RELATIONS»**

Editor-in-Chief – Victor N. Danilov (Saratov, Russia)

Deputy Editor-in-Chief – Larisa N. Chernova (Saratov, Russia)

Executive Secretary – Yakov N. Rabinovich (Saratov, Russia)

Members of the Editorial Board:

Oleg N. Barabanov (Moscow, Russia)

Yury G. Golub (Saratov, Russia)

Victor Dönningkhaus (Lüneburg, Germany)

Pyotr S. Kabytov (Samara, Russia)

Sergey V. Lyubichankovsky (Orenburg, Russia)

Sergey A. Mezin (Saratov, Russia)

Sergey Yu. Monakhov (Saratov, Russia)

Donald J. Raleigh (Chapel Hill, USA)

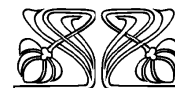
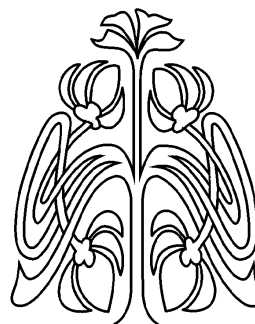
Lorina P. Repina (Moscow, Russia)

Michel Tissier (Rennes, France)

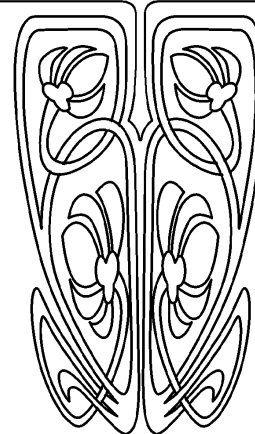
Sergey E. Fyodorov (St. Petersburg, Russia)

Susanna K. Tsaturova (Moscow, Russia)

Tatyana V. Cherevichko (Saratov, Russia)

**РЕДАКЦИОННАЯ
КОЛЛЕГИЯ**

К 75-ЛЕТИЮ ПОБЕДЫ В ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ

УДК 94(47)

Саратов – город трудовой доблести

Ю. Г. Голуб, В. Н. Данилов

Голуб Юрий Григорьевич, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой международных отношений и внешней политики России, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, goloub@sgu.ru

Данилов Виктор Николаевич, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой отечественной истории и историографии, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, danilovvik@yandex.ru

Редакционная коллегия журнала в настоящей статье обращается к знаковому событию в жизни региона – присвоению Саратову почетного звания «Город трудовой доблести». Рассмотрены основания для принятия такого решения Президентом Российской Федерации. Показан вклад Саратова как одного из крупнейших военно-промышленных центров страны в обеспечение победы в Великой Отечественной войне, описаны важнейшие события, связанные с трудовым подвигом его жителей.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, Город трудовой доблести, Саратов.

Поступила в редакцию: 29.06.2020 / Принята: 01.07.2020 / Опубликовано: 21.12.2020

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

Saratov – the City of Labor Valour

Yu. G. Golub, V. N. Danilov

Yury G. Golub, <https://orcid.org/0000-0001-9819-7494>, Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia, goloub@sgu.ru

Victor N. Danilov, <https://orcid.org/0000-0003-2080-7736>, Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia, danilovvik@yandex.ru

In the article, the editorial Board of the journal refers to a significant event in the life of the region of recent times – the awarding of the honorary title of «City of Labor Valour» to Saratov. The reasons for making such a decision by the President of the Russian Federation are considered. It shows the contribution of Saratov as one of the largest military-industrial centers of the country in ensuring victory in the Great Patriotic War and the most important facts of the labor feat of its residents.

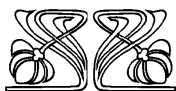
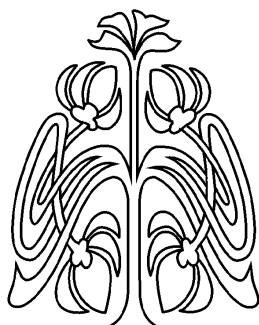
Keywords: the Great Patriotic War, City of Labor Valor, Saratov.

Received: 29.06.2020 / Accepted: 01.07.2020 / Published: 21.12.2020

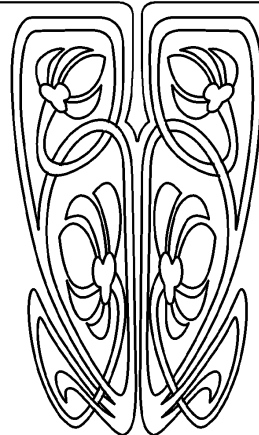
This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2020-20-4-424-436>

11 декабря 2019 г. на заседании Российского организационного комитета «Победа» прозвучало предложение в связи с предстоящим празднованием 75-летия Победы и проведением Года памяти и славы в целях увековечения памяти о героизме и самоотверженности тружеников тыла, значительном вкладе городов и предприятий военно-промышленного комплекса в Победу над нацизмом принять на федеральном уровне почетное звание «Город трудовой доблести»¹. Президент

НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ

Российской Федерации В. В. Путин поддержал это предложение и 13 декабря 2019 г. направил в Государственную Думу соответствующий законопроект. В пояснительной записке к нему говорилось, что для увековечения героического подвига нашего народа на полях сражений существуют почетные звания «Город-герой» и «Город воинской славы», но нельзя забывать о мужестве, стойкости и самоотверженности тружеников тыла, внесших не менее весомый вклад в достижение победы над фашистской Германией и ее союзниками. Проектом федерального закона «О почетном звании Российской Федерации “Город трудовой доблести”» предлагалось считать основаниями для присвоения почетного звания Российской Федерации «Город трудовой доблести» награждение предприятий, располагавшихся в 1941–1945 гг. на территории города, государственными наградами и (или) вручение им переходящих Красных знамен Государственного Комитета Обороны (далее – ГКО), награждение работников таких предприятий государственными наградами за трудовые заслуги, а также документально подтвержденные факты трудового героизма жителей города в годы Великой Отечественной войны².

В русле начавшегося в парламенте рассмотрения указанного президентского законопроекта в Саратове руководством области и города была инициирована подготовительная работа по сбору документальных материалов, подтверждавших вклад жителей города в достижение победы над врагом. К ней были привлечены сотрудники архивов, музеев, библиотек, вузов, предприятий и учреждений. Была организована масштабная разъяснительная работа в средствах массовой информации. Общественными организациями и волонтерами были собраны десятки тысяч подписей горожан в поддержку выдвижения г. Саратова на почетное звание «Город трудовой доблести».

После принятия и вступления в силу указанного Федерального закона 12 марта 2020 г. состоялось внеочередное заседание Саратовской городской Думы, на котором был рассмотрен вопрос «О предложении по присвоению городу Саратову почетного звания Российской Федерации “Город трудовой доблести”». В докладе председателя Гордумы В. В. Малетина говорилось, что выявленная информация свидетельствует о том, что в годы Великой Отечественной войны ряд заводов Саратова, внесших значительный вклад в обеспечение бесперебойного производства военной и гражданской продукции, был удостоен государственных наград и переходящих Красных знамен ГКО, а тысячи особо отличившихся работников были награждены орденами и медалями. Председатель городской Думы выразил слова благодарности в адрес жителей города, организаций и предприятий, которые поддержали инициативы о присвоении Саратову этого почетного звания, а также в адрес поколения, которое внесло свой вклад в Победу. Депутаты единогласно прого-

лосовали за решение направить в Саратовскую областную думу и Правительство Саратовской области предложение о присвоении г. Саратову почетного звания Российской Федерации «Город трудовой доблести»³. Областные власти поддержали решение городских депутатов. Был сформирован необходимый по закону пакет документов и направлен 13 марта 2020 г. в Российскую академию наук для получения заключения. Пакет включал ходатайство губернатора и Областной думы, копии документов, подтверждающих факты трудового героизма и подготовленное авторами статьи историческое обоснование, текст которого приводится ниже.

ИСТОРИЧЕСКАЯ СПРАВКА к предложению о присвоении городу Саратову почетного звания Российской Федерации «Город трудовой доблести»

Место Саратова в истории России

Основание в 1590 г. города Саратова, как и несколько ранее городов Самара и Царицын (Волгоград), способствовало закреплению за Россией присоединенных Иваном Грозным территорий Среднего и Нижнего Поволжья. Этим был сделан решающий шаг в превращении Московского, преимущественно русского царства, в полиэтничное и многоконфессиональное государство. Фактически было положено начало становлению в северной части Евразии новой империи. До начала XVIII в. Саратов являлся опорным пунктом обороны на юго-востоке страны, а затем в течение полутора веков выполнял главным образом торгово-транзитные и административные функции.

В первой половине XVIII в. Саратов был центром самого крупного в Европе речного рыбного промысла. Саратовская городская рыбная контора ведала всеми рыбными угодьями от Соснового Острова (Хвалынский) до Песчаного острова (неподалеку от Астрахани). С 1747 г. до первых десятилетий XIX в. город был местом нахождения управления крупнейшего в Европе Эльтонского соляного промысла.

В 1769 г. была образована Саратовская провинция, и Саратов впервые становится административным центром обширной территории, которая в 1781 г. была преобразована в губернию. В период с 1928 по 1932 гг. Саратов являлся столицей Нижне-Волжского края, в который входили территории современных Саратовской, Волгоградской, Астраханской областей и Республики Калмыкии. С 1936 г. – центр одноименной области.

С 1830-х гг. Саратов известен как центр одного из крупнейших зернопроизводящих регионов России и крупнейший центр агроперерабатывающей промышленности (мукомольной). Во второй половине XIX – начале XX в. Саратов по

количеству жителей среди городов России (в ее современных границах) занимал третье место после Петербурга и Москвы. В культурном плане город отмечен, прежде всего, тем, что здесь был открыт первый в России общедоступный художественный музей (1885 г.) и первый стационарный цирк (1873 г.). В 1909 г. в Саратове был основан императорский Николаевский университет, ставший последним, десятым в дореволюционной России. В 1912 г. в Саратове была открыта третья в стране (после Петербурга и Москвы) консерватория.

Окончание строительства в 1871 г. железной дороги до Москвы, а затем в южном (Астрахань) и восточном (Урал и Сибирь) направлениях превратило Саратов в узел коммуникаций общероссийского значения. В годы Первой мировой войны город являлся окружным пунктом распределения и лечения раненых.

Масштабное промышленное строительство 1930-х гг. выдвинуло Саратов на положение одного из индустриальных лидеров в Поволжье, что имело первостепенное значение в период Великой Отечественной войны. Стратегически важную роль играл также саратовский железнодорожный мост через Волгу, построенный в 1935 г. С открытием в Саратове в 1942 г. газового промысла началось первое масштабное промышленное использование природного газа в нашей стране. Концентрация в городе и области технологически сложной промышленности в 1940–1970-е гг. дало толчок развитию фундаментальной и прикладной науки. С 1980 г. действует Саратовский научный центр Российской академии наук.

Саратов также известен как город, где учился, а затем 12 апреля 1961 г. совершил вблизи него приземление первый космонавт планеты Ю. А. Гагарин.

Военно-стратегическое положение Саратова в период Великой Отечественной войны

В годы Великой Отечественной войны Саратов являлся ведущим центром военной промышленности и военных коммуникаций (железнодорожный узел, река Волга) на востоке европейской части СССР. Военно-экономический потенциал его значительно вырос в связи с эвакуацией сюда из западных и центральных районов СССР около 80 промышленных предприятий⁴. Военно-политическое значение города усилилось в связи с переводом из Куйбышева штаба Приволжского военного округа, который в годы Великой Отечественной войны включал территории Саратовской, Куйбышевской, Пензенской, Тамбовской, Воронежской областей и частично Орловской, Курской и Сталинградской областей РСФСР.

В начальный и самый тяжелый период Великой Отечественной войны осенью 1941 г. в г. Саратов были эвакуированы высшие органы государственной власти и управления РСФСР –

Президиум Верховного Совета и Совет Народных Комиссаров, а также Верховный суд, Прокуратура, Наркоматы финансов, госконтроля и ряд других. Это означало, что в течение нескольких месяцев город фактически выполнял **столичные функции** крупнейшей союзной республики⁵. Кроме того, в городе в эвакуации находились правительственные учреждения, ряд вузов и театров Украинской ССР, Московский художественный академический театр (МХАТ), Московская консерватория, Ленинградский государственный университет. Вследствие эвакуационных процессов население Саратова увеличилось с 372 тыс. накануне войны до 498 тыс. чел., по данным на начало 1943 г.⁶ Все это привело к тому, что постановлением ГКО от 21 февраля 1942 г. Саратов был отнесен к числу режимных местностей первой категории.

Учитывая возросшую стратегическую роль Саратова и возможность прорыва к нему сухопутных войск противника или воздействия немецко-фашистской авиации на его объекты, осенью 1941 г. советским руководством были приняты меры по обеспечению военной защиты города и области. 13 октября 1941 г. Государственный Комитет Обороны выносит постановление № 782сс о возведении на подступах к Саратову оборонительных сооружений⁷. Всего в период с октября 1941 г. по март 1943 г. были построены 6 линий оборонительных рубежей общей протяженностью свыше 600 км. На оборонительных рубежах было возведено 435 км противотанковых препятствий (рвы, эскарпы, завалы), около 2 тыс. дотов и дзотов, огневые сооружения открытого типа⁸. На основании постановления ГКО от 9 ноября 1941 г. создается Саратовско-Балашовский дивизионный район ПВО, в состав которого входили зенитные, прожекторные и другие войсковые подразделения, а в оперативном подчинении находилась 144-я истребительная авиационная дивизия ПВО. По решению СНК РСФСР от 12 ноября 1941 г. Саратов включался в число городов-пунктов ПВО, с созданием штабов и формирований МПВО на постоянной основе. В формированиях местной противовоздушной обороны (участковые и объектовые команды, группы самозащиты) состояло до 30 тыс. саратовцев. С 14 ноября 1941 г. и до конца 1943 г. в Саратове действовал режим угрожаемого положения с воздуха. Координация усилий военных и гражданских учреждений региона в интересах ведения войны осуществлялась Саратовским городским комитетом обороны, который был создан по решению ГКО № 830с от 22 октября 1941 г., во главе с первым секретарем обкома ВКП (б) (И. А. Власов, П. Т. Комаров)⁹.

С началом войны Саратов и область стали одним из центров формирования частей и соединений Красной Армии. До конца 1942 г. в регионе было сформировано 28 дивизий и бригад, а всех частей, соединений и различных военных учреждений – свыше 500¹⁰. Саратовская пристань являлась одной из баз Волжской военной флотии-

лии, принимавшей участие в боевых действиях летом – осенью 1942 г. в районе Сталинграда. В Саратове дислоцировалось более 10 (всего в области 32) различных военно-учебных заведений (училища, школы, курсы), осуществивших подготовку нескольких десятков тысяч командных кадров. Только 1-е и 2-е танковые училища за военное время выпустили более 11 тыс., саратовские пехотные – около 4 тыс., пограничное училище – свыше 5 тыс. офицеров¹¹. В 1942–1944 гг. в Саратове находилась специальная школа Украинского штаба партизанского движения.

В период Сталинградской битвы (июль 1942 – февраль 1943 гг.), когда линия фронта пролегла в 300 км от города, Саратов находился на военном положении (введено 9 сентября 1942 г.). Он был включен в зону оперативного тыла Сталинградского, затем Донского фронтов, а железнодорожный узел города приобрел статус фронтовой распорядительной станции. Ввиду непосредственной близости к местам боев здесь размещались пункты переформирования войск, тыловые учреждения, склады снабжения и ремонтно-технические базы действующей армии. В общей сложности через область во второй половине 1942 – начале 1943 г. было перемещено к театру военных действий свыше 500 тыс. солдат и офицеров Красной Армии¹². В городе была развернута мощная сеть военных госпиталей.

В 1942 и 1943 гг. промышленные и транспортные объекты Саратова подверглись массированным бомбардировкам врага. В результате 25 крупных бомбардировочных налетов на город было сброшено 1131 фугасная и 5850 зажигательных авиабомб, возникло 250 пожаров и 416 загораний¹³. Материальный ущерб от авианалетов составил 200 млн руб. (для сравнения отпускная цена самолета-истребителя составляла 105 тыс. рублей)¹⁴. Жертвами фашистских бомбардировок среди гражданского населения в городе, как показывают подсчеты, стали около 480 чел. убитыми и более 500 ранеными¹⁵. В небе над Саратовом было сбито 16 немецких самолетов.

Оборонно-промышленный комплекс Саратова – на службе фронта

Основу оборонно-промышленного комплекса Саратова составили производства, введенные в строй в годы первых советских пятилеток. В этот период были построены около 30 крупных заводов: комбайновый, тракторных деталей, щелочных и свинцовых аккумуляторов, станкостроительные, нефтеперерабатывающий, шарикоподшипниковый и др. Реконструкции подвергся целый ряд старых металлообрабатывающих заводов: «Серп и молот», «Универсаль», им. Ленина (бывший Гантке). По данным органов статистического учета, количество рабочих, занятых в промышленности Саратова, увеличилось за это время в 5 раз и со-

ставляло около 68 тыс. человек, основные фонды выросли в 9 раз, выпуск продукции – в 12 раз¹⁶. Накануне Великой Отечественной войны (1937 г.) комбайновый завод был перепрофилирован на выпуск боевых самолетов. Еще 8 других заводов города, обеспечивавших производство военной техники, вооружения и боеприпасов, также переводились в разряд военных с присвоением номеров по соответствующим военно-промышленным наркоматам.

С началом войны абсолютное большинство предприятий Саратова было переведено на обслуживание непосредственных нужд армии и флота и производство военной продукции. Эвакуация оборудования почти 80 промышленных предприятий (всего в область около 100 предприятий) из западных и центральных районов страны завершила формирование оборонно-промышленного комплекса Саратова, функционировавшего в период Великой Отечественной войны. Прием и ввод в действие эвакуированного оборудования (около 6 тыс. станков) стали одним из ярких примеров трудового героизма саратовцев, организационно-управленческих усилий руководства региона. Значительная часть оборудования была размещена на площадях однотипных саратовских заводов, расширяя их производственные мощности, а иногда и меняя их профиль. На территории ГПЗ-3 разместилась часть цехов 1-го Московского подшипникового завода, имевших более тысячи единиц оборудования. Эвакуированные из Тулы оружейные заводы № 66 и № 314 (427 станков) слились с саратовским заводом «Трактородеталь», образовав завод № 614 Наркомата вооружения. Харьковский завод «Серп и молот» (384 единиц оборудования) обосновался на площадях аналогичного по названию местного завода Наркомата сельхозмашиностроения¹⁷. Ленинградский завод «Ленинская искра» сливался с саратовским заводом № 236 (свинцовых аккумуляторов)¹⁸. В то же время на базе эвакуированных производств в Саратове возникло 8 крупных и около 20 средних предприятий. Из них наиболее значимыми предприятиями являлись заводы № 306 (его образовали 6 заводов из Москвы, Ленинграда, Полтавы и Ржева), № 205 им. Хрущева (Москва), № 572 (Ленинград), № 180 (Киев, Ижора, Ленинград, Дарница), № 702 (эбонитовый) (Ленинград), швейная фабрика «Знамя индустриализации» (Витебск). Два крупных предприятия были созданы в городе-спутнике Энгельсе на базе брянского вагоностроительного завода им. Урицкого и московского завода им. Орджоникидзе.

Всего в Саратове в годы Великой Отечественной войны действовало 35 крупных заводов с общим числом работающих свыше 60 тыс. человек и 388 различных предприятий пищевой, легкой, мукомольной, местной и другой промышленности, где трудились еще 34 тыс. работников¹⁹. Практически все предприятия города выпускали продукцию для фронта: боеприпасы, снаряды,

мины, авиационные бомбы, пистолеты-пулеметы, противотанковые ружья, минометы, свинцовые и щелочные аккумуляторы, авиационные и артиллерийские приборы, шарикоподшипники, горючее, корпуса танков, самолеты, обмундирование, перевязочный материал, пищевые концентраты, предметы фронтового быта. Уже к 1943 г. объем выпуска военной продукции на предприятиях Саратова вырос более чем в 5 раз²⁰, а всего за годы войны промышленность выпустила продукции на сумму в 7,5 млрд руб.

Наибольший объем военной продукции приходится на предприятия авиационного кластера, который включал самолетостроительный завод № 292, агрегатный № 306, электроприборостроительный № 213, винтовой № 167, клеевой № 307, на которых только рабочих насчитывалось более 16 тыс. чел.²¹

Завод № 292 (директор И. С. Левин) являлся головным предприятием НКАП по выпуску самолетов-истребителей Як-1 и Як-3. В 1941–1945 гг. заводом было произведено 12134 боевых машин²², т. е. почти каждый четвертый советский самолет-истребитель. В 1942 г., когда многие эвакуированные авиационные заводы только восстанавливались на новых местах, его производство составляло почти 14% выпуска самолетов всех типов в СССР. За обеспечение бесперебойной поставки продукции фронту завод в числе первых советских предприятий был награжден **орденом Ленина** (Указ Президиума Верховного Совета СССР от 28 июля 1942 г.). Во время бомбардировочных налетов в июне 1943 г. завод был почти полностью разрушен и встал вопрос об отправке его оборудования и производственного персонала в другой регион. Однако завод был восстановлен менее чем за 80 дней и вышел на прежние производственные показатели. По окончании Великой Отечественной войны он был снова награжден **орденом Трудового Красного Знамени** (Указ Президиума Верховного Совета СССР от 2 июля 1945 г.). Кроме того, коллектив завода № 292 в ходе войны 28 раз получал Красное знамя ГКО, в мае 1945 г. оно было передано ему на вечное хранение²³.

Вновь созданный завод № 306 (ныне Саратовское электроагрегатное производственное объединение) уже к концу 1941 г. освоил производство сложных агрегатов для авиамоторов (магнето), которыми снабжались все без исключения моторостроительные предприятия авиационной отрасли. 16 сентября 1945 г. он был награжден **орденом Красной Звезды**.

Завод № 213 им. Орджоникидзе НКАП наряду с выпуском электроприборов в конце 1941 г. освоил производство боеприпасов. 9 раз ему вручалось Красное знамя ГКО, 15 мая 1946 г. оно было передано заводу на вечное хранение. 16 сентября 1945 г. он был награжден **орденом Ленина**. Пять раз переходящее Красное знамя ГКО присуждалось еще одному саратовскому заводу НКАП – № 167.

Одним из флагманов саратовской промышленности являлся шарикоподшипниковый завод ГПЗ-3 (директор В. С. Буторин). Особое значение его продукция имела в первый год войны, когда два московских подшипниковых завода находились в процессе эвакуации, а ГПЗ-4 в г. Куйбышеве только налаживал производство. По распоряжению Государственного Комитета Обороны подшипники, произведенные на саратовском заводе, незамедлительно отправлялись на танковые, авиационные и автомобильные заводы Поволжья и Урала всеми видами транспорта, включая самолеты гражданской авиации²⁴. В 1942–1943 гг. ГПЗ-3 неоднократно подвергался бомбардировкам противника. Впервые переходящее Красное знамя ГКО заводу было вручено в марте 1943 г. Впоследствии оно вручалось еще 6 раз. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 28 октября 1944 г. ГПЗ-3 был награжден **орденом Трудового Красного Знамени**. За время войны завод выпустил почти 18 млн штук шарикоподшипников.

К числу крупнейших предприятий Саратовской области относился в годы Великой Отечественной войны крекинг-завод № 416 им. С. М. Кирова (директор Б. П. Майоров), осуществлявший выпуск высокооктанового авиационного бензина и толуола. О значимости его продукции говорит тот факт, что ГКО дважды принимал по нему специальные постановления. В общей сложности, несмотря на бомбардировки и разрушения 1942–1943 гг., завод произвел более 3 млн т горючего. За вклад в обеспечение фронта и тыла в больших объемах горючим крекинг-завод в 1985 г. был награжден **орденом Отечественной войны I степени**. А до этого все второе полугодие 1943 г. удерживал Красное знамя ГКО и еще четырежды получал его в 1944 г.²⁵

Важнейшее значение для авиационной, танковой и судостроительной промышленности имело производство двух саратовских аккумуляторных заводов. Единственный в стране завод щелочных аккумуляторов (№ 195) за военный период произвел 195 тыс. единиц продукции. Еще в большем количестве было произведено свинцовых аккумуляторов на заводе № 236. 21 июля 1943 г. ему было присуждено Красное знамя ГКО, а Указом Президиума Верховного Совета СССР от 25 января 1944 г. с формулировкой «за успешное выполнение правительственных заданий по обеспечению танковой промышленности и Красной Армии необходимой продукцией» завод № 236 был награжден **орденом Ленина**²⁶.

Кроме указанных выше предприятий, во время Великой Отечественной войны **орденом Красной Звезды** была награждена саратовская военно-картографическая фабрика Наркомата обороны СССР (Указ Президиума Верховного Совета СССР от 20 апреля 1945 г.)²⁷.

В конце 1941 г. в кооперации с другими саратовскими предприятиями на заводе № 614 был на-

лажен выпуск противотанковых ружей Симонова. Только в 1942 г. их было произведено 35200 штук, что составило более 14% общесоюзного производства²⁸. В 1944 г. завод перешел на выпуск артиллерийских систем. В 1985 г. это предприятие, ставшее Саратовским агрегатным заводом, было награждено **орденом Отечественной войны I степени**. Исключительно на производство боеприпасов были ориентированы саратовские заводы № 311 (броневойно-трассирующий 37 мм. снаряд), № 572 (взрыватели К-6, К-20, В-179, снаряды малокалиберной артиллерии), «Серп и Молот» и № 45 (корпуса снарядов). Выпуск снарядов, мин и гранат осуществлялся также на многих других предприятиях Саратова, где эта продукция была не основной – заводы № 180, № 205, № 348.

Крупным предприятием наркомата танковой промышленности являлся завод № 180, где трудилось более 1,5 тыс. чел. До 1944 г. этот завод изготовил 1275 корпусов танков Т-50, Т-60 и Т-70, а также 1141 бронебашню для СУ-152 и ИС-152, осуществил ремонт 1154 корпусов танка Т-34. Основным видом продукции завода № 205 им. Хрущева наркомата судостроительной промышленности было производство артиллерийских и навигационных приборов. Помимо этого, на заводе за время войны было выпущено 1,5 млн штук корпусов снарядов для реактивных установок БМ-13 («катюши»). За достигнутые производственные успехи 29 сентября 1943 г. заводу вручено переходящее Красное знамя ГКО.

Заводы № 702 и № 744 Наркомата резиновой промышленности освоили в 1941–1942 гг. производство эбонитовых корпусов (банок) для свинцовых аккумуляторов и изделий из синтетического каучука. На саратовских швейных фабриках № 2 «Знамя индустриализации» и им. Крупской было пошито 1,3 млн армейских шинелей, миллионы гимнастеров и других предметов солдатского обмундирования²⁹. Предприятия пищевой промышленности города произвели сотни тонн муки, макаронных изделий, сахарей, мясных консервов, пищевых концентратов.

В августе 1942 – феврале 1943 гг., когда Саратовская область находилась на военном положении, основная часть выпущенной предприятиями продукции отправлялась войскам сталинградских фронтов. **И в этом смысле правомерно говорить о существенном вкладе промышленности Саратова в оборону Сталинграда и последующую победу в Сталинградской битве.** Только в сентябре 1942 г. 16 саратовских машиностроительных заводов выпустили 4066 противотанковых ружей, 373 тыс. корпусов снарядов, 8 тыс. корпусов авиабомб, 3665 головок к снарядам, 466 тыс. корпусов гранат, 18 тыс. корпусов мин, 13110 мин, 900 тыс. взрывателей, 125 минометов, 105 корпусов танка, 362 тыс. подшипников, 200 универсальных пулеметных станков³⁰. **Промышленные предприятия выполнили большое количество срочных фронтных заказов без**

снижения государственного плана, за счет дополнительных усилий рабочих и инженеров. От войск поступали заказы на ремонт боевых машин, вооружения, изготовление электросварочных аппаратов, пароподогревателей, цепей противоскольжения для автомашин, окопных печей, запасных частей к танкам. По просьбе командования Сталинградского фронта авиационный завод (№ 292) изготовил 250 зенитных установок для пушек и пулеметов. Осенью 1942 г. на 51 предприятии Саратова было размещено производство изделий и инструментов, необходимых для наведения переправ через Волгу. За короткий срок было изготовлено 1 млн железных скоб, штырей и креплений, 230 т металлических поковок, 10 т болтов, свыше 100 тыс. топоров, лопат и кирок, 936 т цепей. За обеспечение строительства переправ коллективы заводов им. В. И. Ленина, судоремонтного и других получили благодарности от командования Донского и Сталинградского фронтов. В 1942 г. большинство фабрик и заводов области выполнили государственный план и произвели продукции на 23% больше, чем в 1941 г.³¹ За образцовое выполнение военных заказов в период Сталинградского сражения 229 работников промышленности области были награждены орденами и медалями.

Трудовой героизм саратовцев в годы Великой Отечественной войны

С первых дней войны труженики фабрик и заводов Саратова развернули неустойчивую деятельность по наращиванию выпуска военной продукции, повышению производительности труда и максимальному сокращению себестоимости выпускаемой продукции. Уже 2 июля 1941 г. в областной газете «Коммунист» появилось сообщение с котельного завода о выполнении рабочими Гаврилиным и Васильевым дневного производственного задания на 250–300%. Так родилось в городе движение «двухсотников» под девизом «Одну норму за себя, вторую – за товарища, ушедшего на фронт». Первым «тысячником», о котором узнали в Саратове, стал токарь авиационного завода № 292 Н. Шувалов, выработавший в ночь на 17 апреля 1942 г. 1778% задания³². Летом и осенью этого года движение «тысячников» получает распространение на предприятиях города. По подсчетам Д. П. Ванчинова, сделанным им на основании статистических и информационных партийных документов, на заводах и фабриках Саратова и Энгельса в 1943 г. насчитывалось свыше **39,5 тыс. стахановцев, ударников и двухсотников**³³.

Инициатором другого массового трудового патриотического движения – борьбы за звание комсомольско-молодежных фронтных бригад, работавших под девизом «В труде, как в бою!», стал в Саратове мастер авиационного завода

И. А. Самсонов. Бригада, возглавляемая им, уже в феврале 1942 г. получила звание фронтовой³⁴, а затем многие месяцы удерживала в соревновании переходящее Красное знамя. И. А. Самсонов в 1942 г. был награжден орденом Трудового Красного Знамени³⁵.

130 работников авиационного завода № 292 согласно Указу Президиума Верховного Совета СССР от 26 июля 1942 г. первыми в Саратове удостоились за свой труд высоких правительственных наград. Среди награжденных орденом Ленина следует назвать имя первой женщины-строгальщицы В. Н. Никольской, которая выполняла не менее 2,5 норм и подготовила десятки молодых рабочих. Этим же указом орденами и медалями награждались работники других саратовских предприятий авиационного комплекса: № 306 – кузнец Я. М. Малеванный, мастер М. Ф. Якименко, автоматчик М. Ф. Марунченко (всего 29 чел.); № 213 – мастер Ф. И. Иевлев, Е. В. Полестеров, И. О. Яворук (всего 64 чел.)³⁶.

Особо востребованной оказалась продукция авиационного завода в период великой битвы на Волге. В начале сентября 1942 г. ГКО распорядился увеличить производство самолетов-истребителей Як-1 и всю продукцию завода направлять исключительно Сталинградскому фронту. По воспоминаниям директора завода И. С. Левина, в это время были улучшены лётно-тактические данные самолета, увеличена его скорость, установлена на нем радиосвязь, за счет протектирования бензиновых баков и улучшения противопожарного оборудования повышена «живучесть» самолета, усилена бронезащита летчиков. Специально для 16-й воздушной армии по просьбе ее командующего генерала И. С. Руденко было организовано производство облегченных самолетов Як-1 для так называемой «свободной охоты». В период Сталинградской битвы завод работал на пределе своих производственных возможностей. У проходных завода устанавливались плакаты с надписью «Товарищ! Что бы ты сделал сегодня для героических защитников Сталинграда?». В сентябре и октябре 1942 г. на заводе была достигнута самая большая суточная и месячная сдача самолетов за годы войны (до 13 машин ежедневно). За три месяца – август, сентябрь, октябрь – 1942 г. завод изготовил и отправил на фронт на пять полков истребителей больше, чем за второе полугодие 1941 г. Производственный план 1942 г. заводом был выполнен к 11 декабря³⁷. Это оказалось возможным благодаря самоотверженному труду многотысячного коллектива предприятия.

Новые испытания ждал коллектив завода летом – осенью 1943 г. В ночь с 23 на 24 июня, делая один заход за другим, самолеты противника сбросили на территорию авиационного завода 30 фугасных и более 150 зажигательных авиабомб³⁸. В результате налета было разрушено более 70% производственных площадей, 60% оборудования, незавершенное производство, оснастка.

Почти три месяца главной задачей авиастроителей было восстановление разрушенных цехов. Но уже на пятые сутки из отвоеванных у огня агрегатов, деталей и узлов в разрушенных корпусах, в наспех построенных из фанеры шалашах, армейских палатках, аэродромных ангарах начались сборка и сдача самолетов. План сентября 1943 г. завод выполнил на 132,8% и снова завоевал переходящее Красное знамя ГКО³⁹. Вслед за этим завод стал переходить на производство более совершенной модели самолета-истребителя Як-3.

Подшипниковому заводу во второй половине войны, прежде всего, за счет трудовой самоотверженности рабочих и ИТР удалось выйти на ритмичное выполнение заказов оборонных предприятий. В январе 1943 г. за производственные успехи были награждены орденами и медалями 26 рабочих и служащих завода⁴⁰. В октябре 1944 г. еще были награждены 33 передовика этого предприятия⁴¹. На ГПЗ-3 к концу войны насчитывалось 70 молодежных бригад, 5 из них получили звание фронтовых. Лучшей не только на заводе, но во всей шарикоподшипниковой промышленности СССР являлась бригада цеха № 4, возглавляемая А. Е. Козловым⁴². В целом на предприятиях города почетное звание фронтовых носили более 500 молодежных бригад⁴³.

Как и на всех предприятиях города, на крекинг-заводе (завод № 416) имелось большое число тех работников, которые значительно перевыполняли нормы, в составе бригад боролись за звание фронтовых, неоднократно отмечались правительственными наградами. В частности, в январе 1944 г. их получили 29 чел.⁴⁴ Рационализаторские предложения в 1943–1944 гг. механика завода Н. Ф. Шурбина и других по усовершенствованию технологического процесса дало самую большую в отрасли экономию – 3 млн рублей⁴⁵. Но труд рабочих и служащих крекинг-завода примечателен в первую очередь тем, что им в силу специфики производства длительный период (летом – осенью 1942 г. и летом 1943 г.) приходилось работать с риском погибнуть в огне пожаров от возгорания нефтепродуктов во время вражеских бомбардировок.

Самоотверженно трудились не только работники крупных предприятий, но и труженики малых производств легкой промышленности. Так, на предприятиях управления обллегпрома в 1943 г. имелось около 3100 рабочих и служащих, из них 1926, т. е. почти две трети, являлись стахановцами и ударниками⁴⁶. На этих предприятиях насчитывались десятки рабочих, выполнявших по 5–6 норм и являвшихся активными рационализаторами. Так, за внедрение в производство новых методов обработки изделий, давших высокий рост производительности труда, стахановка швейной фабрики № 3 Н. Н. Цицина в 1943 г. была награждена орденом «Знак Почета»⁴⁷.

В связи с ростом энергоемкости промышленности и прекращением поступления угля из Дон-

басса в Саратове в конце 1941 г. возник топливный кризис. Во многом его удалось разрешить благодаря сооружению методом народной стройки в сентябре – октябре 1942 г. 18-километрового газопровода от месторождений у с. Елшанка до СарГРЭС. В дальнейшем газовая отрасль быстро развивалась. К примеру, если в 1942 г. работало всего три скважины, давшие 10 тыс. т газа, то в 1944 г. действовало уже 19 скважин и было добыто более 250 тыс. т горючего⁴⁸. Осенью 1943 г. была проложена вторая ветка газопровода от Елшанки, что позволило в необходимых объемах газ получать крупным предприятиям Саратова. В 1944 г. по решению ГКО началось строительство газовой магистрали Саратов–Москва. Всего к концу войны в Саратов поступило 900 млн куб. м газа, что было эквивалентно 775 тыс. т каменного угля⁴⁹.

За период Сталинградского сражения саратовскими железнодорожниками было доставлено в районы военных действий около 300 тыс. вагонов с войсками и грузами. За время боев на железнодорожные коммуникации области было сброшено более 90 тыс. бомб⁵⁰. Саратовские железнодорожники в дни Сталинградской битвы, находясь нередко в условиях боевой обстановки, прилагали поистине героические усилия, чтобы быстрее доставлять эшелоны к фронту. В целях повышения коммуникационной емкости области в 1942 г. осуществлялось усиление линий Урбах–Астрахань, Ершов–Пугачев, Анисовка–Урбах, Урбах–Илецк, по которым направлялось большинство грузов и войск для Сталинградского фронта, и сооружался участок Саратов–Сталинград роккадной железной дороги, протяженностью более 300 км. В августе–сентябре 1942 г. новая железная дорога, проходившая вдоль берега Волги, вступила в строй и позволила значительно увеличить воинские перевозки, усилить маневрирование составов, а впоследствии имела важное народнохозяйственное значение. Форсированное строительство железной дороги Саратов–Сталинград в военных условиях – это также особая страница жертвенных усилий саратовцев во имя победы. Помимо военных строителей и заключенных Приволжского ИТЛ, в холод и зной на строительные работы по трассе дороги выходили более 3,5 тыс. жителей города⁵¹.

Большие объемы перевозок в навигацию 1942 г. на Волге были осуществлены саратовскими речниками (относились к Средне-Волжскому речному пароходству). На пароходах, баржах и дощаниках под Сталинград доставлялись воинские грузы, а обратным рейсом вывозились промышленное оборудование, раненые, эвакуированные. С августа 1942 г. и до конца навигации работа речников происходила в условиях минирования фарватера и под воздействием вражеской авиации. Особенно отличились команды пароходов «Баранов», «Чехов», «Решительный» и баркаса «Свобода». Для защиты от воздушного нападения на судах, приписанных к Саратовской пристани,

было установлено 64 зенитных орудия и 239 пулеметов⁵². В ходе боев 12 саратовских пароходов и баржей были потоплены вражеской авиацией вместе с экипажами.

Саратовцы явились одними из зачинателей массового народного движения в конце 1942 г. по сбору средств на закупку военной техники. 1 ноября 1942 г. колхозники артели «Сигнал революции» пригородного Ворошиловского (ныне Саратовского) района вынесли решение собрать деньги на самолет для Сталинградского фронта. Им стал Як-1 — первый именной самолет фронту. Откликаясь на этот почин, колхозники области уже в ноябре 1942 г. внесли из своих личных сбережений 25 млн 834 тыс. руб., приобрели и передали представителям командования Сталинградского фронта 152 самолета. Движение охватило и другие слои населения области, предприятия, учреждения и организации. Целевые взносы шли как на отдельные самолеты, так и на целые эскадрильи. Коллектив Саратовского подшипникового завода внес в Госбанк на постройку самолетов 909 тыс. руб., артисты оперного театра им. Н. Г. Чернышевского – 815 тыс., научные работники института земледелия Юго-Востока – 500 тыс., учителя школ области – 1122 тыс. руб. 11 декабря 1942 г. секретарь обкома ВКП (б) П. Т. Комаров сообщил И. В. Сталину, что трудящиеся Саратовской области собрали на строительство боевых самолетов в помощь Сталинградскому фронту 33,5 млн руб.⁵³ Новый этап движения в области и стране связан с почином колхозника из села Степное Ново-Покровского района Ф. П. Головатого, который 15 декабря 1942 г. внес в фонд обороны 100 тыс. руб. и персонально заказал на них боевой самолет для Сталинградского фронта. До конца войны жители области на приобретение боевой техники внесли 270 млн руб. На собранные саратовцами средства завод № 292 изготовил для фронта 1520 самолетов⁵⁴, из которых около 100 являлись именованными, врученными на авиационном заводе известным советским летчикам.

Территория Саратовской области явилась крупнейшей лечебной базой сталинградских фронтов. К июлю 1942 г. здесь в составе Управления местного эвакуационного пункта (УМЭП-45) было развернуто и работало 77 госпиталей на 48262 койки, что составляло 8,5% от коечного фонда внутреннего тылового района страны⁵⁵. Из указанного общего количества эвакуогоспиталей 31 госпиталь находился непосредственно в Саратове. В городе под госпитали были переданы лучшие здания: школы, зооветинститут, пединститут, гостиницы «Астория», «Московская» и др.

Во время Сталинградской битвы наполнение саратовских госпиталей (к октябрю 1942 г. коечный фонд был увеличен до 52 тыс.) ранеными вдвое превышало оптимальные расчеты, а на одного врача приходилось до 100 и даже 200 раненых и больных. Об интенсивности притока раненых в разгар боев под Сталинградом

свидетельствуют следующие данные. В ноябре 1942 г. в госпитали Саратова и области поступило 19 санитарных летучек, каждая по 1800 чел., а в глубокий тыл отсюда было направлено 16 военно-санитарных поездов, по 500 раненых и больных, в декабре 1942 г. соответственно 40 санлетучек и 18 санпоездов⁵⁶. В общей сложности во второй половине 1942 г. в саратовские госпитали поступили 220782 раненых и больных, а эвакуированы 78434 чел.⁵⁷

Большую роль в организации работы госпиталей и лечении раненых и больных внесли преподаватели Саратовского медицинского института. Главным хирургом эвакогоспиталей являлся профессор С. Р. Миротворцев, главным терапевтом – Л. А. Варшамов, главным невропатологом – К. Н. Третьяков. Почти каждый госпиталь имел у себя профессоров различных специальностей. В необходимых случаях высококвалифицированная помощь оказывалась путем выездов в районы профессоров С. Х. Архангельского, Н. В. Захарова, Н. И. Краузе, М. П. Кутанина, П. Н. Николаева, А. А. Оглоблина, Л. С. Шварца, В. М. Угрюмова и др. В Саратове и области была налажена шефская помощь госпиталям со стороны предприятий, учреждений и учебных заведений. Она выразилась в снабжении госпиталей топливом и инвентарем, уходе за ранеными, стирке белья, выступлении с концертами и др. Постоянный рост числа доноров способствовал успешной работе «службы крови». Если в июле 1942 г. госпиталям области было отпущено 70,2 л донорской крови, то в декабре 1942 г. – 254,9 л, а в апреле 1943 г. – 289 л⁵⁸. Госпитали Саратовской области во время войны осуществили прием 634304 чел., эвакуацию 150408 раненых и больных в глубокий тыл, лечение 483896 чел. и выписку из них в часть и кратковременный отпуск 344325 чел., или 71,14%, что признано специалистами весьма высоким показателем⁵⁹. За особый вклад в лечение советских воинов указом Президиума Верховного Совета СССР от 1 марта 1944 г. **орденом Красной Звезды** был награжден **Саратовский военный госпиталь № 360**⁶⁰.

После разгрома гитлеровских войск на Нижней Волге в Саратовской области возникло движение по созданию фонда восстановления Сталинграда. За короткий срок саратовцы внесли в него 6,5 млн руб.⁶¹, и уже 20 марта 1943 г. специальная делегация доставила городу-герою железнодорожный эшелон со строительными материалами. В дальнейшем многие промышленные предприятия города и области выполняли задания по производству строительных материалов, промышленного оборудования для возрождения хозяйства Сталинградской области. Тысячи саратовцев, организованных в строительные отряды и бригады, выезжали на восстановительные работы.

За военный период вузы Саратова выпустили более 6 тыс. специалистов⁶². Кроме того, ученые

города выполнили большое количество практических разработок в интересах промышленности и армии. В конце 1941 г. при Саратовском госуниверситете было создано бюро технической помощи и консультации под руководством профессора Б. А. Можаровского. Так, на кафедре химии СГУ (заведующий профессор Я. Я. Додонов) было изготовлено 20 походных лабораторий для Донского фронта. Здесь же были изобретены эффективные смеси для борьбы с тяжелыми немецкими танками. За весь военный период СГУ выполнил более 1 тыс. анализов для предприятий, завершил более 500 практических исследований, дал более 1,5 тыс. научно-технических заключений и провел более 2 тыс. консультаций по новейшим изобретениям. За крупные научные открытия и достижения группа научных работников университета – профессора А. М. Лукьяненко, Б. А. Можаровский, Н. И. Усов, В. В. Челинцев, П. В. Голубков и другие в ноябре 1944 г. была награждена орденами⁶³. Кафедра автомобилей и двигателей автодорожного института (ныне Саратовский технический университет) во главе с доцентом Г. К. Бутовским создала новую аппаратуру, позволявшую перевести автомобили на твердое топливо и природный газ. По заданию Генштаба Красной Армии кафедра мостов и строительства дорог обследовала и представила заключение по 250 искусственным сооружениям и объектам края. Практическое применение имела работа доцента Бойницкого в области маскировки автомашин, автоколонн, эшелонов, военных объектов.

Свой значительный вклад в победу над врагом внес коллектив Ленинградского университета, эвакуированный в Саратов. Советская страна высоко оценила деятельность старейшего университетского коллектива. 21 февраля 1944 г. Президиум Верховного Совета СССР в связи со 125-летием со дня основания ЛГУ принял Указ о его награждении орденом Ленина, о чем было объявлено на торжественном заседании в Саратовском театре оперы и балета. Одновременно была награждена и группа профессоров, преподавателей и сотрудников ЛГУ орденами и медалями Советского Союза. Орденом Ленина были награждены 5 чел. Ордена Трудового Красного Знамени были удостоены 15 чел., ордена «Знак почета» – 17, медали «За трудовую доблесть» – 5 чел. и медали «За трудовое отличие» – 5 чел.⁶⁴

В тяжелых военных условиях педагогические коллективы саратовских школ сделали все возможное, чтобы обеспечить выполнение закона о всеобщем труде 22 работников просвещения Саратова в январе 1945 г. был отмечен орденами и медалями. Орденом Ленина была награждена учительница средней школы № 3 Мария Александровна Недельская, орденами Трудового Красного Знамени – учителя средней школы № 19 Дугина Надежда Петровна и Загрекова Наталья Александровна, учительница средней школы № 9 Левкова Надежда Александровна,

учительница семилетней школы № 28 Юдина Надежда Савельевна⁶⁵.

В целом заводы, фабрики и один из госпиталей Саратова 10 раз награждались орденами за вклад в Победу в Великой Отечественной войне, 94 раза им присуждались знамена ГКО, ЦК ВКП (б) и ВЦСПС. 3500 рабочих, инженеров, руководящих работников промышленности области были награждены орденами и медалями. После окончания войны около 20 тыс. чел. награждены медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.»⁶⁶.

Сохранение памяти о трудовой доблести саратовцев в годы Великой Отечественной войны

В Саратове свято хранят память о тех людях, которые с оружием в руках защищали Родину и самоотверженно трудились в тылу для достижения Великой Победы. Еще 26 сентября 1977 г. на проспекте Энтузиастов у проходной авиационного завода был открыт памятник «Героям фронта и тыла». Этот монумент, выполненный в виде высокой стелы и самолета-истребителя. Надпись на постаменте гласит: «Самолёт Як-3 установлен в честь советских лётчиков и коллектива трижды орденоносного Саратовского авиационного завода, выпускавшего эти истребители в годы Великой Отечественной войны».

Памятники Героям фронта и тыла расположены также на улице 1-я Детская, дом 36/40; у здания администрации Заводского района в сквере 70-летия Победы; в Ленинском районе, на 6-м квартале, в сквере Победы; у административного железнодорожного здания по адресу 1-й Станционный проезд, дом 14; памятники труженикам тыла – в Парке Победы у входа в Музей трудовой славы и в сквере на 2-й Садовой улице, между улицами Серова и Симбирцева.

Увековечение памяти тружеников тыла также выражается в установлении мемориальных досок. Так, на здании Саратовского нефтеперерабатывающего завода размещена мемориальная доска, свидетельствующая о том, что завод «За заслуги в обеспечении Советской армии и Военно-морского флота в годы Великой Отечественной войны награжден орденом Отечественной войны I степени. На вечное хранение передано Знамя Государственного Комитета Обороны», а на доме № 12 по ул. Челюскинцев помещена мемориальная доска с надписью: «В этом здании размещался Президиум Верховного Совета РСФСР, эвакуированный в город Саратов в октябре 1941 года».

30 мемориальных досок в Саратове рассказывают жителям о госпиталях, располагавшихся в областном центре в годы Великой Отечественной войны. В Дни воинской славы и к памятным датам Российской Федерации у зданий с мемориальными досками проводятся митинги и мероприятия патриотической направленности.

Имена людей, совершивших беспримерный подвиг в тылу, вносятся в Книгу Памяти Саратовской области. Память о тружениках тыла сохраняется в наше время во многих школах и на предприятиях, где открыты комнаты боевой и трудовой славы. Именами героев – тружеников тыла – названы улицы Саратова (И. П. Бардин, В. Н. Мамонтова и др.).

В Саратове активно идет процесс реконструкции архитектурных памятников и создания новых музеев. При активном участии всех жителей области был реализован масштабный проект по созданию Музея трудовой славы в Парке Победы. В нем находятся артефакты, свидетельствующие о трудовой доблести жителей Саратовского края, внесших значительный вклад в Победу в Великой Отечественной войне, развитие экономики региона, сельского хозяйства, науки, образования, здравоохранения и культуры.

Саратовский историко-патриотический комплекс «Музей боевой и трудовой славы» в деле сохранения исторического наследия работает в партнерстве с различными государственными структурами, общественными организациями. Ежегодно более 250 тыс. чел. знакомятся с его экспозициями и выставками, становятся участниками мероприятий.

Сегодня Саратовский историко-патриотический комплекс «Музей боевой и трудовой славы», памятник-ансамбль «Журавли», Парк Победы – единый музейный мемориальный комплекс. Здесь проходят городские мероприятия и встречи, сюда идут люди, чтобы прикоснуться к священным реликвиям боевой и трудовой доблести и славы.

Таким образом, саратовцы – труженики промышленных предприятий, транспорта и связи, госпиталей и других учреждений – проявили в суровые годы Великой Отечественной войны массовый трудовой героизм, за что целый ряд заводов, особо выделявшихся в обеспечении бесперебойного производства военной и гражданской продукции, были удостоены государственных наград и переходящих Красных знамен Государственного Комитета Обороны, а тысячи особо отличившихся работников были награждены орденами и медалями. Все это позволяет городу Саратову претендовать на получение почетного звания «Город трудовой доблести».

Тем более, что Саратов как ближайший военно-промышленный, логистический, лечебный центр сыграл исключительную роль в исходе Сталинградской битвы.

Кроме того, Саратов в отличие от большинства других крупных промышленных городов находился в зоне действия вражеской бомбардировочной авиации, наносившей предприятиям Саратова серьезный урон, что требовало масштабных восстановительных работ при необходимости безусловного выполнения плановых заданий, зачастую с риском для жизни.

Надо иметь в виду и то, что в начальный и самый тяжелый период Великой Отечественной войны осенью 1941 г. в г. Саратов были эвакуированы высшие органы государственной власти и управления РСФСР, и тем самым в течение нескольких месяцев город фактически выполнял столичные функции крупнейшей союзной республики.

27 марта 2020 г. РАН в своем экспертном заключении о наличии оснований для присвоения почетного звания Российской Федерации «Город трудовой доблести» г. Саратову подтвердила, что его промышленные предприятия и жители внесли значительный вклад в достижение Победы в Великой Отечественной войне.

2 июля 2020 г. состоялось заседание Российского организационного комитета «Победа». На заседании В. В. Путин указал, что инициатива по учреждению почетного звания «Город трудовой доблести» получила поистине всенародную поддержку и позволила по-особому подчеркнуть самоотверженный подвиг тружеников тыла, беспрецедентную, героическую по своим масштабам, по организации, по силе воли, духа людей эвакуацию из прифронтовых районов 25 млн чел. и почти 3 тыс. предприятий. Президент отметил, что в соответствии с порядком присвоения звания «Город трудовой доблести», установленным Федеральным законом, заявки в Российский оргкомитет «Победа» поступили от 28 городов⁶⁷.

Как доложила на заседании Е. П. Малышева, декан факультета архивного дела РГГУ, проанализировав большой объем очень разных исторических источников, специалисты пришли к выводу, что порядка 70 российских городов могут претендовать на получение почетного звания. В процессе рассмотрения 28 поданных заявок были изучены архивные документы как федеральных, так и региональных архивов именно на предмет соответствия тем основаниям, которые предусмотрены законом.

По итогам экспертизы, отметила Е. П. Малышева, у всех городов подтверждено наличие предприятий, которые в годы войны были награждены орденами и Красными знаменами Государственного Комитета Обороны. Во всех городах есть документально подтвержденные факты трудового подвига. По результатам работы можно говорить о неких лидерах, рейтинге, который включает в себя города, имеющие наибольшие заслуги и обладающие наибольшим количеством орденов. Среди них первым выступает Нижний Новгород, затем Екатеринбург, Самара, Пермь, Челябинск, Саратов, Нижний Тагил, Омск, Казань и Новосибирск. Все эти города занимали свою нишу в оборонной промышленности, но по объёму производства, по масштабу производимой продукции равных им не было, отметила Е. П. Малышева⁶⁸. Каждый из этих городов представлял собой ведущий центр оборонной промышленности. Во многом они, конечно, сложились на базе эвакуированных

предприятий, и благодаря этому, здесь сформировались флагманские производства, которые обеспечивали нашу Победу. Помимо этих центров, Е. П. Малышева попросила обратить внимание на Ярославль – город, который не имеет орденов, но был награжден 17 переходящими красными знаменами, и предложила рассмотреть вопрос о возможности присвоения почетного звания всем 11 городам⁶⁹. В свою очередь участвовавший в заседании оргкомитета А. А. Турчак выступил с предложением присвоить почетное звание еще 9 городам: Магнитогорску, Ижевску, Уфе, Ульяновску, Томску, Иркутску, Иваново, Новокузнецку и Боровичи Новгородской области. Академик-секретарь отделения историко-филологических наук РАН В. А. Тишков подтвердил, что на все городокандидаты Академией наук даны положительные заключения.

Подводя итоги заседания оргкомитета, В. В. Путин поблагодарил участников заседания и ученых РАН за серьезную научную проработку вопроса о присвоении звания «Город трудовой доблести», отметив, что это большой труд и большая ответственность – скрупулезно проанализировать такой объем исторических материалов, статистических сведений. По мнению Президента, ничто не препятствует реализации предложений присвоить почетные звания «Город трудовой доблести» сразу 20 городам. Аргументы здесь очевидны и убедительны и полностью соответствуют порядку и критериям Федерального закона. Глава государства пообещал подписать все необходимые документы в самое ближайшее время.

В тот же день был опубликован Указ Президента о присвоении почетного звания Российской Федерации «Город трудовой доблести». В нем говорится: за значительный вклад жителей городов в достижение Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов, обеспечение бесперебойного производства военной и гражданской продукции на промышленных предприятиях, проявленные при этом массовый трудовой героизм и самоотверженность присвоить почетное звание Российской Федерации «Город трудовой доблести» г. Боровичи, г. Екатеринбург, г. Иваново, г. Ижевску, г. Иркутску, г. Казани, г. Магнитогорску, г. Нижний Новгород, г. Нижний Тагил, г. Новокузнецку, г. Новосибирску, г. Омску, г. Перми, г. Самаре, г. Саратову, г. Томску, г. Ульяновску, г. Уфе, г. Челябинску, г. Ярославлю⁷⁰.

Примечания

- 1 См.: Заседание Российского организационного комитета «Победа» 11.12.2019. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/62293> (дата обращения: 27.07.2020).
- 2 См.: Пояснительная записка к законопроекту (Комитет Государственной Думы по труду, социальной политике и делам ветеранов). URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/861560-7> (дата обращения: 27.07.2020).

- ³ См.: Итоги 63-го внеочередного заседания Саратовской городской Думы. 12.03.2020. URL:http://saratovduma.ru/news/index.php?ELEMENT_ID=7083 (дата обращения: 27.07.2020).
- ⁴ См.: Государственный архив новейшей истории Саратовской области (ГАНИСО). Ф. 594. Оп. 1. Д. 3180. Л. 189 (об); *Ванчинов Д. П.* Саратовское Поволжье в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.). Саратов : Изд-во Сарат. ун-та, 1976. С. 47.
- ⁵ См.: Государственный архив Саратовской области (далее – ГАСО). Ф. Р-461. Оп. 4. Д. 11. Л. 81.
- ⁶ См.: ГАСО. Ф. Р-1738. Оп. 2. Д. 1651. Л. 935; Ф. Р-2052. Оп. 13. Д. 17а. Л. 4; Д. 228. Л. 2; Ф. Р-2650. Оп. 1. Д. 239. Л. 16.
- ⁷ См.: Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 644. Оп. 1. Д. 12. Л. 113.
- ⁸ См.: Центральный архив Министерства обороны РФ (далее – ЦАМО). Ф. 157. Оп. 12787. Д. 6. Л. 30–38; Ф. 343. Оп. 5438. Д. 4. Л. 230; Ф. 30023. Оп. 1. Д. 37. Л. 132; Ф. 30020. Оп. 1. Д. 8-12. Л. 30.
- ⁹ См.: ГАНИСО. Ф. 594. Оп. 2. Д. 1-4.
- ¹⁰ См.: ЦАМО. Ф. 157. Оп. 12790. Д. 259.
- ¹¹ См.: *Фролов Г. В.* Не подлежит забвению // Этот день Победы. Саратов : Слово, 2000. С. 252.
- ¹² См.: Сталинградская битва. Июль 1942 – февраль 1943 : Энциклопедия. Волгоград : Издатель, 2007. С. 341.
- ¹³ См.: ГАСО. Ф. Р-3373. Оп. 1. Д. 83. Л. 2.
- ¹⁴ См.: *Ванчинов Д. П.* Саратовское Поволжье в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.). С. 289.
- ¹⁵ Подсчитано по : ГАСО. Ф. Р-3373. Оп. 1. Д. 10. Л. 21.
- ¹⁶ Там же. Л. 4; ГАНИСО. Ф. 30. Оп. 11. Д. 12. Л. 15.
- ¹⁷ См.: ГАНИСО. Ф. 30. Оп. 27. Д. 39. Л. 45.
- ¹⁸ Там же. Ф. 594. Оп. 1. Д. 2904. Л. 6.
- ¹⁹ Там же. Д. 3180. Л. 189.
- ²⁰ См.: ГАСО. Ф. Р-2485. Оп. 1. Д. 2018. Л. 14.
- ²¹ Там же. Ф. Р-2052. Оп. 13. Д. 28. Л. 7.
- ²² См.: История отечественной авиапромышленности. Серийное самолетостроение, 1910-2010 / под общ. ред. Д. А. Соболева. М. : РУСАВИА, 2011. С. 204, 222.
- ²³ См.: Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). Ф. Р-5451. Оп. 26; ГАНИСО. Ф. 594; Ф. 6729.
- ²⁴ См.: ГАНИСО. Ф. 594. Оп. 1. Д. 3177. Л. 52.
- ²⁵ Там же. Д. 3361. Л. 50; Д. 3701. Л. 189; Д. 4432. Л. 33.
- ²⁶ Там же. Д. 4380. Л. 15об.
- ²⁷ Там же. Д. 4280. Л. 38; Коммунист (Саратов). 1945. 21 апр.
- ²⁸ См.: РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 88. Д. 504. Л. 20, 37, 38; ГАНИСО. Ф. 594. Оп. 1. Д. 2938. Л. 20, 21; Ф. 30. Оп. 14. Д. 4. Л. 28; Оп. 15. Д. 23. Л. 1.
- ²⁹ См.: *Ванчинов Д. П.* Саратовское Поволжье в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.). С. 87.
- ³⁰ См.: ГАНИСО. Ф. 594. Оп. 1. Д. 2733. Л. 18–20.
- ³¹ См.: Очерки истории Саратовской организации КПСС : в 3 ч. Ч. 3 : 1938–1980 / А. С. Динес, В. Д. Пацула, А. П. Казачкова [и др.]. Саратов : Приволж. кн. изд-во, 1982. С. 46–47.
- ³² См.: Коммунист (Саратов). 1942. 24 апр.
- ³³ См.: *Ванчинов Д. П.* Саратовское Поволжье в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.). С. 104.
- ³⁴ См.: ГАНИСО. Ф. 4158. Оп. 7. Д. 145. Л. 11; Заводская правда. 1942. 7 февр. (многотиражка Авиационного завода).
- ³⁵ См.: ГАНИСО. Ф. 594. Оп. 1. Д. 3915. Л. 7.
- ³⁶ Там же. Л. 7–11.
- ³⁷ См.: *Левин И. С.* Грозные годы. Саратов : Приволж. кн. изд-во, 1984. С. 108.
- ³⁸ См.: ГАСО. Ф. Р-3373. Оп. 1. Д. 21. Л. 24.
- ³⁹ См.: *Левин И. С.* Указ. соч. С. 128.
- ⁴⁰ См.: ГАСО. Ф. Р-1738. Оп. 1. Д. 212а. Л. 60, 61.
- ⁴¹ См.: Коммунист (Саратов). 1944. 4 нояб.
- ⁴² См.: *Ванчинов Д. П.* Саратовское Поволжье в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.). С. 109.
- ⁴³ См.: *Саградьян М. О.* Саратовская областная комсомольская организация в период Великой Отечественной войны Советского Союза (1941–1945 гг.): дис. ... канд. ист. наук. Саратов, 1953. С. 13.
- ⁴⁴ См.: ГАСО. Ф. Р-1738. Оп. 1. Д. 212 а. Л. 151, 152.
- ⁴⁵ См.: Большевицкий путь. 1943. 17 февр. (многотиражка крекинг-завода).
- ⁴⁶ См.: ГАСО. Ф. Р-2159. Оп. 9. Д. 34. Л. 5; Д. 32. Л. 8.
- ⁴⁷ Там же. Д. 43. Л. 5.
- ⁴⁸ См.: *Ванчинов Д. П.* Военные годы Поволжья (1941–1945). Саратов : Изд-во Сарат. ун-та, 1980. С. 84; РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 44. Д. 1183. Л. 16.
- ⁴⁹ См.: ГАНИСО. Ф. 594. Оп. 1. Д. 726. Л. 16.
- ⁵⁰ См.: Сталинградская битва. Июль 1942 – февраль 1943 : Энциклопедия / гл. ред. М. М. Загоруйко [и др.]. Волгоград : Издатель, 2017. С. 339.
- ⁵¹ См.: ГАНИСО. Ф. 594. Оп. 1. Д. 3007. Л. 8.
- ⁵² См.: Советский речной транспорт в Великой Отечественной войне. М. : Воениздат, 1981. С. 182.
- ⁵³ См.: *Ванчинов Д. П.* Саратовское Поволжье в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.). С. 198.
- ⁵⁴ См.: Саратовская область в годы Великой Отечественной войны. (1941–1945 гг.). Архивные документы. Саратов : Изд-во губерн. торгово-пром. палаты, 2005. С. 4; Саратовское Поволжье в панораме веков : история, традиции, проблемы : материалы IX межрегиональных науч. краеведческих чтений (Саратов, 7–8 апреля 2000 г.) / отв. ред. Е. К. Максимов. Саратов : Изд-во Сарат. ун-та, 2000. С. 524.
- ⁵⁵ См.: Архив военно-медицинского музея (АВММ). Ф. 310/294. Оп. 4500. Д. 2. Л. 1–55.
- ⁵⁶ См.: ГАНИСО. Ф. 594. Оп. 1. Д. 2745. Л. 25–39.
- ⁵⁷ См.: Доклады Академии военных наук. № 3 (15). Саратов : Академия военных наук. Приволжское отд., 2005. С. 149.
- ⁵⁸ Сталинградская битва. Июнь 1942 – февраль 1943 : Энциклопедия. С. 340.
- ⁵⁹ АВММ. Ф. 310/294. Оп. 6227. Д. 1. Л. 1–85; Оп. 4500. Д. 2. Л. 1–55; Оп. 4591. Д. 6. Л. 1–36; Ф. 261. Оп. 71426. Д. 1, Л. 7–67; Д. 3-к-1. Л. 1–156; Д. 6-к. Л. 1–144; Д. 7-к. Л. 1–65.

- ⁶⁰ ГАРФ. Ф. 7523. Оп. 4. Д. 216. Л. 4.
- ⁶¹ ГАНИСО. Ф. 30. Оп. 14. Д. 62. Л. 2.
- ⁶² Ванчинов Д. П. Саратовское Поволжье в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.). С. 167.
- ⁶³ ГАСО. Ф. Р-1738. Оп. 1. Д. 212а. Л. 206.
- ⁶⁴ Ежов В. А., Мавродин В. А. Ленинградский университет в годы Великой Отечественной войны. Л. : Изд-во Ленингр. ун-та, 1975. С. 75.
- ⁶⁵ ГАСО. Ф. Р-1738. Оп. 1. Д. 212 а. Л. 235–236 ; Коммунист (Саратов). 1945. 7 янв.
- ⁶⁶ Саратовская область за 70 лет / А. А. Хомяков, Б. Л. Бенцман, И. М. Герман [и др.]. Редкол. Ю. Д. Баранов и др. Саратов : Приволж. кн. изд-во, 1987. С. 91 ; Очерки истории Саратовской областной организации КПСС. Ч. 3 (1938–1980). С. 58.
- ⁶⁷ Заседание Российского организационного комитета «Победа» 02.07.2020. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/63591> (дата обращения: 28.07.2020).
- ⁶⁸ Там же.
- ⁶⁹ Там же.
- ⁷⁰ Указ Президента Российской Федерации «О присвоении почётного звания Российской Федерации «Город трудовой доблести» от 2 июля 2020 г. № 444. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202007020031> (дата обращения: 28.07.2020).

Образец для цитирования:

Голуб Ю. Г., Данилов В. Н. Саратов – город трудовой доблести // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. История. Международные отношения. 2020. Т. 20, вып. 4. С. 424–436. DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2020-20-4-424-436>

Cite this article as:

Golub Yu. G., Danilov V. N. Saratov – the City of Labor Valour. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. History. International Relations*, 2020, vol. 20, iss. 4, pp. 424–436 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2020-20-4-424-436>

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ

УДК 930.2

К вопросу о развитии источниковой базы исторической науки в России в 40–60-х годах XIX века

А. В. Афонюшкина

Афонюшкина Анна Викторовна, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории зарубежных стран и востоковедения, Воронежский государственный университет, afonyushkina.a@yandex.ru

В статье рассматривается политика правительства России в области публикации исторических источников в XIX в., проявившаяся в отношении к издательской деятельности Общества истории и древностей российских при Московском университете. Правительственная политика и деятельность в области науки являлись мощнейшим средством воздействия на российское общество. Гуманитарные науки и в особенности – историческая, ощущали правительственный контроль в наибольшей степени, поскольку предмет изучения и преподавания давал материал для идеологической работы самодержавной власти и правительства. Автор приходит к выводу о том, что вмешательство в научные дела не было и не могло быть неограниченным. Оно сталкивалось со стремлением университетов противостоять административному диктату, отстаивая потребности изучения отечественного и зарубежного прошлого.

Ключевые слова: правительственная политика, историческая наука, Общество истории и древностей российских, Министерство народного просвещения, Московский университет, административный диктат, российская научная мысль, исторический источник, публикация переводов, «вредные» книги, цензура.

Поступила в редакцию: 26.04.2020 / Принята: 01.07.2020 / Опубликовано: 21.12.2020

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

On the Problem of Development of Source Base on History in Russia in the Middle of the 19th Century

A. V. Afonushkina

Anna V. Afonushkina, <https://orcid.org/0000-0003-4080-0275>, Voronezh State University, 88 Moskovsky Ave., Voronezh 394018, Russia, afonyushkina.a@yandex.ru

The article is concerned with the government policy in the field of publication of scientific origins connected with activities of Russian Historical association in Moscow University. The government activity in scientific sphere was connected with ideology. Ministry of enlightenment tried to prohibit publication of 'harmful' books. The author concludes that government interference into scientific affairs could not be unlimited. Russian university scientists protested against administrative influence into development of science and publication of historical sources.

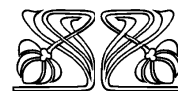
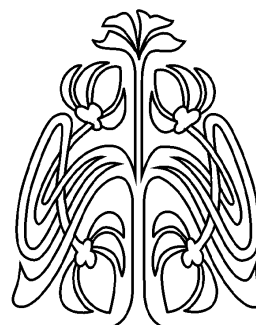
Keywords: government policy, History, Russian Historical association, Moscow University, administrative influence, ministry of enlightenment, Russian scientific thought, historical source, publication of translations, «harmful» books, censorship.

Received: 26.04.2020 / Accepted: 01.07.2020 / Published: 21.12.2020

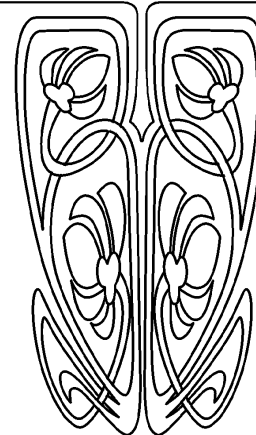
This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2020-20-4-437-444>

Деятельность правительства России являлась неременным условием существования науки в стране в XIX–начале XX в. Политика правительства не только оказывала влияние на ход научных исследований,

НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ

но и отражала попытки направить развитие науки в нужное самодержавию русло, скорректировать внутренние закономерности и потребности этого развития. Если рассматривать систему образования как часть научной жизни, не только как поставщика для науки ее носителей – ученых и преподавателей, но и как совокупность форм научного просвещения и идейного воспитания населения, дифференцированных в зависимости от социальной принадлежности, то правительственная политика и деятельность в области науки выглядят мощнейшими средствами воздействия на российское общество. В наибольшей степени правительственный контроль ощущали гуманитарные науки, и в особенности – историческая, поскольку предмет изучения и преподавания – отечественное и зарубежное прошлое – давал материал для идеологической работы самодержавной власти и правительства.

Тема, вынесенная в заголовок настоящей статьи, одинаково важна для понимания таких областей отечественного дореволюционного прошлого, как история общества и государства и история науки. Правительственная политика и деятельность в отношении научной жизни страны и исторической науки рассматриваются в рамках середины и начала второй половины XIX в.

Политика правительства России в области публикации исторических источников в XIX в. рельефно проявилась в его отношении к издательской деятельности Общества истории и древностей российских при Московском университете. Дореволюционные авторы, специально занимавшиеся этой темой, затронули лишь столкновение правительства и Общества в попытке издать на русском языке сочинение Джайлса Флетчера о России XVI в.¹ Еще более узкий вопрос – историю перевода книги на русский язык – осветил А. А. Титов². Советские исследования, упоминающие об этой неудачной издательской попытке, немногочисленны³.

Изучение событий, в ходе которых публикация сочинения Дж. Флетчера пересеклась с правительственными интересами, дает возможность выяснить некоторые характерные черты управления исторической наукой в России.

В 1847 г. в деятельности Общества истории и древностей российских, существовавшего при Московском университете, появилось новое направление – «перевод с древних и новых языков иностранных сказаний о России и издание их»⁴. Инициатором этой работы был один из наиболее деятельных членов Общества, управляющий Московским главным архивом Министерства иностранных дел М. А. Оболенский, предложивший план «Об издании иностранных сочинений и актов о России в переводе и подлинниках»⁵. Предполагалось начать публикацию в «Чтениях» Общества иностранных источников по истории России в русских переводах с приложением оригиналов. В числе иностранцев, работы которых планирова-

лось издать, – С. Герберштейна, Я. Рейтенфельса, А. Олеария и других – значился и англичанин Джайлс (Джилс) Флетчер, книга которого о России времен Ивана IV и Федора Иоанновича вышла на английском языке в 1591 г. в Лондоне⁶. Общую редакционную подготовку публикаций поручили сотруднику Археографической комиссии, члену Общества Н. В. Калачову.

Основной технической работой по изданию трудов иностранных авторов должен был заниматься О. М. Бодянский, секретарь Общества и редактор его «Чтений», только что вступивший в должность ординарного профессора кафедры истории и литературы славянских наречий в Московском университете.

С одобрения и при поддержке председателя Общества С. Г. Строганова, занимавшего тогда пост попечителя Московского учебного округа, Бодянский намеревался напечатать сочинение полностью. Ранее книга Флетчера была известна в России по выпискам из нее, включенным Н. М. Карамзиным в «Историю государства Российского». По значимости и относительной достоверности сведений о России последней четверти XVI в. труд «умного путешественника» превосходил многие из известных русской общественности записок иностранцев⁷. В то же время в полном объеме сочинение Флетчера было недоступно ни деятелям науки, ни читающей публике. По одному экземпляру его английского подлинника хранилось в Московском главном архиве Министерства иностранных дел и в сборнике иностранных авторов библиотеки Румянцевского музея в Петербурге⁸. Поэтому московские историки, группировавшиеся вокруг Общества истории и древностей, прилагали усилия для перевода и публикации сочинения Флетчера. По новому цензурному уставу разрешалось печатать без изъятия «предосудительных мест» все, что относилось к истории России до воцарения Романовых. К тому же Общество, имевшее статус университетского, подлежало цензуре Совета университета.

Перевод книги Флетчера на русский язык был сделан с английского издания 1591 г., хранившегося в Московском главном архиве Министерства иностранных дел и был представлен М. А. Оболенским. Исследователи «дела Флетчера» долго считали, что управляющий архивом являлся и переводчиком текста, и только в 1910 г. С. А. Белокуров установил, что переводчиком был Д. И. Гиппиус – один из служащих, состоявший при архиве Комиссии печатания государственных грамот и договоров⁹.

Общество истории и древностей российских планировало поместить перевод сочинения Флетчера в отдел «Материалы иностранные» в «Чтениях», а английский подлинник «назначалось выпустить впоследствии»¹⁰.

Выпуск «Чтений в Обществе истории и древностей российских» с переводом сочинения Флетчера вышел в свет в сентябре 1848 г.¹¹ и по

традиции Общества был роздан присутствовавшим на первом после его выхода заседании действительным членам общества. В числе прочих получили его С. Г. Строганов, С. М. Соловьев и О. М. Бодянский. По подсчетам С. А. Белокурова, всего было отпечатано 965 оттисков труда Флетчера, в «Чтениях» была переплетена только часть их.

Далее произошло так, как объяснил в 1864 г. С. Г. Строганов: «Бывший в то время в Москве министр народного просвещения гр. Уваров, найдя в книге неодобрительные отзывы о русском правительстве и духовенстве, распорядился остановить выпуск и вырезать из книжки «Чтений» эту статью. И приказал запечатать сочинение Флетчера»¹².

Как вспоминал Бодянский, он «не более как через час получил от Уварова запрос: «Кто дозволил напечатание Флетчерова сочинения»? Получив ответ, что это сделано по распоряжению Строганова, министр вызвал секретаря Общества с только что вышедшей книжкой журнала. Последовало распоряжение немедленно «арестовать» выпуск сочинения, а розданные уже членам Общества экземпляры «Чтений» отобрать у них и присоединить к остальным. Аресту подверглись и подготовленные к печати листы английского подлинника. В продажу не поступило ни одного экземпляра сочинения Флетчера. Об инциденте Уваров доложил Николаю I¹³.

Из всех причастных к публикации труда Флетчера наказаны были только Бодянский и Строганов. Последнему император распорядился объявить строжайший выговор, что было сделано через московского генерал-губернатора А. А. Закревского. Строганов вынужден был оставить пост председателя Общества, подал в отставку и с постов попечителя учебного округа и председателя Московского цензурного комитета. Результатом «дела Флетчера» было подчинение издательской деятельности Общества по распоряжению императора общей цензуре.

Относительно Бодянского последовало распоряжение: «Уволить из редакторов и для пользы службы перевести в Казанский университет», а на его место в Москву перевести из Казани профессора В. И. Григоровича. Редактор «Чтений», по свидетельству современников, опасался, что его сошлют в Вологду или какое другое неуниверситетское место¹⁴.

Дореволюционные исследователи инцидента полагали, что факт издания сочинения Флетчера остался бы незамеченным и закончился без последствий для его организаторов, если бы не неприязненные взаимоотношения министра Уваровым и попечителя Строганова. А. В. Никитенко отметил, что в истории с Флетчером «Строганов, по выражению Гоголя, «нагадил» Уварову, Уваров – Строганову»: «Граф Уваров сбросил графа Строганова с места попечителя в Московском университете, Строганов отомстил ему в марте, представив государю записку о либерализме (ком-

мунизме и социализме), господствующем в цензуре и во всем Министерстве народного просвещения, так что граф Уваров сам едва удержался на месте»¹⁵. По свидетельству Ф. И. Буслаева, близко стоявшего к Строганову, последний совершенно не ладил с С. С. Уваровым, и если и держался на своем месте и что-то предпринимал по учебному округу и университету, то только лишь потому, что пользовался расположением Николая I и многое решал с ним лично. Именно таким образом Строганов письмом на имя императора «провалил» в 1847 г. подготовленный Уваровым проект нового устава университетов¹⁶.

В сентябре 1847 г. Уваров использовал против Строганова донос о выходе в Обществе «злонамеренного» сочинения. Ходили слухи, что авторами его были профессор Московского университета С. П. Шевырев и М. П. Погодин, приближенные к Уварову. Впоследствии биограф Погодина Н. П. Барсуков попытался снять с него это подозрение¹⁷. А. А. Титов допускал, что донос на Бодянского мог исходить и от И. П. Сахарова, у которого были намерения убрать профессора-слависта с руководящих постов в Обществе¹⁸. Наконец, подозревали члена Общества И. М. Снегирева¹⁹.

Неприязненные взаимоотношения влиятельных сановников империи не объясняют причин происшедшего. Их, как и донос на Общество, можно рассматривать лишь как повод к грубому вмешательству властей в жизнь авторитетного научного сообщества. Объяснением могут служить насаждаемые в стране идеология и внутривнутриполитическая линия, проводимая Министерством народного просвещения во второй половине 40-х гг. XIX в. С. С. Уваров, один из самых реакционных руководителей ведомства народного просвещения в дореволюционной России, известен и как один из творцов охранительной теории – «православие, самодержавие, народность»²⁰, под которую выстраивал руководимую им систему просвещения и науки в стране. Идеями единомышленниками Уварова были Шевырев и Погодин. Они усмотрели в публикации сочинения Флетчера посягательство на тщательно внедряемую охранительную идеологическую систему, в критике же английским путешественником церкви и управленческого аппарата конца XVI в. заметили покушение на основы самодержавия. Эпизод с «проступком» Общества рассматривался как наглядный урок русскому обществу. Высочайший вердикт по отношению к Бодянскому был принят тоже в духе и стиле официальной идеологии: его необходимо было наказать не просто как редактора «Чтений», а как одного из лидеров московской, да и общероссийской духовной жизни.

Бодянскому и Григоровичу предстояло поменяться местами службы, при этом первый проигрывал материально, так как жалование профессора провинциального университета в то время было ниже, чем столичного. В октябре

1848 г. новый попечитель Московского учебного округа Д. Г. Голохвастов предложил ректору университета Д. М. Перевощикову сделать распоряжение об отправлении Бодянского к месту нового назначения, с выдачей ему на издержки 300 руб. серебром. Поскольку перевод профессора был уже оформлен приказом министра, правление университета в Москве с 1 ноября 1848 г. перестало выдавать ему жалованье²¹.

Бодянский попытался напомнить правлению университета законодательство о стипендиатах, получающих казенное содержание во время подготовки к профессорскому званию за границей: они обязаны были прослужить по назначению министерства не менее 12 лет. Срок его обязательной службы как бывшего профессорского стипендиата в Московском университете истекал только в 1854 г. В ответ на это министр уведомил попечителя: «Принимая в уважение слабость его здоровья, для которого, по его словам, не вреден один только московский климат, я предоставляю ему право просить об увольнении вовсе от службы, причем, впрочем, должно быть представлено законное свидетельство и сохранена им обязанность дослужить 12-летний срок, когда состояние его здоровья позволит ему исполнить это там, где министерство признает полезным употребить его»²².

Бодянский понимал, что перевод его в Казань продиктован не потребностями университетского образования в России, а желанием правительства наказать его. В декабре 1848 г. он представил в университет медицинское заключение о болезни и подал прошение об отставке. Профессор просил назначить ему пенсию за службу с 1837 г.²³

2 января 1849 г. состоялось высочайшее повеление об увольнении Бодянского с оставлением за ним обязанности дослужить оставшиеся 6 лет по ведомству народного просвещения в будущем. Место его на кафедре истории и литературы славянских наречий занял В. И. Григорович. В Казанском университете образовалась вакантная кафедра. Даже вмешательство Строганова, взявшего на себя всю ответственность за публикацию труда Флетчера, не помогло сохранить Бодянского на профессорской должности в Москве.

После ухода из Общества Строганова Бодянский не мог занимать в нем должность секретаря. Новым председателем был избран А. Д. Чертков, секретарем – И. Д. Беляев.

На посту секретаря и редактора Общества Беляев, как свидетельствовал Погодин, оказался не лучшей заменой Бодянскому²⁴. Профессор-славист был человеком универсальных знаний, в равной степени разбирался в древней русской истории, истории славянских народов и их письменных памятниках. Беляеву не доставало и организаторских качеств Бодянского. После пронесшейся над Обществом грозы по подсказке нового попечителя учебного округа «Чтения», закончившись 23-м номером в 1848 г., не издавались,

вместо них с той же периодичностью (4 книги в год) выходил «Временник» Общества.

Григорович на месте Бодянского в Московском университете чувствовал себя очень неловко, лекций почти не читал, а в конце 1849 г., пользуясь тем, что оставленная им в Казани кафедра не была еще занята, вернулся на старое место службы. В том же году ушел в отставку министр Уваров, и Николай I, обещавший Строганову пересмотреть дело Бодянского, как только сменится руководство Министерства народного просвещения, снял опалу с профессора. 22 декабря 1849 г. ученый вернулся к профессорской деятельности в Москве²⁵. Советские исследователи считали, что после неудачи с книгой Флетчера Осип Максимович стал более осмотрительным, отошел от исторической проблематики и занимался главным образом славянскими языками²⁶.

Не дошедшая до читателей книга Флетчера в русском переводе и английском подлиннике лежала запечатанной в типографии Московского университета. Однако часть ее экземпляров все же попала в частные руки. Не возвратил книжку «Чтений» с сочинением англичанина Погодин, сославшись на разрешение Уварова. Члены Общества Ундольский и Шелковников вернули номер журнала с вырезанным сочинением, объяснив, что они предусмотрительно его «истребили». Экземпляр «Чтений» остался и у Строганова. Впоследствии из опечатанного тиража по распоряжению «высшего начальства» делались изъятия: 2 экземпляра были доставлены в петербургскую Публичную библиотеку и переданы в руки М. А. Корфа, один передали в канцелярию попечителя Московского учебного округа, 13 – в Министерство народного просвещения. Всего с 1853 по 1862 г. был вытребован «для служебных надобностей» 31 экземпляр²⁷. Часть работы, проделанной Обществом в 1847–1848 гг. по подготовке сочинения Флетчера к печати, увидела свет. В 1850 г. во «Временнике» был напечатан «Статейный список» посольства Флетчера в России 1588 г.²⁸, подготовленный, как полагал Белокуров, в 1848 г. к печати одновременно с переводом книги²⁹.

Несмотря на неудачу 1848 г., мысль о выпуске в свет сочинения Флетчера не покидала Бодянского. В 1857 г. он опять был избран секретарем Общества истории и древностей российских, возвратился на пост председателя и Строганов. Бодянскому было поручено возобновить издание «Чтений». В 1860 г. его внимание привлекла статья Ю. В. Толстого, в будущем товарища обер-прокурора Синода, о Флетчере и его записках, появившаяся в первой книжке «Библиотеки для чтения». Автор статьи не только излагал историю написания сочинения, но и цитировал большие отрывки из него. Поняв, что отношение цензуры к книге англичанина изменилось в лучшую сторону, Бодянский попытался убедить Строганова, чтобы тот поставил вопрос о завершении публикации ее перед министром на-

родного просвещения Е. П. Ковалевским и лично Александром II. В записке на имя председателя Общества он писал: «Да неужели суждено русскому переводу и английскому подлиннику... сгнить в подвалах типографии Московского университета? Довольно с них и 12-летнего заключения под 12-тью печатями: ведь даже и десятилетняя давность уже прошла»³⁰.

Бодянский понимал, что во избежание новых недоразумений сочинение Флетчера необходимо издать «хитро»: сохранить весь текст оригинала, но снабдить его «оговорками» (примечаниями) редактора, а старое предисловие М. А. Оболенского заменить введением – комментариями, где объяснить «порочащие» Россию места. Однако усилия Строганова не дали результатов уже на уровне министра народного просвещения.

В 1862 г. ведомство народного просвещения возглавил А. В. Головнин, дававший повод считать его либералом. Бодянский обратился с запиской непосредственно к нему. Изложив события 1848 г., он представил министру экземпляр перевода труда Флетчера. Головнин затребовал от попечителя учебного округа еще 18 экземпляров. Казалось, министр начал заинтересованно вникать в дело. Однако 5 января 1863 г. пришел его отрицательный ответ: «Я не могу в настоящее время, при существовании того же законодательства, разрешить издание помянутого сочинения и полагаю необходимым повременить до издания новых цензурных правил»³¹.

И все же Головнин, побуждаемый циркулирующими в ученых кругах толками о несправедливом наказании Общества истории и древностей российских в 1848 г., решил продемонстрировать новое отношение к давно прошедшему делу. Отвергнув предложение о новом издании английской книги, он попытался добиться разрешения на распространение хотя бы среди членов Общества и подписчиков на его периодические издания тех оттисков, которые были арестованы.

13 апреля 1864 г. вице-директор департамента народного просвещения К. К. Петерс передал Бодянскому поручение Головнина: «Доставить в департамент... для представления г. министру сто экземпляров перевода известного сочинения Флетчера о России»³². Поручение министра вызвало замешательство Строганова и Бодянского: оттиски были запечатаны по высочайшему повелению и освободить из-под ареста такое количество экземпляров могла только высшая воля. 26 апреля Строганов сообщил в департамент ответ Бодянского: «Сочинение это хранится запечатанным в типографии университета и может быть выпущенным только по формальному предписанию г. министра на имя председателя»³³.

Министру понадобился и список членов Общества, и подписчиков на его труды. Стремясь обзавестись союзниками, Головнин раздавал книгу Флетчера для прочтения в правительственных кругах и высшим сановникам империи.

В мае 1864 г. министр доложил о ходатайстве Общества императору, упомянув и о личной своей заинтересованности в рассылке оттисков ограниченному кругу лиц. Воля императора гласила: «Отмеченные в помянутом экземпляре места прочесть Комитету министров, чтобы гг. министры решили после этого: признают ли они удобным рассылку сей книги». При этом он пренебрег тем обстоятельством, что вопрос о труде Флетчера в силу его специального характера не мог быть отнесен к номенклатуре дел, подлежащих prerogative межведомственной инстанции.

В июне 1864 г. Головнин подготовил для Комитета министров обстоятельное представление. В основу его легло объяснение, которое дал по «делу Флетчера» Строганов еще в 1848 г.: «Сочинение Флетчера казалось мне такого содержания, что ни одна в нем строка не могла примениться к России нашего времени и что любопытная сатира эта содержит много важного, но только для современной ей истории древней Руси... Я полагал, что в настоящее время, когда вся Европа завистью смотрит на наше духовное и государственное могущество, ни высшему правительству, ни лицам духовным не могли казаться соблазнительными несколько резких мест в сочинении, писанном за 300 лет и напечатанном в ученом собрании»³⁴.

К представлению прилагался список лиц и учреждений, которые имели в 1864 г. подписку на «Чтения». В перечне значились 30 чел. почетных и действительных членов, среди них – наследник-цесаревич и 21 высший сановник; ни одна фамилия в нем не могла вызвать сомнений в благонадежности. Всего нужно было разослать 179 экземпляров книги, в том числе 28 – в научные и публичные библиотеки, статистические комитеты, гимназии, военные и духовные учебные заведения.

Министр народного просвещения записал и свое личное отношение к предмету. «Я, – отметил он, – с своей стороны не вижу никакого неудобства разослать этот перевод поименованным лицам и учреждениям, как по существу самого сочинения Флетчера, весьма известного всем нашим ученым, так и потому, что резкие суждения его были напечатаны уж в других книгах с разрешения цензуры и что во многих сочинениях весьма благоразумно допускались цензурой отзывы даже более резкие о временах, более к нам близких»³⁵. Головнин просил учесть, что сочинение Флетчера «подверглось запрещению в то время», когда «правительство строго следило за обнародованием документов, относящихся даже к древней России». С тех пор, полагал он, обстоятельства «совершенно изменились»: уже опубликованы материалы процесса о царевиче Алексее Петровиче, многое «о мрачных сторонах правления Петра I»³⁶. К тому же эпоха, изображенная Флетчером, «до такой степени знакома во всех своих подробностях образованной русской публике, что суждения Флетчера не представляют для нас ничего особенно нового»³⁷. «В

наше время, – заключил министр, – не в ученых только, но даже в беллетристических произведениях (например, в романе графа Толстого «Князь Серебряный») высказаны были о характере Ивана Грозного и о различных мерах его управления такие резкие беспощадные приговоры, которые нисколько не уступают приговорам английского писателя XVI века»³⁸.

Особой частью представления шла подборка 11 текстовых фрагментов из сочинения Флетчера, признанных опасными для царской власти и духовенства. Каждый из них сопровождался пояснениями министра. Первым приводился отрывок, где отмечалось, что Иван Грозный, «как бы гнушаясь своим происхождением от русской крови»³⁹, говорил, будто предками его были германцы⁴⁰. В комментарии замечалось, что об отсутствии у царя любви к родине уже много и свободно говорилось «в нашей литературе», более того, отечественные авторы характеризовали царя откровеннее: им «руководила одна заботливость об удовлетворении своих прихотей», для того, чтобы жениться на родственнице английской королевы, он готов был бросить родину, подданных, трон, захватить казну и плыть в Англию⁴¹.

Были выписаны слова Флетчера: «Оба класса, дворяне и простолюдины, в отношении к своему имуществу суть не что иное, как хранители царских доходов, потому что все найтено ими рано или поздно переходит в царские сундуки»⁴². Вместо комментария здесь приводилась выдержка из опубликованной в 1860 г. статьи М. П. Полуденского о «Русской истории» Д. Мильтона, где система грабежа населения при Иване Грозном описывалась еще более яркими красками⁴³.

Цитируя высказывание англичанина о том, что тираническое правление на Руси использовало в своих интересах «суеверие и лжеверие» народа, и с этой целью царь особенно покровительствовал духовенству и советовался с ним⁴⁴, Головнин подчеркнул, что «это место ни в коем случае не должно служить поводом к запрещению», поскольку на самом деле речь здесь идет «о высоком достоинстве тогдашних русских царей и народа, именно о глубоком религиозном чувстве и полной преданности церкви и ее служителям»⁴⁵.

Флетчер писал о том, что управление областями и городами при Федоре Иоанновиче было построено на «угнетении и рабстве», которые были «так явны и резки, что надобно удивляться, как дворянство и народ могли им подчиниться»⁴⁶. Цари, сами исповедуя «веру христианскую», соединяют правление с «явною несправедливостью и угнетением их подданных»⁴⁷. По поводу этой цитаты министр заметил, что в статье «Современника» за 1860 г. была напечатана еще более резкая характеристика «невежества, разврата, притеснений, дикости» в виде нормальных явлений для времени «московской централизации», а Грозный был «образцом нравственного безобразия, ханжества, попрания религии, разврата и убийства»⁴⁸.

Сослался он и на подобные характеристики из «Истории государства Российского» Н. М. Карамзина. Слова Флетчера о том, что власть московских царей держится на войске, которое, пользуясь своим положением, тоже «обижает и грабит простой народ по своему произволу», Головнин находил вполне справедливыми, так как такое в XVI в. «было и во всей Европе»⁴⁹.

Помещенный англичанином анекдот о том, как Иван оправдывал свою политику «стрижки народа», а также замечание его относительно сознательного «отвращения» правительством народа от наук, литературы и путешествий (темными легче управлять) и что эта мысль была подсказана правительству духовенством, Головнин не считал откровением, об этом не раз писала русская литература, и даже с ведома цензуры⁵⁰. «Вообще, – разъяснял министр, – жалобы на невежество нашего духовенства не только до Петра Великого, но и в его управление, слышатся непрерывно, и это нисколько не должно удивлять нас, если вспомним, что до XVII века не существовало почти вовсе школ в России»⁵¹.

Комментарий Головнина на «избранные места» из сочинения Флетчера дает основание полагать, что при его составлении министру кто-то профессионально помог, однако и сам глава учебного ведомства обнаружил здесь серьезные исторические познания. Показательно, что он умело воспользовался методом исторического обоснования и оправдания высказываний англичанина применительно к истории России второй половины XVI в.

«Представление» Головнина начало обсуждаться в Комитете министров 30 июня 1864 г. Кроме отмеченных в нем «соблазнительных мест», были найдены и другие 9 отрывков из рассуждений Флетчера о православной церкви, ее догматах, духовенстве, церковных обрядах и языческих примесях к христианской религии, которые министры сочли «заслуживающими особого внимания»⁵².

В Комитете министров «по выслушании этого дела» между его членами «произошло разномыслие»⁵³. Большинство из них (Д. А. Милютин, Г. П. Небольсин, П. А. Валуев, П. П. Мельников, Д. Н. Замятин, А. Л. Потапов, Н. К. Краббе, А. В. Головин и А. А. Зеленый) считали, что «резкие и неблагоприятные отзывы о России», написанные в XVI в., не могут быть в настоящее время оскорбительными для правительства и духовенства⁵⁴, сочинение Флетчера есть лишь «весьма любопытный документ для лиц, занимающихся отечественной историей»⁵⁵. Они высказались за рассылку хранящихся в Московском университете экземпляров этого сочинения «тем, кто их получает». При этом «в видах предупреждения излишнего распространения» записок «между лицами, недостаточно развитыми образованием»⁵⁶, эти члены Комитета предлагали принять решение о запрещении последующих перепечаток издания

и публикаций любых «статей и рассуждений» о нем в печати.

Иную позицию заняли 5 остальных членов Комитета: председатель П. Н. Гагарин, В. Н. Панин, К. В. Чевкин, В. Б. Фредерикс и П. А. Муханов⁵⁷. Видя главный вред книги «в высшей степени оскорбительных и ложных замечаниях о православной церкви» и указывая, что ее обряды и догматы «в настоящее время те же самые, какие были в XVI веке», меньшинство Комитета признало издание записок Флетчера и в 1848 и в 1864 гг. «совершенно неудобным и несогласным с законами Империи, воспрещающими обращение в публике каких бы то ни было сочинений, порицающих православную веру»⁵⁸. Исключалась и возможность рассылки уже отпечатанных экземпляров: не без основания полагали, что распространенное только в ученых кругах издание все же найдет выход к широкой читательской аудитории, тем более что ограничение круга адресатов вызовет у нее «нездоровый интерес». Не убедили меньшинство и ссылки министра на уже имеющиеся в печати цитирования записок: разрозненное изложение текста Флетчера в общих трудах по истории России не идентично распространению полного текста с авторской концепцией. «Разномыслие» членов Комитета было вынесено на усмотрение Александра II. Император повелел: «Исполнить по мнению меньшинства»⁵⁹.

Не удовлетворившись провалом инициативы Министерства народного просвещения, меньшинство вообще сочло, что дальнейшее хранение отпечатанных экземпляров сочинения Флетчера в Московском университете может привести к утечке оттисков, да и для самого Общества они представляют ненужный соблазн. От министра Головнина потребовали переместить остатки арестованного издания в Петербург. 16 июля 1864 г. попечитель Московского учебного округа получил из министерства секретное предписание: «Истребовать из Общества истории и древностей все имеющиеся в оном экземпляры помянутого перевода»⁶⁰.

Пользуясь тем, что секретарь О. М. Бодянский в это время находился за границей, Общество медлило с исполнением приказа. Но когда последовало требование «об ускорении дела», Строганов решился на известную бюрократическую уловку: он отписал Головнину, что его приказание вообще не может быть выполнено, поскольку покойный Николай I, решая судьбу издания, повелел хранить его «в самом Обществе». «Удобнее, – прибавил он, – оставить в силе высочайшее повеление и не возобновлять, без видимой пользы, память о давно забытом Флетчере»⁶¹.

В начале XX в. казначей и историк Общества С. А. Белокуров попытался разыскать арестованные экземпляры труда Флетчера, но не обнаружил их ни в Обществе, ни в университете. От служащих типографии он узнал лишь, что при сменах арендаторов не выпущенные по каким-либо причинам издания «периодически подвергались уничтожению»⁶². Возможно, при одной

из таких чисток было отправлено в макулатуру и сочинение «О государстве русском».

Запретив публикацию сочинения Флетчера в России, правительство оказалось бессильным навсегда закрыть его для русского читателя. В 1867 г. книга на русском языке появилась в Женеве, причем издание было выполнено по московскому оттиску 1848 г.⁶³, т. е. в переводе Д. И. Гиппиуса и с предисловием М. А. Оболенского. В промежутке между 1905 и 1911 гг. Флетчер был опубликован и в самой России не менее 5 раз.

Сочинение «О государстве Русском», несмотря на правительственный запрет, изучалось и исследователями, и студентами. В 1892 г. журнал «Русский архив» опубликовал рецензию на сочинение Флетчера по изданию Общества истории и древностей российских 1848 г.⁶⁴ В 70-х гг. книга была предметом изучения на занятиях, которые вел Е. Е. Замысловский в петербургском Историко-филологическом институте⁶⁵. В 1876 г. студент Казанского университета Краснодарский подготовил работу по теме «Флетчер и его книга о России XVI века»⁶⁶. Ограниченное число оригиналов сочинения англичанина в России дает основание предположить, что студенты пользовались русскими переводами текста.

Министерские усилия не распространять в России сочинение Флетчера свидетельствуют о том, что высшее учебное ведомство на протяжении нескольких десятилетий XIX в. лавировало между своими собственными обязанностями ограждать общество от «вредных» воспоминаний о прошлом, требованиями науки и общественным любопытством. В его деятельности в этом направлении встречается и жесткое вмешательство, и внешне подобие либерального подхода. Оказывали влияние и личные качества руководителей ведомства. В борьбе мнений вокруг публикации книги Флетчера имели место случаи, когда попытки министра как-то сгладить конфликт между самодержавием и наукой не находили поддержки вышестоящих инстанций, шедших на его сознательное обострение. Вмешательство министерства в научные дела не было и не могло быть неограниченным. Хотя высшее учебное ведомство и получало предупреждения о нежелательных «послаблениях» от III отделения и Министерства внутренних дел, вмешательство ограничивалось стремлением исторической науки противостоять административному диктату хотя бы на некоторых участках ее развития.

Примечания

- 1 См.: Белокуров С. А. «Дело Флетчера» 1848–1864 гг. М.: Имп. Об-во истории и древностей рос. при Моск. ун-те, 1910.
- 2 См.: Тутов А. А. История первого перевода Флетчера // Флетчер Д. О государстве русском. СПб.: Изд-во А. С. Суворина, 1905.

- ³ См.: Кондрашев Н. А. Осип Максимович Бодянский. 1808–1877. М. : Изд-во МГУ, 1956. С. 40–41.
- ⁴ Забелин И. Е. Историческая записка об Обществе // Чтения в Обществе истории и древностей российских (далее – ЧОИДР) : в 218 т. М. : Университетская типография, 1883. Т. 4. С. 56.
- ⁵ Белокуров С. А. Указ. соч. С. 6.
- ⁶ См.: Fletcher J. Of the Russe Common Wealth. London, 1591.
- ⁷ См.: Толстой Ю. В. Флетчер и его книга о Русском государстве при царе Федоре Иоанновиче // Библиотека для чтения. 1860. № 1. С. 17–18.
- ⁸ Белокуров С. А. Указ. соч. С. 7.
- ⁹ Там же. С. 8–10.
- ¹⁰ Титов А. А. Указ. соч. С. VII.
- ¹¹ См.: ЧОИДР. М., 1848. Т. 1. С. 1.
- ¹² Российский государственный исторический архив (далее – РГИА). Ф. 733. Оп. 142. Д. 130. Л. 6.
- ¹³ См.: Письма О. М. Бодянского к отцу. Письма И. П. Сахарова к О. М. Бодянскому // ЧОИДР. М., 1893. Т. 3. С. IX.
- ¹⁴ См.: Барсуков Н. П. Жизнь и труды М. П. Погодина : в 22 т. СПб. : Изд-во Погодина и Стасюлевича, 1896. Т. 10. С. 164.
- ¹⁵ См.: Никитенко А. В. Дневник : в 3 т. М. : Гос. изд-во художественной литературы, 1955. Т. 1. С. 313.
- ¹⁶ См.: Буслаев Ф. И. Мои воспоминания // Вестник Европы. 1891. № 11. С. 139.
- ¹⁷ См.: Барсуков Н. П. Указ. соч. С. 160–161.
- ¹⁸ См.: Письма О. М. Бодянского к отцу. Письма И. П. Сахарова к О. М. Бодянскому // ЧОИДР. М., 1893. Т. 3. С. IX–X.
- ¹⁹ См.: Барсуков Н. П. Указ. соч. С. 165.
- ²⁰ Уваров С. С. Десятилетие министерства народного просвещения (1833–1843). СПб. : Тип. Императорской Академии наук, 1864. С. 3–4.
- ²¹ См.: Попов Н. Осип Максимович Бодянский в 1831–1849 годах // Русская старина. 1879. № 11. С. 476.
- ²² Цит. по: Попов Н. Указ соч. С. 476–477.
- ²³ Там же. С. 477.
- ²⁴ См.: Барсуков Н. П. Указ. соч. С. 172.
- ²⁵ См.: Белокуров С. А. Указ. соч. С. 16.
- ²⁶ См.: Кондрашев Н. А. Указ. соч. С. 41–42.
- ²⁷ См.: Белокуров С. А. Указ. соч. С. 17.
- ²⁸ См.: Статейный список приезда и пребывания в России английского посла Елизара Флетчера // Временник императорского Московского общества истории и древностей российских : в 25 т. М. : Университетская типография, 1850. Т. 8. С. 1–96.
- ²⁹ См.: Белокуров С. А. Указ. соч. С. 11.
- ³⁰ Цит. по: Там же. С. 18.
- ³¹ Цит. по: Там же. С. 19–20.
- ³² РГИА. Ф. 733. Оп. 142. Д. 134. Л. 1–2.
- ³³ Там же.
- ³⁴ Там же. Д. 130. Л. 6.
- ³⁵ Там же. Л. 7.
- ³⁶ Там же.
- ³⁷ Там же.
- ³⁸ Там же.
- ³⁹ Флетчер Д. О государстве русском. СПб. : Изд-во А. С. Суворина, 1905. С. 10.
- ⁴⁰ Там же.
- ⁴¹ См.: Последнее посольство королевы Елизаветы к Ивану Васильевичу // Русский вестник. 1861. № 11. С. 31–32.
- ⁴² Флетчер Д. Указ. соч. С. 25.
- ⁴³ См.: Полуденский М. П. «Русская история» Мильтона // Русский вестник. 1860. № 2. С. 535.
- ⁴⁴ Флетчер Д. Указ. соч. С. 26.
- ⁴⁵ РГИА. Ф. 733. Оп. 142. Д. 130. Л. 9.
- ⁴⁶ Флетчер Д. Указ. соч. С. 28.
- ⁴⁷ Там же.
- ⁴⁸ См.: Исторические очерки («История России с древнейших времен»). Соч. Сергея Соловьева. Т. VII и VIII // Современник. 1860. № 11. С. 69, 75.
- ⁴⁹ РГИА. Ф. 733. Оп. 142. Д. 130. Л. 9.
- ⁵⁰ См.: Посошков И. Т. Книга о скудости и богатстве. М. : Тип. Николая Степанова, 1842.
- ⁵¹ РГИА. Ф. 733. Оп. 142. Д. 130. Л. 11.
- ⁵² Там же. Л. 17.
- ⁵³ Там же. Л. 17 об.
- ⁵⁴ Там же. Л. 17 об. 18.
- ⁵⁵ Там же. Л. 18.
- ⁵⁶ Там же. Л. 18 об.
- ⁵⁷ Белокуров С. А. Указ. соч. С. 34.
- ⁵⁸ РГИА. Ф. 733. Оп. 142. Д. 130. Л. 18 об.
- ⁵⁹ Цит. по: Белокуров С. А. Указ. соч. С. 35.
- ⁶⁰ РГИА. Ф. 733. Оп. 142. Д. 130. Л. 20 об.
- ⁶¹ Там же. Л. 25.
- ⁶² Цит. по: Белокуров С. А. Указ. соч. С. 38.
- ⁶³ См.: О государстве Русском. Соч. Флетчера. Б. м., 1867.
- ⁶⁴ См.: Остроглазов И. М. Книжные редкости // Русский архив. 1892. № 2. С. 248–250.
- ⁶⁵ См.: Известия о деятельности и состоянии наших учебных заведений // Журнал министерства народного просвещения (далее – ЖМНП). 1874. № 8. С. 275.
- ⁶⁶ См.: Об учреждении стипендий при Казанском университете // ЖМНП. 1877. № 10. С. 430.

Образец для цитирования:

Афонюшкина А. В. К вопросу о развитии источниковой базы исторической науки в России в 40–60-х годах XIX века // Изв. Сарат. ун-та. Нов. сер. Сер. История. Международные отношения. 2020. Т. 20, вып. 4. С. 437–444. DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2020-20-4-437-444>

Cite this article as:

Afonushkina A. V. On the Problem of Development of Source Base on History in Russia in the Middle of the 19th Century. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. History. International Relations*, 2020, vol. 20, iss. 4, pp. 437–444 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2020-20-4-437-444>

УДК 394.4

Особенности организации столичных торжеств в позднеимперский и раннесоветский периоды: пространство, время, идеология

С. А. Лиманова

Лиманова Светлана Андреевна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Архив РАН, Москва, serovasvetlana@mail.ru

В статье выявляются способы организации столичных торжеств в 1894–1924 гг. В центре внимания автора – городское столичное пространство, являвшееся «сценой» для подготовки публичных торжеств сначала самодержавной монархией, затем Временным правительством и, наконец, советской властью. Показана трансформация влияния различных факторов на выбор вектора торжества – от централизации к децентрализации и обратно. С помощью источников личного происхождения прослежен неоднозначный процесс «стирания» прошлого. Рассмотрены попытки конструирования новых видов торжеств. Формулируется вывод о наличии континуитета в вопросах организации торжественных мероприятий государственного уровня позднеимперского и раннесоветского периодов, а также в использовании коммеморативных практик.

Ключевые слова: торжество, сценарий, ритуал, праздник, организация торжеств, репрезентация власти, Николай II, Ходынка, десакрализация, В. И. Ленин, А. В. Луначарский.

Поступила в редакцию: 20.03.2020 / Принята: 01.07.2020 / Опубликована: 21.12.2020

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

Special Aspects of Organizing Celebrations in St. Petersburg (Petrograd) and Moscow in 1894–1924: Space, Time, Ideology

S. A. Limanova

Svetlana A. Limanova, <https://orcid.org/0000-0002-9189-0963>, Archive of the Russian Academy of Sciences, 34 Novochemyomushkinskaya St., Moscow 117218, Russia, serovasvetlana@mail.ru

The article is devoted to revealing the ways of organizing the metropolitan celebrations in 1894–1924. The author focuses on the city's metropolitan area, which was the 'stage' for preparing public celebrations, first by the autocratic monarchy, then by the Provisional government, and finally by the Soviet government. Based on organizational documentation, the article shows the transformation of the influence on the choice of the triumph vector from centralization to decentralization and vice versa. Using sources of personal origin, the ambiguous process of 'erasing' the past is traced. And attempts to design new types of celebrations are considered. As a result, it is concluded that there is continuity in the organization of ceremonial events at the state level of the late Imperial and early Soviet periods, as well as in the use of commemorative practices.

Keywords: celebration, scenario, ritual, organization, representation of power, Nicholas II, Khodynka, desacralization, V. I. Lenin, A. V. Lunacharsky.

Received: 20.03.2020 / Accepted: 01.07.2020 / Published: 21.12.2020

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2020-20-4-445-453>

Ритуализация власти – явление, в той или иной мере свойственное всем обществам на разных этапах развития¹. В имперских державах она достигает апогея, становясь основой всей системы. Строгая иерархичность и многофункциональная церемониальность замыкаются на идее персонификации (культ). После того, как империя распадается, начинается поиск новых видов ритуальной коммуникации. И, поскольку они не могут взяться из ниоткуда, период трансформации и переосмысления прежних практик оказывается наиболее плодотворным для изучения механизма (ре)презентации власти в целом (в данной статье под термином «(ре)презентация» будет пониматься как реальное появление главы государства перед народом в ходе церемоний и торжеств, так и его последующие, «вторичные» изображения). В российской истории таким периодом стал рубеж XIX–XX вв.

К концу XIX в. сложился определенный, четко прописанный комплекс церемониальных действий, позволявших самодержцу презентовать свою личность и поддерживать престиж монархии. Самыми эффектными и в то же время затратными мероприятиями по демонстрации имперского величия были официальные торжества, большинство из которых устраивались в столицах – Петербурге и Москве. При Николае II (1894–1917) главными торжествами начала правления традиционно являлись похороны предшественника на троне (1894) и коронация (1896). В продолжение царствования праздновались многочисленные юбилеи, наиболее яркими из которых были 200-летие Петербурга (1903), 100-летие Отечественной войны (1912) и 300-летие династии Романовых (1913); проводились церемонии открытия имперских памятников; устраивались встречи глав государств на высшем уровне с привлечением городского населения².

Подготовка торжеств с участием императора находилась в ведении Министерства императорского двора. Для организации юбилеев создавались специальные комиссии (комитеты), состав и длительность работы которых зависели от специфики и размаха празднований. Самым представительным и долго функционирующим (с апреля 1910 г. по январь 1914 г.) стал Комитет

для устройства празднования 300-летия дома Романовых³. Его председателем являлся член Государственного Совета гофмейстер А. Г. Булыгин, а в состав вошли представители всех министерств и главных ведомств.

Организация имперских торжеств велась отработанными методами с применением технических новинок. Это делало общее действо более привлекательным и расширяло зрительскую аудиторию, но вместе с тем изменяло привычный образ монархии. Изображения его величества можно было увидеть на фотографиях, сувенирной продукции; высочайшие церемонии – на кадрах кинохроники; выезды совершались не только на лошадях, но и все чаще – в автомобилях; налаживалось телефонное сообщение и т. д. Имперские торжества отражали всю совокупность (ре) презентации власти, что сказывалось на способах организации торжественных мероприятий, включавших разработку церемониалов (программ); информационное сопровождение (подробные описания и статьи в прессе, специальные издания и брошюры); обеспечение безопасности; декорирование торжественного пространства (драпировка материей, украшение зеленью и имперскими флагами, размещение гербов с двуглавыми орлами и инициалов их величеств); применение коммеморативных практик (изготовление сувениров, издание памятных и юбилейных книг, использование имен членов императорской фамилии в топографических названиях, наличие памятных дат).

Важную роль во всем «сценарии» («сценарии власти» – термин Р. Уортмана применительно к имперской политике России XVIII–XIX вв.⁴; в данной статье слово «сценарий» в качестве основы торжества, набора непеременимых элементов будет использоваться несколько шире как для позднимперского, так и для раннесоветского периодов) играло столичное пространство, служившее своеобразной «сценой» для церемоний и торжеств с участием императора, рассчитанных на «массового зрителя». Согласно переписи населения 1897 г. в Петербурге проживали 1 млн 265 тыс. чел., в Москве – 1 млн 39 тыс. (для сравнения в середине XIX в. в Петербурге насчитывались около 500 тыс. жителей, в Москве – 350 тыс.). К концу XIX в. публичные мероприятия оставались крайне востребованными, более того, участие в них большого количества городского населения расценивалось как проявление верно-подданнических чувств и одобрение проводимой государственной политики. Однако обеспечивать безопасность при столь больших скоплениях людей становилось все сложнее. С одной стороны, набирала темпы урбанизация и возрастала общая мобильность населения. С другой, сама городская среда становилась все более «враждебной». Многочисленные покушения на императора Александра II и его трагическая смерть (1881), крушение императорского поезда в Борках (1888), инцидент

с великим князем и наследником цесаревичем Николаем Александровичем в Оцу (Япония, 1891), – все это приводило к тому, что представители императорской фамилии не могли чувствовать себя в безопасности ни в путешествиях, ни на городских улицах, ни в собственных резиденциях. Император Александр III в первые годы правления вообще избегал посещения Петербурга. Вместе с семьей он жил в Гатчинском дворце, за что получил прозвище «гатчинский узник». Император Николай II, как и отец, больше любил загородную жизнь, предпочитая Александровский дворец в Царском Селе, и все же первые 10 лет своего правления (1894–1904) приезжал в Петербург на все важные ежегодные церемонии, включая новогодний дипломатический прием в Зимнем дворце, Водосвятие, Пасху и другие церковные службы, полковые праздники и военные смотры, встречи представителей иностранных государств.

Весной 1895 г. в Москве был раскрыт кружок И. Распутина⁵, готовивший покушение на императора Николая II во время коронационных торжеств. Заговорщиков вовремя остановили, но опасности, сопряженные со следованием императора по московским улицам, сохранялись. В результате тщательнейшему осмотру были подвергнуты маршруты высочайшего следования, близлежащие здания, проверены жильцы и постояльцы, усилены меры предосторожности на железных дорогах. Распорядители торжеств настолько увлеклись обеспечением безопасности императора, что упустили из виду другой крайне важный момент – размещение народа, собравшегося на народном гулянье в честь коронации. Это привело к печально известным событиям на Ходыньском поле, где, по разным данным, побывало от 500 до 800 тыс. празднующих. В возникшей давке погибли 1389 чел., еще 1301 получили увечья различной тяжести⁶. Расследование выявило ряд существенных просчетов при подготовке торжеств⁷, но высокопоставленные чиновники, виновные в произошедшем, так и не были наказаны. Более того, император Николай II оказал публичную поддержку своему дяде – великому князю Сергею Александровичу, московскому генерал-губернатору, прозванному в народе «князь Ходынский». Все это сказалось на имидже монархии самым неблагоприятным образом. Рассуждая о феномене «массового общества» в позднимперский период, современные исследователи рассматривают Ходыньскую катастрофу как яркое свидетельство несоответствия «технологии власти» конца XIX в. социально-политическим реалиям⁸.

С момента восшествия на престол императора Николая II накапливалось недовольство. Запрещенные организации, загнанные в подполье в царствование Александра III, периодически давали о себе знать. Они выпускали листовки революционного содержания, в которых безапелляционно заявлялось: «Мы мало ожидаем хорошего

сверху. Мы не должны просить у царя подачки, а решительно требовать своих прав» (1894 г.); «Пора чтобы в России можно было открыто, а не тайно писать, печатать и читать обо всем. Нам нужна полная свобода печати, как хлеб насущий. Но нечего обманывать себя! Свобода печати несовместима с самодержавным правительством: для того чтобы завоевать первую, необходимо свергнуть второе!» (1903 г.); «Часы Зимнего Дворца не дремлют – они бегут и бегут, и скоро стрелки их остановятся на той минуте, о которой историк скажет: “Такого-то числа, в такой-то час русский народ воздвиг виселицу для вешателей”» ([1905])⁹. В разных контекстах припоминались все грубые и ошибочные действия власти: Ходынка, поражение в Русско-японской войне, жестокие меры по борьбе с беспорядками, «бессмысленные» траты денег и т. д.

Революционная волна 1905–1907 гг. была хорошо подготовлена в информационном плане, а в процессе ее подавления появился еще и реальный опыт «завоевания» городского пространства. Впрочем, в той или иной форме такое противостояние продолжалось на протяжении всего царствования Николая II, что хорошо видно в том числе на примере официальных торжеств разных лет. В 1896 г. во время проведения московских коронационных празднеств в Петербурге набирала обороты стачка текстильщиков (информацию об этом запрещалось распространять в прессе); в 1909 г. открытие памятника императору Александру III сопровождалось ярко выраженной негативной реакцией общественности (уже нашедшей отражение в прессе); в мае 1912 г. «новую версию» памятника открывали в Москве, в то время как на приисках Ленского золотопромышленного товарищества в разгаре были забастовки, приведшие к расстрелу части бастовавших (до 270 убитых, 250 раненых; в некоторых источниках приводятся другие данные¹⁰); в июле 1914 г. во время дружественного визита французского президента Р. Пуанкаре трудно было сдерживать вызванные забастовками рабочих беспорядки уже в самом Петербурге. Своего рода «точкой невозврата» стали события 1905 г., когда «мирное шествие» к царю переросло в события «Кровавого воскресенья» (130 убитых¹¹ и 299 раненых по официальным данным¹², эти цифры неоднократно оспаривались). С 1904 и вплоть до 1907 г. Николай II практически не появлялся в Петербурге, оставаясь «затворником» в Царском Селе вместе со своей семьей. Последовавшие затем юбилейные кампании 1907–1913 гг., нацеленные на объединение лояльных самодержавию подданных, тем не менее, с точки зрения организации, имели тенденцию к децентрализации (результат переосмысления Ходынской катастрофы¹³) и разделению сословных групп в рамках общего торжества. Прежнего наглядного «слияния» людей в одном восторженном порыве теперь можно было добиться только устраивая празднования вдали от столиц, что и

доказали торжества в честь 300-летия династии Романовых.

Реакция подданных на проведение официальных торжеств – важный маркер для выявления общественных настроений, но только в том случае, если эта реакция оценивается объективно. Еще в 1902 г. хорошо знавший народные настроения писатель Л. Н. Толстой предупреждал императора: «Вас, вероятно, приводит в заблуждение о любви народа к самодержавию и его представителю – царю то, что везде при встречах вас в Москве и других городах толпы народа с криками “ура” бегут за вами. Не верьте тому, чтобы это было выражением преданности вам, – это толпа любопытных, которая побежит точно так же за всяким непривычным зрелищем»¹⁴. Запросы зрителей и участников торжеств постоянно росли и, действительно, ожидание «зрелища» постепенно стало преобладать над верноподданническими чувствами.

В то же время революционеры не переставали критиковать правящую власть, выстраивая свою систему «альтернативных» праздников и торжеств. Одни из них возникали спонтанно, но умело использовались для привлечения обывателей (например, похороны Н. Э. Баумана в октябре 1905 г. в Москве); другие – намеренно старались сделать ежегодными, несмотря на противодействие правящего режима (память о жертвах 9 января, женский праздник 8 марта, праздник трудящихся 1 мая¹⁵). Это были «протестные праздники», которые позволяли выявить «своих» и сплотить имеющиеся силы. При организации таких мероприятий учитывался опыт рабочих из других стран. В заграничных типографиях регулярно выпускали материалы, обличающие самодержавие («Дом Самозвановых», «Юбилей позора нашего (1613–1913) – триста лет Романовых и лже-Романовых», «Последний Самодержец» и др.).

С началом Первой мировой войны масштабные имперские торжества больше не устраивались. Столичный Петербург переименовали в Петроград. Император Николай II вместе с наследником цесаревичем Алексеем проводили смотры в действующей армии. Иллюзия единства «царь–народ» вновь просуществовала какое-то время, пока объявляли о начале войны с балкона Зимнего дворца. В Москве на Красной площади устраивались молебны о даровании победы. Однако общий патриотический порыв довольно быстро сменился повсеместным разочарованием. Через какое-то время это отразилось и на восприятии образа монархии¹⁶. Даже благие побуждения и действия стали истолковываться превратно, а Николаю II нашли «альтернативу» в лице великого князя Николая Николаевича (Младшего). Император попытался переломить упаднические настроения, сменив великого князя Николая Николаевича на посту верховного главнокомандующего, но подобный шаг имел кратковременный эффект.

Параллельно по столицам ходили различные непристойные слухи об императорской семье. К концу 1916 г. ситуация накалилась до предела.

Таким образом, борьба за пространство, в частности информационное, началась гораздо раньше 1917 г., и с каждым годом противостояние только усиливалось¹⁷. После объявления об отречении императора Николая II в марте 1917 г. слухи стали обретать «реальное воплощение»: статьи в газетах не скупилась на «сенсационные новости» и «разоблачения», в кинотеатрах показывали снятые на скорую руку картины типа «Темные силы – Григорий Распутин и его сподвижники», «Любовные похождения Гришки Распутина», «Торговый дом Романов, Распутин, Сухомлинов, Мясоедов, Протопопов и Ко» и др. Тогда же разгорелась «война с символикой». Сначала такие проявления носили стихийный характер (сбивание гербов, сжигание флагов), но постепенно закреплялись распоряжениями Временного правительства (отмена титулов, замена топографических названий и т. д.). Процесс десакрализации монархии перешел в новую активную фазу.

На волне «эйфории победы» и пренебрежения к недавнему прошлому в первом полугодии 1917 г. новой властью было скоординировано два важных общероссийских мероприятия – похороны жертв революции в Петрограде (23 марта) и «свободный» Первомай (18 апреля), которые готовились в кратчайшие сроки и отвечали интересам «революционной толпы». Именно это усложняло их организацию. Одной из главных проблем стала необходимость обеспечения порядка на столичных улицах. Комиссия по устройству похорон рассматривала несколько локаций для захоронений. Изначально планировалось делать их по районам – децентрализованно, но затем все-таки возобладал вариант централизованных похорон. Местом братской могилы определили Дворцовую площадь (площадь перед бывшей царской резиденцией – Зимним дворцом), однако под напором общественного мнения итоговый выбор был сделан в пользу Марсова поля¹⁸. Участник революционного движения экономист Н. Н. Суханов в «Записках о революции» делился рассуждениями на этот счет: «И риск, и трудности были <...> огромны. Обеспечить порядок приходилось в полном смысле самому населению, и приходилось положиться на его сознательность и самодисциплину. Молодая милиция и громоздкий, разбухший, совершенно неопытный в этих делах гарнизон сами по себе ничего не могли сделать. Зато, если бы все сошло хорошо, это был бы блестящий экзамен и новая огромная победа петербургской демократии»¹⁹.

Участниками этого печального торжества, по разным оценкам, стали от 800 тыс. до 1,5 млн чел. В качестве превентивной меры были разработаны маршруты следования похоронных процессий из районов Петрограда (Василеостровского, Петроградского, Выборгского, Нарвского, Невского, Московского) на Марсово поле с распределени-

ем времени прихода и ухода каждой колонны. Такой подход отличался от следования единой похоронной процессии с гробом императора Александра III в 1894 г. от Николаевской вокзала в Петропавловскую крепость, но по своей структуре имел много общего с организацией крестных ходов. Вероятно, во избежание возможных аналогий проведенная в 1917 г. церемония погребения была подчеркнута гражданской. Отпевание погибших проводилось по просьбе родственников уже поздней ночью и фактически тайно. Эта особенность похорон жертв революции четко врезалась в память современников. Однако при проведении по аналогии с Петроградом «красных похорон» в других городах России данный вопрос решался не столь категорично. Процессии в Петрограде активно фотографировали с разных ракурсов, а их передвижение фиксировали на кадры кинохроники. В дальнейшем появились многочисленные открытки и фильм «Национальные похороны героев и жертв Великой Русской революции на Марсовом поле в Петрограде 1917 г.».

Главным же «праздником свободы» стал Первомай 1917 г. Впервые это торжество граждане «свободной» России могли отметить так, как хотели: «Весь Невский, на всем протяжении, был запружен толпой. <...> Собирались вокруг того или иного центра плотные кучки и рассеивались вновь. Никто никуда не спешил; никто не вышел сюда ни за делом, ни для официального торжества. Но все *праздновали*, и все впервые вышли сюда – на люди, в толпу, на улицу своего города – со своим праздником и занимались здесь своими делами»²⁰. Невский проспект определялся как «завоеванный народом». В Москве также бо́льшая часть города превратилась в площадку для празднований – от Красной площади и центральных улиц до более отдаленных районов (Петровский парк, Сокольники, Воробьевы горы), повсеместно устраивались митинги под открытым небом. Собравшимся не надо было объяснять, для чего они пришли, и в то же время каждый стремился почувствовать себя частью торжества. В связи с этим возникли желания принести сделанные на скорую руку красные флаги, эмблемы, плакаты с революционными лозунгами (за мир, братство, 8-часовой рабочий день и т. д.); спеть всем вместе песни – «Вставай поднимайся, рабочий народ», «Мы жертвою пали», различные варианты Марсельезы. По большому счету делали все то, что ранее находилось под строжайшим запретом.

Представители Временного правительства, исполнительного Комитета Государственной думы, Совета рабочих и солдатских депутатов не инициировали эти торжества, но вынуждены были взяться за организацию и работать слаженно, чтобы наглядно продемонстрировать достижения революции. Следующий этап мог бы предполагать поиски новых форм торжеств, видов декоративного оформления и музыкального сопровождения, выявление общего творческого потенциала.

Однако борьба за власть не была окончена, и в продолжение нескольких лет перспектива разработки новых направлений отошла на второй план, вместо этого происходила вынужденная трансформация прежних ритуальных практик при полном переосмыслении идеологической компоненты. Сразу отказаться от уже апробированных способов организации торжеств было довольно сложно, зато можно было использовать их в собственных интересах, заменяя или усовершенствуя отдельные элементы.

Осенью 1917 г. власть перешла в руки большевиков, которые, несмотря на четкие представления об идейной направленности своих действий, при первых попытках проведения революционных торжеств столкнулись с рядом объективных трудностей. Сами организаторы сетовали на многие просчеты и упущения. Так, в Комитете по Октябрьским торжествам в 1918 г. обсуждался вопрос уличного декорирования. «Навешивание материи и зелени»²¹ (как атрибут имперских торжеств) было признано устаревшим, хотя такой вид убранства все еще продолжали использовать. В качестве замены предлагались панно с революционной тематикой и лозунгами, но их не всегда успевали сделать, поэтому в ход шли все подручные материалы, оставшиеся от прежних торжеств. С такими рабочими моментами приходилось сталкиваться постоянно. В то же время один из главных идеологов советской власти А. В. Луначарский, отстаивая в 1920-е гг. необходимость более тщательного планирования торжественных мероприятий, охарактеризовал первый опыт следующим образом: «Я помню немало великолепных праздников, порожденных русской революцией. 1-е мая 1918 г. был отпразднован в Петрограде необыкновенно ярко и живописно. Много было удачных моментов в октябрьских празднествах того же рода. Тем не менее мы в этом отношении оказались менее живыми, одаренными меньшим творческим гением как в смысле организаторов, так и в смысле отзывчивости масс, чем французы конца XVIII века»²².

В начале 1918 г. советское правительство переехало из имперского Петрограда (Петербурга) в Москву. Это было стратегическое, политическое и идеологическое решение. Из визуального поля и народной памяти следовало «стереть» любые свидетельства имперской эпохи, что привело к новому этапу «войны с символами». На государственном уровне это выразилось в принятии «Декрета о памятниках Республики» (14 апреля 1918 г.), согласно которому городское пространство необходимо было очистить от имперских монументов и заменить их новыми, революционными фигурами. Совет народных комиссаров выразил пожелание, чтобы «в день 1 мая были уже сняты некоторые наиболее уродливые истуканы и поставлены первые модели новых памятников на суд масс»²³. Под «уродливыми истуканами» в первую очередь подразумевались имперские

памятники рубежа XIX–XX вв., которые в ходе событий 1917 г. превращались в импровизированные трибуны для революционеров и «украшались» красными флагами.

Распоряжение о сносе памятников претворялось в жизнь довольно вяло, поэтому потребовалось личное вмешательство В. И. Ленина. Более активная фаза «свержения» монументов в Москве пришлось на период появления слухов о расстреле царской семьи (эти слухи впоследствии подтвердились). К октябрю 1918 г. в срочном порядке устанавливались временные памятники героям революции. Качество таких монументов было весьма сомнительным и не устраивало даже самих организаторов, но на тот момент важно было закрепить успех. А. В. Луначарский писал об этом позднее: «Во время таких праздников взрывали или сжигали своеобразных идолов, изображавших прошлое, и раскрывали с соответственным церемониалом временные, но, тем не менее, прекрасные статуи – *аллегорию новой жизни*»²⁴. Того же эффекта «очищения» пытались добиться с помощью возникших ритуалов сожжения чучел врагов революции²⁵.

Подобный подход устраивал далеко не всех. Разрыв с прошлым происходил весьма болезненно и не всегда находил понимание. Картина привычного мироустройства рушилась на глазах. Люди терялись в новых календарях, не понимая, какие праздники стоит отмечать, а какие нет и почему (в источниках личного происхождения можно обнаружить информацию о праздновании в семьях таких праздников, как Рождество, Пасха, именины как в этот период, так и в более поздний, вплоть до 1930-х гг.). Критически настроенный современник событий москвич Н. П. Окунев записал в дневнике: «Ехал сегодня в трамвае по Каменному мосту и – увы! – видел оттуда, что памятники Александрам Второму и Третьему уже разорены, самих статуй нет: сняли вчистую. Какие же все же суетники эти советские работники! Снятие памятников, флаги, красноармейские звезды, телеграммы Ленину, бюллетени о его болезни, – все ведь это “буржуазные” замашки». И на следующий день добавил к этим рассуждениям: «Видел в кинематографе картину “Снятие памятника Александру Второму”. Тяжелое зрелище! Как будто режут на части живого человека и говорят: “Смотри вот, как это делается, и учись”. Не достаёт еще демонстрировать на экране расстрелы»²⁶. Городское пространство продолжало оставаться ареной борьбы. Утром 30 августа 1918 г. в Петрограде был убит председатель Петроградской ЧК М. С. Урицкий, вечером того же дня в Москве было совершено одно из самых известных покушений на В. И. Ленина. В качестве ответной меры прозвучал призыв к беспощадному массовому террору против всех врагов революции. Противостояние «красной» столицы и «белых» городов нарастало.

За годы Гражданской войны (1917–1922) различные виды торжеств, равно как и способы

их организации, превратились в своеобразные методы борьбы. Характерен такой пример. В марте 1919 г. в Петрограде стараниями актеров-красноармейцев было организовано игрище под названием «Свержение самодержавия». Оно состояло из нескольких актов, отсылавших к событиям недавнего прошлого – от расстрела мирной демонстрации рабочих («Кровавое воскресенье») до ареста Николая II и торжества похорон жертв революции. Сюжеты, разыгранные в спектакле, оказались востребованы публикой, и в разных комбинациях воспроизводились на сценах в течение всего 1919 г.²⁷ 21 мая того же года в Павлодаре белые офицеры и казаки праздновали «годовщину свержения советской власти»²⁸. На площади при большом стечении народа был отслужен благодарственный молебен, после чего состоялся парад войск. Торжества представляли собой важный инструмент маркирования пространства завоеванных территорий.

«Белые» ориентировались на имперские церемонии, в особенности на церковные; «красные» все активнее обращались к поиску новых видов торжеств. Особенно продуктивными в этом плане стали 1920-е гг.²⁹ В 1920 г. в Петрограде были организованы такие масштабные и зрелищные театральные инсценировки, как «Мистерия освобожденного труда» (Первомай) и «Взятие Зимнего дворца» (3-я годовщина Октября)³⁰. Бывшая имперская столица превратилась в своеобразную «лабораторию» по «испытанию» способов организации раннесоветских торжеств. Именно тогда участники шествий, мистерий, театрализованных представлений могли почувствовать максимальную свободу действий, они переставали быть пассивными зрителями, активно вливаясь в само торжество. Продолжавшиеся несколько лет споры о том, должен ли праздник быть самоорганизованным или заранее четко спланированным, в конечном счете решились в пользу второго варианта. Последующие торжества носили все более выраженную печать официоза, гораздо четче стала проступать «линия партии»³¹. Первый сигнал к этому прозвучал еще весной 1920 г. во время празднования 50-летия со дня рождения В. И. Ленина. Для того чтобы понять это, необходимо обратиться к трансформации государственной идеологии первых лет советской власти. Начиная с 1918 г., в качестве двух основных государственных торжеств выделились Октябрь и Первомай. Октябрьские торжества служили символом победы народа (во главе с партией большевиков) в революционной борьбе, являлись олицетворением выбора нового, правильного пути исторического развития. Благодаря использованию все тех же коммеморативных практик, только с новым идейным содержанием (распространение агитационных брошюр, выпуск специальных изданий, разработка советской символики, возведение памятников героям революции, съемка кинохроники, топографические переименования)

создавался культ Революции, революционной борьбы. Майские празднования позволяли экстраполировать этот принцип еще дальше.

Помимо радости за возможность трудиться на новых условиях, появлялась надежда на победу пролетариата в неравной борьбе с буржуазией во всем мире. Особенно настойчиво идея мировой революции стала транслироваться после «рождения» в 1919 г. III Интернационала (Коминтерна). Все эти попытки сыграть на неких отвлеченных понятиях, равно как развить идею, не находящую подкрепления в реальной жизни, не могли дать длительного эффекта. Революцию необходимо было персонифицировать. Для этого перед глазами имелся живой пример выдержки, ума, рационального подхода к нуждам рабочих и крестьян в лице харизматичного вождя – В. И. Ленина. Его 50-летний юбилей и стал поводом сделать акцент на уже реализованных мероприятиях большевистской власти, на успехах революции, на дальнейших перспективах совместного пути. В. И. Ленин неоднократно выступал с речами о достижениях большевиков, но предостерегал при этом от возвеличивания отдельных, пусть и выдающихся, лидеров и противопоставления их рабочим массам, партии; принцип «вождизма» не был близок ему. Однако именно этот принцип лег в основу имевшего место впоследствии «культа личности»³².

Краеугольным событием в формировании нового культа стали похороны В. И. Ленина в январе 1924 г. в Москве. Организация похорон имела много общего с имперскими торжествами, что позволило современникам легко «считать» предложенный «сценарий». Подобного рода печальные торжества, только в меньших масштабах, уже проводились в Петрограде и Москве в период 1918–1924 гг.: похороны В. Володарского (1918), М. С. Урицкого (1918), М. Т. Елизарова (1919), Я. М. Свердлов (1919), И. Ф. Арманд (1920) и других революционных деятелей. Они были отличительной чертой революционных исканий, что отмечалось исследователями, проводившими аналогию с Французской революцией: «По иронии судьбы, в эпоху революции именно погребальные церемонии <...> получили наибольший резонанс»; «смерть окончательно становится средоточием революционных праздников»³³.

Похороны В. И. Ленина превратились в событие общероссийского масштаба. В состав Комиссии по организации похорон вошли Ф. Э. Дзержинский (председатель), В. Д. Бонч-Бруевич, К. Е. Ворошилов, А. С. Енукидзе, И. А. Зеленский, М. М. Лашевич, В. М. Молотов, Н. И. Муралов и др. Похоронные мероприятия включали следующие этапы: извещение о смерти и дальнейшие оповещения о порядке похорон через прессу; торжественное перемещение похоронной процессии на поезде со станции Горки на Павелецкий вокзал, далее печальное шествие от вокзала до Колонного зала Дома Союзов; вы-

ставление гроба с телом для прощания; убранство зала тропическими растениями (на экзотические пальмовые ветви, перекликающиеся с имперской традицией окружать покойного правителя тропическими растениями, указывается и в монографии Н. Тумаркин³⁴); дежурства у гроба; фотографии на смертном одре; возложение траурных венков; увековечивание памяти (сувениры, скульптуры, мемориалы). Все эти элементы были хорошо отработаны еще в начале XVIII в. при Петре I, который модернизировал московской церемониал в имперский с помощью европейских образцов. Разве что тогда не было фотографии, и с лица умершего снималась только посмертная маска. Последним самодержцем, похороненным по такому «сценарию», стал император Александр III (1894). Интересен и еще один нюанс: изначально гроб с телом В. И. Ленина собирались выставить в Георгиевском зале Большого Кремлевского дворца, но затем от этого варианта отказались³⁵.

Разительно отличался выбор звукового сопровождения. Если в имперский период основные этапы торжества отмечались колокольным звоном и пушечной пальбой, то теперь – военным салютом (артиллерийскими залпами), гудками фабрик и заводов. Проведение церковной службы заменялось исполнением Интернационала и траурных маршей (в записке А. В. Луначарского так и было указано: «Церковных мотивов играть нельзя»³⁶). С речами выступили многие соратники В. И. Ленина. Почетный караул формировался из делегатов Съезда Советов, членов ЦК РКП (б), ЦИК, ВЦИК, а также из рабочих и крестьян. Главными зрителями и в то же время действующими лицами прощания с В. И. Лениным стали многочисленные делегации трудящихся. Во время прохождения рабочих организаций хор исполнял «Мы жертвою пали...» и «Не плачьте над трупами павших бойцов...».

При подготовке траурного мероприятия организаторы много внимания уделили рассредоточению публики. Как и во время петроградских похорон жертв революции 1917 г., было составлено расписание движения делегаций от московских районов (Рогожско-Симоновского, Бауманского, Сокольнического, Замоскворецкого, Хамовнического, Краснопресненского³⁷) к Дому Союзов с целью избежать скопления народа в одном месте и в одно время. Вокзал, все площади и улицы по маршруту следования тщательно охранялись. Регулярно собирались оперативные сводки о политических настроениях и деятельности московского гарнизона³⁸. Население столицы призывали строго следовать указаниям распорядителей. В шестивях запретили участвовать детям из-за сильного мороза³⁹, но все просчитать было очень трудно. В частности, пришлось столкнуться с огромным наплывом желающих из других городов отдать дань памяти вождю революции. Размещать такое количество вновь прибывших не было возможности, поэтому им предлагалось

покидать Москву сразу после прощания. В то же время более 4 тыс. чел. потребовалась помощь врачей по причине обморожения, ушибов, обмороков и т. д.⁴⁰

Похороны изначально готовились как масштабное действо, но вряд ли организаторы в полной мере отдавали себе отчет, насколько массовым и резонансным оно станет. При прощании с императором Александром III Петропавловский собор Петербурга с 1 по 7 ноября 1894 г. посетили 179 500 чел., не считая представителей войск, военно-учебных заведений и лиц, съезжавшихся на панихиды⁴¹; около гроба В. И. Ленина в Доме Союзов в Москве с 23 по 27 января 1924 г. согласно опубликованным данным прошли от 900 тыс. до 1 млн чел.⁴² Люди приезжали проститься лично; письма и телеграммы с соболезнованиями присылали со всех концов земного шара; появилось множество заметок, статей, воспоминаний; множились различные изображения В. И. Ленина; была организована киносъемка похорон. Примечательно, что, несмотря на отсутствие предварительной цензуры, портреты и снимки В. И. Ленина, как прижизненные, так и сделанные в процессе похорон, перед распространением проходили тщательный отбор⁴³. В результате тело В. И. Ленина решено было поместить в Мавзолею, а Комиссия по организации похорон превратилась в Комиссию по увековечиванию памяти (проработала до июня 1926 г.). Одной из мер, предпринятых ею, стало переименование Петрограда в Ленинград.

Обращаясь к изучению организации позднимперских и раннесоветских торжеств, нельзя не заметить некоторые общие тенденции. «Сценарий» торжества претерпевал изменения под действием вполне объективных причин. Трансформации начались еще на рубеже XIX–XX вв. из-за стремления вовлечь в действие как можно большее количество участников. Сословные границы не позволяли пересмотреть общую модель, а потому центростремительный вектор торжества уступил место децентрализации. Появилась антитеза «столица–провинция», и в то же время отдельные столичные районы начали противопоставляться друг другу. Политическое пространство маркировалось различными видами торжеств, но их структура оставалась прежней. Вопросы обеспечения безопасности, возникшие после событий на Ходынке, необходимо было решать и при монархическом правлении, и в период Временного правительства, и представителям советской власти. Во всех случаях опираться приходилось на уже имеющийся опыт и зачастую действовать «от противного». Вместе с тем в приоритете оставался возврат к центростремительной модели организации, поскольку только такое торжество могло продемонстрировать настоящее «народное единение». По мере завершения Гражданской войны стало очевидно, что советская власть не остановится на принципе «самоорганизации» трудящихся, а пойдет по пути все большего увеличения контроля.

Появились новые флаги, гербы, лозунги, топографические названия, звучали революционные мелодии, но сама организация торжеств, которые должны были зафиксировать политические изменения, во многом осуществлялась прежними методами. Более того, многие «буржуазные» приемы, такие как подача нужной информации через прессу, телеграф и телефон для более быстрого распространения новостей, декорирование торжественного пространства как часть общей концепции торжества, выстраивание процессий (шествий, колонн), съемка ключевых моментов торжеств, распространение выверенного образа власти, использовались в полной мере.

Вопреки многочисленным попыткам создать что-то новое, в ряде случаев было проще и быстрее обратиться к хорошо известным, понятным широкой аудитории способам (ре)презентации власти. Таким образом, происходил вынужденный симбиоз «имперского наследия» и революционных идей (что из этих идей являлось новаторством, а что заимствованием из европейских торжеств, например, времен Великой французской революции – тоже весьма дискуссионная тема⁴⁴). При общей риторике «разрыва» с прошлым и попытках его «стирания» из памяти современников заметен явный континуитет в вопросах подготовки торжественных мероприятий государственного уровня и в процессе трансформации коммеморативных практик. Несмотря на возросшую вариативность массовых действий и поиски новых форм, во многих раннесоветских торжествах присутствовали позднеимперские мотивы.

Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (проект «Историко-сравнительный анализ организации столичных торжеств с участием массового зрителя в позднеимперский и раннесоветский периоды (1894–1924 гг.)» № 18-39-00080 мол_а).

Примечания

- 1 Muir E. Ritual in early modern Europe. Cambridge : Cambridge University Press, 2000.
- 2 См.: Лиманова С. А. Столичные торжества Российской империи в царствование Николая II. М. : Кучково поле, 2017.
- 3 Лиманова С. А. Материалы Комитета для устройства празднования 300-летия дома Романовых в РГИА // Археографический ежегодник. М. : Наука, 2019. С. 259–272.
- 4 См.: Уортман Р. С. Сценарии власти. Мифы и церемонии русской монархии : в 2 т. Т. 2 : От Александра II до отречения Николая II. М. : ОГИ, 2004.
- 5 См.: Официальный отчет о деле Распутина (Заимствовано из «Обзора важнейших дознаний по делам о государственных преступлениях за 1895–1896 гг.») // Былое. Париж, 1912. № 14. С. 183–194.
- 6 См.: Записка министра юстиции Н. В. Муравьева о событиях, происшедших на Ходынском поле в Москве 18 мая 1896 г. // Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). Ф. 564. Оп. 1. Д. 4284. Л. 5 об.
- 7 См.: Записки графов К. И. и К. К. фон-дер Пален по поводу катастрофы на Ходынском поле в Москве // Российский государственный исторический архив (далее – РГИА). Ф. 1016. Оп. 1. Д. 217. Л. 57–58, 64–95.
- 8 См.: Герасимов И., Могильнер М., Глебов С. Первое столкновение с современной массой : Ходынка // Герасимов И., Могильнер М., Глебов С. Новая имперская история Северной Евразии : в 2 ч. Ч. 2. Казань : Ab Imperio, 2017. С. 392–398.
- 9 Государственный центральный музей современной истории России. Главная инвентарная книга 1757/378 ; 3714/278 а, б ; 3183/32.
- 10 См.: Хаген М. Ленский расстрел 1912 года и российская общественность // Отечественная история. 2002. № 2. С. 60–85.
- 11 См.: Список лиц, убитых и умерших от ран в разных больницах г. С.-Петербурга, полученных 9 января 1905 года // Ведомости СПб градоначальства. 1905. № 18. С. 1.
- 12 См.: Доклад директора Департамента полиции Лопухина министру внутренних дел о событиях 9-го января // Красная летопись. Л., 1922. № 1. С. 330–338.
- 13 Лиманова С. А. «Теперь не старое время, когда толпа в 100 тысяч человек была в диковинку» : Ходынская катастрофа и ее влияние на организацию столичных торжеств в начале XX в. // История России с древнейших времен до XXI века : сборник статей участников Международной научно-практической школы-конференции молодых ученых (Москва, 25 октября 2018 г.). М. : Институт российской истории РАН, 2018. С. 166–174.
- 14 Толстой Л. Н. Николаю II, 16 января 1902 г. // Толстой Л. Н. Собр. соч. : в 22 т. Т. 19–20. Письма. 1882–1910. М. : Художественная литература, 1984. С. 504.
- 15 См.: Лиманова С. А. Запретный Первомай : как боролись с маевками в Российской империи в 1911–1914 гг. // Родина. 2018. № 5. С. 117–119.
- 16 См.: Колоницкий Б. И. «Трагическая эротика» : Образы императорской семьи в годы Первой мировой войны. М. : Новое литературное обозрение, 2010.
- 17 См.: Колоницкий Б. И. Символы власти и борьба за власть : к изучению политической культуры российской революции 1917 года. СПб. : Лики России, 2012.
- 18 См.: Петроградский совет рабочих и солдатских депутатов в 1917 году : в 5 т. Т. 1. Л. : Наука. Ленинградское отделение, 1991. С. 143–144, 146, 151–152, 180–182, 196, 242–244.
- 19 Суханов Н. Н. Записки о революции : в 3 т. М. : Политиздат, 1991. Т. 1, кн. 1–2. С. 241.
- 20 Там же. Т. 2, кн. 3–4. С. 96.
- 21 ГА РФ. Ф. А-2306. Оп. 2. Д. 179. Л. 41–41 об.
- 22 Луначарский А. В. О народных празднествах // Организация массовых народных празднеств. М. : Гос. изд-во, 1921. С. 3.
- 23 Декреты советской власти : в 2 т. Т. 2. М. : Политиздат, 1959. С. 95–96.

- ²⁴ Луначарский А. В. О массовых празднествах, эстраде и цирке. М. : Искусство, 1981. С. 12.
- ²⁵ См.: Годунов К. В. Образы врагов революции в праздновании годовщины Октября : сожжение изображений противников (1918–1920 гг.) // Вестн. Перм. ун-та. Сер. «История». 2015. Вып. 2 (29). С. 104–112.
- ²⁶ Окунев Н. П. Дневник москвича : в 2 т. Т. 1 : 1917–1920. М. : Военное изд-во, 1997. С. 214–215.
- ²⁷ См.: Конович А. А. Театрализованные праздники и обряды в СССР. М. : Высш. шк., 1990.
- ²⁸ Телеграмма. Русское телеграфное агентство. Из Павлодара. [1919 г.] // ГАРФ. Ф. Р-952. Оп. 1. Д. 538. Л. 1.
- ²⁹ См.: Кустова Э. М. Советский праздник 1920-х годов в поисках масс и зрелищ // Неприкосновенный запас. 2015. № 3 (101). С. 57–77.
- ³⁰ См.: Пиотровский А. И. Хроника ленинградских празднеств 1919–1922 гг. // Массовые празднества. Л. : Academia, 1926. С. 55–84.
- ³¹ Рольф М. Советские массовые праздники. М. : РОССПЭН, 2009.
- ³² Эннкер Б. Формирование культа Ленина в Советском Союзе. М. : РОССПЭН, 2011.
- ³³ Озуф М. Революционный праздник : 1789–1799. М. : Языки славянской культуры, 2003. С. 112–114.
- ³⁴ Tumarkin N. Lenin lives! The Lenin cult in Soviet Russia. Cambridge ; London, 1983. P. 131.
- ³⁵ См.: Российский государственный архив социально-политической истории (далее – РГАСПИ). Ф. 16. Оп. 1. Д. 1. Л. 1–1 об.
- ³⁶ Там же. Д. 48. Л. 1.
- ³⁷ Там же. Д. 16. Л. 13–14.
- ³⁸ Там же. Д. 93–97.
- ³⁹ Там же. Д. 16. Л. 82.
- ⁴⁰ См.: Отчет комиссии ЦИК СССР по увековечению памяти В. И. Ульянова (Ленина). М., 1925. С. 13–14.
- ⁴¹ См.: ГА РФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 2119. Л. 1–2.
- ⁴² См.: Отчет комиссии ЦИК СССР по увековечению памяти В. И. Ульянова (Ленина). С. 3.
- ⁴³ См.: РГАСПИ. Ф. 16. Оп. 1. Д. 16. Л. 118–123.
- ⁴⁴ См.: Лимонов Ю. А. Празднества Великой французской революции в 1789–1793 гг. и массовые праздники Советской России в 1917–1920 гг. // Великая французская революция и Россия. М. : Прогресс, 1989. С. 390–412.

Образец для цитирования:

Лиманова С. А. Особенности организации столичных торжеств в позднеимперский и раннесоветский периоды: пространство, время, идеология // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. История. Международные отношения. 2020. Т. 20, вып. 4. С. 445–453. DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2020-20-4-445-453>

Cite this article as:

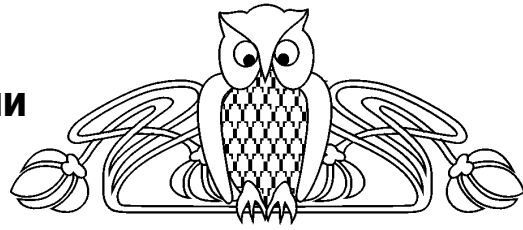
Limanova S. A. Special Aspects of Organizing Celebrations in St. Petersburg (Petrograd) and Moscow in 1894–1924: Space, Time, Ideology. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. History. International Relations*, 2020, vol. 20, iss. 4, pp. 445–453 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2020-20-4-445-453>

УДК 94(47)

Феномен большевизма в восприятии российской эмиграции

В. А. Митрохин

Митрохин Владимир Алексеевич, доктор исторических наук, профессор кафедры политических наук, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, MitrokhinVA@yandex.ru

В статье рассматривается эмигрантский опыт осмысления советской власти, сформировавшийся под влиянием крушения Российской империи и радикальных политических трансформаций в 1917 г. На материалах разнообразных источников проанализирована динамика общественных настроений выходцев из России на протяжении 20-х гг., которые складывались под влиянием европейской жизни, внутриэмигрантской политической борьбы и большевистского государственного строительства.

Ключевые слова: эмиграция, власть, большевики, идеология, политика, интеллигенция, Россия.

Поступила в редакцию: 29.06.2020 / Принята: 01.07.2020 / Опубликована: 21.12.2020

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

Phenomenon of Bolshevism as it is Perceived by Russian Emigration

V. A. Mitrokhin

Vladimir A. Mitrokhin, <https://orcid.org/0000-0003-3067-0489>, Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia, MitrokhinVA@yandex.ru

The author considers the emigrant experience of understanding the Soviet regime that was born under the influence of Russian empire collapse and radical political transformations in 1917. Based on different sources, dynamic of Russian natives' public moods throughout 1920 (the one that was affected by European life, inter-emigrant political struggle and Bolshevistic state-building) is analyzed.

Keywords: emigration, power, Bolsheviks, ideology, politics, intellectuals, Russia.

Received: 29.06.2020 / Accepted: 01.07.2020 / Published: 21.12.2020

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2020-20-4-454-460>

Одним из итогов драматических событий в России в 1917 г., последовавшей за ними Гражданской войны стало формирование российского зарубежья или «России № 2», как его порой именовали бывшие подданные рухнувшей империи. Первые годы пребывания россиян в эмиграции были отмечены не только энергичными действиями по обустройству в новом для многих мире,

попытками решения насущных бытовых и экономических проблем, но и стремлением разобраться в характере изменений, происходивших на Родине.

В начале 20-х гг. советский эксперимент вызывал у эмигрантской общественности бурное неприятие и крайне эмоциональные оценки, во многом навеянные недавно пережитыми кровопролитными событиями, осознанием потери собственной страны. Критические «стрелы» в сторону ненавистной «советчины» направляли представители самых разных социальных групп – военные, политики, писатели, ученые и т. д.

Достаточно показательным в связи с этим явилось издание в 1920 г. в Берлине брошюры Л. И. Шестова «Что такое большевизм». С точки зрения известного философа, большевики воспользовались не только результатами многолетней борьбы русской оппозиции с царизмом (при этом особо отмечена роль партии социалистов-революционеров), но и междоусобицей в лагере политических оппонентов¹. Далее произошло непоправимое – «большевизм предал и погубил русскую революцию ... сыграл на руку самой отвратительной и грубой реакции». По сути, рассуждал Лев Шестов, это возвращение в прошлое, к «царским приёмам», ибо вновь, как в недавнем прошлом, самым ненавистным словом стало слово «свобода». Новая власть по своей природе деспотична, реакционна и не способна на созидание. «Если бы умершие Аракчеев и Николай I восстали из гробов своих, они могли бы идейно торжествовать»², – утверждал автор.

Неизбежным следствием нового порядка, по мнению Льва Исааковича, был приток во власть «огромного количества бездарных и бессовестных людей», которым все равно, кого хвалить и что говорить: «печать хамства лежит на всей деятельности большевистской бюрократии»³.

В том же 1920 г. эмигранткой и европейской публике был представлен еще один опус, близкий по настроению книге Л. И. Шестова. Автором брошюры с характерным названием «Чёрт за рулём (заметки о большевизме)» являлся М. Горелов, в предисловии представившийся как журналистом⁴. Книга была отпечатана в известной типографии Е. А. Гудкова.

По мнению М. Горелова, революция в России была неизбежна и явилась следствием «родимых черт» русского народа, а среди них – «отсутствие государственного инстинкта и деятельной любви к Родине», «презрение к закону», «истеричность». Большевизм же как крайне радикальная форма

проявления идеологии и властвования служил отражением ещё одного национального качества – «максималистского строя народной души»⁵. Однако на определенном этапе гражданского противостояния именно идеи большевиков консолидировали народную энергию и обеспечили победу.

Поражение А. И. Деникина, А. В. Колчака и других противников нового порядка, как считает автор, было не столько военным, сколько идеологическим. Он пишет: «Сознательно или нет, но они несли на своих штыках идею реставрации... не знали и не понимали ту новую Россию, которую хотели спасти»⁶. Теперь же ожидаемое и неизбежное «обмирщение коммунистической церкви» привело к тому, что народ не хочет «ни большевизма, ни опостылевшей полицейщины»⁷. Рецепт выхода из критической ситуации после нескольких лет Гражданской войны предлагался очень простой – ее продолжение.

М. Горелов в своей работе пафосно и максималистски заявлял следующее: «Идея гражданской войны должна быть принята как священная, как единственное оправдание нашего существования. Через братоубийство – к братолюбию! На крови будет выстроен храм государственности новой России – страшный цемент, но единственный...»⁸. Не лишне отметить, что идея реванша, заявленная в брошюре «Чёрт за рулём (заметки о большевизме)», была популярна среди определенных слоев эмиграции в начале 20-х гг. и, как правило, увязывалась с личностью генерала П. Н. Врангеля.

Апокалиптическими мотивами в оценке происходящего в России была преисполнена литературная и общественная деятельность еще одного сторонника интервенции – Д. С. Мережковского. В известной статье «Царство антихриста. Большевизм, Европа и Россия» он писал: «Большевизм, как душевная болезнь – не столько умственная, сколько нравственная... абсолютный провал человеческой личности». Мережковский удивляют и изумляют равнодушные и «невмешательство» (а то и сотрудничество!) европейской публики по отношению к гибнущей стране: «Провалилась Россия, шестая часть планеты Земля, а Европа хочет устроиться на самом краю провала...»⁹. И все-таки, по мнению автора, надежда есть. На смену «царской, рабской», «хамской, большевистской» непременно должна прийти «третья Россия» – «свободная и народная»: «Если большевизм не только политика, но и религия, то победа над большевизмом должна быть победой Бога над дьяволом»¹⁰. Свою веру в будущее восхождение страны Дмитрий Мережковский по-прежнему связывал с Европой, особенно с Францией.

Известный юрист и общественный деятель А. А. Гольденвейзер также попытался разобраться в феномене большевизма. В 1922 г. в Берлине, в издательстве «Мысль» вышла его книга «Якобинцы и большевики: психологические параллели»¹¹. Свои представления о французской реформации

А. А. Гольденвейзер строит в первую очередь на основе анализа известного труда французского философа-позитивиста Ипполита Адольфа Тэна «Происхождение современной Франции». Автор приходит к выводу о том, что, несмотря на различие революционных процессов во Франции и России, есть явления, которые сближают эти социальные катаклизмы. Психология «среднего якобинца» вполне соотносима с большевистской и определяется такими качествами, как: умственная неподготовленность, самонадеянность и, наконец, обращенность к абстрактным теориям, доктринерству¹².

Формирующийся таким образом режим «аристократии наизнанку» создавал своего рода социальный лифт, где «последние становились первыми». И еще одно наблюдение А. А. Гольденвейзера, роднящее, по его мнению, французскую и русскую революции: «Во Франции, как и в России, самые блестящие революционные карьеры делали зелёные юнцы»¹³.

Тему качественного изменения управленческой элиты затрагивали и другие эмигрантские авторы. Так, Питирим Сорокин в работе «Современное состояние России» достаточно подробно рассматривает социальные сдвиги в управляемой большевиками стране¹⁴. По его мнению, произошла простая перегруппировка в существовавшей раньше социальной пирамиде неравенства. В начале революции из верхних этажей пирамиды массовым образом были удалены старая буржуазия, аристократия и привилегированно-командующие слои. Их место заняли отдельные «обитатели социальных подвалов», «интернационалисты» и т. д. Будущее «светило» американской социологии в 1922 г. не скупился на самые жесткие оценки новоявленной элиты: «В условиях зверской борьбы, обмана, беспринципности и морального цинизма они чувствовали себя великолепно, занимали выгодные посты, зверствовали, мошенничали, меняли по мере надобности свои позиции и жили сытно и весело»¹⁵.

Не исчезла и сама пирамида неравенства, как считал П. Сорокин. На низах снова были массы, наверху – командующие властители. Последние были еще более привилегированны, чем старая власть, первые – еще более обездолены, чем раньше¹⁶.

Морально-психологическое состояние общества в большевистской России стало предметом подробного рассмотрения бывшим эсером, делегатом всероссийского учредительного собрания от Вологодской губернии С. С. Масловым. В начале 1922 г. Сергей Семенович Маслов был исключен из эсеровской партии решением ее ЦК. Осенью 1922 г., пребывая в Праге, он создал группу «Крестьянская Россия», лидером которой являлся до 1938 г.

В начале 20-х гг. в Париже, в издательстве «Русская печать», вышел двухтомный труд С. С. Маслова¹⁷. На основании достаточно подроб-

ного анализа настроений в разных слоях общества (рабочий класс, крестьянство, интеллигенция, армия, учащиеся) автор пришел к выводу о том, что «социально-психологические сдвиги в России огромны, широки и бесконечно разнообразны»¹⁸. Вместе с тем выплеск гигантской социальной энергии в прошлые годы неизбежно привел к спаду общественной активности, исчезновению некогда признанных политических институтов, духовному кризису. Это наиболее четко просматривается на примере интеллигенции, которая «в массе своей смеётся, брюзжит, злобствует ... в лучшем случае занимается бессильной словесной критикой советского строя»¹⁹.

По мнению С. С. Маслова, сложившийся «рабовладельческий» порядок вещей, методы управления страной, которые «оттолкнули от правящей партии всё нравственно здоровое», бюрократизация и паралич народного хозяйства неизбежно приведут к свержению власти²⁰. Все надежды на будущее оздоровление общества этот общественный деятель связывал с российским крестьянством – «наиболее активной политической силой, которая борется неустанно и ожесточенно». Аргументируя свою позицию, автор ссылаясь на данные всероссийской ЧК. Только в феврале 1921 г. восстаниями были охвачены 118 уездов и до 15 городов²¹.

Уничтожающей критике большевистская власть подвергалась в книгах и публикациях П. Б. Струве²², Ф. А. Щербины²³, А. М. Терне²⁴ и других авторов. Однако на смену эмоциональному накалу и политизированности первых лет пребывания на чужбине неизбежно должны были прийти более взвешенные и здравые оценки происходивших на родине событий. И это произошло. Весьма показательным в данном контексте явился выход сборника «Смена вех»²⁵. Тональность большинства статей вызвавшего резонанс издания явно контрастировала с подходами непримиримых оппонентов большевистской власти, включая обозначенных выше авторов. По-разному выдвигалась и будущность Российского государства.

Так, кубанский казачий политик, бывший член-корреспондент Императорской Академии Наук (1904) и будущий ректор Украинского свободного университета (1924–25 гг.) Фёдор Андреевич Щербина доминирующей тенденцией происходящего в политическом и географическом пространстве ушедшей в небытие Российской империи видел прежде всего «исторический процесс самоопределения территорий (Украина, Сибирь и т. д.)». Внутренний труд Ф. А. Щербины обращен к исследованию истоков происхождения, сущностных черт и будущего большевистского режима. Это явление российской истории, по его мнению, представляет собой отклонение от естественного течения социальной жизни («ужасающая пропасть надломленного человеческого прогресса», «антипод социального движения», «русский самобытный эклектизм гегемонистских

построений» и т. д. Определяющими характеристиками сложившегося политического порядка являлись его «несовместимость с демократическими принципами парламентаризма и замена закона произволом»²⁶. Следует отметить, что далеко идущие выводы делались в том числе на основе анализа саратовской губернской периодики и других источников.

А. Ф. Щербина утверждал следующее: «Было бы большой ошибкой проводить нелепую систему объединения всех этих частей с помощью грубой силы». В этом смысле для профессора Щербины одинаково неприемлемы как большевики, носящиеся с «эфмерной идеей мировой революции», так и представители «белого воинства» (А. В. Колчак, А. И. Деникин, П. Н. Врангель) со своим «ходульным и пустопорожним лозунгом единой неделимой России»²⁷.

Что же предлагал признанный ученый и общественный деятель? Будущее виделось ему «союзом миролюбия» (на основе предложений президента США Вильсона), неким «славянским единением» при недопущении «покровительства и гегемонии России»²⁸. «Ныне, в век демократических течений, оно (единение. – В. М.) диктуется на основе равноправия славянских народов. Вот почему русское государственное строительство должно совершаться путём федерации как разрозненных своих частей, так и общеславянского объединения...»²⁹.

Диаметрально противоположный концепт предложен авторами сборника «Смена вех». В статье «Патриотика» заявлено следующее: «Советская власть будет стремиться всеми средствами к восстановлению окраин с центром – во имя идеи мировой революции. Русские патриоты будут бороться за то же – во имя Великой и Единой России. При всём бесконечном различии идеологий, практически – путь один...»³⁰.

Один из авторов сборника, адвокат и потомственный дворянин А. В. Бобрищев-Пушкин высказал мнение о том, что в стране, переживающей жестокий кризис революции, никакая другая власть, кроме советской, не в состоянии стабилизировать общественную ситуацию, «никто ни с чем не справится, все перегрызутся...»³¹. «Причудливая диалектика истории неожиданно выдвинула Советскую власть с её идеологией интернационализма на роль национального фактора современной русской жизни, в то время как наш национализм, оставаясь непоколебимым, на практике потускнел и поблек...»³².

А. В. Бобрищев-Пушкин пришел к выводу, согласно которому, независимо от концепции будущего социального строя, коммунисты стали «знаменосцами будущей жизни, трубачами социальной борьбы»: «За это их ненавидят, за это их любят. За это ненавидят и любят Россию, ставшую во главе того лагеря, которому суждена победа, ибо он – будущее. Официальная Европа – прошлое...»³³.

Ю. В. Ключников, обращаясь к своему бывшему однопартийцу (оба какое-то время были членами кадетской партии), одному из авторов «Вех» и принципиальному противнику большевиков П. Б. Струве, писал: «Вам нужно понять, что революция совершилась, и Вам нужно принять революцию... Вы увидите, как поразительно гармонически сочетается всё, что Вы писали в 1909 году с тем, что придётся делать в конце 1921 года»³⁴. Сам П. Б. Струве, пытаясь разобраться в истоках трагических событий 1917 г., считал, что после введения народного представительства и провозглашения гражданских свобод опасность свободного развития страны исходила не столько от монархии, сколько от радикально настроенных элементов, готовых продолжить революционную борьбу с властью любыми способами. Эту особенность развития России не сумели уловить кадеты, оказывавшие серьезное влияние на политическую ситуацию в стране. Результатом исторического заблуждения явилась революция, которая по убеждению П. Б. Струве, была «антипатриотична, противонациональна и противогосударственна»³⁵.

Книга французского философа и историка, участника революционного движения в России, эсера Якова Лазаревича Юделевского (1868–1957) (псевдоним – А. Волин) также была попыткой разобраться в российской действительности тех лет. Автор выражает несогласие с распространенным в эмиграции мнением, согласно которому революция явилась реакцией на «самодержавный деспотизм». С его точки зрения, Россия в прошлом была страной «неограниченной свободы, анархии законов, разгильдяйства нравов, воровства, лжи и безудержной лени... все качества народа терпеливого, выносливого, восприимчивого и способного на фанатизм глохли...»³⁶.

Я. Л. Юделевский, с одной стороны, занимал антибольшевистскую позицию, не разделяя реформаторской деятельности новой власти, с другой – считал, что революция «вполне логична» и является отражением поиска человечества новых путей развития³⁷. Не последнюю роль в российских событиях, по его мнению, сыграла и сама безалаберная власть: «О действиях Бьюкена, Виновых, Милюковых и Керенских было отлично известно в обществе... и власть палец о палец не ударила чтобы предупредить подготавливающуюся катастрофу»³⁸.

Наконец, по Я. Л. Юделевскому, революция произошла и развивается еще и потому, что у нее есть свои лидеры, с которыми неизбежно приходилось и приходится считаться: «Ленин обладает целым рядом качеств вождя: воля к власти, презрение к коллегиальности, творчество и дерзость мозга»³⁹. Как считал автор книги, идеолог и практик большевизма Владимир Ленин (Ульянов) «вполне мог бы быть полезен для России, если бы не увлекся идеей противника духа нации»⁴⁰.

Личность вождя пролетарской революции, как известно, вызывала пристальный интерес в

российском зарубежье. Даже непримиримые противники советских преобразований были вынуждены признавать его выдающиеся качества, как главы партии и государства. Тот же А. М. Терне отмечал «недюжинный дипломатический талант» В. И. Ленина⁴¹.

Н. В. Устрялов успех большевизма в значительной степени связывал с «широтой кругозора» и «трезвостью реального политика» лидера революции. Важно отметить, что ядром политической позиции Устрялова, начавшей складываться еще до Крымской катастрофы, стала мысль о национальном характере русской революции. «Какое глубочайшее недоразумение – считать русскую революцию не национальной, – писал он в 1920 г. – Это могут утверждать лишь те, кто закрывает глаза на всю русскую историю и, в частности, на историю нашей общественной и политической мысли»⁴².

В представлении Н. В. Устрялова Владимир Ленин – «фантаст» и «практик» одновременно: «Подобно примерному «государю» Макиавелли он совмещает в себе качества льва и лисицы – в этом его сила»⁴³.

Это, впрочем, не означало подобострастия и абсолютного признания большевистских преобразований Н. В. Устряловым. Вот что по этому поводу он писал в статье «Вехи и революция»: «Если мы занимаем вполне лояльную позицию по отношению к московской власти, то из этого еще вовсе не следует, что мы разделяем целиком всю программу большевистской революции»⁴⁴. Эта мысль получила продолжение в другой публикации «харбинского сидельца» – «Смысл встречи»: «Созревающая готовность русской интеллигенции к искренней и добросовестной работе над воссозданием Родины, возглавляемой Советской властью, отнюдь еще не есть большевизация русской интеллигенции»⁴⁵.

Вторая половина 20-х гг. ознаменовалась качественными изменениями в общественных настроениях зарубежной России. Для значительной части эмиграции все очевидней становилась утопичность политических планов ее лидеров. Постоянная конкуренция представителей политической элиты, связанная с ней изнурительная борьба за влияние, крах многократных попыток объединения («Учредилка», Русский Совет, Национальный съезд, «Всемирный русский съезд» и др.) привели к разочарованию в политических способах решения проблем и переходу общественного процесса в иное русло. На смену некогда популярным эмигрантским лозунгам «интервенционизм», «борьбизм», «свержение Советов» приходили новые идеи, включая так называемое «примиренчество».

Не в малой степени этому способствовала эволюция самого большевистского режима. П. Н. Милюков в 1927 г. выпустил обширное двухтомное монографическое исследование, где констатировал факт «укрепления большевистской диктатуры»⁴⁶. Анализируя ситуацию в Советской

России, в главе «Почему большевики удержались у власти?» он выделил три ее «опоры»: 1) слияние партии и государственной власти, формирование диктатуры; 2) Красная армия, где не последнюю роль играли «военспецы»; 3) красный террор, парализовавший деятельность оппозиции и анти-большевистского движения⁴⁷.

Разумеется, не все были готовы разделить точку зрения историка Милюкова. Ее противниками, в частности, были меньшевики, чья деятельность в эмиграции воспринималась многими как недоразумение, а позже самими меньшевиками была определена как «жестокое поражение»⁴⁸.

Один из лидеров этого политического течения П. А. Гарви в выпущенной в 1928 г. брошюре «Закат большевизма» убеждал читателей, что «закат большевизма начался»⁴⁹. Важно отметить, что «оптимизм» меньшевиков-эмигрантов в немалой степени подпитывался идеями, распространенными в кругах европейской социал-демократии. Весьма показательным явился выход в 1930 г. русской версии работы видного немецкого теоретика Карла Каутского «Большевизм в тупике»⁵⁰. Тем не менее для большинства представителей «России № 2», более трезво оценивавших ситуацию, становилось очевидно – надеждам на быстрое крушение Советской власти сбыться не суждено. Это, в свою очередь, способствовало дальнейшей политической переориентации эмигрантского сообщества и усугублению идейного кризиса зарубежной России. Так, ряд видных деятелей русской эмиграции заявили о недопустимости предрешения вопроса о политической организации государства вне его пределов и без учета мнения народа. Идея о выборе «образа правления согласно чаяниям народа»⁵¹ разделялась представителями самых разных политических сил эмиграции. Например, она поддерживалась в правом лагере («Братство Русской Правды»), а зачастую компенсировала отсутствие ясной идеологии (особенно характерно для РОВС). Мотивы «белого непрдрешенчества» ясно просматриваются в переписке П. Н. Врангеля и А. С. Лукомского еще в начале 20-х гг. В письме от 6 апреля 1922 г. генерал Врангель писал: «Я же почту своим долгом поддерживать всякую власть, явившуюся на смену большевистской, при условии, что эта власть будет отвечать народным чаяниям и надеждам»⁵². Также сторонниками «непрдрешенчества» выступали представители демократического крыла диаспоры, например Е. Д. Кускова.

Вместе с тем схожесть доктринальных подходов этих течений отнюдь не означала тактического родства и ни в коей мере не способствовала сближению их позиций в отношении существовавшего в России строя.

Тактическая линия «белых» организаций сводилась к «непримиримости» и «активизму», что на практике выливалось в упорное и настойчивое противодействие Советской власти (включая подготовку и осуществление террористических акций).

«Непрдрешенчество демократического толка» чаще всего увязывалось с признанием «эволюции» Советского строя и идеями «примиренчества». В концентрированном виде данная точка зрения была представлена в докладе Е. Д. Кусковой эмигрантской общественности 16 марта 1926 г. в Париже. Основное внимание в выступлении уделялось рассмотрению социально-политической ситуации в СССР и реакции на нее «России № 2». Екатерина Дмитриевна Кускова пришла к болезненному для большинства присутствовавших выводу о признании власти большевиков населением бывшей Российской империи и призвала русскую диаспору пересмотреть отношение к советскому строительству, «внимательно взглянуть» в общественные процессы, происходившие на Родине⁵³.

«Непрдрешенческие» мотивы просматривались и в решениях Всемирного русского съезда, открывшегося в столице Франции 4 апреля 1926 г. В его работе приняли участие 420 делегатов из 26 стран, представлявших разнообразные социальные и политические слои российской диаспоры. В «Обращении ко всему миру» было заявлено: «Мы, русские изгнанники, видящие цель своей жизни в освобождении Родины от ига ее врагов, числим в своих рядах представителей разных политических мировоззрений и не считаем возможным, ни желательным предрешение за границей основных вопросов будущего государственного строя России»⁵⁴.

Еще одним обстоятельством, усугубившим раскол в восприятии феномена большевизма, стало появление на политической арене пореволюционных течений. Наиболее яркими из них на начальном этапе стали сменовеховство и евразийство. Сторонники сменовеховства и, в определенной степени, евразийства также придерживались позиции пересмотра отношения эмиграции к Советской власти, осуществления диалога с ней, а значит фактического и юридического ее признания.

Идеологии новых общественно-политических течений базировались на разных идейных посылах, хотя и содержали общие черты, направленные на возможное установление политического компромисса с Советской властью.

Сменовеховцы рассматривали Советскую власть как новую форму российской государственности, соответствующую мессианскому призванию России. Для определенной части российской элиты такое видение русского большевизма стало своеобразным итогом послереволюционных духовных исканий, ответом на поставленный самой историей вопрос о судьбе страны.

Идеологи евразийства не отрицали ценности большевистского опыта государственного строительства, считая, что отдельные элементы аппарата управления страной будут востребованы при созидании будущего евразийского сообщества. Сама партия большевиков, «великолепно органи-

зованная и властная до тираничности», рассматривалась как прообраз будущей партийной системы России – Евразии⁵⁵. Ядром системы должна была стать «партия особого рода, правительствующая и своей властью ни с какой другой партией не делящаяся, даже исключая существование других партий»⁵⁶. Таким образом, будущий партийный союз виделся государственно-идеологическим объединением, пронизывающим все структуры общества снизу доверху. По сути дела евразийцы стали идеологами государства «мобилизационного типа», способного к масштабным модернизаторским усилиям в течение достаточно короткого исторического отрезка⁵⁷.

Совершенно очевидно, что разнообразная и поляризованная в политическом и культурном измерениях зарубежная Россия не имела шансов на выработку консенсуса в восприятии феномена большевизма. Оценки и прогнозы (большинство из них оказались ошибочны) в отношении социалистического строительства определялись влиянием целого ряда факторов, среди которых: внутриэмигрантская борьба, политические процессы в странах-реципиентах. Не последнюю роль играли отдаленность и все большая закрытость России – СССР.

Тем не менее дальнейшая эволюция Советского государства показала, что проблемы, поставленные в 20-е гг. XX в. в эмигрантской среде, а нередко и предложенные пути их решения, были весьма актуальны и востребованы для судеб страны, в которую большинство эмигрантов мечтали вернуться со своими идеями. Среди них – социально-политическая гармонизация и формирование «среднего» класса, роль и ответственность элит (властвующей и оппозиционной), влияние внешних факторов в политике, наконец, элементарное «сбережение народа».

Учет всего вышеперечисленного в ходе государственного строительства жизненно необходим для успешного функционирования любого общественного организма и в наше время. Как показала практика, игнорирование этих факторов либо их недооценка властью неизбежно приводят к кризису, зачастую с далеко идущими последствиями.

Примечания

- 1 См.: *Шестов Л. И.* Что такое большевизм. Берлин, 1920. С. 17, 19.
- 2 Там же. С. 11.
- 3 Там же. С. 27.
- 4 См.: *Горелов М.* Чёрт за рулём (заметки о большевизме). Берлин : Типография Евгения Александровича Гудкова, 1920.
- 5 Там же. С. 12.
- 6 Там же. С. 20, 22.
- 7 Там же. С. 20.
- 8 Там же. С. 29.
- 9 *Мережковский Д. С., Гиппиус З. Н., Философов Д. В., Злобин В. А.* Царство антихриста. Лейпциг : Типография Шпамера, 1922. С. 22, 29.
- 10 Там же. С. 10.
- 11 *Гольденвейзер А. А.* Якобинцы и большевики : психологические параллели. Берлин : Мысль, 1922.
- 12 Там же. С. 52.
- 13 Там же. С. 11.
- 14 *Сорокин П. А.* Современное состояние России. Прага : Винничук, 1922. С. 19.
- 15 Там же. С. 10.
- 16 Там же. С. 19, 35.
- 17 *Маслов С. С.* Россия после четырёх лет революции : в 2 т. Париж : Русская печать, 1922.
- 18 Там же. Т. 1. С. 7.
- 19 Там же. Т. 2. С. 127.
- 20 Там же. Т. 1. С. 131 ; Т. 2. С. 198.
- 21 Там же. Т. 2. С. 127.
- 22 См.: *Струве П. Б.* Размышления о русской революции. София : Российско-Болгарское книгоиздательство, 1921.
- 23 См.: *Щербина Ф. А.* Законы эволюции и русский большевизм. Белград : Русская мысль, 1921.
- 24 См.: *Терне А. М.* В царстве Ленина. Берлин : Изд-во А. М. Терне, 1922.
- 25 Смена вех : сб. ст. Прага : Типография «Политика», 1921.
- 26 *Щербина Ф. А.* Законы эволюции и русский большевизм. Белград : Русская мысль, 1921. С. 162.
- 27 Там же. С. 256.
- 28 Там же.
- 29 Там же. С. 259.
- 30 *Устрялов Н. В.* Patriotica // Смена вех... С. 51.
- 31 *Бобринцев-Пушкин А. В.* Новая вера // Смена вех... С. 96.
- 32 Там же // Смена вех... С. 148.
- 33 Там же // Смена вех... С. 127.
- 34 *Ключников Ю. В.* Смена вех // Смена вех... С. 33.
- 35 Возрождение. 1927. № 651. 15 марта.
- 36 *Юделевский Я. Л.* Молодая Россия. Конец русского погрома. Берлин : Изд-во В. Сяльскийкий и А. Крейшман, 1922. С. 40.
- 37 Там же. С. 210.
- 38 Там же. С. 167.
- 39 Там же. С. 191.
- 40 Там же.
- 41 *Терне А. М.* В царстве Ленина. Берлин : Изд-во А. М. Терне, 1922. С. 15.
- 42 *Устрялов Н. В.* В борьбе за Россию : сб. статей. Харбин : Окно, 1920. С. 47.
- 43 *Устрялов Н. В.* Под знаком революции : сб. статей. Харбин : Русская жизнь, 1925. С. 8.
- 44 Там же. С. 48.
- 45 Там же. С. 70.
- 46 *Милюков П. Н.* Россия на переломе. Большевицкий период русской революции : в 2 т. Т. 1 : Происхождение и укрепление большевицкой диктатуры. Париж : Imprimerie d'art Votair 34, Rue Richer, Paris (IX), O. Zeluk, 1927.

- ⁴⁷ Там же. Т. 1. С. 165.
- ⁴⁸ *Меньшевики после Октябрьской революции* : сб. статей и воспоминаний Б. Николаевского, С. Волина, Г. Аронсона. NewYork : Chalidze Publications, 1990. С. 283.
- ⁴⁹ *Гарви П. А. Закат большевизма. 10 лет диктатуры*. Рига : Nākotnes kultura, 1928. С. 52.
- ⁵⁰ См.: *Каутский К. И. Большевизм в тупике* / пер. Ф. Дана. Берлин : Социалистический вестник, 1930.
- ⁵¹ *Национально-трудовой Союз Нового Поколения* : в 4 ч. Ч. IV : Исторический отдел. Белград : Меркур, 1938. С. 136.
- ⁵² Государственный архив Российской Федерации. Ф. 5829. Лукомский Александр Сергеевич. Оп. 1. Ед. хр. 8. Л. 47.
- ⁵³ См.: *Последние новости*. 1926. № 1821. 18 марта.
- ⁵⁴ *Сборник российских политических программ. 1917–1955*. Клайпеда : Посев, 1989. С. 38.
- ⁵⁵ *Евразийство (опыт системного изложения)*. Париж ; Берлин : Евразийское книгоиздательство. 1926. С. 49.
- ⁵⁶ Там же. С. 52.
- ⁵⁷ См.: *Савицкий П. Н. Евразийство как исторический замысел*. Континент Евразия. М. : Аграф, 1997. С. 105.

Образец для цитирования:

Mitrokhin V. A. Феномен большевизма в восприятии российской эмиграции // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. История. Международные отношения. 2020. Т. 20, вып. 4. С. 454–460. DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2020-20-4-454-460>

Cite this article as:

Mitrokhin V. A. Phenomenon of Bolshevism as it is Perceived by Russian Emigration. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. History. International Relations*, 2020, vol. 20, iss. 4, pp. 454–460 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2020-20-4-454-460>

УДК 34(091).084.8

В. Ф. Тотомиянец – историк, теоретик и пропагандист российской кооперации

И. Н. Коновалов

Коновалов Иван Николаевич, доктор исторических наук, профессор кафедры истории, политологии и социологии, Саратовская государственная юридическая академия, i.n.konovalev@mail.ru

В статье исследуется вклад в историю и теорию кооперативного движения выдающегося российского ученого В. Ф. Тотомиянца, автора многочисленных работ, энциклопедических сочинений по истории и теории международной и российской кооперации. Анализируется практическое участие Тотомиянца в работе кооперативных съездов, определивших направление развития российской кооперации. Особое внимание уделяется преподавательской, научной и пропагандистской деятельности ученого в России и в эмиграции.

Ключевые слова: история, теория кооперации, кооперативные съезды, кооперативы, департамент полиции, научная, преподавательская и пропагандистская деятельность, кооперативные журналы.

Поступила в редакцию: 12.06.2020 / Принята: 01.07.2020 / Опубликовано: 21.12.2020

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

V. F. Totomianz – Historian, Theorist and Propagandist of Russian Cooperation

I. N. Konovalev

Ivan N. Konovalev, <https://orcid.org/0000-0002-7359-9160>, Saratov State Academy of Law, 1 Volska St., Saratov 410056, Russia, i.n.konovalev@mail.ru

The contribution to the history and theory of the cooperative movement by the outstanding Russian scientist V. F. Totomianz, author of numerous works, encyclopedic essays on the history and theory of international and Russian cooperation. The practical participation of the Totomianz in the work of cooperative congresses, which determined the direction of development of Russian cooperation, is analyzed. Particular attention is paid to teaching, research and advocacy in Russia and in exile.

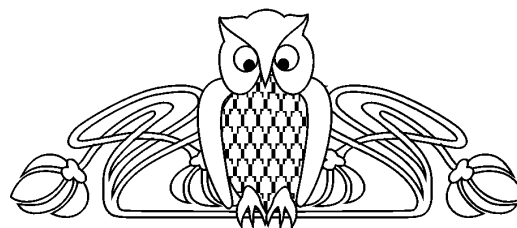
Keywords: history, theory of cooperation, cooperative congresses, cooperatives, police department, scientific, teaching and propaganda activities, cooperative magazines.

Received: 12.06.2020 / Accepted: 01.07.2020 / Published: 21.12.2020

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2020-20-4-461-463>

Вахан Фомич Тотомиянец (1875–1964) – один из выдающихся исследователей истории и теории международного, в том числе российского коопе-

ративного движения. К Советской власти относился отрицательно, поэтому в научной литературе его имя долгое время не упоминалось.

Современные ученые высоко оценивают вклад В. Ф. Тотомиянца в развитие кооперативной науки¹. Однако до сих пор не в полной мере исследована его научная, преподавательская и пропагандистская деятельности в кооперативной сфере. В данной статье предпринята попытка восполнить этот пробел.

В. Ф. Тотомиянец родился и вырос в Астрахани в семье директора армянской школы. Мать его была немкой, поэтому он с детства знал русский, немецкий и армянский языки. Среднее образование получил в Астрахани, а высшее – в университетах Германии, Швейцарии и Бельгии. В 1898 г. В. Ф. Тотомиянец получил в Брюссельском университете степень доктора социальных наук. С 1912 г. – приват-доцент Московского университета, в 1913 г. получает в этом учебном заведении степень магистра политической экономии, а в 1915 г. – степень доктора политической экономии и статистики Киевского университета. Он читал лекции в высших учебных заведениях Санкт-Петербурга, Москвы, Тифлиса, Парижа, Берлина, Праги и Рима.

Литературную и кооперативную деятельность он начал с 14 лет, будучи гимназистом, писал на трех языках. С 1898 г. был корреспондентом ежемесячного журнала легальных марксистов «Начало». В 1903–1904 гг. редактировал либерально-демократическую «Экономическую газету», одновременно вел экономический отдел в журнале «Образование». В 1908 г. по приглашению главного редактора «Вестника кооперации» М. И. Туган-Барановского талантливый литератор стал сотрудником журнала. В скором времени В. Ф. Тотомиянец опубликовал в этом издании ряд статей, которые в дальнейшем превратились в солидные труды по истории и теории кооперации².

Вахан Фомич – один из пионеров русского кооперативного движения. С 1900 г. он работает секретарем отдела Комитета ссудо-сберегательных и промышленных товариществ, который пропагандировал и поддерживал все формы кооперации в России. Он участвует буквально во всех мероприятиях, связанных с кооперацией, как в России, так и за ее пределами, избирается членом Центрального Комитета Международного кооперативного Альянса, активно выступает в его комиссиях.

Тотомианц – участник всех всероссийских кооперативных съездов. На первом Московском съезде 1908 г. он стал одним из его секретарей и членом особой комиссии по выработке проекта единого кооперативного закона. В марте 1912 г. он как член организационного комитета выступал на I съезде деятелей по мелкому кредиту и сельскохозяйственной кооперации в Петербурге. В августе 1913 г. Вахан Фомич был избран в состав законодательной комиссии на II съезде по кооперации, которая доработала проект единого кооперативного закона и направила его в Государственную Думу³.

Такая общественная активность литератора не могла не привлечь внимание департамента полиции. В 1901 г. по постановлению министра внутренних дел «как изблеченный в политической неблагонадежности В. Ф. Тотомианц был подчинен гласному надзору полиции на 2 года». В последующем он упоминается в циркуляре министра «как лицо, поставившее себе задачей путем устройства вечеринок, чтения речей и рефератов на соответствующие темы проведение в среду молодежи противоправительственных идей». Кроме того, в полиции было зафиксировано, что Тотомианц с 1900 по 1909 гг. поддерживал тесные контакты с членами меньшевистской фракции РСДРП⁴.

Оригинальность суждений В. Ф. Тотомианца заключалась в признании кооперативного движения не капиталистическим и не социалистическим, а самостоятельным аполитичным явлением. Главной задачей русской кооперации, считал он, является образование и воспитание масс в кооперативном духе, свободном от партийной политики⁵.

Произведения Вагана Фомича посвящались анализу в целом кооперации как общественного явления, выяснялась его сущность и значение в деле освобождения рабочих и крестьян. В. Ф. Тотомианц активно изучал и пропагандировал наряду с потребительскими, производственными и сельскохозяйственными видами кооперации. «Кооперация, – писал он, – и всеобщая стачка отчасти уже получили, и получают партийное признание, а наряду с политической и профессиональной организациями, с работой в парламентах и в городских управлениях, наряду с другими видами пролетарского воздействия, служат великому делу политического и экономического освобождения рабочего класса»⁶.

Как последователь Нимской школы В. Ф. Тотомианц рассматривал кооперацию как ключевое звено в изменении мира: «Кооперация хочет преобразовать мир, но начинается с реформы домашнего хозяйства. Она идет к звездам, но в то же время твердо держится земли». Именно кооперация, заключал он, «должна служить для мирного, но коренного преобразования действующего экономического строя»⁷.

В этой связи представляет интерес опрос мнений о кооперации проведенный В. Ф. Тотоми-

анцем в 1911 г. на страницах журнала «Вестник кооперации», который позволил общественности лучше понять сущность кооперативной идеи, ее преобразующее значение в духовной и экономической сферах. Одним из первых на предложенную анкету ответил Л. Н. Толстой. «Вы совершенно верно предполагаете, – писал он, – что кооперативное движение не может не быть сочувственно мне. Хотя я продолжаю и никогда не перестану думать и говорить, что единственное радикальное средство, могущее уничтожить существующее зло борьбы, насилия и подавленности большинства народа нерабочими сословиями – есть обновление религиозного сознания народа, я не могу не признавать и того, что кооперативная деятельность – учреждение кооперативов, участие в них – есть единственная вещественная деятельность, в которой в наше время может участвовать нравственный, уважающий себя человек, не желающий быть участником насилия. Если бы я был молод, я бы занялся этим делом, и теперь не отчаиваюсь и попытаюсь сделать, что смогу, среди нашего близкого мне крестьянства»⁸.

Профессор В. Левицкий в своем письме В. Ф. Тотомианцу указывал, что в кооперации заключается неисчерпаемый источник силы для поднятия крестьянского хозяйства на высоту, соответствующую требованиям современной агрономии. Мощь кооперативной организации он сравнивал «с силою尼亚гарского водопада»⁹.

Профессор П. П. Мигулин в ответе Тотомианцу сообщал следующее: «Значение кооперации необычайно велико. Это институт, способный произвести коренной переворот в области экономических отношений и в то же время водворить (поскольку это вообще возможно) социальный мир»¹⁰.

Профессор Н. Каблуков писал: «Мне думается, что развитие кооперации в России должно иметь особенно широкое и глубокое значение, так как это единственная область у нас, где может вполне проявиться самодеятельность населения... Это имеет значение не только в экономическом, но в общественном отношении, так как развитие самодеятельности поднимает самосознание личности, чувство собственного достоинства»¹¹.

С осени 1917 г. Тотомианц начинает издавать солидный периодический журнал «Кооперативный мир», основывает кооперативное издательство, планирует выпустить кооперативную энциклопедию. Однако через год он вынужден был выехать на Кавказ, а затем перебраться в Германию и Швейцарию.

Вахан Фомич не принял Октябрьской революции и с 1919 г. фактически началась его эмиграция. Он писал, что «большевистская революция 1917 г., начав расправляться со своими политическими врагами, не пощадила и кооператоров. При этом была реорганизована и сама кооперация с целью устранения нежелательных с политической точки зрения руководителей»¹².

В начале 20-х гг. Тотомиянец жил и трудился в Италии, где он находился по приглашению видного кооперативного и государственного деятеля этой страны Л. Луццати. В 1922 г. президент Чехословакии Т. Массарик пригласил профессора Тотомиянца вместе с семьей переехать в Прагу. Здесь он преподавал в Русском институте сельскохозяйственной кооперации, на русском юридическом факультете, но успевал вести занятия в Берлинской коммерческой академии, сотрудничать в периодической печати. Он объездил почти всю Европу, читая лекции и произнося речи на кооперативных конгрессах. Кроме того, он состоял членом Европейского союза социальной политики и Чешского общества изучения славянства¹³.

В связи с началом Второй мировой войны Тотомиянец в 1939 г. переезжает в Софию, где преподает в Высшей кооперативной школе, издает очередной труд «Из моих воспоминаний» (1943), несмотря на то, что погибают его уникальная библиотека и практически все рукописи.

В 1953 г. почти ослепший, он перебирается в Париж, где читает лекции в Русском научном институте, несмотря на болезнь, он всегда работал. Венцом творчества профессора-эмигранта стала его 4-томная «Энциклопедия международной кооперации» на немецком языке, вышедшая в Берлине в 1927–1929 гг. Последняя книга В. Ф. Тотомиянца была издана в 1961 г.

Из многочисленных сочинений профессора Тотомиянца на русском и иностранных языках выделяются следующие: «Теории кооперации». Второе издание – Прага, 1921; «Основы кооперации», Берлин, 1923; «Кооперация в России», Прага, 1922; «Энциклопедия международной кооперации» (на немецком языке), 4 тома, Берлин, 1927–1929 гг. Сочинения профессора В. Ф. Тотомиянца переведены более чем на 20 языков. На сегодняшний день в отделе рукописей Российской

национальной библиотеки (ОР РНБ) сохранились многочисленные неопубликованные письма В. Ф. Тотомиянца, адресованные библиографу кооперативной печати, рецензенту кооперативных изданий А. В. Мезьер¹⁴.

Умер Вахан Фомич 9 мая 1964 г. в Кормейан-Паризис во Франции.

Примечания

- 1 См.: *Соболев А. В.* Основные школы европейской кооперации : обзор кооперативных идей (XIX – первая половина XX вв.) : учеб. пособие. М. : Изд-во МУПК, 2004. С. 147–149.
- 2 См.: *Тотомиянец В. Ф.* Кооперация в русской деревне. М. : Изд-во МСПО, 1912.
- 3 См.: Государственный Архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 102. 1908. Д. 121. Л. 12 об., 13, 43 об.
- 4 См.: Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1284. Оп. 188. Д. 262. Л. 7.
- 5 См.: *Тотомиянец В. Ф.* Потребительские общества. М. : Изд-во нар. унив. им. Шанявского, 1918. С. 172.
- 6 *Тотомиянец В. Ф.* Формы рабочего движения. СПб. : Мысль, 1905. С. 207–208.
- 7 *Тотомиянец В. Ф.* Кооперация : История, принципы, форма, значение. Frankfurt am Main : Possev-Verl., 1961. С. 27–28.
- 8 Анкета. Опрос мнений о кооперации, произведенный В. Ф. Тотомиянцем // *Вестн. кооперации.* 1911. Кн. 2. С. 59–60
- 9 Там же С. 60–61.
- 10 Там же С. 61–62.
- 11 Там же. С. 62.
- 12 *Тотомиянец В. Ф.* Кооперация в России. Прага : Изд-во Русского института сельскохозяйственной кооперации в Праге, 1922. С. 159.
- 13 См.: *Соболев А. В.* Указ. соч. С. 148.
- 14 См.: ОР РНБ. Ф. 1036. Оп. 1. Д. 9, 65, 67.

Образец для цитирования:

Коновалов И. Н. В. Ф. Тотомиянец – историк, теоретик и пропагандист российской кооперации // *Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. История. Международные отношения.* 2020. Т. 20, вып. 4. С. 461–463. DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2020-20-4-461-463>

Cite this article as:

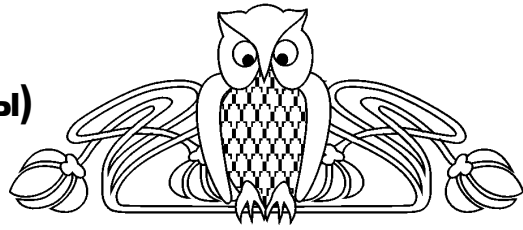
Konovalev I. N. V. F. Totomianz – Historian, Theorist and Propagandist of Russian Cooperation. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. History. International Relations*, 2020, vol. 20, iss. 4, pp. 461–463 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2020-20-4-461-463>

УДК 94(47).084.3

Резэвакуация жителей Псковской области (1944–1948 годы)

А. В. Филимонов

Филимонов Анатолий Васильевич, кандидат исторических наук, профессор кафедры отечественной истории, Псковский государственный университет, kafotist@pskgu.ru

В статье рассматривается процесс возвращения в родные места после освобождения от немецко-фашистских захватчиков жителей Псковской области, эвакуированных в 1941 г. в восточные районы страны. Приводятся цифровые данные о числе эвакуированных и резэвакуированных, примеры случаев оказания государственной помощи последним, вскрываются трудности резэвакуации и демографические последствия войны для одной из коренных областей России.

Ключевые слова: Псковская область, немецко-фашистская оккупация, эвакуация, резэвакуация, единовременная помощь, пособие, численность населения.

Поступила в редакцию: 15.06.2020 / Принята: 01.07.2020 / Опубликована: 21.12.2020

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

Revacuation of Residents of the Pskov Region (1944–1948)

A. V. Filimonov

Anatoly V. Filimonov, <https://orcid.org/0000-0002-3958-1354>, Pskov State University, 2 Lenin Sqr., Pskov 180000, Russia, kafotist@pskgu.ru

The article discusses the process of returning of the inhabitants of the Pskov region to their native places after their liberation from the Nazi invaders, evacuated in 1941 to the eastern regions of the country. Digital data on the number of evacuated and re-evacuated, examples of state aid to the latter are presented, the difficulties of re-evacuation and the demographic consequences of the war for one of the indigenous regions of Russia are revealed.

Keywords: Pskov region, Nazi occupation, evacuation, re-evacuation, one-time assistance, allowance, population.

Received: 15.06.2020 / Accepted: 01.07.2020 / Published: 21.12.2020

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2020-20-4-464-471>

Великая Отечественная война сопровождалась не только колоссальными разрушениями и многомиллионными жертвами, но и массовыми передвижениями населения. Значительная часть мужского населения оказалась в рядах Красной Армии, сражаясь на различных фронтах вдали от родных мест, другие находились в партизанских отрядах, под защиту партизан в «лесные лагеря» переместилось большое количество гражданского

населения – стариков, женщин, детей. Немалое число граждан СССР оказались вывезенными гитлеровскими захватчиками в Германию или в другие страны, оккупированные фашистским «рейхом». Многие советские люди, спасаясь от гитлеровского нашествия, эвакуировались в тыловые районы страны. Эвакуация проводилась в плановом порядке государственными органами, особенно при перемещении в восточные районы промышленных предприятий и учреждений, и люди, оказавшиеся в глубоком тылу, продолжали трудиться, внося свой вклад в достижение победы над врагом.

По мере освобождения временно оккупированных советских территорий и перемещения боевых действий за пределы СССР большинство эвакуированных граждан стали возвращаться в места прежнего жительства, но особенно интенсивно этот процесс развернулся с окончанием войны. В данной статье предпринята попытка осветить вопрос о резэвакуации советских граждан из тыловых районов страны на примере одной из российских областей – Псковской, образованной в соответствии с Указом Президиума Верховного Совета СССР от 23 августа 1944 г.

Настоящий вопрос в историко-краеведческой литературе практически не рассматривался. Так, в одном из первых коллективных трудов по истории Псковского края, в котором содержится множество примеров трудового героизма восстановителей городов и сел, вопрос о резэвакуации жителей оказался полностью обойденным¹. Несколько строк об этом, правда, есть в другой коллективной работе, посвященной истории Пскова: «Сразу после освобождения в городе начала возрождаться жизнь. К родным местам возвращались псковичи. На ручных тачках, детских колясках везли они домашнее имущество. Но большинство горожан находило на месте своих домов дымящиеся развалины. Люди приспособивали под жилье подвалы, землянки и блиндажи. Население Пскова быстро росло. Уже в конце августа в городе было зарегистрировано 6283 человека, а 23 сентября – более 10 тысяч».² Однако сам процесс резэвакуации автором очерка не рассматривался, из приведенных цифр не ясно, входили в указанное число резэвакуированные, или же это были люди, приходившие из лесов и окрестных деревень?! Приведенные цифры, наконец, относятся только к областному центру, но не к территории всей области.

Этот процесс не освещался и в работе о возрождении освобожденных районов Северо-

Запада РСФСР, автор которой ограничился лишь констатацией факта, что на 1 января 1945 г. «после проведения частичной реевакуации и репатриации численность населения по сравнению с довоенным временем составляла» по Псковской области 58%³.

Несколько большее внимание процессу возвращения в родные места жителей региона уделено в монографии В. А. Кутузова, хронология которой охватывает промежуток времени от момента освобождения районов Ленинградской области до окончания Великой Отечественной войны. Однако за этот период, по признанию самого автора, «значительная часть эвакуированных ... еще не вернулась в область»⁴. Поэтому, несмотря на обилие содержащихся в труде цифр и фактов о реевакуации (в том числе по районам, вошедшим впоследствии в состав Псковской области), целостного представления об этом процессе не сложилось. Отсутствует и полная картина реевакуации жителей Пскова и в нашей работе о послевоенном возрождении города⁵, так как, по мнению автора, данная тема требует самостоятельного рассмотрения на материалах не только областного центра, а Псковской области в целом. Частично восполнить этот пробел призвана настоящая статья, основанная главным образом на документах Государственного архива Псковской области (ГАПО) и охватывающая территорию области в послевоенных границах (1944–1957 гг.).

Прежде всего, необходимо вкратце коснуться вопроса об эвакуации жителей в начале Великой Отечественной войны – в 1941 г., так как без этого не потребовалась бы через несколько лет и реевакуация. Раньше всех процесс отселения и эвакуации населения коснулся республик СССР, которые первыми подверглись гитлеровскому нашествию: Белоруссии, Украины, Прибалтики, хотя военное положение в первый день войны – 22 июня 1941 г., объявлялось и в ряде областей РСФСР, в том числе Ленинградской, в состав которой входил ряд районов будущей Псковской области. Однако в Указе Президиума Верховного Совета СССР, вводившем «в отдельных местностях» военное положение «в интересах обороны СССР и для обеспечения общественного порядка и государственной безопасности», не говорилось об эвакуации населения из небезопасных районов. Указания ограничились лишь тем, что воспрещались въезд и выезд в «местности, объявленные на военном положении», лицам, признанным «социально опасными по своей преступной деятельности»⁶. Руководство страны в соответствии с довоенной установкой и многолетней пропагандой о том, что война, если случится, начнется с мелких приграничных сражений, в которых передовые части противника будут истреблены, а затем военные действия перенесутся на территорию противника, в первый день войны, видимо, всерьез на это рассчитывало, и об эвакуации населения из приграничных территорий не помышляло. И только

быстрое продвижение противника в глубь советской территории, преодолевавшего на всех участках фронта упорное сопротивление войск РККА, заставило рассматривать эту задачу как одну из важных. Но для плановой эвакуации имущества и населения из занимаемых врагом районов уже не было ни времени, ни необходимого для этого подвижного состава. Поэтому население чаще всего самостоятельно покидало родные места вместе с отступавшими частями Красной Армии, вдобавок в ряде местностей возникла неизбежная в создавшихся условиях паника.

Там, где отдельные попытки эвакуации все же предпринимались, первоочередной задачей признавался вывоз оборудования предприятий, государственного имущества, но отнюдь не населения. О такой позиции красноречиво свидетельствует, например, докладная записка военного прокурора Витебского гарнизона от 5 июля 1941 г.: «Отдельные предприятия, вывозя на машинах станки, оборудование на ж.д. станцию, стали грузить вместе с оборудованием и людской состав, причем на станции создавалась полная суматоха и неразбериха, каждый из отъезжающих стремился поместить только свои вещи, а не госимущество. Все это создало среди населения тревожное настроение и панику, и 4 июля весь город перестал жить нормальной спокойной жизнью»⁷.

В то время, когда писались эти строки, относящиеся к Витебску, противник уже вторгся в пределы Псковского края. Первоначально мало кто допускал мысль о том, что он придет на древнюю Псковскую землю, однако 4 июля части вермахта вышли на южную окраину Острова, отстоявшего от Пскова на расстоянии 50 км. После продолжавшихся в течение 3-х дней боев 6 июля войсками Северо-Западного фронта город был оставлен, а противник нацелился на Псков. Уполномоченный Военного Совета фронта по проверке работы тыла полковник Назаров отмечал, что «эвакуация местного населения производится плохо. Местные Советы и торговые организации уходят первыми, и население остается не обеспеченным хлебом и другими продуктами, несмотря на то, что местное население принимает активное участие в оборонительных работах»⁸.

Сообщения Советского Информбюро тех дней были сдержанными и неконкретными, информация подавалась с большим опозданием, истинное положение на фронте скрывалось общими успокаивающими фразами. Дезинформация ставила в ложное положение местных руководителей. Боясь быть обвиненными а паникерстве, они не могли самостоятельно принимать решения об эвакуации грузов, а тем более населения. Когда через территорию Псковщины стали уже двигаться обозы беженцев из западных областей страны, людям объясняли, что идет обычное отселение мирных жителей из опасной зоны. Когда же население уже слышало грохот недалекой канонады, его успокаивали тем, что это уничто-

жаются сброшенные врагом десанты. Поэтому из Пскова эвакуация тоже началась с запозданием. Лишь налеты вражеской авиации, а затем и приближение фронта заставили принять спешные меры. Первые шаги по эвакуации материальных ценностей были предприняты 25 июня, а затем город начало покидать и население. Поскольку эшелонов катастрофически не хватало, то поездами смогла уехать из Пскова лишь небольшая часть населения (преимущественно рабочие и служащие эвакуируемых предприятий и учреждений), в большинстве же своем жители покидали город на редких автомашинах, подводах и просто пешком, унося небольшую часть личного имущества в мешках или используя для этого тачки. Плановая же эвакуация населения началась с запозданием – только с 3 июля, а до захвата Пскова гитлеровцами (9 июля 1941 г.) город покинули различными путями 45 тыс. чел.⁹ Но далеко не все из них эвакуировались в тыловые районы страны и включились в работу на нужды фронта. Многие осели в окрестных деревнях, надеясь на скорое окончание войны и возвращение в освобожденный город, другие оказались в соседних областях и районах, также вскоре захваченных противником, а третьи (таковых было немного) вынуждены были вернуться в занятый врагом город, так как путь их отступления оказался отрезанным. Число эвакуированных из Пскова в восточные области страны составляло примерно 20 тыс. чел.¹⁰ Но немало псковичей осталось в захваченном городе, в течение 3-х лет испытывая на себе все ужасы фашистского «нового порядка». Эвакуировалось, прежде всего, городское население, сельские жители в большинстве своем остались на временно оккупированной территории.

Территория вновь образованной в 1944 г. Псковской области, в отличие от соседних Ленинградской и Новгородской, была оккупирована противником целиком, пережила из российских областей самую длительную оккупацию и понесла, по сравнению с ними, более значительные материальные и людские потери. Восстановление ее хозяйства и культуры проходило в обстановке невероятных трудностей, поэтому руководство области в целях получения рабочих рук было заинтересовано в возвращении как можно большего количества населения, оказавшегося по различным причинам за ее пределами. В их число входили демобилизованные из рядов Красной Армии, репатриированные, т. е. вернувшиеся из фашистской неволи, а также эвакуированные в советский тыл и самовольно покинувшие территорию края. Заинтересовано было в возвращении в родные места и подавляющее число самих эвакуированных, о чем свидетельствует тот факт, что уже с февраля 1944 г., т. е. сразу после освобождения некоторых псковских районов, в Ленинградский облисполком и обком ВКП(б) на имя А. А. Жданова, И. В. Сталина и К. Е. Ворошилова стало поступать множество заявлений от

граждан с просьбой о возвращении на прежнее место жительства. Они поступали из разных мест и областей страны, что свидетельствует о том, насколько далеко разбросала война жителей Псковского края: из Армавира, Кабарды, Сызрани, Казани, Мордовии, Башкирии, Актюбинска, Белебея, Тихвина, из областей – Новгородской, Калининской, Куйбышевской, Молотовской (Пермской), Ивановской, Горьковской, Омской, Кемеровской, Костромской, Вологодской, Ростовской, Красноярского края, Марийской АССР, Башкирии и др. С образованием же в 1944 г. Псковской области большинство заявлений стало поступать на имя председателя Псковского облисполкома. Люди просили разрешения на право въезда на ее территорию, объясняя причины выезда в 1941 г. Чаще всего называлась одна причина: выезд из родных мест под угрозой гитлеровской оккупации. Одним разрешением давалось сразу, в некоторых случаях запрашивалось согласие родственников, иногда – руководства предприятий и учреждений тех мест, где трудились эвакуированные¹¹.

Реэвакуация оказалась не простым делом. Во-первых, трудоспособные эвакуированные были заняты в промышленности и сельском хозяйстве восточных краев, областей и республик (и не только в этих сферах), и быстрый отлив большой массы работников мог отрицательно сказаться на состоянии экономики, в том числе отраслей, особенно важных для государства. Требовалась, следовательно, большая подготовительная работа тыловых районов, чтобы отъезд эвакуированных не привел к резкому спаду производства, а также других участков деятельности, например, образования и культуры. Во-вторых, перевозка миллионов эвакуированных (возвращались в родные места не только жители Псковской области) ложилась дополнительным бременем на и без того перегруженный транспорт, обеспечивающий народнохозяйственные нужды. В-третьих, освобожденным районам необходимо было подготовиться к приему эвакуированных, так как зачастую на месте их прежнего жительства и работы осталась «зона пустыни». Поэтому, как отмечалось в апреле 1944 г. на пленуме Ленинградского обкома ВКП(б), разрешение на реэвакуацию населения в Ленинградскую область было получено не сразу (это касалось и районов, не входивших в состав Псковской области, так как последняя еще не была образована). Руководящие органы Ленинградской области в этих условиях обратили внимание на возвращение к прежнему месту жительства населения, которое было эвакуировано в пределы своей области, о чем уже 14 февраля 1944 г. было принято совместное постановление обкома ВКП(б) и облисполкома. Подобные решения о возвращении населения, размещенного в пределах Ленинградской области, принимались также в конце февраля, в марте и апреле 1944 г. и касались они, например, жителей Гдовского, Карамышевского, Полновского, Середкинского, Сошихинского и др. районов будущей Псковской области. Разрешение же на

реевакуацию в Ленинградскую область до конца года из восточных районов страны 76 тыс. чел. было получено только 11 августа 1944 г.¹²

С этого времени начался поток реевакуации и в Псковскую область, что на первых порах сдерживалось необходимостью разминирования территории: до проведения его разрешение на возвращение не выдавалось. Процесс реевакуации, однако, проходил с меньшими осложнениями, чем репатриации: эвакуированным, по крайней мере, не нужно было проходить формализованную процедуру проверок и «фильтраций». Прием и обслуживание реевакуированных первоначально были возложены на приемно-распределительные пункты, созданные в Пскове и Дно (пункты областного уровня) и в 11 районах, а после ликвидации их этим занялся переселенческий отдел облисполкома¹³. Было установлено, что с территории вновь образованной Псковской области были эвакуированы в 1941 г. 35725 чел., в том числе: 10484 мужчины, 25241 женщина и 14369 детей. Из этого количества больше всего эвакуированных приходилось на город Псков, в то время как в разрезе районов количество их было невелико: из Островского района, например, были эвакуированы 420 чел., из Порховского – 715, Струго-Красненского – 807, Дедовичского – 222, Гдовского – 1325, Лядского – 605, и т. д., что составляло малую часть их довоенного населения¹⁴.

Основная масса реевакуированных возвратилась в родные места в период с конца 1944 г. и в течение 1945 г.: к 1 января 1946 г. их численность в области составила 23180 чел., т. е. более половины от всего количества. В течение 1946 г. число вернувшихся было гораздо меньшим – всего 3206 чел. Таким образом, за два с лишним года в область прибыли 26386 чел. реевакуированных. Случалось, что в некоторых районах число при-

бывших было большим, чем значилось эвакуированных в начале войны: люди, не проживавшие до 1941 г. на Псковщине, приезжали теперь к своим родственникам, а также вместе с псковичами, с которыми познакомились в эвакуации. Так, в Островский район вместо 420 эвакуированных прибыли 670 чел., в Порховский – 807 (вместо 715), но это было, скорее, исключением, чем правилом: чаще всего количество возвратившихся было меньше выехавших¹⁵.

Прибывшие граждане обеспечивались транспортом до мест постоянного вселения, остро нуждающимся оказывалась материальная и финансовая помощь. Общие расходы на нужды реевакуированных составили, например, в 1946 г. 79200 руб., из которых денежная помощь выражалась в 37800 руб. Помимо этого, им выдавалось на 41400 руб. промтоваров, многие обеспечивались карточками на получение хлеба. Прибывающие направлялись на работу в промышленные и сельскохозяйственные предприятия, с жильем же они устраивались по-разному. В Псковском районе, например, 245 чел. поселились в собственных домах, 8 чел. – в общественных, 315 чел. – в порядке подселения к другим семьям, а 32 чел. – в землянках¹⁶.

В 1947 г. поток прибывших реевакуированных в область еще больше сократился: в течение года он составил всего 370 чел., а в 1948 г. почти прекратился вовсе: прибыли только 6 семей (13 чел.)¹⁷.

Общая характеристика контингента реевакуированных и их устройства в области в 1946–1948 гг. представлена в таблице¹⁸.

На этом процесс реевакуации в Псковскую область в основном завершился, т. к. за 1949 год в отчетах переселенческого отдела никаких сведений о прибывающих из эвакуации не сохранилось. Некоторые расхождения в цифровых данных вышеприведенной таблицы объясняются

Численность реевакуированных в Псковской области в 1946–1948 годах

Число прибывших	На 1.01.1946 имелось	На 1.01.1947 прибыло	На 1.01.1948 имелось с учетом выбывших	В 1948 г. прибыло	Всего имелось
Всего	23180	3206	26756	13	26769
в том числе					
мужчин	6233	1136	6834	4	6838
женщин	16947	2070	19922	9	19931
Из них трудоспособных					
мужчин	2998	796	3254	1	3255
женщин	10904	1402	12478	6	12484
Детей обоего пола до 16 лет, из них потерявших родителей	7021 55	627 -	9030 55	6 -	9036 55
Лиц обоего пола в возрасте 55 лет и старше	2257	381	1994	-	1994
Направлено в промышленность					
всего	12449	1506	14398	8	14406
мужчин	3224	626	3589	3	3592
женщин	9225	880	10809	5	10814
Направлено в сельское хозяйство					
всего	10731	1700	12358	5	12363
мужчин	3009	510	3245	1	3246
женщин	7722	1190	9113	4	9117

тем, что наряду с прибытиями населения в область некоторые семьи, оказавшиеся в годы войны на ее территории, отсюда выезжали. В 1946 г., например, таковых оказалось 30 семей, отправленных в Ленинградскую и Новгородскую области; для их перевоза (людей, имущества и скота) было предоставлено 8 вагонов¹⁹. В первом полугодии 1947 г. область покинуло еще 13 семей, в 1948 г. – 5; для возвращения их в родные места (главным образом, в соседние области) также предоставлялся транспорт²⁰.

По-прежнему, как и в 1946 г., реэвакуированным оказывалась разнообразная помощь, и прежде всего, остро нуждавшимся – одиноким и престарелым гражданам, вдовам, женщинам с детьми и др. В марте 1947 г., например, Палкинский райисполком рассмотрел заявление жительницы поселка Палкино М. Корнеевой, прибывшей из советского тыла в мае 1946 г. Семья ее состояла из пяти человек, четверо из которых были нетрудоспособными, муж погиб на фронте, приусадебного участка семья не имела, и поэтому бедствовала. Райисполком решил выдать ей единовременную помощь в размере 250 руб. В такой же сумме было выдано единовременное пособие М. Пакостиной, вернувшейся с тремя детьми из советского тыла в 1944 г., а работнице отдела сельского хозяйства М. Дмитриевой, имевшей на иждивении одного ребенка – 100 руб. Поступило в Палкинский райисполком и заявление Героя Советского Союза И. А. Степанова из д. Коровкино, которому оказали помощь в размере 200 руб. Размеры единовременной помощи по районам области различались: в Гдовском районе, например, она составила в среднем на человека 200 руб., в Новосельском – 180, в Полновском – 100 руб., в Сошихинском – лишь 70 руб., а в Пушкиногорском районе колебалась от 50 до 150 руб. на человека. Размер денежной помощи зависел от возможностей районов и нуждаемости граждан. В целом пособия получало не такое уж большое количество реэвакуированных: в Ашевском районе в 1947 г. их получили только 4 семьи, в Новосельском – 5, в Палкинском – 14, в Новоржевском – 24, в Сошихинском – 26, в то время как нуждавшихся в них было значительно больше²¹. Всего за 1947 г. помощь была оказана 440 реэвакуированным на сумму 61624 руб., 52 чел. получили продовольственные пайки (в виде карточек на хлеб), 2807 руб. было израсходовано на транспортные услуги. Большинство прибывших были трудоустроены, что само по себе создавало условия для обеспечения семей; по месту работы реэвакуированных чаще всего решался и вопрос с жильем: нуждавшиеся селились в общежитиях предприятий, совхозов и МТС²².

Переселенческий отдел Псковского облисполкома отдавал себе отчет в том, что определенная часть эвакуированных в другие области в родные места не вернется: они оставались на постоянное место жительства и трудились в городах

и поселках, где оказались в годы войны. Поэтому на основании указания Переселенческого управления при Совете Министров РСФСР и действительного положения дел он в первом полугодии 1947 г. снял с учета 8158 чел. – эвакуированных из Псковской области в годы войны и не возвратившихся в места прежнего жительства к 1 июля 1947 г.²³ Резкое сокращение числа возвращающихся в область в 1947 г. и почти полное прекращение процесса в 1948 г. подтвердили правильность и своевременность такого решения. Определенная часть эвакуированных не могла вернуться и по той причине, что люди в годы войны просто ушли из жизни. В результате область к концу завершения кампании по реэвакуации не досчиталась нескольких тысяч своих граждан: из общего числа эвакуированных – 35725 чел., к началу 1949 г. возвратилось лишь 26769 чел. – примерно 72%, т. е. Псковский край потерял около 9 тыс. чел.²⁴

В добавление к тому, что в родные места не вернулось большое количество воинов Красной Армии, павших на полях сражений, а также часть оказавшихся за пределами страны жителей (по завершении процесса репатриации), уже тогда Псковская область ощутила на себе отрицательные демографические последствия войны. Особенно они сказывались в сельской местности: в течение 1946 г., например, численность городского населения в области увеличилась на 13,5 тыс. чел., в то время как сельское население, наоборот, сильно сократилось – на 29,4 тыс. чел. Произошло это в результате переселения части сельских жителей в города, в другие регионы страны и уменьшения естественного прироста²⁵. В таких условиях жизненно важным для области являлся любой источник пополнения людских ресурсов, в том числе и реэвакуация. Однако надежды на нее после 1948 г. все больше угасали: те жители, которые пожелали вернуться на прежнее место жительства, уже сделал это.

Во многом сходные процессы переживали и вновь образованные Новгородская и Великолукская области, хотя они и отличались некоторой спецификой, продиктованной ходом недавних боевых действий. К границам Новгородской области фронт приблизился в 1941 г. несколько позже, что позволило в плановом порядке эвакуировать гораздо больше мирных жителей. Так, из 40 тыс. населения довоенного Новгорода были эвакуированы 37 тыс., из 20 тыс. чел., проживавших в Валдайском районе, – более половины. Вдобавок 9 (из 27) районов области вообще не подверглись оккупации, превратившись в ближайший прифронтный тыл, и жители их трудились на нужды фронта. Здесь осела значительная часть населения, переселившаяся из оккупированных районов, и с полным освобождением области в феврале 1944 г. (на 5 месяцев раньше Псковской!) встал вопрос о внутриобластной реэвакуации. Новгородская область была образована раньше Псковской (5 июля 1944 г.), и областные органы

сразу же взяли на себя решение вопросов реэвакуации²⁶. Прибывали в Новгородскую область жители не только из «своих» районов, но и из глубокого советского тыла.

Великолукская область была образована на день раньше Псковской, 22 августа 1944 г. – из районов Калининской и отчасти Смоленской областей. Все они в годы войны подверглись оккупации, но процесс освобождения территории оказался более длительным: некоторые районы были освобождены уже зимой 1941–1942 гг., а полностью освобождение завершилось летом 1944 г. Поэтому население возвращалось в прежние места проживания по мере очищения территории, и реэвакуация осуществлялась в несколько этапов, заняв более двух лет – непосредственно в годы войны, а затем и первые послевоенные – 1945–1947 гг.²⁷ Как и в других областях, в полной мере этот процесс развернулся после окончания войны.

Общим для всех трех вновь образованных областей были не только одинаковые трудности, связанные с тяжелыми последствиями оккупации и военных действий, но и то, что после завершения реэвакуации, репатриации и демобилизации Красной Армии все они «не досчитались» десятков тысяч своего довоенного населения, особенно сельского. Численность последнего в Новгородской области, например, за годы войны уменьшилась с 880 тыс. до 456 тыс. чел. После же завершения в основном процессов реэвакуации и репатриации к весне 1947 г. она несколько выросла – до 488 тыс. чел., но составляла 55% от довоенного уровня²⁸. В Псковской же области последствия войны сказывались еще острее.

Учитывая, что по весьма приблизительным подсчетам численность населения вновь образованной Псковской области составляла в 1940 г. 860 тыс. чел., то к концу 1947 г. в области насчитывалось только 575 тыс. чел., т. е. 66,8% от довоенного уровня²⁹. «Население Псковской области по сравнению с довоенным временем сократилось почти на 300 тыс. чел., – отмечалось в специальном письме Псковского обкома ВКП (б) и облисполкома в ЦК ВКП (б) в марте 1948 г. – За 1946–1947 гг. количество трудоспособного населения уменьшилось на 20324 чел. Сокращение численности населения происходит за счет организованного набора рабочей силы на постоянную работу в народное хозяйство и неорганизованного выезда части населения в другие области, а также за счет превышения смертности над рождаемостью, главным образом в сельской местности. По отчетным данным на 1 января 1948 г. население Псковской области составляет 570,8 тыс. чел., или 65,7% к довоенному, в том числе трудоспособных 356 тыс. чел., из них 41,1 тыс. чел. ограниченно трудоспособных. Восстановление и развитие народного хозяйства области, сильно разрушенного немецкими оккупантами, при слабой насыщенности средствами механизации, требует ежегодно

дальнейшего увеличения рабочей силы. Уже в 1948 г. потребность в рабочей силе на выполнение плановых заданий возрастает на 31,8 тыс. чел., в то время как численность трудоспособного населения увеличивается только на 7 тыс. чел. за счет передвижки возрастных групп...»³⁰.

Таковы были последствия войны для народонаселения Псковского края, к которым добавлялись и косвенные: сокращение рождаемости, преждевременная смерть людей, получивших ранения или перенесших многие лишения, и др. Сказалась на численности и составе населения области и эвакуация части ее жителей в начале войны.

Примечания

- 1 См.: Федоров С. М. Возрождение // Псковский край в истории СССР : Очерки истории. Псков : Псковское отделение Лениздата, 1970. С. 419–433.
- 2 См.: Федоров С. М. Возрожденный из руин // Псков : Очерки истории. Л. : Лениздат, 1971. С. 326.
- 3 См.: Абрамова М. А. На освобожденной земле. Деятельность Коммунистической партии по возрождению освобожденных от немецко-фашистской оккупации районов северо-западных областей РСФСР. 1944–1950 гг. Л. : Изд-во ЛГУ, 1981. С. 19.
- 4 Кутузов В. А. Возрождение земли Ленинградской. Коммунисты в авангарде восстановления народного хозяйства Ленинградской области в годы Великой Отечественной войны. Л. : Лениздат, 1985. С. 84–85.
- 5 См.: Филимонов А. В. Поднятый из руин : Послевоенное восстановление и развитие Пскова (1944 – начало 1950-х гг.). Псков : ГППО «Псковская областная типография», 2008.
- 6 Скрытая правда войны : 1941 год. Неизвестные документы / сост. П. Н. Кнышевский, О. Ю. Васильев, В. В. Высоцкий, С. А. Соломатин. М. : Русская книга, 1992. С. 51–53.
- 7 Там же. С. 118.
- 8 Там же. С. 126.
- 9 См.: Псков в годы Великой Отечественной войны : очерки / сост. Я. Н. Альмухамедов. Л. : Лениздат, 1981. С. 10.
- 10 См.: Отделение документов новейшей истории и по личному составу Государственного архива Псковской области (далее – ОДНИЛС ГАПО). Ф. 9952 ; (Государственный архив новейшей истории Псковской области). Оп. 2. Д. 28. Л. 5.
- 11 См.: ГАПО. Ф. Р-1121 (Отдел по труду Псковского облисполкома). Оп. 1. Д. 28. Л. 1–312.
- 12 См.: Кутузов В. А. Указ. соч. С. 80–82.
- 13 См.: ОДНИЛС ГАПО. Ф. 1219 (Псковский областной комитет КПСС-КП РСФСР). Оп. 1. Д. 73. Л. 85.
- 14 См.: ГАПО. Ф. Р-1121. Оп. 1. Д. 126. Л. 2, 5, 6, 10, 11, 14 ; Оп. 2. Д. 2. Л. 2.
- 15 Там же. Оп. 1. Д. 126. Л. 2, 5 ; Оп. 2. Д. 2. Л. 2 ; Д. 4. Л. 13.
- 16 Там же. Оп. 1. Д. 126. Л. 15 ; Оп. 2. Д. 4. Л. 13.

- ¹⁷ ГАПО. Оп. 2. Д. 9. Л. 12 ; Д. 13. Л. 11.
- ¹⁸ Там же. Д. 7. Л. 1 ; Д. 16. Л. 1.
- ¹⁹ Там же. Д. 4. Л. 13.
- ²⁰ Там же. Д. 9. Л. 1 ; Д. 13. Л. 11.
- ²¹ Там же. Оп. 1. Д. 211. Л. 1, 12, 16, 18, 23, 24, 28, 30, 51, 63.
- ²² Там же. Оп. 2. Д. 9. Л. 1, 12–13.
- ²³ Там же. Д. 7. Л. 7.
- ²⁴ Там же. Д. 2. Л. 2 ; Д. 16. Л. 1 (процент подсчитан автором).
- ²⁵ См.: ОДНИЛС ГАПО. Ф. 1219. Оп. 1. Д. 395. Л. 165.
- ²⁶ См.: На земле Новгородской : очерки по истории Новгородской области / науч. ред. В. Н. Базовский. Л. : Лениздат, 1970. С. 207–209, 274, 282.
- ²⁷ См.: Решетов С. Н., Антонова З. П. Возрожденный из руин. Л. : Лениздат, 1988. С. 14, 175.
- ²⁸ См.: Очерки истории Новгородской организации КПСС / науч. ред. Н. А. Антонов. Л. : Лениздат, 1983. С. 275, 315.
- ²⁹ См.: ОДНИЛС ГАПО. Ф. 1219. Оп. 1. Д. 395. Л. 164.
- ³⁰ Там же. Д. 593. Л. 5.

Образец для цитирования:

Филимонов А. В. Реевакуация жителей Псковской области (1944–1948 годы) // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. История. Международные отношения. 2020. Т. 20, вып. 4. С. 464–470. DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2020-20-4-464-470>

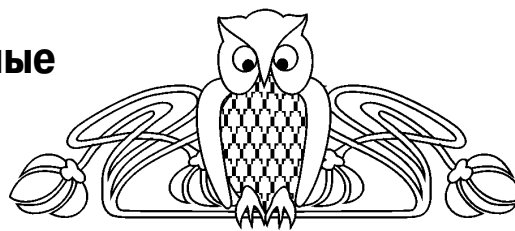
Cite this article as:

Filimonov A. V. Reevacuation of Residents of the Pskov Region (1944–1948). *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. History. International Relations*, 2020, vol. 20, iss. 4, pp. 464–470 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2020-20-4-464-470>

УДК 947.084.62(471.313)

Советское государство и религиозные организации в 70-е годы XX века (на материалах Рязанской области)

И. Е. Кленяева

Кленяева Ирина Евгеньевна, аспирант кафедры отечественной истории, Рязанский государственный университет имени С. А. Есенина, irinaklenyeva3122@gmail.com

В статье исследуется религиозная политика советского государства в 70-е гг. XX в. Анализируются основные этапы эволюции вероисповедной политики государства в сфере законотворчества, а также особенности реализации ее в отношении религиозных организаций. Особое внимание отводится процессу взаимоотношений Совета по делам религий при Правительстве СССР и рязанского уполномоченного Совета с конкретными общинами верующих разных конфессий. Большой интерес представляют жалобы верующих в центр на действия местной власти. Формулируется вывод о противоречивости государственной религиозной политики.

Ключевые слова: верующие, конфессия, религия, Рязанская область, советское государство, Совет по делам религий, церковь.

Поступила в редакцию: 25.03.2020 / Принята: 01.07.2020 / Опубликована: 21.12.2020

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

The Soviet State and Religious Organizations in the 70s XX Century (Based on the Materials of the Ryazan Region)

I. E. Klenyayeva

Irina E. Klenyayeva, <https://orcid.org/0000-0001-7268-3267>, Ryazan State University named after S. A. Yesenin, 46 Svobody St., Ryazan 390000, Russia, irinaklenyeva3122@gmail.com

The author of the publication analyzes the religious policy of the Soviet state in the 70s of the twentieth century. The main stages of the evolution of the religious policy of the state in the field of lawmaking, as well as the features of its implementation in relation to religious organizations, are analyzed. Particular attention is paid to the process of relations between the Council for Religious Affairs under the Government of the USSR and the Ryazan authorized Council with specific communities of believers of different faiths. Particular attention is paid to the complaints of believers in the center on the actions of local authorities. The author comes to the conclusion that the state religious policy is inconsistent.

Keywords: believers, confession, religion, Ryazan region, Soviet state, Council on Religious Affairs, church.

Received: 25.03.2020 / Accepted: 01.07.2020 / Published: 21.12.2020

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2020-20-4-471-474>

Конфессиональная политика советского государства в 70-е гг. XX в. характеризуется относительной нормализацией диалога с религиозными организациями. Государство практически отказывается от воинствующего атеизма и демонстрирует лояльность. Однако серьезной помехой на этом пути были идеологические догмы. Поэтому в отношениях власти с религиозными организациями сочетались элементы как конструктива, так и конфронтации. Подобный подход исследователи именуют линией на «разумное ограничение», «идеологическое сдерживание и частичные уступки»¹.

Отношение государства к религиозным вопросам в начале 70-х гг. не сулило никаких коренных изменений. 16 июля 1971 г. принимается Постановление ЦК КПСС «Об усилении атеистического воспитания населения»². Главной опасностью объявлялась нелегальная деятельность религиозных сект. В результате последовали судебные процессы над лидерами незарегистрированных религиозных организаций, главным образом, евангельских христиан-баптистов (ЕХБ). В ответ активизируется деятельность Совета родственников узников ЕХБ, созданного еще в 1964 г. для оказания помощи верующим, оказавшимся в местах лишения свободы и их семьям.

Рязанская область традиционно была моноконфессиональным регионом, в котором доминировала Русская православная церковь. При этом имелись религиозные общины старообрядцев. На северо-востоке области исторически сложилась этническая группа татар, исповедующая ислам. Проживали также немногочисленные католики и иудеи. После Великой Отечественной войны в Рязани проходит государственную регистрацию община баптистов. В последующем количество баптистских организаций в регионе растет, причем часть из них, начиная с конца 50-х гг., действует нелегально, без государственной регистрации. Разумеется, власть опасалась неконтролируемой религиозности, так как основным направлением работы в сфере конфессиональной политики было вытеснение религиозных организаций на периферию общественной жизни под надзор уполномоченных Совета по делам религий.

27 января 1973 г. состоялась беседа уполномоченного Совета по делам религий в Рязанской области Е. И. Борисова с местными представителями Совета церковью ЕХБ (СЦЕХБ), которые заявили, что они не против регистрации в органах

власти своей общины как самостоятельного религиозного общества, но просили разрешить временно проводить собрания в домах верующих за неимением постоянного помещения. 19 февраля 1973 г. от учредителей Рязанской общины ЕХБ в исполком Рязанского районного Совета депутатов трудящихся поступило заявление, в котором они просили зарегистрировать общину по адресу: Рязанский район, с. Канищево, ул. Чапаева, д. 114, принадлежащий диакону И. Н. Мисину. Им было отказано под предлогом того, что при общей численности общины в 160 чел., в с. Канищево проживают только 8 членов, а в Рязанском районе – 18³.

В 1978 г. союзный подпольный центр СЦЕХБ издал и распространил «Срочное сообщение всем церквам ЕХБ и верующим всего мира», в котором заявил об усилении гонений со стороны власти. Председатель Совета по делам религий В. А. Куроедов пишет письмо министру юстиции СССР В. И. Терехову, в котором настаивает на необходимости установления ответственности за возбуждение вражды и ненависти в связи с религиозными верованиями⁴. В 1978–1979 гг. состоялись погром и обыск на квартирах активистов общины. 20 июля 1979 г. были задержаны пресвитер Рязанской общины ЕХБ А. В. Никитков и член церковного совета и регент Н. Ф. Попов. 19 октября 1978 г. судебной коллегией Рязанского областного суда руководитель областного общества «баптистов-раскольников» Н. Ф. Попов был осужден по ст. 190 УК РСФСР за изготовление и систематическое распространение в рукописной и печатной форме ложных измышлений, порочащих советский строй⁵.

В рязанскую организацию ЕХБ была внедрена агентура. Весной 1977 г. на беседе в военкомате сыновья лидеров местной общины С. Попов и Ю. Мисин были завербованы органами КГБ для работы внутри религиозной организации. В перспективе они должны были завоевать авторитет среди молодежи общины, а затем продвигаться в руководство общины, вплоть до заграничных религиозных баптистских организаций. Для повышения авторитета предполагалось задержать одного из них при перевозке литературы. В качестве иного варианта им предлагалось создать среди верующих молодых людей новое религиозное течение и возглавить его⁶. Сведения, переданные Мисиним и Поповым КГБ, частично использовались в пропагандистских материалах местной прессы.

После осуждения А. Никиткова и Н. Попова в сознании молодых людей произошел переворот. Они покаялись перед единоверцами и призвали всех, сотрудничающих с органами, порвать эти отношения⁷.

Немалое беспокойство у местной власти вызывали и другие незарегистрированные религиозные организации. В 1974 г. в Рязани образуется община адвентистов седьмого дня в

количестве 26 чел., а также 2 группы христиан веры евангельской (ХВЕ) или пятидесятников в количестве 40 чел. в Рязани и с. Клетино Касимовского района⁸.

В середине 1970-х гг. произошел некоторый положительный сдвиг в государственно-конфессиональных отношениях. Причиной тому было участие СССР в Совещании по безопасности и сотрудничеству в Европе, которое проходило в Хельсинки в 1975 г. Советская сторона подписала Заключительный акт конференции, в котором затрагивалась проблематика гражданских прав, в том числе свобода вероисповедования. На Западе в обиход входили выражения «узник совести», «религиозный диссидент». Кроме того, среди последователей протестантских культов усилились настроения эмиграции по религиозным мотивам. Подписание документов конференции обязывало Советский Союз идти в направлении уважения прав верующих и религиозных организаций.

Разумеется, это вовсе не означало старта вероисповедных реформ. Тем не менее уже в июне 1975 г. выходит Указ Президиума Верховного Совета РСФСР, вносящий поправки и дополнения в действующее Постановление ВЦИК и СНК РСФСР «О религиозных объединениях» от 1929 г. Снимались отдельные устаревшие нормы, а также ряд ограничений на деятельность религиозных организаций в материально-хозяйственных вопросах⁹.

В 1977 г. в условиях разработки и обсуждения проекта новой Конституции СССР зародились определенные надежды на нормализацию отношений государства и религиозных организаций. В обнародованном в июне 1977 г. для всенародного обсуждения проекте содержалась ст. 52, которая расширенно трактовала принцип свободы совести и запрещала возбуждение вражды и ненависти в связи с религиозными верованиями.

Представители религиозных организаций публично высказывались по тексту проекта Основного Закона. Об этом сообщали в Совет по делам религий региональные уполномоченные. Так, 4 июля 1977 г. Е. Борисов информировал председателя Совета по делам религий В. Куроедова об откликах верующих и духовенства Рязанской области на новую Конституцию СССР. Он привел следующее высказывание епископа Рязанского и Касимовского Симона (Новикова), управляющего Рязанской епархией с 1972 г.: «Сам факт, что обсуждение Основного Закона предоставлено всем гражданам, вселяет сознание, что они сами участвуют в создании новой Конституции, по которой им самим жить и работать... Нам, верующим, особенно близка ст. 52, которая дает нам право свободно исповедовать свою религию»¹⁰. Мнение правящего архиерея публично разделили многие заслуженные клирики Рязанской епархии. Положительный отзыв на проект Конституции прозвучал и от представителя СЦЕХБ Н. И. Мисина. Однако

другой представитель этой организации Румачик потребовал включения в Конституцию пункта, «разрешающего свободное проведение действий не только религиозного характера, но и таких, как печатание и распространение литературы так называемого издательства «Христиания»¹¹.

В октябре 1977 г., сразу после принятия новой Конституции СССР, епископ Подольский Феодосий (Дикун) обратился к генеральному секретарю ЦК КПСС Л. И. Брежневу с письмом, в котором содержался протест против сохраняющейся практики администрирования в религиозной политике власти, препятствующей деятельности православных общин.

В марте 1977 г. на общесоюзном совещании уполномоченных Совета по делам религий Куроедов заявил о наличии многочисленных фактов неправомерного вмешательства и администрирования должностных лиц в отношении внутренней жизни религиозных обществ. Он привел примеры, почерпнутые из самых разных регионов СССР. Они перечеркивали ожидания верующих на какие-либо конструктивные изменения, отказ партийно-советского руководства от старых идеологических стереотипов восприятия свободы совести. К сожалению, в сфере государственно-церковных отношений сохранялось прежнее статус-кво в соответствии с незыблемой программной установкой партии на борьбу с религией.

Красноречива в этом плане докладная записка одного из инспекторов Совета по делам религий руководителю ведомства Куроедову 16 мая 1979 г. «О ходе выполнения постановления Совета по делам религий от 19 апреля 1978 года “О состоянии контроля за соблюдением требований Конституции СССР и законодательства о культах в Рязанской области”». В ней были отмечены существенные недостатки в работе облисполкома и уполномоченного Рязанской области. Стиль работы на местах мало отличался от стандартов хрущевской эпохи. Так, комиссия содействия контролю за выполнением законодательства о религиозных культах Спасского района планировала «заслушать руководителей больниц и детских дошкольных учреждений о проводимой антирелигиозной пропаганде», планировалась работа действующих при школах кружков «Юный атеист», организация вечеров на атеистические темы в сельских школах¹².

В Рязанской области, по выражению проверяющего, долгое время действовали «щипки» и «булавочные уколы» по отношению к православным объединениям. Скопинский райисполком, например, запретил исполнительному органу церкви с. Казинка установить железную ограду, купленную за их счет. Рязский райисполком запрещал проведение собраний по выбору новых членов «двадцатки» взамен выбывших. Спасский райисполком был против подключения телефона и монтажа парового отопления в церкви с. Мурмино¹³.

Продолжалась практика регистрации места работы и должности лиц, совершающих церковные обряды. Впоследствии люди, «попавшие на карандаш» уполномоченного, подвергались административному и моральному прессингу. Воспитательная работа с духовенством и верующими была по сути сведена к работе по отчислению средств в Фонд мира. Продолжалась подача жалоб о закрытии храмов в хрущевский период. Особенно много жалоб шло от верующих с. Черная Слобода Шацкого района и с. Малинки Михайловского района¹⁴. Ходатаев приглашали в прокуратуру, где уговаривали отозвать свои прошения. Первый секретарь Михайловского райкома партии в беседе с инспектором Совета рекомендовал выбрасывать заявления и жалобы верующих, а заявителей выгонять. При этом угрожал закрыть еще «пару церквей»¹⁵.

Под различными надуманными предлогами («нецелесообразность» регистрации общества, «помещение не удовлетворяет санитарно-гигиеническим нормам») местные органы власти отказывали в регистрации действующим долгое время лояльным баптистским религиозным объединениям в Шацке и Сасово, в каждом из которых насчитывалось более 30 чел. Облисполком несколько раз присылал документы на регистрацию в Совет по делам религий, но их возвращали как оформленные не в соответствии с законодательством о культах. По мнению Е. Борисова, не было необходимости объяснять верующим порядок подачи документов на регистрацию, «поскольку им молиться никто не мешает»¹⁶.

Представляет интерес тот факт, что, несмотря на некоторое снижение религиозной обрядовости, практически не уменьшалась петиционная активность верующих. В декабре 1965 г. был создан Совет по делам религий при Совете Министров СССР. В 1966 г. в Москве было принято 25 рязанских делегаций верующих и получено 36 письменных жалоб и заявлений¹⁷. В 1967 г. Совет по делам религий посетили 20, в 1968 г. – 25 делегаций верующих из Рязанской области. Более 40% обращений составляли ходатайства граждан о возобновлении деятельности местных церквей¹⁸. Через 10 лет, в 1977 г., в Совет поступили 23 заявления и жалобы, в 1978 г. – 21¹⁹. Рассмотрение заявлений верующих нередко затягивалось властью на долгие годы.

В конце 70 – начале 80-х гг. напряженность, связанная с религиозной ситуацией, сохранялась во многом из-за того, что конфессиональная политика государства была построена на партийной, в основе своей антирелигиозной, идеологии. Это приводило к деформированной реализации конституционной нормы, формально декларирующей принцип свободы совести. Пороки административно-командной системы пронизывали все сферы жизни общества, включая вероисповедную,

и попирали законные права верующих граждан. В результате 22 сентября 1981 г. принимается закрытое Постановление ЦК КПСС «Об усилении атеистического воспитания», а 11 декабря 1981 г. – Постановление Совета Министров РСФСР «О мерах по дальнейшему усилению работы по атеистическому воспитанию»²⁰.

По данным профессора М. И. Одинцова, в 1981 г. на XXIV съезде КПСС по инициативе Совета по делам религий в целях совершенствования законодательства о религиозных культах было принято решение начать разработку общесоюзного закона «О религиозных организациях в СССР». Однако дальше первого варианта законопроекта под названием «Основы законодательства Союза ССР и союзных республик о религиозных культах», датированного декабрем 1981 г., дело, к сожалению, не пошло²¹.

В заключение следует отметить, что религиозная политика советского государства в 70-е гг. XX в. отличалась двумя противоречивыми тенденциями. С одной стороны, под влиянием конституционной реформы и внешнеполитических факторов была предпринята попытка совершенствования действующего законодательства о религиозных культах в сторону его либерализации. С другой стороны, обеспокоенность ростом религиозного диссидентства не только среди незарегистрированных протестантских номинаций, но и в Русской православной церкви вынуждала власть вновь обращаться к старому арсеналу карательной юстиции. В результате в начале 80-х гг. в стране стала остро ощущаться необходимость реформирования сферы государственно-конфессиональных отношений.

Примечания

¹ Гераськин Ю. В. Особенности политики государства по отношению к церкви в 70-е годы XX века (на мате-

риалах Рязанской обл.) // Вестн. Рязанского гос. ун-та им. С. А. Есенина. 2007. № 1. С. 47.

- ² См.: Об идеологической работе КПСС: сб. документов. М.: Политиздат, 1977. С. 309–310.
- ³ См.: Государственный архив Рязанской области (далее – ГАРО). Ф. Р-5629 (Уполномоченного Совета по делам РПЦ при Совете Министров СССР по Рязанской области). Оп. 1. Д. 133. Л. 14–16.
- ⁴ См.: Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). Ф. Р-6991 (Об отчетных и информационных документах, представляемых Советом в высшие правительственные и партийные органы СССР). Оп. 6. Д. 13–24. Л. 16–17.
- ⁵ См.: ГАРО. Ф. Р-5629. Оп. 1. Д. 133. Л. 56.
- ⁶ См.: Хроника текущих событий. Вып. 54. URL: <http://old.memo.ru/history/diss/chr/xtc54-56.htm> (дата обращения: 21.01.2020).
- ⁷ Там же.
- ⁸ См.: ГАРО. Ф. Р-5629. Оп. 1. Д. 141. Л. 42–43.
- ⁹ См.: Ведомости Верховного Совета РСФСР. 1975. № 27(873). 3 июля.
- ¹⁰ ГАРО. Ф. Р-5629. Оп. 1. Д. 131. Л. 8.
- ¹¹ Там же. Л. 9–10.
- ¹² Там же. Д. 133. Л. 55.
- ¹³ Там же.
- ¹⁴ Там же.
- ¹⁵ Там же. Л. 56.
- ¹⁶ Там же. Л. 57.
- ¹⁷ Там же. Д. 103. Л. 8; Д. 107. Л. 61–63.
- ¹⁸ Там же. Д. 118. Л. 162.
- ¹⁹ Там же. Д. 133. Л. 53.
- ²⁰ См.: Одинцов М. И. Совет Министров постановляет: «Выселить навечно!». М.: Арт-Бизнес-Центр, 2002. С. 36.
- ²¹ См.: Одинцов М. И. «Вы примете силу, когда сойдет на вас Дух Святой...». История пятидесятнической церкви в России. XIX–XX вв. СПб.: Арт-Бизнес-Центр, 2012. С. 422.

Образец для цитирования:

Кленяева И. Е. Советское государство и религиозные организации в 70-е годы XX века (на материалах Рязанской области) // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. История. Международные отношения. 2020. Т. 20, вып. 4. С. 471–474. DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2020-20-4-471-474>

Cite this article as:

Klenyayeva I. E. The Soviet State and Religious Organizations in the 70s XX Century (Based on the Materials of the Ryazan Region). *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser: History. International Relations*, 2020, vol. 20, iss. 4, pp. 471–474 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2020-20-4-471-474>

УДК 94(47).084.9

Жилищный вопрос середины 1970-х годов как проблема социального обустройства в СССР

А. С. Столетова

Столетова Анна Сергеевна, кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной истории Института социальных и гуманитарных наук, Вологодский государственный университет, Stoletowa-A-S@yandex.ru

В статье рассматриваются социальные аспекты жизни: жилищное законодательство и степень обеспеченности населения СССР жилой площадью. На примере писем граждан в центральные органы власти и газеты раскрывается недостаточно освещенная в исторической науке проблема общественного отношения к процессу обуржуазивания номенклатурной элиты. Формулируется вывод о том, что утверждение частнособственнической психологии в среде должностных лиц способствовало ослаблению проведения надлежащего контроля за капитальным строительством.

Ключевые слова: жилищное строительство, «сталинка», «хрущёвка», «брежневка», имущество, материальный статус, социальная психология, потребительский идеал, Н. С. Хрущёв.

Поступила в редакцию: 22.04.2020 / Принята: 01.07.2020 / Опубликована: 21.12.2020

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

Housing Issue Mid-1970s as a Problem of Social Arrangement in the USSR

A. S. Stoletova

Anna S. Stoletova, <https://orcid.org/0000-0002-2167-072X>, Vologda State University, 15 Lenina St., Vologda 160000, Russia, Stoletowa-A-S@yandex.ru

The social aspects of life are considered: housing legislation and the degree of provision of the USSR population with living space. By the example of citizens' letters to the central authorities and newspapers, the problem of public relations to the process of bourgeoisie of the nomenclature elite is insufficiently covered in historical science. The conclusion is formulated that the statement of private ownership psychology among officials contributed to the weakening of proper control over capital construction.

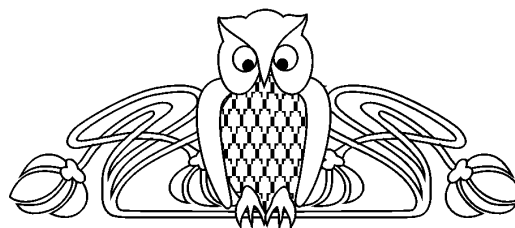
Keywords: housing construction, «stalinka», «khrushchevka», «brezhnevka», property, material status, social psychology, consumer ideal, N. S. Khrushchev.

Received: 22.04.2020 / Accepted: 01.07.2020 / Published: 21.12.2020

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2020-20-4-475-481>

В числе важнейших отраслей народного хозяйства в СССР выделяется область жилищной сферы. В этой связи вопрос о трансформации

социальной жизни населения предстает как один из ключевых для понимания особенностей хода и этапов отечественной истории. Он же видится как первостепенный для понимания истории повседневности. После XX съезда партии в изучении жилищного вопроса наметилось некоторое оживление. Обстоятельный анализ этапов научного осмысления истории жилищного строительства периода 1950–1990-х гг., в том числе идеологическая ангажированность историографии, обоснованы в диссертации В. Н. Горлова¹. Между тем данная тема до сих пор остается малоизученной. Так, обеспеченность ответственных партийных работников жильем и состояние жилого фонда в 1920–1930-е гг. были рассмотрены Н. Б. Лебиной, В. С. Измозик², Е. В. Туфановым³. Хрущёвская строительная политика исследовалась К. Варга-Харрис⁴, С. Емельяновым⁵, А. М. Даниловой⁶ и др. Вопросы регионального строительства раскрыты в научных статьях И. Л. Кузиной⁷, С. И. Подольского, И. В. Волошиновой⁸ и др. Этапы развития индустриального строительства описали Т. В. Каракова, Е. В. Рыжикова⁹. Примечательно, что А. В. Шубин, освещая вопрос общественных противоречий, характеризовал «жилищный вопрос» как одну из основных социальных проблем СССР¹⁰.

Таким образом, проведение комплексного масштабного изыскания и описания отрасли жилищного строительства второй половины XX в. остается нерешенной задачей. Ученым предстоит охарактеризовать советскую повседневность с точки зрения нарастающего жилищного кризиса и шагов к его преодолению. Настоящее исследование обусловлено отсутствием проработки вопроса о ментальности советских классов и групп. Отметим, что совокупность ценностных установок, представлений о материальном благополучии, потребительских идеалов, стратегий поведения, стереотипов пользования в 1950–1970 гг. испытывала серьезные преобразования. Кардинально меняющаяся социальная ситуация, эволюция экономического устройства, выдвигающиеся вперед интересы правящих элит оказали сильнейшее воздействие на умозрения советских граждан. Первоначальную радость от получения жилой площади сменило понимание социальной несправедливости. Эти представления выражались на бумаге и направлялись в редакции газет либо непосредственно в ЦК КПСС. В данной статье мы рассмотрим ряд постановлений, положения которых, с одной стороны, были направлены на урегулирование и ослабление напряженности в вопросе нехватки жилищного

фонда, а с другой стороны, свидетельствовали о новых витках кризиса. Представляет интерес впервые вводимый в научный оборот блок писем читателей газеты «Правда» за 1975 г., а также документов, направляемых в центральные органы власти. Следует добавить, что верхняя граница исследования определяется информативностью источниковой базы. Делопроизводственные и эпистолярные источники помогут раскрыть вопросы обеспеченности жильем рядовых граждан, а также вскрыть факты злоупотреблений служебным положением советских руководителей. В свою очередь дальнейший поиск и изучение архивных свидетельств являются предметом последующих изысканий по искомой проблематике.

Общеизвестно, что в послевоенный период в СССР возник острейший жилищный кризис. Середина XX столетия стала переломной вехой в области архитектуры и государственного строительства. На данной стадии в рамках жесткого планирования формировалась советская жилищная архитектура, полностью зависящая от стройиндустрии, от ее мощностей и возможностей¹¹. В 1950-е гг. строительство осуществляло государство, оно же занималось его коммунистическим распределением. Однако в отдельных квартирах высоток и сталинских домов, как правило, проживали только номенклатурные работники, ученые, писатели, известные артисты. В этой связи нельзя не вспомнить о рассуждениях А. В. Шубина о номенклатурной интеллигенции, приобщенной к привилегиям¹². В 1954 г. на встрече с избирателями Н. С. Хрущёв пообещал каждой семье отдельную квартиру¹³. Предполагалось, что к 1980 г. каждая семья в СССР получит свое жилье. Таким образом, в период 1950–1970 гг. решение жилищной проблемы стало важнейшим приоритетом государственной политики. В стране осуществлялась массовая серийная жилая застройка, наблюдался активный рост темпов жилищного строительства. Однако нельзя не отметить, что в центральные органы власти и средства массовой информации в начале 1980 гг. и позднее продолжали поступать свидетельства о неурегулированности жилищно-бытовых вопросов¹⁴.

В 1955 г. Центральный Комитет КПСС и Совет Министров СССР отмечали, что в работах многих архитекторов и проектных организаций широкое распространение получила внешне-показная сторона архитектуры, избыточные излишества, что не соответствовало линии партии в архитектурно-строительной отрасли. В Постановлении ЦК КПСС и Совмина СССР от 4 ноября 1955 г. отмечалось: «Многие архитекторы занимаются главным образом украшением фасадов зданий, не работают над улучшением внутренней планировки и оборудования жилых домов и квартир, пренебрегают необходимостью создания удобств для населения, требованиями экономики и нормальной эксплуатации зданий»¹⁵. Следовательно, была поставлена задача максимального удешевления и упрощения жилищного строительства.

В 1957 г. Постановлением ЦК КПСС и Совмина СССР была поставлена задача развития жилищного строительства¹⁶. По сведениям М. Г. Мереровича, к началу хрущёвской реформы государственный жилой фонд на 70% составляли одно- и двухэтажные дома. Причем половина этого фонда представляла собой неблагоустроенное жилье временного типа¹⁷. В свою очередь В. Н. Горлов отмечал, что уже в конце 1950-х гг. существенно возрос показатель средней жилой площади на человека. В результате массового типового строительства большое количество советских граждан заселились в собственные благоустроенные квартиры либо были переселены из бараков и коммуналок. При этом никто не обращал внимания на очевидные недостатки домов первого поколения массового жилищного строительства. В повседневный быт советских граждан стало входить то, что было невообразимо ранее – отдельная квартира на семью. Н. С. Хрущёв произвел революцию в умах, наступил перелом в психологии масс, каждая советская семья имела право на свою отдельную, личную жизнь¹⁸. Бытуют и иные мнения. В Интернете можно встретить критические статьи о так называемом «хрущёвском мифе о строительстве жилья», свидетельства о том, что люди в период 1955–1961 гг. массово заселились в сталинские, а не в хрущёвские дома, а также в строения от предприятий, из которых состояли поселки городского типа.

Статистика свидетельствует о том, что жилищное строительство набирало обороты. Вместе с тем росли показатели кооперативного строительства (табл. 1–3)¹⁹. Отметим, что 5 октября 1962 г. было издано постановление Совета Министров «Об индивидуальном и кооперативном жилищном строительстве в РСФСР»²⁰. Жилье строилось на средства предприятий, советов, на деньги рядовых граждан, которые получили право вступать в жилищные кооперативы. 9 мая 1963 г. вышло постановление Совмина РСФСР «Об упорядочении распределения жилой площади и учета граждан, нуждающихся в жилье»²¹, предусматривавшее проверку уже распределенного жилья. Безупречное поведение позволяло надеяться на более или менее скорое получение квартиры. Напротив, любое отклоняющееся, маргинальное поведение или протест вели к перемещению в конец очереди или даже к потере права на получение квартиры²².

Контроль за государственным жилищным и коммунальным строительством, а также благоустройством территории сельских районов был возложен на исполнительные комитеты районных Советов народных депутатов, о чем свидетельствует соответствующее Постановление Совета Министров РСФСР от 27 июня 1964 г.²³

В Постановлении Совета Министров СССР от 19 ноября 1964 г., регламентирующем дальнейшее развитие кооперативного жилищного строительства, указывалось, что во исполнение Постановления ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 1 июня 1962 г.²⁴ в стране было органи-

Таблица 1

Показатели капитального строительства: ввод в действие основных фондов, млрд руб.

Период	Всего введено основных фондов государственными и кооперативными предприятиями, организациями, колхозами и населением	В том числе государственными и кооперативными предприятиями и организациями
Пятая пятилетка (1951–1955)	81,1	68,3
Шестая пятилетка (1956–1960)	158,0	130,8
Седьмая пятилетка (1961–1965)	231,9	203,2
Восьмая пятилетка (1966–1970)	324,4	285,4
Девятая пятилетка (1971–1975)	468,7	415,4

Таблица 2

Ввод в действие жилых домов, млн м² общей (полезной) площади

Период	Всего построено	В том числе		
		Государственными и кооперативными предприятиями, организациями, жилкооперацией	Рабочими и служащими за свой счет и с помощью государственного кредита	Колхозами, колхозниками и сельской интеллигенцией
Пятая пятилетка (1951–1955)	240,5	113,0	65,1	62,4
Шестая пятилетка (1956–1960)	474,1	224,0	113,8	136,3
Седьмая пятилетка (1961–1965)	490,6	300,4	94,0	96,2
Восьмая пятилетка (1966–1970)	518,5	352,5	72,8	93,2
Девятая пятилетка (1971–1975)	544,8	407,3	64,3	73,2

Таблица 3

Число построенных квартир и их общая (полезная) площадь, м²

Период	Всего построено квартир, тыс.	В том числе			Общая (полезная) площадь всех квартир, млн м ²
		Государственными и кооперативными предприятиями, организациями, жилкооперацией	Рабочими и служащими за свой счет и с помощью государственного кредита	Колхозами, колхозниками и сельской интеллигенцией	
Пятая пятилетка (1951–1955)	6052	2598	1816	1638	240,5
Шестая пятилетка (1956–1960)	11292	5126	2806	3360	474,1
Седьмая пятилетка (1961–1965)	11551	7319	2082	2150	490,6
Восьмая пятилетка (1966–1970)	11333	8141	1437	1755	518,5
Девятая пятилетка (1971–1975)	11224	8859	1116	1249	544,8

зовано более 3400 жилищно-строительных кооперативов. Однако за 9 месяцев 1964 г. план ввода в эксплуатацию жилой площади оказался выполнен лишь на 50% от годового плана, в том числе по РСФСР – на 53%, по Белорусской ССР – на 52% и по Украинской ССР – на 49%²⁵.

В Постановлении Совета Министров РСФСР от 2 октября 1965 г. указывалось, что если в 1962 г. в городах и поселках городского типа было введено в эксплуатацию 81 тыс. м² кооперативной жилой площади, то в 1964 г. – 2405 тыс. м². Однако установленный на 1965 г. план по РСФСР в объ-

еме 3550 тыс. м² был выполнен за 8 мес. только на 39%²⁶.

В Постановлении Совета Министров СССР от 26 августа 1967 г. устанавливалось, что в стране была проведена значительная работа по развитию жилищно-коммунального хозяйства, улучшению коммунального обслуживания населения. Вместе с тем многие жилые дома находились в запущенном состоянии, несмотря на то, что на их содержание выделялись большие средства. Текущий и капитальный ремонт проводился несвоевременно и некачественно, системы отопления и водопро-

вода эксплуатировались неудовлетворительно. Территория значительного количества домовладений и места общего пользования содержались в антисанитарном состоянии. Все это приводило к преждевременному износу жилищного фонда и создавало неудобства для населения²⁷. В связи с этим в 1969 г. вышло Постановление ЦК КПСС и Совмина СССР «О мерах по улучшению качества жилищно-гражданского строительства»²⁸, после чего начался постепенный отказ от строительства «хрущёвок», которые начали активно критиковать, так как они располагали малой площадью кухонь, имели проходные комнаты, неудачные пропорции некоторых помещений, совмещенные санузлы, плохую звукоизоляцию. «Хрущёвки» все чаще становились предметом шуток. О санузлах и низких потолках говорили: «Хрущёв соединил ванну с туалетом, но не успел соединить пол с потолком». На смену малометражным пятиэтажкам пришли более просторные брежневские девятиэтажные дома, обладающие массой достоинств – без смежных комнат, с отдельным санузлом, лифтом и мусоропроводом. Несмотря на это, «хрущёвки» строили вплоть до начала перестройки, однако не столь массово, как прежде, и далеко не повсеместно²⁹.

«Брежневки» (термин, употребляемый в народе, по аналогии со «сталинками» и «хрущёвками») – название серий домов, строившихся в СССР с середины 1960-х по конец 1980-х гг., преимущественно во время правления Л. И. Брежнева. Строительство велось из железобетонных панелей или силикатного кирпича. В обиход вошло также наименование «квартиры улучшенной планировки» («улучшенки»), а для более просторных домов, возведенных в 1980-е гг. использовался термин – «новая планировка». Вскоре распространилось мнение, что «брежневка» – это что-то среднее между двумя противоположными принципами и задачами городской застройки: «ухудшенная сталинка» или «улучшенная хрущёвка».

Несмотря на все недочеты и просчеты власти, следует сказать о том, что строительство «хрущёвок» и «брежневок» имело большой созидательный смысл. Как отмечали Т. В. Каракова, Е. В. Рыжикова, «социокультурные изменения начались с изменений отношения индивидов к своему повседневному существованию, к своему жилью и вещам. Совершенствование квартир, прогресс коммунальных устройств, ориентации семейного быта в изолированных квартирах вносили существенные социальные изменения в жизнь людей. В результате массового жилищного строительства 1950–1980-х гг., впервые в истории страны отдельная квартира стала основным типом городского семейного жилища»³⁰.

Безусловно, нельзя не согласиться с важностью данных выводов. Изменение образа жизни являлось значимой особенностью социального устройства государства. Однако преобразование общности быта и радовало, и огорчало. Поднимались вопросы отчуждения людей друг от друга, добрососедства,

коммунитарных инициатив³¹. Вплоть до 1980-х гг. духовная потребность в общении, связанная с модернизацией общественных идеалов, являлась одной из базовых ценностей граждан. Люди ностальгировали по традиционной корпоративной форме жизни. К примеру, в одном из писем-откликов на проект ЦК КПСС «Основные направления развития народного хозяйства на 1981–1985 гг. и на период до 1990 г.» выражалось мнение о негативной тенденции обособленности людей: «С каждым годом в нашей стране строится множество жилых домов, десятки тысяч отдельных квартир. В них удобно жить, питаться, спать, смотреть телевизор. Но люди изолированы друг от друга, человек замкнут в своем мирке. Не случайно, районы массовых жилых застроек, особенно в крупных городах, называют “спальными районами”. Если взглянуть на дело исторически, то стремлению людей жить отдельно, изолированно от соседей мы найдем достаточные объяснения, т. к. до сравнительно недавнего времени в скученных, тяжелых, коммунальных условиях жило большинство населения. Этим стремлением надо “переболеть”»³².

Тем не менее глобальный процесс трансформации советской действительности и потребительских стратегий выражался в изменении общественного отношения к институту жилой собственности и жилищно-бытовым вопросам. Стремление к комфортной жизни стало одним из базовых идеалов. В ЦК КПСС в 1975 г. отмечалось, что важнейшей государственной задачей являлось устранение серьезных недостатков в жилищном строительстве и культурно-бытовом обслуживании населения³³. В газетах фиксировалось тревожное состояние дел в данных сферах. К примеру, в газете «Правда коммунизма» – органе Режевского городского комитета КПСС и городского Совета народных депутатов (Свердловская область, г. Реж) – отмечалось, что с 1974 г. срывались сроки сдачи объектов, строительное управление не наращивало мощности, каждый третий строитель допускал прогулы. Руководители совхозов оправдывали нехватку кадров отсутствием жилья, а сами не осваивали отпускаемые на его строительство средства. В 1974 г. ни одно хозяйство не выполнило плана по строительству жилья, из 5 тыс. м² сдано было около 3 тыс. м². Сложившееся положение объяснялось беззаботным отношением к строительству со стороны директоров совхозов, партийных комитетов. Качество строительных работ было низким³⁴. Аналогичные ситуации складывались во многих регионах.

К середине 1970-х гг. жилищный кризис преодолеть не удалось. Это подтверждают архивные документы. Население страны отмечало просчеты и упущения, факты превышения полномочий, ненадлежащего руководства, преступлений в распределении жилья. Так, в заявлении от 6 июня 1974 г., адресованном члену Политбюро ЦК КПСС и председателю Верховного Совета СССР Н. В. Подгорному, от гражданина И. П. Кичик из г. Грозный указывалось: «Идут нелестные разговоры в адрес руководителей. Из года в год не выполняются

планы пятилетки строительными организациями. Обком КПСС из года в год повторяет одно и то же об индустриальных методах строительства. Но дела нет. Начальник управления строительства ЧИАССП товарищ Чудаков – махинатор и бракодел, если пятиэтажные дома разваливаются. Снисхождение к этому проходимцу, видимо, не случайно, т. к. кое-кому он “сделал” хорошие квартиры. В республике развито воровство и взяточничество, преступление и угодничество. Критика и самокритика не в почете. Жизнь населения в тревожном состоянии»³⁵. В результате проверки по данному сообщению было установлено, что большинство фактов о недостатках в руководстве хозяйственным и культурным строительством, на которые ссылался пенсионер И. П. Кичик, соответствовали действительности. Итоги проведенного организованного контроля зафиксированы в справке, данной заместителем заведующего отделом организационно-партийной работы ЦК КПСС Н. Перун, от 14 августа 1975 г.³⁶

П. З. Магомедов и К. С. Османов из Махачкалы в письме от 1974 г., направленном в редакцию газеты «Правда», описывали неоценимую помощь ЦК КПСС и Совета Министров СССР Республике Дагестан в направлении организации строительства жилья. «Построили много домов и трудящиеся получили хорошие благоустроенные квартиры, но это не значит, что трудности в жилье ликвидированы, и этот вопрос можно считать решенным. В самом распространении квартир имеются серьезные погрешности и грубые нарушения. В г. Махачкале имеется республиканская клиническая больница, куда поступают больные из всех районов. Условия размещения больных очень тяжелые, даже в коридорах лежат больные, а два новых корпуса строятся несколько лет. Но когда строился по улице Оскара 7-этажный дом, обком КПСС его строил круглые сутки. За полтора года сдали в эксплуатацию и поселили в него всех тех, у кого хорошие благоустроенные квартиры. Это всех до сих пор удивляет. По примеру Обкома КПСС рядом начали строить такой же дом для Совета Министров ДАССР и строили теми же темпами. Квартиры были предназначены для всех высокопоставленных лиц (министров и работников Совмина), вернее все они имеют отличные квартиры, а сейчас стремятся получить сверхотличные. Председатель президиума Верховного Совета ДАССР Ш. М. Шамхалов за последние 10 лет сменил несколько квартир и при этом допускал грубые нарушения»³⁷, – указывалось в письме.

Дагестанский обком КПСС провел проверку и 25 апреля 1975 г. отчитался в ЦК КПСС о том, что были обнаружены факты нарушений существующего порядка представления жилплощади гражданам со стороны отдельных горисполкомов и должностных лиц. Виновные были привлечены к партийной ответственности. Указывалось, что Совет Министров действительно строил жилой дом по индивидуальному проекту, но его строи-

тельство не было завершено, а квартиры даже не распределялись. Обвинение Ш. М. Шамхалова не соответствовало действительности, так как его семья с 1962 г. проживала в коммунальной квартире³⁸. Сложно сказать, справедливое ли решение было вынесено по данному инциденту и удовлетворены ли были фигуранты дела. Однако с уверенностью можно утверждать, что акции наказаний и взысканий с должностных лиц для успокоения общественности проводились не всегда, а исходя из конкретного случая, по мере необходимости и надобности вышестоящих организаций. Рядовые граждане, наблюдавшие за процессом обуржуазивания верхушки власти, как правило, реагировали незамедлительно. Расчет на помощь советской периодической печати и непосредственно органов власти в купировании вопиющих фактов действительности оправдывался не всегда.

Руководители в регионах пользовались привилегиями в решении квартирного вопроса. Трудящиеся отмечали факты стремления первых лиц городов и областей к роскошному строительству, приобретению нового жилья большой площади. В записке от члена КПСС, председателя Морозовского райисполкома Ростовской области А. С. Баладжан, адресуемой Л. И. Брежневу, датируемой 30 апреля 1975 г., фиксировались случаи незаконных действий первого секретаря райкома партии Н. Д. Горгулева. В документе приводились факты непартийного поведения некоторых ответственных работников аппарата Морозовского райкома. Автор отмечал циничное решение жилищного вопроса, приобретшего особую остроту в г. Морозовске, когда десятки и сотни людей годами ждали и не могли получить квартиры. «Свою деятельность в районе товарищ Горгулев начал с незаконного строительства особняка, который обошелся десятку предприятий и организаций города, которые принимали участие в его строительстве, вместе с дорогой с твердым покрытием, водопроводом, линией электропередач в сумму не менее 60 тыс. руб. Имели прекрасные квартиры, но получили при заботе Горгулева особняки секретарь райкома В. Н. Попов, заведующий отделом А. Ф. Свиридов. Собственный дом продал и получил коммунальную квартиру инструктор И. Н. Самсоненко, но зато он купил легковую машину»³⁹, – докладывал председатель Морозовского райисполкома. Г. А. Мовсесян из Еревана в 1975 г. в письме в «Правду» написал, что первый секретарь Сисианского райкома партии Оганесян расширил свою квартиру, а капитальный ремонт в 9000 руб. был произведен за счет райводхоза»⁴⁰.

О махинациях с жильем в 1975 г. в «Правду» писала группа жителей г. Абовяна Армянской ССР: «В нашем городе много новоселов, и многие из них становятся жертвами председателя горисполкома Аветисяна. Дело в том, что никто не может получить квартиру без вручения Аветисяну определенной суммы. Установлена такса: для однокомнатных квартир – 1000 руб., для двухкомнатных – 2500 руб.,

для трехкомнатных – 4000 руб. В городе имеет место спекуляция квартирами. Так, председатель райкома профсоюза Оганесян, будучи прописанный в Ереване, с помощью Аветисяна получает в Абовяне однокомнатную квартиру, которую продает за 3000 руб. Покупатель срочно в ней прописывается, за что Аветисян получает 2500 руб.»⁴¹.

Группа колхозников Шамшадинского района Армянской ССР свидетельствовала о том, что председатель райисполкома С. Папян, злоупотребляя служебным положением, в личных корыстных целях занимался взяточничеством, хищениями и приписками. К примеру, «он незаконно захватил приусадебный участок вдовы Антомян и за счет колхоза построил дом. Папян незаконно получил в Ереване квартиру для сыновей. Сам же имеет трехкомнатную квартиру, а в селе дом площадью 100 кв. метров»⁴², – говорилось в письме в «Правду» в 1975 г.

О процветающих аферах на заводах среди руководителей было написано в анонимном письме от 1975 г., направленном в ЦК КПСС из Саратова. В частности, на заводе «Тантал», директором которого значился А. Умнов, производились махинации с квартирами: «Новый “начальник” по жилью – Цибизов, прославился на весь завод тем, что в кабинете устроил отхожее место. Начальник стройучастка Московкин, проработав на заводе 1,5 г., имея до этого квартиру в городе, умудрился хапнуть квартиру из 3-х комнат от завода на 2,5 человека. А дальше как шло, так и ехало. Так и идет все. Пишут в газете о дачах-дворцах. Езжайте в Прикарпатье, Карпаты, Грузию и другие места и Вы увидите дворцы 2-х, 3-х этажные, личные по 150–200 кв. метров на 4–5 человек. Это что? Капитализм. Тем более все строится из ворованного. Документик липовый на 1000 штук кирпича, а на домик надо около 10000–12000, а там и труд и все проч. Пора и власть употребить. И начинать надо с секретарей обкома, ГК, РК, директоров, начальников, а потом уже и до рабочего класса. И надо требовать со всех одинаково. С членов КПСС, а тем более с руководителей партии – побольше. И наказывать. А то они государство грабят, пропивают, молодежь развратили идейно. Везде одна болтовня»⁴³.

В ответе ЦК КПСС на данное письмо отмечалось, что факт неправильного поведения С. М. Цибизова имел место в 1967 г., за что он был освобожден от обязанности начальника отдела техники безопасности и переведен на работу мастером в жилищно-коммунальный отдел⁴⁴. Таким образом, работала схема перевода на иную должность, а не на увольнение.

Резюмируя сказанное, отметим, что на основе обзора архивных источников можно сделать вывод о нерешенности к середине 1970-х гг., несмотря на совершенствование законодательства, такой важной социальной проблемы как обеспеченность советских граждан жильем. Количественные показатели росли, но и имелись проблемы с качеством жилья. Тем не менее государство в силу дефицита экономических возможностей не смогло предоста-

вить благоустроенное жилье всем нуждающимся, ввиду чего имели место случаи различных махинаций при его распределении. Сфера строительства оказалась вовлечена в преступные схемы и облачена сетью хищений, присвоения материальных ценностей. Спекуляция жилой площадью, стремление к обогащению, присвоению народного достояния на общем фоне недостатка, нехватки и невозможности приобретения квартир вызывала презрение. Процессы, связанные с наблюдением за отказом представителями власти от следования коммунистическим идеалам, порождали разочарование и активизировали желание пресечь формирующуюся практику. В это время у правящей элиты в отношении института жилой собственности проявлялось стремление к комфорту, индивидуализму, накоплению, тогда как в удаленных от центра районах страны и сельской местности нехватка жилья, связанная со срывом планов строительства, являлась злободневной проблемой. В городах рядовые труженики, как правило, получали квартиры небольшой площади. Изначально это их устраивало. Однако выделение и строительство элитного жилья для номенклатурных работников, перерастающее в системное явление, вскоре стало основой для риторики в писем, направляемых гражданами в средства массовой информации и органы власти.

Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда (проект «Трансформация российского общества 1950–1990-х гг.: классовый генезис и эволюция экономического устройства» № 19-18-00269).

Примечания

- 1 См.: Горлов В. Н. Жилищное строительство в Москве как социокультурная проблема (1953–1991) : дис. ... д-ра ист. наук. М., 2005.
- 2 См.: Измозик В. С., Лебина Н. Б. Жилищный вопрос в быту ленинградской партийно-советской номенклатуры 1920–1930-х годов // Вопр. истории. 2001. № 4. С. 98–110.
- 3 См.: Туфанов Е. В. Быт и повседневная жизнь советского чиновника в 1920–1930-е годы // Гуманитарные и юридические исследования. 2017. № 2. С. 127–132.
- 4 См.: Варга-Харрис К. Хрущевка, коммуналка : социализм и повседневность во время «оттепели» // Новейшая история России. 2011. № 1 (1). С. 160–166.
- 5 См.: Емельянов С. Хрущевка – пять этажей счастья // Родина. 2017. № 7. С. 82–85.
- 6 См.: Данилова А. М. Проблемы жилищного строительства СССР в послевоенное время (1955–1969) // КЛИО. 2020. № 3 (159). С. 111–114.
- 7 См.: Кузина И. Л. Организация городского пространства и жилищное строительство в Комсомольске-на-Амуре в 50–60-е гг. XX в. // Учен. зап. Комсомольского-на-Амуре гос. техн. ун-та. 2016. № 4 (28). Т. 2. С. 8–12.
- 8 См.: Подольский С. И., Волошинова И. В. «Для пользы города я готов поклониться хоть черту» : глава Ленсовета

- Н. И. Смирнов в период оттепели (1954–1962 гг.) // Новейшая история России. 2019. № 3. Т. 9. С. 697–711.
- ⁹ См.: *Каракова Т. В., Рыжикова Е. В.* Исторические этапы развития индустриального жилища в России // Вестн. СГАСУ. Градостроительство и архитектура. 2011. № 3. С. 92–94.
- ¹⁰ См.: *Шубин А. В.* От «застоя» к реформам. СССР в 1917–1985 гг. М.: РОССПЭН, 2000. 768 с.
- ¹¹ См.: *Сокил А. А., Маковецкий О. А.* Исследование жилого фонда массовой серийной застройки микрорайонов г. Перми середины XX века // Современные технологии в строительстве. Теория и практика. 2016. Т. 1. С. 47.
- ¹² См.: *Шубин А. В.* Указ. соч. С. 139–140.
- ¹³ См.: *Горлов В. Н.* Н. С. Хрущев и переход к массовому жилищному строительству в Советском Союзе // Вестн. Моск. гос. обл. ун-та. Сер.: История и политические науки. 2017. № 1. С. 71, 74.
- ¹⁴ См., напр.: Российский государственный архив новейшей истории (далее – РГАНИ). Ф. 100 (Подотдел писем общего отдела ЦК КПСС [1953–1991]). Оп. 5. Д. 918.
- ¹⁵ См.: Постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 4 ноября 1955 г. № 1871 «Об устранении излишеств в проектировании и строительстве». URL: http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_5043.htm (дата обращения: 21.04.2020).
- ¹⁶ См.: Постановление ЦК КПСС, Совмина СССР от 31 июля 1957 г. № 931 «О развитии жилищного строительства в СССР». URL: http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_5213.htm (дата обращения: 21.04.2020).
- ¹⁷ См.: *Меерович М. Г.* Человек и микрорайон: история хрущевских реформ в СССР // INNOVATIVE PROJECT. 2016. Т. 1, № 4 (4). С. 8.
- ¹⁸ См.: *Горлов В. Н.* Указ. соч. С. 74–75, 78–79.
- ¹⁹ См.: Народное хозяйство СССР в 1975 г.: статистический ежегодник // ЦСУ СССР. М.: Статистика, 1976. С. 495, 569, 571.
- ²⁰ См.: Постановление Совмина РСФСР от 5 октября 1962 г. № 1395 «Об индивидуальном и кооперативном жилищном строительстве в РСФСР». URL: http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_5894.htm (дата обращения: 21.04.2020).
- ²¹ См.: Постановление Совмина РСФСР от 9 октября 1963 г. № 591 «Об упорядочении распределения жилой площади и учета граждан, нуждающихся в жилье». URL: http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_5952.htm (дата обращения: 21.04.2020).
- ²² См.: *Григорьева А. Г.* Решение жилищной проблемы советских граждан в годы «оттепели» // Теория и практика общественного развития. 2010. № 4. С. 241.
- ²³ См.: Постановление Совмина РСФСР от 27 июля 1964 г. № 911 «О мерах по улучшению организации жилищно-коммунального хозяйства и благоустройства в сельской местности». URL: http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_6116.htm (дата обращения: 21.04.2020).
- ²⁴ См.: Постановление ЦК КПСС, Совмина СССР от 1 июня 1962 г. № 561 «Об индивидуальном и кооперативном жилищном строительстве». URL: http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_5838.htm (дата обращения: 21.04.2020).
- ²⁵ См.: Постановление Совмина СССР от 19 ноября 1964 г. № 493 «О дальнейшем развитии кооперативного жилищного строительства». URL: http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_6166.htm (дата обращения: 21.04.2020).
- ²⁶ См.: Постановление Совмина РСФСР от 2 октября 1965 г. № 1143 «О ходе выполнения плана кооперативного жилищного строительства в 1965 г.». URL: http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_6303.htm (дата обращения: 21.04.2020).
- ²⁷ См.: Постановление Совмина СССР от 26 августа 1967 г. № 807 «О мерах по улучшению эксплуатации жилищного фонда и объектов коммунального хозяйства». URL: http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_6627.htm (дата обращения: 21.04.2020).
- ²⁸ См.: Постановление ЦК КПСС, Совмина СССР от 28 мая 1969 г. № 392 «О мерах по улучшению качества жилищно-гражданского строительства». URL: http://lawrussia.ru/texts/legal_346/doc346a990x330.htm (дата обращения: 21.04.2020).
- ²⁹ См.: *Огородникова О. А.* Массовое жилищное строительство в истории советской повседневности // Universum: Общественные науки: электрон. науч. журн. 2018. № 3 (44). URL: <http://7universum.com/ru/social/archive/item/5677> (дата обращения: 21.04.2020).
- ³⁰ См.: *Каракова Т. В., Рыжикова Е. В.* Указ. соч. С. 92–94.
- ³¹ См.: *Шубин А. В.* Указ. соч. С. 521–522.
- ³² РГАНИ. Ф. 100. Оп. 5. Д. 918. Л. 106.
- ³³ См.: В Центральном Комитете КПСС // Правда. 1975. 28 февр.
- ³⁴ См.: «...Чтобы критика дрянь косила» // Правда коммунизма. 1975. 31 мая.
- ³⁵ РГАНИ. Ф. 5 (Аппарат ЦК КПСС [1949–1991]). Оп. 68. Д. 267. Л. 4, 8.
- ³⁶ Там же. Л. 37.
- ³⁷ Там же. Л. 59–60.
- ³⁸ Там же. Л. 62–63.
- ³⁹ Там же. Л. 74.
- ⁴⁰ Там же. Л. 137.
- ⁴¹ Там же. Л. 140.
- ⁴² Там же. Л. 144.
- ⁴³ Там же. Л. 149–150.
- ⁴⁴ Там же. Л. 156.

Образец для цитирования:

Столетова А. С. Жилищный вопрос середины 1970-х годов как проблема социального обустройства в СССР // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. История. Международные отношения. 2020. Т. 20, вып. 4. С. 475–481. DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2020-20-4-475-481>

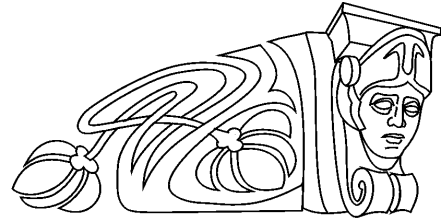
Cite this article as:

Stoletova A. S. Housing Issue Mid-1970s as a Problem of Social Arrangement in the USSR. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. History. International Relations*, 2020, vol. 20, iss. 4, pp. 475–481 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2020-20-4-475-481>

УДК 94(47).083.4

Семейные истории о Великой Отечественной войне: специфика исторических источников

П. С. Кабытов, Н. Н. Кабытова, Е. П. Баринава

Кабытов Петр Серафимович, доктор исторических наук, заслуженный деятель науки РФ, профессор, заведующий кафедрой российской истории, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С. П. Королева, don.kabytov2012@yandex.ru

Кабытова Надежда Николаевна, доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры российской истории, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С. П. Королева, don.kabytov2012@yandex.ru

Баринава Екатерина Петровна, доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры отечественной истории и историографии, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С. П. Королева, rfnz25@yandex.ru

В статье рассмотрены принципы и методы изучения поведенческих практик в повседневной жизни людей через их судьбы в ходе Великой Отечественной войны. Проанализированы материалы устной истории, субъективизм которых не искажает, а дополняет информацию законодательных и делопроизводственных источников. Ценнейшие сведения содержатся в раскритикованных и оцифрованных документах Мартиролога Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Опираясь на воспоминания ветеранов войны и труда, данные электронных ресурсов, высвечивающих новые грани известных событий, авторы представили формы и методы преодоления опасностей и угроз в экстремальных условиях, что позволило выявить конкретный механизм формирования человеческого фактора в военно-оборонном потенциале страны.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, новые исторические источники, семейные истории, участники войны, труженики тыла.

Поступила в редакцию: 16.06.2020 / Принята: 01.07.2020 / Опубликована: 21.12.2020

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

Family Stories about the Great Patriotic War: Specifics of Historical Sources

P. S. Kabytov, N. N. Kabytova, E. P. Barinova

Petr S. Kabytov, <http://orcid.org/0000-0002-2359-2155>, Samara National Research University, 1 Akademika Pavlova St., Samara 443011, Russia, don.kabytov2012@yandex.ru

Nadezhda N. Kabytova, <http://orcid.org/0000-0001-9411-8429>, Samara National Research University, 1 Akademika Pavlova St., Samara 443011, Russia, don.kabytov2012@yandex.ru

Ekaterina P. Barinova, <https://orcid.org/0000-0002-2514-9421>, Samara National Research University, 1 Akademika Pavlova St., Samara 443011, Russia, rfnz25@yandex.ru

The article considers the principles and methods of studying behavioral practices in the everyday life of people through their fates during the Great Patriotic War. The materials of oral history are analyzed, the subjectivity of which does not distort, but complements the information of legislative and clerical sources. Valuable information is contained in declassified and digitized documents of the Martyrologist of the Great Patriotic War of 1941–1945. Based on the memories of war and labor veterans, data of electronic resources highlighting new facets of known events, forms and methods of overcoming dangers and threats in extreme conditions are shown, which made it possible to identify a specific mechanism for the formation of the human factor in the military defense potential of the country.

Keywords: Great Patriotic War, new historical sources, family stories, war participants, home front workers.

Received: 16.06.2020 / Accepted: 01.07.2020 / Published: 21.12.2020

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2020-20-4-482-489>

Кризисные периоды в жизни того или иного сообщества выявляют глубинные основы духовно-нравственных идеалов, традиций и новаций в коммуникативных практиках различных социальных страт. Изучение культурно-исторического опыта советской действительности – актуальная научная задача. В условиях различного рода фальсификаций российского исторического процесса осмысление «советского века» приобретает также общественно-политическую значимость. Крах советской системы ценностей обнажил следующее: трудно правдиво описать реалии жизни людей, вынужденных о многом умалчивать и говорить не то, что думают и чувствуют, а «как велено».

Специалистам и раньше было ясно, что исторические источники сообщают не все, что хотелось бы знать – многие документы советской эпохи составлены по заранее заготовленным клише. К тому же гриф секретности распространялся не только на документы государственной важности, но и на любые материалы протестного существующему строю характера даже на бытовом уровне. Тем не менее, несмотря на частую амплитуду кризисного ритма российской истории, перед ее исследователями каждый раз расширяются перспективы пополнения источниковой базы, в частности за счет материалов «устной истории».

Конечно, письменные источники являются основными при изучении макроисторических процессов. Однако макроистория без учета данных микроистории выхолащивает и схематизирует исторический процесс. За счет микроистории и, прежде всего, истории повседневности во всех ее проявлениях, возможно обогащение макроистории. Появляются возможности вывести ее на уровень сравнительно-сопоставительного анализа причинно-следственных связей исторического процесса в целом и его особенностей применительно к разным странам, народам, социальным группам.

Вариативность и субъективизм источников личного происхождения не умаляют их значимости. Они отражают традиционные нравственные ценности людей, которые коррелируются соответствующими идеологемами эпохи. Нюансы личного восприятия событий не только дополняют директивные и делопроизводственные документы, но и позволяют выявить механизм формирования военно-экономического потенциала страны в чрезвычайных условиях. Кроме того, впечатления и оценки современников о знаковых исторических событиях обогащают информацию о них личностным восприятием. Это также помогает понять и объяснить поведенческие практики людей.

Великая Отечественная война 1941–1945 гг. останется в памяти нашего народа прежде всего как героический и особо трагический период истории страны. В массовом сознании любое историческое событие существует в виде символов и мифов. Великая Отечественная война представлена в историографии, публицистике, художественных произведениях в основном как героизм на фронте и в тылу, обусловленный высоким моральным обликом советских людей (и это совершенно справедливо!). Отдельные негативные явления коллаборационизма и предательства глубоко не исследовались, объяснялись пережитками старого (дореволюционного) строя и происками врагов не только зарубежных, но и затаившихся внутри страны. Между тем советское общество накануне и во время войны представляло собой сложнейший организм переходного периода от традиционализма к «советскости», с присущими данному феномену как позитивными, так и негативными чертами социальной организации. Люди, пережившие войну, как и погибшие на ней, испытали колоссальные нагрузки. Однако их поведенческие реакции изучены недостаточно, что обедняет героический подвиг народа. Кроме того, изучение форм и методов преодоления опасностей и угроз на ментальном уровне – не только важнейшая исследовательская задача, но и конкретный механизм формирования оборонного потенциала страны. Без учета так называемого «человеческого фактора» не будет функционировать никакая система.

На примере судеб наших родителей и ближайших родственников прослеживаются

общие закономерности и особенности народного характера, аккумулированного не только на выживание в экстремальных условиях, но и направленного на неприменную победу в войне. В семье Кабытова Серафима Павловича (1905–1942) и Кабытовой (Григорьевой) Лидии Александровны (1908–1982) родились 6 детей, из которых выжили четверо: Инна 1932 г.р., Надежда 1936 г.р., Евгения 1939 г.р., Петр 1941 г.р. Некоторые нюансы их жизни были освещены в воспоминаниях П. С. Кабытова¹. Коростин Николай Тимофеевич (1911–1978) и Коростина (Панарина) Анастасия Дмитриевна (1920 г.р.) создали семью после войны.

Отдельные сюжеты личных историй родных и близких этих семей затрагивались в статьях, посвященных источниковедческим изысканиям², истории повседневности³, демографическим процессам в России⁴. Краткие сведения о С. П. Кабытове и Н. Т. Коростине опубликованы в книге «Великая война и Самарский край»⁵. В качестве источников использовались некоторые материалы Центрального архива Министерства обороны. Для воссоздания личных историй изучались такие документы, как военные билеты, в которых есть сведения об участии ветеранов в боевых действиях, исследовались трудовые книжки тружеников тыла, извещения о гибели красноармейцев (похоронок).

Воспоминания как воевавших на фронтах Великой Отечественной войны, так и трудившихся в тылу, прежде всего, отражают тяжелейшие условия труда и быта во время войны. О военных сражениях фронтовики рассказывали редко, неохотно, стремились обходиться без оценок военно-политических событий. Ценная историческая информация содержится в материалах личных архивов, в которых сохранились записи воспоминаний наших родителей и родственников.

Современные цифровые технологии помогают сохранить и передать последующим поколениям рельефную и объемную картину событий Великой Отечественной войны. В 2003 г. началась работа над созданием обобщенных баз данных. В 2015 г. ранее реализованные Минобороны России проекты о Второй мировой войне, обобщенные базы данных «Мемориал» и «Подвиг народа» объединены в один информационный проект «Память народа», который содержит архивные документы фронтов, армий и других соединений Красной армии. Воспоминания ветеранов войны и труда, данные электронных ресурсов высвечивают новые грани известных событий, что определяет их информативную ценность.

Вехи организации воинской службы в СССР в 1930–1940-х гг., принципы формирования оборонного потенциала страны, способы ответов на внешнеполитические и военные угрозы и вызовы хорошо известны. Сейчас пришло время обратить внимание потомков на героическое прошлое нашей страны через судьбы простых людей, их

ратный подвиг, труды и заботы, методы преодоления страхов и невзгод. История любой войны убедительно свидетельствует о том, что ее исход зависит от соотношения военно-экономического потенциала противников. Из всех составляющих этого комплекса мы рассмотрим лишь некоторые аспекты семейных историй, характеризующих поведенческие практики наших родных на фронте и в тылу периода Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.

По данным официальной статистики, в СССР в 1940 г. сельское население более чем в 2 раза превышало городское. В сельской местности проживали 131 млн жителей, а в городах – 63,1 млн чел. В этой связи в личном составе Красной Армии преобладали крестьяне, которые вынесли на своих плечах все тяготы войны и совершили жертвенный подвиг, защищая Родину. Наши родители по происхождению также были крестьянами. С. П. Кабытов в довоенный период был кооператором, с Лидией Александровной он познакомился в Моршанске, где она после окончания Учительского института работала учительницей начальных классов в одной из школ города. В 1929 г. они заключили брак. Одно время С. П. Кабытов работал заведующим столовой, а перед войной был назначен заведующим складами на железнодорожной станции Колодезная Лено-Россошанского района Воронежской области. Долгожданный сын Петр родился 20 июня 1941 г., что стало большой радостью для Серафима Кабытова. Но уже через 2 дня она померкла в связи с вероломным вторжением фашистских орд на территорию Советского Союза.

С. П. Кабытов был призван в действующую армию в первые дни войны. Он ушел защищать Родину, оставив жену и четверых детей. О его участии в боевых действиях во второй половине 1941 г. до 2015 г. было очень мало сведений. К сожалению, в связи с эвакуацией семьи Кабытовых в Садовый район Воронежской области его письма к жене не сохранились. Рассказы Лидии Александровны о тех трагических днях были немногословны. Правда, однажды она сообщила детям, что их отец в период войны был телефонистом. Она не рассказывала о том, какие мытарства ей пришлось преодолеть во время эвакуации. Серафим Павлович, судя по некоторым данным, участвовал в сражениях на территории современной Новгородской области, большая часть которой до 1944 г. входила в состав Ленинградской области. В первой половине 1942 г. здесь шли кровопролитные бои. Так, войсковые части Волховского фронта принимали участие в Любанской и Синявинской операциях, которые из-за просчетов Ставки Верховного командования не увенчались успехом. Во время Любанской операции безвозвратные потери Красной Армии составили 95064 чел.⁶

Серафим Павлович Кабытов в 1941 г. воевал на Северо-Западном фронте в составе 21-й

артиллерийской бригады 11-й армии, которой командовал генерал-лейтенант В. И. Морозов. Отступая и маневрируя, войска действовали в тяжелых условиях оборонительных боев. С конца июня по сентябрь 1941 г. телефонист-рядовой С. П. Кабытов вместе со всеми познал горечь отступления советских войск под натиском фашистов. Он принимал участие в арьергардных боях на территории Литвы и Латвии; воевал в составе частей, наносивших контрудары по группировкам противника, сосредоточенным в районе г. Сольцы, а также на холмском, старорусском и демянском направлениях.

В первой половине 1942 г. в районе Старая Русса была проведена Демянская операция, в ходе которой немецкие войска оказались в «котле». Однако из-за просчетов Ставки Верховного командования, ошибок военачальников фронта добиться успеха советским войскам не удалось. В ходе этой операции 14 мая 1942 г. в одном из боев у д. Городок красноармеец С. П. Кабытов был тяжело ранен и умер во время эвакуации с поля боя⁷. О масштабах потерь советских частей во время Демянской операции свидетельствует тот факт, что только на территории Парфинского района Новгородской области в 32 воинских захоронениях погребены свыше 20 тыс. чел. Летом 1942 г. Л. А. Кабытова получила похоронку, в которой сообщалось о гибели ее мужа. В ней была запись о том, что его похоронили на кладбище у д. Городок Ленинградской области.

Коростин Николай Тимофеевич родился в 1911 г. в селе Заплавное Бузулукского уезда Самарской губернии в крестьянской семье. В сентябре 1933 г. был призван Бузулукским райвоенкоматом Оренбургской области в ряды Красной Армии на действительную военную службу. В определенной степени это было связано с обострением международной обстановки после прихода к власти в Германии фашистов (январь 1933 г.). Срочную службу Николай Тимофеевич проходил в 51-м кавалерийском пограничном отряде, дислоцированном в Забайкалье, и был уволен в запас в январе 1937 г. В армии, где в это время создавались конно-моторизованные группы, он овладел специальностью шофера и в 1937–1939 гг. проживал в Сибири, работая в одном из леспромхозов. Заметим, что армейская служба способствовала новым практикам социализации молодого поколения, родившегося в первые два десятилетия XX в., что повышало его мобильность, определяла профориентацию. Специфическая обстановка в стране второй половины 1930-х гг., когда все промахи и неудачи в экономике объяснялись происками «вредителей» и «врагов народа», коснулась даже простого рабочего парня. Попав в аварию при перевозке леса, Н. Т. Коростин каким-то образом избежал наказания, хотя его обвинили в потере материальных ценностей. Не дожидаясь репрессий, он вернулся домой. В своих устных воспоминаниях Н. Т. Коростин обходил молчанием 3 предвоенных года

своей жизни, в то время как о службе в армии рассказывал охотно (Воспоминания Н. Т. Коростина, 1911 г. р., записанные Н. Н. Кабытовой в 1975 г. Из личного архива Н. Н. Кабытовой).

Начавшийся в конце ноября 1939 г. конфликт между Финляндией и СССР обострил международную ситуацию. Он грозил перерасти в крупномасштабную войну. В этих условиях в СССР была объявлена частичная воинская мобилизация. Н. Т. Коростин находился в запасе первой категории, был призван в армию Борским райвоенкоматом Куйбышевской области и с 6 февраля по 19 мая 1940 г. служил шофером в составе 415-й танковой роты 7-й армии, которая участвовала в прорыве советскими войсками главной и второй полосы линии Маннергейма (февраль 1940 г.). Из-за сильных морозов боевые потери были не только убитыми и ранеными, но и заболевшими.

На основании скудных сведений об участии в Великой Отечественной войне, содержащихся в военно-учетных документах, удостоверявших личность военнослужащего, можно узнать, в какое время, в составе какой части, по какой специальности воевал тот или иной участник войны (Военный билет. Серия Т. № 63688. Коростин Николай Тимофеевич, 1911 г. р. Выдан Борским райвоенкоматом Куйбышевской обл. 7 апреля 1948 г. Из личного архива Н. Н. Кабытовой). Н. Т. Коростин 10 ноября 1941 г. принял военную присягу при 67-й морской стрелковой бригаде и воевал шофером в ее составе до марта 1942 г. В марте – августе 1942 г. он – уже стрелок 72-го пограничного полка МВД, после чего находился с августа 1942 по январь 1943 г. на излечении в эвакогоспитале 1142 по болезни, приобретенной во время советско-финской военной кампании. В январе – феврале 1943 г. Н. Т. Коростин служил стрелком противотанкового ружья в 64-й стрелковой дивизии. Трудно по номерам воинских частей восстановить, в каких боях в это время участвовал Николай Тимофеевич. Ясно одно: 1941–1942 гг. были самыми трудными, военные операции носили преимущественно оборонительный характер с огромными потерями на всех фронтах.

Дальнейший воинский путь Н. Т. Коростина был связан с боевыми операциями, в которых участвовал I Чехословацкий корпус под руководством Л. Свободы, сформированный в СССР (Бузулук). В феврале 1943 г. он был направлен в 1-ю Чехословацкую стрелковую бригаду шофером, которая действовала совместно с красноармейскими частями, освобождавшими сначала Украину, а затем Чехословакию. Л. Свобода свидетельствовал о том, что чехословацкие воины брали пример с советских бойцов и были благодарны им за бескорыстную помощь. Анализируя боевой путь корпуса, его командир отмечал: «Мы видели, как наши братья, воины Красной Армии, героически сражались в боях за Харьков, Белую Церковь, на реке Горный Тикич, на Чешской Воляни. Мы понимали, что они борются не только

за свою родину, но и за все угнетенные народы Европы и за Чехословакию... Советские воины сражаются за Чехословакию, так как сражались они за Москву, за Сталинград, за советские города и сёла»⁸.

Особо памятной для Николая Тимофеевича была Карпатско-Дуклинская операция в сентябре – октябре 1944 г., решающая в подготовке войск фронтов для наступления в Восточных Карпатах. Бойцы 1-го Чехословацкого армейского корпуса, действовавшего в составе 38-й армии 1-го Украинского фронта, особенно отличились при овладении опорным пунктом на высоте 534, открывавшим путь к Дуклинскому перевалу. Отстоять эту высоту бойцам чехословацкого корпуса помогали советские танкисты, артиллеристы и летчики⁹. В результате этой операции началось освобождение территории Чехословакии от немецко-фашистских захватчиков. Н. Т. Коростин закончил воевать в предместье Праги. С мая 1945 г. он продолжал служить шофером в 26-м автополку в Чехословакии, был демобилизован из армии в октябре 1945 г. Н. Т. Коростин награжден медалями «За победу над Германией», «За освобождение Чехословакии», юбилейными медалями, после войны работал шофером в Борской МТС, трудился, не ожидая льгот и преференций, как и миллионы советских людей в трудное время восстановления народного хозяйства страны, в других организациях Борского района Куйбышевской области до выхода на пенсию в 1971 г.

Принципы перевода экономики на военный лад достаточно хорошо изучены. В то же время мобилизационные мероприятия по организации трудовых ресурсов представлены схематично. Эвакуация из прифронтовой полосы, размещение эвакуированных, приспособление к новым жизненным реалиям пришлось пережить жене Кабытова. Летом 1942 г. железнодорожная станция Колодезная Воронежской области, где проживала жена фронтовика с четырьмя детьми, оказалась в прифронтовой полосе в связи с наступлением немецких войск на Сталинград. Уже в конце 1941 г. станцию начали бомбить немецкие самолеты. Частота этих бомбежек в 1942 г. возросла. Л. А. Кабытова рассказывала о том, что во время налетов фашистской авиации она с детьми пряталась в погребе. Вскоре семья Кабытовых была эвакуирована в с. Рубашевка Садовского района Воронежской области. О том, как проходила эвакуация, Л. А. Кабытова не рассказывала. Но она не только спасла от гибели четверых детей, но и сумела сохранить документы и часть имущества, в том числе швейную машинку «Зингер», на которой она стала шить одежду не только для своих детей, но и жителей с. Рубашевка. В первое время семью поместили в одной из комнат правления колхоза, но затем «мать была вынуждена снять частную квартиру»¹⁰. В 1942–1943 гг. Л. А. Кабытова работала в колхозе, затем она вновь стала учительницей начальных классов в Рубашевской

семилетней школе, в которой трудилась вплоть до выхода на пенсию в 1963 г.

Семья Кабытовых, как и миллионы семей Советского Союза, в условиях военного лихолетья и послевоенного времени в буквальном смысле выживала. Острый дефицит семейного бюджета, нехватка продуктов питания и одежды стали нормой жизни миллионов людей. Спасало то, что Л. А. Кабытова, работая в колхозе, а затем учительницей в школе, шила одежду для жителей села. Будучи крестьянкой по происхождению, она стала обзаводиться собственным хозяйством: каким-то образом сумела завести козу, затем появились куры, спасал и огород. Ей как учителю был выделен участок земли размером 25 соток, на котором стали выращивать картофель, капусту, лук. Две сотки были отведены под посев проса. Но и эти титанические усилия не были эффективными, семья едва-едва сводила концы с концами.

Суровые испытания Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. в исторической памяти народа отмечены как героические и трагические события. Преодоление через героизм и жертвенность были характерны и на фронте, и в тылу. Люди, пережившие войну, как и погибшие на ней, испытали колоссальные перегрузки. Отдельные негативные явления девиантного поведения были обусловлены в большинстве случаев репрессивными нормами регулирования трудовых отношений и чрезвычайными условиями военного времени. Таким образом, изучение форм и методов преодоления опасностей и угроз в экстремальных условиях позволяет выявить конкретный механизм формирования человеческого фактора в военно-оборонном потенциале страны. Крестьянские семьи стали основной базой для рекрутирования военных и трудовых ресурсов в годы войны.

Поколение советских людей 1920-х гг. практически полностью было включено в мобилизационные мероприятия военного времени как на фронте, так и в тылу. На примере семьи Панариных, проживавших в с. Заплавное Борского района Куйбышевской области, рассмотрим, как формировались и распределялись людские ресурсы для создания военно-оборонного потенциала страны. В семье деда и бабушки Н. Н. Кабытовой было 8 детей (5 дочерей и 3 сына). Две старших дочери были замужем, средняя – инвалид детства, а две другие проживали в г. Коканд Узбекской ССР, откуда вернулись в отчий дом в начале войны. Родившиеся один за другим сыновья-подростки жили с родителями. Все они пополнили ряды Красной Армии и трудовые ресурсы эвакуированных в г. Куйбышев оборонных предприятий. Организация трудового фронта в годы войны осуществлялась путем привлечения местного населения, преимущественно женщин и подростков, для работы на заводах, фабриках, леспромхозах.

Рассказы ветеранов войны о пережитом не просто дополняют известные реалии жизни

людей в экстремальных условиях, но и высвечивают новые грани народного характера. Методы государственного принуждения воспринимались населением как необходимые и справедливые. Они предусматривали ненормированный рабочий день, скудное питание, жесткие меры наказания за любые провинности. Судьбы наших родственников это ярко иллюстрируют. В начале войны в Европейской части страны спешно формировались бригады, отправлявшиеся на рытье окопов, помогавшие в эвакуации материальных ценностей. Так, сестры Мария и Анастасия Панарины были отправлены на рытье окопов оборонительной линии в Брянской области, но не успели доехать до назначения из-за опережающего наступления немецких войск (Воспоминания Анастасии Дмитриевны Коростиной, 1920 г. р. Из личного архива Н. Н. Кабытовой). Они вернулись назад, после чего Мария работала в мастерской по пошиву воинского обмундирования.

Младшая из сестер Коростина (Панарина) Анастасия Дмитриевна, 1920 г.р. после окончания краткосрочных курсов в школе механизации была распределена на работу в Борскую МТС Куйбышевской области. Машинно-тракторные станции, обслуживавшие технику колхозы и совхозы, были режимными предприятиями в сельской местности. Воспоминания А. Д. Коростиной иллюстрируют методы организации труда в тылу. Работая на тракторе и комбайне от зари до зари во время посевной и уборочной страды, ремонтируя технику в межсезонье, молодые девушки должны были самостоятельно заботиться о бытовых условиях своего существования, включая питание и проживание. Беспрекословное выполнение инструкций по организации всеобщей трудовой повинности было основой успешного функционирования всего оборонного потенциала страны. Любые случаи даже невольного нарушения дисциплины рассматривались в судебном порядке и наказывались.

Случилось однажды такое и с молодой трактористкой. Две подруги по окончании смены в МТС уходили домой, за 8 км от работы, а утром возвращались. Дома можно было поужинать хлебушком и позавтракать, хотя бы затирухой. В один роковой день девушки опоздали на утреннее построение, попытались оправдаться тем, что непосредственно к выполнению своих обязанностей они успели приступить. Однако парторг МТС потребовал отдать их под суд. Обстоятельства судопроизводства на низовом уровне в условиях военного времени были просты и примитивны. Судья назначила провинившимся в качестве наказания вычет 25% из заработной платы в течение полугода. Это было самое мягкое наказание из возможных, тем более что заработная плата в МТС часто выплачивалась, как и в колхозе, натурой по минимуму в конце года. До конца войны Анастасия Дмитриевна ударным трудом искупала свою провинность. Затем вышла замуж за вернувшегося

в родное село фронтовика, воспитала двоих детей и на работу в Борскую райбольницу вернулась, когда они подросли до отроческого возраста. Сейчас она – ветеран войны и труда не забывает повторять: «Мы работали от зари до зари не для себя, а для страны» (Воспоминания Анастасии Дмитриевны Коростиной, 1920 г. р. Из личного архива Н. Н. Кабытовой).

Трудовые ресурсы военных заводов пополнялись за счет подраставшего поколения второй половины 1920-х гг. Как правило, по окончании школы-семилетки и достижения 14–15-летнего возраста подростки направлялись в школы ФЗО для овладения рабочей профессией. Старший сын семьи Панариных Григорий, 1923 г.р., был на фронте; Петр, 1925 г.р., трудился на военном заводе, эвакуированном в г. Куйбышев из западных районов страны; Василий, 1927 г.р., обучался рабочему мастерству. Скудный ученический паек, иногда даже с одноразовым питанием, конечно, не удовлетворял потребности школяров, проживавших в общежитии¹¹. В этой ситуации у младшего брата также случился судебный казус. В ноябре 1943 г., уже несколько освоившись в новых условиях, Василий с товарищем украли буханку хлеба из столовой, но были уличены в преступном деянии. Выездное заседание суда на предприятии, устроенное в назидание другим, сулило друзьям заключение для исправительных работ в системе ГУЛАГ. Чтобы этого избежать, Василий попросился на фронт, прибавив к своему возрасту 2 года. Как осужденный по уголовному преступлению, он воевал в штрафном батальоне. В 1945 г. принимая участие в боях за освобождение Венгрии, В. Д. Панарин был ранен, таким образом позор судимости «смыл кровью» (Воспоминания Василия Дмитриевича Панарина, 1927 г. р. Из личного архива Н. Н. Кабытовой). После лечения в госпитале отчаянный воин вернулся на завод, где его раньше судили, работал там в горячем цеху. После смерти своего отца В. Д. Панарин вернулся в родное село, но долго там не задержался, переехал с семьей в г. Фрунзе Киргизской ССР, трудился на заводе по приобретенной в военное время специальности, а после распада Советского Союза уже пенсионером возвратился в Россию, домой в Самарскую область.

Все сложности и трудности учета, формирования и перераспределения воинских кадров можно проиллюстрировать на перипетиях судьбы Панарина Григория Дмитриевича, 1923 г.р., участника боев на фронтах Великой Отечественной войны с 1942 по 1945 г. Он дважды был ранен: в 1943 г. – на Курской дуге, в 1944 г. – во время освобождения Беларуси. Его родители получили извещение о том, что он погиб 25 июня 1944 г. и похоронен близ д. Замей Риня Светлогорского района Гомельской области. О том, что он еще 7 месяцев сражался в тяжелейших боях на территории Восточной Пруссии, стало известно лишь в 2014 г., когда были рассекречены данные

ряда фондов Центрального архива Министерства обороны РФ¹². Создание электронных баз данных «Мемориал», «Подвиг народа» и «Память народа»¹³ позволило сравнить данные семейных историй и уточнить судьбы героев войны.

Не только военачальники, но и рядовые к концу войны приобрели неоценимый опыт воинского мастерства, умения действовать по ситуации в сложившейся обстановке, проявляя инициативу и смекалку. Г. Д. Панарин, возвратившись на фронт после тяжелого ранения, руководил отделением минометной роты 624-го стрелкового полка 137-й стрелковой Бобруйской дивизии 48-й армии. В одном из кровопролитных сражений 26 января 1945 г. «он... умело командовал своим расчетом, метким огнем поражая нападающих гитлеровцев... В разгар боя разорвавшийся вражеский снаряд оборвал жизнь Советского героя»¹⁴. В ходе боевых действий Г. Д. Панарин подавил три огневые точки противника, уничтожил 20 немецких солдат и был представлен командиром 624-го стрелкового полка подполковником Грозовым к ордену «Отечественной войны 1-й степени», однако награжден он был от имени Президиума Верховного Совета Союза ССР орденом «Красная звезда»¹⁵. Так простые русские парни сражались за освобождение всех народов от фашистских захватчиков.

Уточнение боевого пути многих погибших военнослужащих стало возможным благодаря усилиям архивистов, находкам поисковых отрядов, деятельности общественных организаций, систематизирующих сведения о воинских захоронениях. Г. Д. Панарин был похоронен в д. Эберсбах Морунгенского района Кенигсбергского округа. Эта территория по окончании войны была передана Польше, а деревня переименована в Старе Седлиско. В г. Бранево поляки обустроили кладбище-мемориал, на котором были перезахоронены павшие воины из окрестных мест. Оно является самым большим в Европе захоронением: в 42 братских могилах там покоятся 31 236 советских воинов. Их фамилии на самом кладбище не увековечены, кроме памятных табличек, установленных семьями погибших¹⁶.

Существуют определенные проблемы в поиске информации об участниках войны. Сведения о погибших, пропавших без вести, умерших от ран в архивных документах, изданных Книгах памяти не всегда были точны. Ошибки связаны с тем, что информацию о боевом пути героев собирали в тяжелейших условиях ведения военных действий. Возникли ошибки в написании фамилий, имен, отчеств, других данных. Места захоронений после окончания войны переносились и объединялись. Так, С. П. Кабытов, похороненный в д. Городок Полавского района Ленинградской области, был после войны перезахоронен на воинском кладбище близ д. Дубровы Парфинского района Новгородской области, в донесении он значился с ошибкой в фамилии – Кобытов.

Попавшие в плен солдаты, могли быть освобождены, продолжать воевать дальше, попасть в другое воинское подразделение, но получившие похоронку родные считали их погибшими и даже не знали, что их родственник погиб гораздо позже. В результате в архивных данных, в книгах Памяти, в ОБД «Память народа» один человек может быть указан дважды – как два героя. Так, например данные Г. Д. Панарина указаны в Книге Памяти Самарской области дважды (в т. 6 – как погибшем в 1944 г., в т. 7 – как погибшем в 1945 г.). В электронной Книге Памяти Калининградской области его данные частично указаны неверно: например, дата призыва названа 1944 г., хотя в 1944 г. он вернулся в строй после тяжелого ранения. Ни сам герой, ни его родные не знали, что минометчик Г. Д. Панарин за бой 30 октября 1944 г. был награжден медалью «За отвагу»¹⁷. Его перезахоронение находится на военном кладбище в Бранево (номер могилы XVII б (159–451))¹⁸. При перезахоронении фамилия Панарин преобразилась в различные варианты на польском языке – Понорин, Панорик, Панорык, Понорых. Установить же истинные данные стало возможно благодаря анализу ОБД «Память народа» и сведениям, сохранившимся у родственников – сравнению таких данных, как место призыва, дата рождения и сведения наградного листа.

В базе данных приводятся только отрывочные сведения о красноармейцах, вернувшихся с фронта. Например, Н. Т. Коростин указывается только по данным военно-пересыльного пункта, согласно которым он был призван 23 мая 1943 г. в 81-й стрелковый полк. Однако в его военном билете указано, что он был мобилизован на фронт в июне 1941 г.; в 1942 г. находился на излечении в госпитале, а в 1943–1945 гг. его боевой путь продолжился в составе Чехословацкого корпуса.

Многие десятилетия семья Кабытовых прилагала усилия для того, чтобы установить место захоронения С. П. Кабытова. Однако выяснить, где на территории Ленинградской области находится населенный пункт Городок, не удавалось, так как на послевоенных картах такого поселения не было. Только после создания ОБД «Мемориал» путем сравнительно-сопоставительного поиска на основе имеющихся данных внучка Е. П. Баринава нашла своего деда под фамилией Кабытов. Сын с женой, внуки и правнуки поспешили в г. Великий Новгород, чтобы поклониться праху нашего воина. Дорога к кладбищу заросла травой. В центре небольшого квадратного мемориала находится гранитный обелиск с надписью: «ВЕЧНАЯ ПАМЯТЬ ГЕРОЯМ ПАВШИМ В БОЯХ ЗА СОВЕТСКУЮ РОДИНУ». По его периметру возвышаются мраморные плиты, на которых начертаны фамилии и воинские звания погибших 259 красноармейцев. Часть из них была перезахоронена с кладбищ деревень Городок, Саблино, Бабки. На

одной из плит была надпись «КОБЫТОВ С. П., РЯД.». Возложив букеты цветов, мы рассказали павшему воину о его жене, детях, внуках и правнуках (Личный архив П. С. Кабытова). Участие С. П. Кабытова в защите Родины не было отмечено государственными наградами. В начальный период войны верховная власть скупой награждала защитников Отечества. Но это не означает, что С. П. Кабытова, как и миллионы других рядовых и офицеров Красной Армии, воевавших в 1941–1942 гг., нельзя называть героями. Именно они совершили жертвенный подвиг во имя Родины.

Вместе с тем нас поразило состояние кладбища, на котором покоятся герои Великой Отечественной войны. О его благоустройстве никто не заботится – ни сельская, ни районная, ни областная администрации, ни военный комиссариат. Спустя некоторое время, П. С. Кабытов направил обращение губернатору Новгородской области, в котором описал неухоженное состояние этого кладбища. Но ответа на него не было. И это печально. Много говорим о войне, о подвигах советских людей, а проявить минимум заботы о последнем приюте героев войны – на это нас не хватает.

Оценивая информативную емкость новых исторических источников о Великой Отечественной войне, отметим, прежде всего, их ценность как символов исторической памяти. Материалы устной истории, каковыми являются воспоминания ветеранов войны, не только дополняют официоз документов, но и высвечивают новые грани восприятия великих событий. Семейные летописи как эго-документы частного свойства способствуют формированию ярких образов, составляющих картину мира казуального характера. Они характеризуют духовные ценности народа, что в конечном итоге является квинтэссенцией эпохи. Даже если собеседники допускают какие-либо неточности, путают факты, имена и названия, всегда есть возможность уточнить их на основе письменных источников. В настоящее время предпринята широкомасштабная акция по размещению ранее засекреченных документов в электронных информационных ресурсах. Репрезентативность воспоминаний ветеранов несомненна. На их основе можно и нужно изучать суровые реалии повседневной жизни в годы войны: на фронте и в тылу, в плену и заключении, в блокаде и на оккупированной врагом территории. Кроме того, они помогают исследовать способы формирования и деятельности чрезвычайных органов государственного управления в экстремальных условиях, выявляют социопсихологические особенности поведения советских людей, их моральные ценности и нравственные ориентиры. Таким образом, обогащается источниковая база, характеризующая мобилизационные ресурсы страны, где человеческий фактор является определяющим.

Примечания

- ¹ См.: Кабытов П. С. Судьба – эпоха. Воспоминания историка. М. : Кучково поле, 2011. 352 с.
- ² См.: Кабытов П. С., Пенькова О. П. История деревни Васильевщина (Новое Васильево) Тамбовской губернии // Самарский земский сборник. 2005. № 1. С. 26–35.
- ³ См.: Кабытова Н. Н. Коммуникативные практики крестьянской семьи в катаклизмах XX века // Модернизация культуры : порядки и метаморфозы коммуникации : матер. III Междунар. науч.-практ. конф. : в 2 ч. Самара : Самарский гос. ин-т культуры, 2015. Ч. 1. С. 323–329.
- ⁴ См.: Кабытова Н. Н. Крестьянская семья в интерьере советской эпохи // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. М., 2016. № 1. С. 346–356.
- ⁵ См.: Великая война и Самарский край. К 65-летию Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. : Воспоминания. Исследования. Документы / под общ. ред. И. А. Носкова. Самара : Книга, 2010. С. 66–67, 71–72.
- ⁶ См.: Гаврилов Б. И. «Долина смерти». Трагедия и подвиг 2-й ударной армии. М. : ИРИ РАН, 1999. С. 19.
- ⁷ См.: Центральный архив Министерства обороны. Ф, 58. Оп. 818883. Д. 96.
- ⁸ Свобода Л. От Бузулука до Праги / авторизованный пер. с чеш. Переводчики С. И. Грачев, Ф. П. Петров. М. : Воениздат, 1963. С. 327.
- ⁹ См.: История Второй мировой войны, 1939–1945 : в 12 т. / гл. ред. А. А. Гречко. Т. 9 : Освобождение территории СССР и европейских стран. Война на Тихом океане и в Азии / авт. кол. : М. И. Семиряга (руководитель), И. И. Шинкарев, А. С. Аветян [и др.]. М. : Воениздат, 1978. С. 167.
- ¹⁰ Кабытов П. С. Судьба – эпоха. С. 18.
- ¹¹ См.: Российская повседневность : вторая половина XIX – начала XXI века / под ред. Л. И. Семенниковой. М. : КДУ, 2009. С. 133.
- ¹² См.: Приказ Министра обороны РФ от 8 мая 2007 г. № 181 «О рассекречивании архивных документов Красной Армии и Военно-Морского флота за период Великой Отечественной войны 1941–1945 годов» URL: <https://base.garant.ru/191283/> (дата обращения: 26.02.2020).
- ¹³ См.: Проект «Память народа». URL: <https://pamyat-naroda.ru/> (дата обращения: 24.02.2020).
- ¹⁴ Наградной лист 31 января 1945. Проект «Память народа». URL: http://pamyat-naroda.ru/heroes/podvigchelovek_nagrazhdenie22966237/ (дата обращения: 27.02.2020).
- ¹⁵ См.: Приказ о награждении частям 137 стрелковой Бобруйской дивизии 3 февраля 1945 г. № 194/н Проект «Память народа». URL: https://pamyat-naroda.ru/heroes/memorial-helovek_donesenie56126122/ (дата обращения: 20.02.2020).
- ¹⁶ См.: ОБД «Мемориал». URL: <http://www.obd-memorial.ru/html/info.htm?id=86047827> (дата обращения: 24.02.2020).
- ¹⁷ См.: Приказ подразделения о награждении. Проект «Память народа» URL: https://pamyat-naroda.ru/heroes/podvig-chelovek_nagrazhdenie23425714/?static_hash=e4e21757a0c379dae619ba8c5e5ad77b (дата обращения: 11.06.2020).
- ¹⁸ См.: Электронная книга Памяти Калининградской области. URL: <https://www.prussia39.ru/memory/warrior.php?wid=139764> (дата обращения 11.06.2020).

Образец для цитирования:

Кабытов П. С., Кабытова Н. Н., Барина Е. П. Семейные истории о Великой Отечественной войне: специфика исторических источников // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. История. Международные отношения. 2020. Т. 20, вып. 4. С. 482–489. DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2020-20-4-482-489>

Cite this article as:

Kabytov P. S., Kabytova N. N., Barinova E. P. Family Stories about the Great Patriotic War: Specifics of Historical Sources. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. History. International Relations*, 2020, vol. 20, iss. 4, pp. 482–489 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2020-20-4-482-489>

ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ И МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

УДК 94(411)«1057/1314»

«Община королевства» в конце XIII века: к вопросу о становлении парламента в средневековой Шотландии

К. С. Рева

Рева Ксения Сергеевна, аспирант Института истории, Санкт-Петербургский государственный университет, ksenia.s.reva@gmail.com

В статье рассматриваются статуты шотландского парламента и обстоятельства их принятия со времени кончины короля Александра III до начального периода Первой войны за независимость. Обращение к вопросу о возникновении парламента в Шотландии потребовало отдельного освещения истории коллоквиума в 1235–1286 гг. В исследовании дается оценка роли сословной ассамблеи в главных политических событиях того времени; также приводятся мнения историков по вопросу о зарождении шотландского парламента. Формулируется вывод, согласно которому, несмотря на упоминание парламента в источниках с 1235 г., ключевым этапом его становления стали события конца XIII в.

Ключевые слова: шотландский парламента, сословное представительство, средневековая Шотландия, Джон Баллиол, Войны за независимость Шотландии.

Поступила в редакцию: 10.02.2020 / Принята: 01.07.2020 / Опубликовано: 21.12.2020

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

'The Community of the Realm' in the Late XIII Century: on Formalization of the Parliament in Medieval Scotland

K. S. Reva

Ksenia S. Reva, <https://orcid.org/0000-0002-9433-4997>, Institute of History, St. Petersburg State University, 7/9 Universitetskaya Nabereznaya, St. Petersburg 198034, Russia, ksenia.s.reva@gmail.com

The article is dedicated to consideration of the Scottish parliamentary statutes and circumstances surrounding their enacting from the death of Alexander III of Scotland to the end of the initial period of the First War of Scottish Independence. Reference to the issue on the emergence of the parliament in Scotland required a distinct coverage of the history of the colloquium in 1235–1286. The evaluation of class assembly role in the prominent political events of that time as well as perspectives of historians on the beginning of the history of the Scottish parliament are given in the paper. The author comes to the conclusion that despite the fact that the mention of the parliament could be traced to 1235, the late XIII century became a decisive stage of its development.

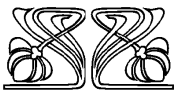
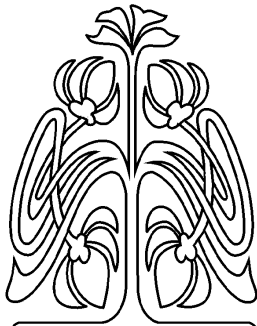
Keywords: Scottish Parliament, Representative Assemblies, Medieval Scotland, John Balliol, Wars of Scottish Independence.

Received: 10.02.2020 / Accepted: 01.07.2020 / Published: 21.12.2020

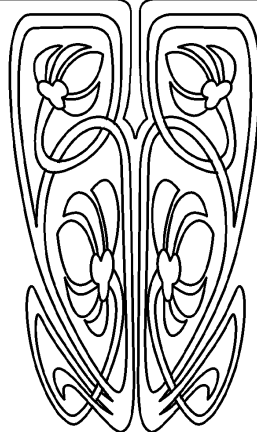
This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2020-20-4-490-496>

Наиболее известным средневековым сословно-представительным институтом Британских островов, с чем сложно не согласиться, является английский парламента, в то время как этот регион знал и другие представительные ассамблеи за пределами Англии. В их числе – шотландский парламента, почти на 300 лет прервавший свою историю после

НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ

Унии королевств в 1707 г., когда оба института были объединены в парламент Великобритании. Если Акт об унии как крайней даты деятельности шотландского сословного собрания в Раннее Новое время у историков не вызывает сомнений, то вопрос о его возникновении является дискуссионным. Сомнения исследователей прежде всего связаны с оценкой ранних статутов XIII в., известных в основном по косвенным свидетельствам их содержания, и обстоятельствам их принятия. Кроме того, начало употребления термина «парламент» в отношении шотландской сословной ассамблеи также используется в качестве аргумента в споре о дате возникновения парламента. Данный круг историографических проблем в современной исторической науке пока не получил всестороннего освещения и аргументированной общепризнанной позиции, что открывает перспективы для его дальнейшего обсуждения.

Цель настоящей статьи – рассмотрение поставленных выше вопросов с акцентом на роль парламента в 1286–1306 гг. как наиболее показательный пример участия ассамблеи в важных политических событиях на начальном этапе ее существования. Использование слова «становление» в названии статьи не случайно: исследование призвано показать, как именно парламент использовался шотландскими политическими элитами, и почему особое место института в управлении государством, как коллективном, так и персональном (королевском), было закреплено в конце XIII столетия. В этой связи представляется необходимым проанализировать статуты, относящиеся к периоду царствования королей Александра II (1214–1249) и Александра III (1249–1286), а также привести имеющиеся в историографии точки зрения на характер ассамблеи того времени.

Традиционно исследования, посвященные рождению шотландского сословного представительства, предваряются или начинаются с обзора постановлений так называемых «коллоквиумов». К 1235 г. относится самое раннее известное упоминание парламентской ассамблеи в Шотландии. Акт представлял собой судебный ответ по иску о нарушении границ крупнейшего в стране аббатства Мелроуз и начинался следующими словами: «Да будет известно общине вашей, что в присутствии нашем и наших баронов на коллоквиуме в Листоне в 1235 году от Рождества Христова...»¹. Вынесение решения предварялось следующей фразой: «Этот порядок мы и бароны наши так истолковали...»².

Данное собрание, как видно из процитированного фрагмента, именуется коллоквиумом. Термин «*colloquium*» в рассматриваемое время был близок по смыслу к термину «*parliamentum*» – «обсуждение»; оба они имели техническое значение и, несмотря на их идентичность, отданное предпочтение первому может быть объяснено его более древним практическим употреблением³.

Наличие термина «коллоквиум» в семи актах до 1285 г. включительно позволяет причислить их к деятельности более широкого собрания, чем ближний совет короля. Источники представляют собой итоги судебных разбирательств, выдержки из писем Генриха III (1216–1272), касающиеся шотландского коллоквиума, фрагменты казначейских подсчетов и свидетельства земельных пожалований⁴, позволяющие на немногочисленном материале заключить, что во время первых своих фиксаций ассамблея уже позиционируется как институт с судебной дипломатической ролью.

В отношении генезиса парламентской ассамблеи одно из первых аргументированных мнений высказал Р. Райт, чьи труды были посвящены непосредственно рассмотрению истории этого института в Средние века и Раннее Новое время. О существовании сословного представительства в Шотландии, по его мнению, можно говорить только применительно к концу правления Давида II (1336–1371), зафиксировавшего регулярное присутствие на собраниях горожан в составах избранных представительных комитетов⁵. Собрания королевских советов XII в., тем не менее, могут быть рассмотрены как возможные предтечи парламента («коллоквиума»): изначально он развивался из королевского совета, в который входили епископы и графы. Такие советы короля, занимавшиеся преимущественно повседневными делами, включали приближенных правителя из числа его родственников и знати⁶. Вопросы особой важности, однако, требовали репрезентации «всего королевства». В связи с этим Р. Райт обращает внимание на то обстоятельство, что в период правления Давида I (1124–1153) королевские хартии, в которых правитель выступает единолично по принципу *testemeipso*, под нормандским влиянием вытесняются хартиями, засвидетельствованными епископами, аббатами, графами и баронами, что можно трактовать как продукт деятельности видоизмененного и расширенного большого совета. Второй предполагаемой точкой отсчета парламентской истории является употребление выражений «все достойные люди королевства» и «вся община королевства» в ассизах Уильяма Льва (1165–1214)⁷. Тем не менее, как отмечает автор, нет абсолютно никаких доказательств того, что большой совет до Первой войны за независимость (1296–1328) был чем-то большим, чем простое феодальное собрание, на котором присутствовали только те, кто был избран⁸.

Четыре года спустя после издания монографии Р. Райта «Парламенты Шотландии» вышла статья Г. Ричардсона и Дж. Сейлза. Авторы высказали мнение, согласно которому ввиду крайней скудости источников по парламентской истории до 1293 г., сделать какие-либо конкретные выводы по ранним периодам его деятельности представляется затруднительным: именно в последнее десятилетие XIII в. впервые появляются официальные записи результатов, а также данные о форматах

ассамблей⁹. Помимо этого, авторы склонны усматривать единственной функцией коллоквиумов Александра III отправление правосудия, а ядром самого собрания – королевский совет¹⁰. Оформление парламента в Шотландии Г. Ричардсон и Дж. Сейлз отнесли ко времени правления Роберта I (1306–1329), так как, по их мнению, многие собрания конца XIII – начала XIV столетия инициированы Эдуардом I (1272–1307)¹¹. Поддерживая эту позицию, А. Дункан также отметил невозможность полноценно исследовать деятельность коллоквиума в 1235–1285 гг., согласившись с тем, что до смерти Александра III основной функцией ассамблеи являлось правосудие¹².

В начале XXI в. исследования в этом направлении провела Э. МакКвин, посвятив диссертацию возникновению парламента в Шотландии. Согласно одному из ее ключевых тезисов, несмотря на то, что термин «парламент» был введен в употребление лишь с конца XIII в., сам институт в виде «коллоквиума» уже существовал с момента его фиксации в 1235 г.¹³ Автору удалось выявить, что коллоквиум 1258 г., на котором обсуждался мирный договор с Англией, в английских источниках упоминался как «парламент», а значит, имел схожие функции. Помимо этого, Э. МакКвин обращает внимание на то, что термин «коллоквиум» для XIII в. был «старомодным» и отражал лишь традицию его употребления, что видно из источников начала XIV столетия, где «коллоквиум» и «парламент» употребляются наравне друг с другом и являются взаимозаменяемыми¹⁴. Ее авторству также принадлежит одна из глав коллективной монографии «История шотландского парламента»¹⁵, в которой были резюмированы отдельные выводы ее диссертационного исследования. Э. МакКвин здесь акцентирует внимание на периоде после 1286 г., лишь в нескольких положениях выражая свою точку зрения на деятельность коллоквиума. Так, по мнению автора, период малолетства Александра III (1249–1262), когда королевство управлялось группами знати при содействии Генриха III, значительно способствовал развитию института: сформированный магнатами совет для решения повседневных дел использовался также для коллективного управления королевством¹⁶.

Изучение истории коллоквиума и определение его функций все еще остается связанным с рядом проблем. Дело в том, что абсолютное большинство источников рассматриваемого периода, имеющихся в распоряжении историков, представляют собой косвенные свидетельства того, что судебный процесс мог проходить не в самом парламенте. Хотя юрисдикция была его отличительной чертой, факты созыва разного рода собраний (инициированных Генрихом III), не принадлежащих к парламентам или коллоквиумам, свидетельствуют о том, что насущные дела могли обсуждаться знатью на простых «ассамблеях»¹⁷. В то же время такой вопрос, как наследование шот-

ландского престола в 1284 г., был рассмотрен, по свидетельствам косвенных источников, совместно магнатами «с королем». При этом в записи постановления имена участвовавших перечислены, что примечательно, не в конце документа, а в его преамбуле¹⁸.

Несмотря на изыскания Э. МакКвин, ситуативно вписавшие коллоквиум в процесс управления королевством, приходится констатировать, что в 1235–1286 гг. он был все еще недостаточно структурированным органом¹⁹ без какой-либо постоянной роли внутри шотландского политического общества. В этом отношении 90-е гг. XIII столетия дают историкам материал, позволяющий сформулировать более полные выводы о характере института. Именно в эти годы к рассматриваемой ассамблее стал применяться термин «парламент», некоторое время употреблявшийся наравне с «коллоквиумом» и постепенно его заменивший. Согласно современной, наиболее аргументированной позиции по этому вопросу именно последнее десятилетие XIII в. считается окончательной фазой становления парламента. Эта фаза, замечают К. Браун и Р. Таннер, не была сопряжена ни с развитием правосудия, ни с сопротивлением королю со стороны сословий, ни с инициацией налогообложения, а была связана с особой ситуацией, возникшей после смерти Александра III 19 марта 1286 г.²⁰

На момент кончины короля Александра никого из его детей не осталось в живых, и право на престол после непродолжительного колебания знати перешло к его трехлетней внучке Маргарет (1283–1290), дочери Эрика II Норвежского (1280–1299)²¹. В это время резко меняется роль парламента, а также осуществляющих управление персон: в условиях малолетства монарха возникла необходимость организовать более работоспособный небольшой комитет²². Таким комитетом стали «хранители королевства», правившие Шотландией до 1291 г. Законодательная ассамблея, собранная в апреле 1286 г. в Сконе²³, предусмотрела порядок передачи права на престол на случай непредвиденной смерти Маргарет²⁴, а также вернула власть в стране шести хранителям²⁵.

В 1290–1291 гг. были проведены весьма важные для исследователей парламентской истории съезды шотландских магнатов. Документы, фиксирующие их решения, представляют собой переписку Эдуарда I (1272–1307) и Эрика II с коллоквиумом Шотландии, состоявшим из четырех уцелевших во внутренних распрях к тому времени хранителей, епископов, аббатов и графов, перечисленных поименно, и баронов. Биргемский коллоквиум от 14 марта 1290 г. подтвердил брак Маргарет, признанной Эдуардом I «королевой и наследницей ее королевства Шотландии»²⁶, с принцем Уэльским, сыном короля Англии, условия которого были закреплены годом ранее в Солсберийском договоре²⁷. По условиям договора не только заключение брачного союза, но

и прибытие юной Маргарет из Норвегии в «королевство Англия или Шотландия» полностью контролировалось английским королем, который обязался передать наследницу в руки «достойных людей из Шотландии» лишь в случае, если «королевство Шотландия находится в хорошем и прочном мире»²⁸.

Подобное постановление в некоторой степени «развязывало руки» Эдуарду I в плане вмешательства во внутренние дела Шотландии. Кроме того, договор в Солсбери де-юре подготовил унию двух корон. На практике это могло означать подчинение шотландской церкви Йоркской архиепархии²⁹, изменения в торговле и рыболовном промысле в Северном море не в пользу шотландских северных бургов, а также пересмотр прав, иммунитетов и привилегий шотландской знати, особенно кланов Пограничья, которые одновременно являлись вассалами как шотландского, так и английского короля³⁰. Потому неудивительно, что собранная в июле 1290 г. в Биргеме ассамблея назначила взаимные обязательства для сторон, а письмо от шотландцев Эдуарду I призвало их придерживаться³¹. Актом английскому королю было предписано соблюдать права, законы, привилегии и обычаи как церковные, так и светские. По условиям Биргемского договора³² только шотландский парламент мог принимать решения относительно внутренних дел (особенно это касалось налогов), ни один шотландец не должен быть привлечен к суду и, вероятно, к участию в парламенте вне королевства³³.

В сентябре 1290 г. по пути в Шотландию умерла наследница престола Маргарет. В ситуации междуцарствия епископ Сент-Эндрюса как один из хранителей обратился к Эдуарду I с просьбой установить мир в Шотландии и определить преемника престола. Благодаря его нажиму в июне 1291 г. соискатели шотландской короны подписали «Норемский дар», тем самым признав английского короля сюзереном Шотландии и передав в его руки управление замками³⁴. Их примеру последовали хранители, магнаты, бурги и королевские фригольдеры. 2 августа того же года в Берике в присутствии Эдуарда начался полугодовой судебный процесс, так называемая «Великая тяжба», итогом которой стало объявление королем Джона Баллиола, лорда Гэллоуэй как потомка старшей ветви наследников Давида I³⁵. Правление Баллиола всецело было включено в канву событий, предворававших нарождавшееся крупное англо-шотландское противостояние, известное как «Первая война за независимость Шотландии». В рамках настоящего исследования период 1292–1296 гг. представляет интерес, прежде всего, с точки зрения деятельности и развития парламента.

В 1292–1296 гг. шотландская ассамблея, судя по сохранившимся прямым источникам, собиралась дважды (оба раза в 1293 г.). Кроме того, в распоряжении историков имеются кос-

венные сведения о еще двух «парламентах» и одном «коллоквиуме»³⁶. 9 февраля 1293 г., «в присутствии короля лично и его совета на своем первом парламенте»³⁷ были приняты статуты в двух весьма объемных (в сравнении с предыдущими) свитках. Оба свитка почти целиком посвящались рассмотрению жалоб, арбитром в решении которых выступил король, в чем, как представляется, заключался один из ключевых моментов в развитии представительной ассамблеи в Шотландии. Во-первых, постепенно закреплялась если не основная, то одна из главных функций парламента как высшего королевского суда (в итогах коллоквиумов Александра III мы находим лишь несколько подобных решений). Э. МакКвин в своем исследовании раскрывает и доказывает тезис Г. Ричардсона и Дж. Сейлза³⁸ о том, что в указанные несколько лет в парламенте появлялась отлаженная судебная процедура для заслушивания жалоб, при которой люди специально вызывались в парламент, чтобы держать ответ³⁹. Как минимум два постановления продлевают судебные разбирательства до следующих собраний⁴⁰. При этом в самих текстах не содержится указания на то, что урегулирование споров могло быть достигнуто в каком-либо ином институте⁴¹.

Во-вторых, в попытке подтверждения персональной власти Джон Баллиол прибегает к созыву ассамблеи, придающей его решениям характер общеобязательности. Его опора на представительные собрания сделала сам институт значимым, прежде всего, с позиции осуществления правления короля, а не совета хранителей. С помощью парламентских актов Баллиол оказывал давление на потенциально проблемных подданных, таких как Брюс, и сдерживал посягательства Эдуарда I⁴². С февраля 1293 г. по май 1294 г. он четырежды собирал парламент, который не только вершил суд, но и символизировал совет и согласие между королем и, что немаловажно, «общинной королевства». Наглядной демонстрацией шаткости авторитета монарха в это время как для вассалов шотландского короля, так и для его нового сюзерена, может послужить пример апелляции несогласного Джона МакДаффа, графа Файф, в суд Эдуарда I, которому Баллиолом после коронации был принесен оммаж⁴³.

Выгодное стечение обстоятельств, а именно начавшаяся в 1294 г. война Англии с Францией и вспыхнувшее за этим восстание Мэдока ап Лливелина в Уэльсе, отвели внимание Эдуарда I от Шотландии⁴⁴. В июле 1295 г. предполагаемый парламент в Стирлинге⁴⁵ передал королевскую власть совету магнатов, не низлагая Баллиола и обязав короля подчиняться его решениям. Совет, включавший четырех епископов, четырех графов и четырех баронов, вновь привлек к управлению хранителей и послал делегацию к Филиппу IV (1285–1314)⁴⁶. 22 октября 1295 г. был заключен франко-шотландский договор⁴⁷, по которому Шотландия, пока Франция и Англия находятся

в состоянии войны, должна также вести боевые действия в отношении последней. Условия предусматривали также обратную помощь со стороны французского короля, исключение сепаратного мира, а также брак сына Джона Баллиола Эдуарда и племянницы Филиппа IV Жанны де Валуа⁴⁸. В феврале 1296 г. парламент Баллиола «милостью Бога короля Шотландии»⁴⁹ ратифицировал договор, скрепив его печатями шести бургов, что стало первым зафиксированным случаем привлечения горожан к обсуждению и решению дел в парламентской ассамблее.

Ответ Эдуарда I на неповиновение его вассала был незамедлительным и жестоким. При поражении шотландской армии 27 апреля 1296 г. при Данбаре множество магнатов попало в плен, было сдано несколько замков, а король Джон Баллиол после неудачной попытки бегства подвергся церемонии низложения⁵⁰. Скотский камень, без которого по традиции не могла проходить коронация, был перевезен в Вестминстер. В последовавших и хорошо освещенных историографией событиях⁵¹ главенствующая роль в противостоянии притязаниям короля Англии постепенно перешла к Роберту Брюсу, графу Каррик. Роберт I был коронован в Сконе в 1306 г. без восшествия на оригинальный «камень судьбы» (ему была найдена замена), но посредством еще одной шотландской традиции: представители клана МакДафф обладали привилегией возводить монархов на престол⁵².

Сложившиеся после смерти Александра III обстоятельства существенно расширили спектр деятельности шотландского парламента, сделав его основным институтом для коллективных действий знати в условиях малолетства наследницы престола. Именно посредством парламента велись переговоры с Эдуардом I и Эриком I по поводу заключения брака Норвежской Девы и фиксировались их результаты. На Биргемском коллоквиуме в марте 1290 г. присутствовали 107 персон, что сделало эту ассамблею самой представительной вплоть до 1469 г.⁵³ По мнению Дж. Барроу, этот факт говорит о широкой поддержке хранителей со стороны епископов и графов, а также о значительной репрезентации баронов и глав религиозных общин⁵⁴. Собранный несколькими месяцами позднее второй Биргемский коллоквиум наложил на Эдуарда обязательства, которых тому следовало придерживаться. В их числе запрет на привлечение шотландцев в английские парламента. Г. Ричардсон и Дж. Сейлз предположили, что принудительное участие в английских ассамблеях означало бы связь шотландской знати с королем Англии и даже Франции⁵⁵, и шотландцы, по их мнению, не желали нести службу за пределами своей страны.

В контексте данного исследования примечательна также еще одна важная деталь: акты ассамблей 1290 г. приняты от лица «общины Шотландии»⁵⁶ или «общины королевства»⁵⁷. Появление этого концепта в документах конца

1280-х гг., как отмечает М. Браун, обозначало вовлечение политического класса в управление страной в ситуации отсутствия или малолетства монарха⁵⁸. Разумеется, никто и ничто не могло составить равную замену легитимному правителю. Королевство могло лишь организовать себя в коллективную сущность, «общину королевства Шотландия», существовавшую и во времена нахождения на троне короля, но отодвигавшуюся на задний план при условии, что правитель достаточно взрослый и самостоятельный⁵⁹. Через 3 года после низложения Баллиола и вторжения англичан в Шотландию в 1296 г. от имени хранителей, назначенных общиной королевства, было послано письмо, предлагающее Эдуарду I прекратить военные действия при посредничестве Филиппа IV⁶⁰. Годом ранее датируется хартия Уильяма Уоллеса о земельном пожаловании Александру Скримджеру, сделанная «с согласия общины этого королевства», «с согласия и разрешения магнатов упомянутого королевства», под печатями «общины упомянутого королевства Шотландия»⁶¹. В 1302 г. было послано письмо французскому королю, также заверенное «всеми печатями общины»⁶². Обращаясь к этому сюжету, Дж. Бернс замечает, что употребление концепта «община королевства» применительно к заседаниям парламента показывало значение самого собрания знати как хранителя и выразителя интересов королевства⁶³.

Возвращаясь к вопросу терминологии, следует еще раз подчеркнуть, что именование коллоквиума «парламентом» в 90-х гг. XIII в. целиком связано с английской практикой, в которой, несмотря на вульгарность этого термина, он получил более широкое употребление⁶⁴. Эдуард I в своих письмах, а после 1291 г. и в актах именуется шотландскую ассамблею по примеру собственной: назначая ассамблею в Берике на 2 июня 1292 г., английский король к прошлогодним летним собраниям применяет формулировку «в недавнем нашем парламенте»⁶⁵. А в письме 1304 г. содержится призыв прибыть в «наш парламента»⁶⁶ не иначе, как в Сент-Эндрюс. Сами шотландцы еще в 1290 г. при обсуждении условий брака юной Маргарет и сына Эдуарда называют ассамблею «коллоквиумом»⁶⁷. Однако на втором году царствования Джона Баллиола магнаты собрались на «парламент». Проведя терминологический анализ, А. Дункан показал, что ни до 90-х гг. XIII в., ни после в записи парламентских статутов не использовалось такое количество терминов и выражений, заимствованных из английской практики, что, по его мнению, выдает английских авторов⁶⁸. Постановления 1291–1293 гг., судя по всему, были записаны по английскому образцу, но изменены применительно к шотландским условиям, чем можно объяснить непродолжительное чередование двух терминов в этот период.

Было бы некорректно говорить о том, что шотландский парламента начал свою историю в конце

XIII в.: его рождением принято считать первое упоминание коллоквиума в 1235 г., несмотря на малое количество статутов этого времени и общую скудость источников другого характера, не позволяющих провести более плодотворное исследование и выразить конкретную позицию относительно функционирования ассамблеи. Однако, как было показано в настоящей статье, во многих аспектах династический кризис и междуцарствие, следовавшие за событиями 1286 г., а также растущие претензии английского короля способствовали вовлечению парламента в механизм управления королевством. Подобная ситуация повлекла за собой неизбежные обновления, выраженные через введение должности хранителя Шотландии и созовы широких, создающих вид консультативного принятия решений ассамблей, ассоциируя эти институты с идеей власти, возложенной на «общину королевства»⁶⁹. Парламент использовался для обсуждения и решения насущных вопросов и после избрания Джона Баллиола королем в 1292 г. Такая позиция подкрепляется весомыми аргументами, в числе которых – налаживание процедуры судебных разбирательств и вынесения вердиктов в регулярных собраниях ассамблеи, заключение альянса с французским королевством, закреплённого печатями бургов. К началу правления Роберта I парламент уже был достаточно развитым институтом с определенными функциями, очевидным потенциалом через постановления и сами факты созыва ассамблеи придавали прочность королевской власти (авторитету) среди знати, чем знаменитый шотландский монарх успешно пользовался на протяжении своего царствования.

Примечания

- 1 Noverit universitas vestra quod in presencia nostra et baronum nostrorum ad colloquium apud Listun' anno gracie milles imo ducentes imo trices imo quinto // Statute 1235/1. URL: <http://www.rps.ac.uk/> (дата обращения: 04.02.2020).
- 2 Quem modum nos et barones nostri taliter explanavimus // Statute 1235/1. URL: <http://www.rps.ac.uk/> (дата обращения: 04.02.2020).
- 3 Richardson H. G., Sayles G. The Scottish Parliaments of Edward I // The Scottish Historical Review. 1928. No. 100. Vol. 25. P. 300–317.
- 4 Alexander II, Alexander III. URL: <http://www.rps.ac.uk/> (дата обращения: 04.02.2020).
- 5 Rait R. S. The Parliaments of Scotland. Glasgow : Glasgow, Maclehose, Jackson and co., 1924. P. 1–3.
- 6 Rait R. Parliamentary Representation in Scotland : IV. Council and Conventions // The Scottish Historical Review. 1915. No. 47. Vol. 12. P. 247.
- 7 Rait R. S. The Scottish Parliament before the Union of the Crowns // The English Historical Review. 1900. No. 58. Vol. 15. P. 209–217.
- 8 Ibid. P. 224.
- 9 Richardson H. G., Sayles G. Op. cit. P. 300.
- 10 Ibid. P. 314.
- 11 Ibid. P. 304.
- 12 Duncan A. A. M. The Early Parliaments of Scotland // The Scottish Historical Review. 1966. No. 139. Vol. 45. P. 39.
- 13 McQueen A. A. B. The origins and development of the Scottish Parliament, 1249–1306 : unpublished Ph.D. thesis. St. Andrews, 2002.
- 14 Ibid. P. 303.
- 15 McQueen A. A. B. Parliament, the Guardians and John Balliol, 1284–1296 // The History of the Scottish Parliament : Parliament and Politics in Scotland, 1235–1560 / ed. by K. M. Brown, R. J. Tanner. Edinburgh : Edinburgh University Press, 2004. P. 29–49.
- 16 Ibid. P. 30.
- 17 Ibid. P. 31.
- 18 Ibid. P. 32.
- 19 Brown M. The Wars of Scotland, 1214–1371. Edinburgh : Edinburgh University Press, 2004. P. 33, 170.
- 20 Brown K. M., Tanner R. J. Introduction // The History of the Scottish Parliament : Parliament and Politics in Scotland, 1235–1560 / ed. by K. M. Brown, R. J. Tanner. P. 8.
- 21 Brown M. The Wars of Scotland... P. 158.
- 22 McQueen A. A. B. Parliament, the Guardians and John Balliol... P. 32–33.
- 23 Ibid. P. 33.
- 24 См.: Федосов Д. Г. Рожденная в битвах. Шотландия до конца XIV века. СПб. ; М. : Евразия, 2014. С. 204–205.
- 25 Brown M. Aristocratic Politics and the Crisis of Scottish Kingship, 1286–96 // The Scottish Historical Review. 2011. №. 229. Vol. 90. P. 1–26.
- 26 Reyne e heritere des siens de Escocce // Statute 1290/3/1. URL: <http://www.rps.ac.uk/> (дата обращения: 04.02.2020).
- 27 Statute 1290/3/2. URL: <http://www.rps.ac.uk/> (дата обращения: 04.02.2020).
- 28 Documents Illustrative of the History of Scotland... / Ed. by J. Stevenson : in 2 vols. Edinburgh : H. M. General Register House, 1870. Vol. 1. P. 105–111.
- 29 Oram R. Domination and Lordship : Scotland 1070–1230. Edinburgh : Edinburgh University Press, 2011. P. 334–346.
- 30 См.: Федоров С. Е., Паламарчук А. А. Средневековая Шотландия. СПб. : Дмитрий Буланин, 2014. С. 149–150.
- 31 Statute 1290/7/1. URL: <http://www.rps.ac.uk/> (дата обращения: 04.02.2020).
- 32 Documents Illustrative of the History of Scotland... Vol. 1. P. 162–173.
- 33 Duncan A. A. M. Op. cit. P. 38.
- 34 Brown M. The Wars of Scotland... P. 165–167.
- 35 Ibid. P. 168.
- 36 John Balliol. URL: <http://www.rps.ac.uk/> (дата обращения: 04.02.2020).
- 37 Coram ipso rege et eius consilio in parliament suo primo // Statute 1293/2/1. URL: <http://www.rps.ac.uk/> (дата обращения: 04.02.2020).
- 38 Richardson H. G., Sayles G. Op. cit. P. 303.
- 39 McQueen A. A. B. Parliament, the Guardians and John Balliol... P. 41.
- 40 Statutes 1293/2/5, 12. URL: <http://www.rps.ac.uk/> (дата обращения: 04.02.2020).

- ⁴¹ *McQueen A. A. B. Parliament, the Guardians and John Balliol...* P. 41.
- ⁴² *Ibid.* P. 30.
- ⁴³ *Ibid.* P. 40.
- ⁴⁴ *Brown M. The Wars of Scotland...* P. 173.
- ⁴⁵ A1295/1. URL: <http://www.rps.ac.uk/> (дата обращения: 04.02.2020).
- ⁴⁶ *Brown M. The Wars of Scotland...* P. 174.
- ⁴⁷ См.: *Басовская Н. И., Зверева Г. И. Союз Франции и Шотландии в системе англо-французских противоречий XII–XVI вв. // Средние века. 1985. № 48. С. 78.*
- ⁴⁸ *Documents Illustrative of the History of Scotland...* Vol. 2. P. 8–12.
- ⁴⁹ *Dei gracia Rex Scotorum // A1296/2/1.* URL: <http://www.rps.ac.uk/> (дата обращения: 04.02.2020).
- ⁵⁰ *Brown M. The Wars of Scotland...* P. 175.
- ⁵¹ *Barrow G. W. S. Robert Bruce and the Community of the Realm of Scotland.* Edinburgh : Edinburgh University Press, 2005.
- ⁵² *Bannerman J. MacDuff of Fife // Medieval Scotland : Crown, Lordship and Community / ed. by A. Grant, K. J. Stringer.* Edinburgh : Edinburgh University Press, 1998. P. 20–38.
- ⁵³ *McQueen A. A. B. Parliament, the Guardians and John Balliol...* P. 35.
- ⁵⁴ *Barrow G. W. S. Op. cit.* P. 37.
- ⁵⁵ *Richardson H. G., Sayles G. Op. cit.* P. 304–305.
- ⁵⁶ *Tote la commune de Escoce // Statute 1290/3/2.* URL: <http://www.rps.ac.uk/> (дата обращения: 04.02.2020).
- ⁵⁷ *Tote la commune de meyme cel' reauime // Statute 1290/3/3.* URL: <http://www.rps.ac.uk/> (дата обращения: 04.02.2020).
- ⁵⁸ *Brown M. The Wars of Scotland...* P. 158.
- ⁵⁹ *Barrow G. W. S. Op. cit.* P. 23.
- ⁶⁰ A1299/1. URL: <http://www.rps.ac.uk/> (дата обращения: 04.02.2020).
- ⁶¹ A1298/1. URL: <http://www.rps.ac.uk/> (дата обращения: 04.02.2020).
- ⁶² *Totius communitatis sigillatas // A1302/1.* URL: <http://www.rps.ac.uk/> (дата обращения: 04.02.2020).
- ⁶³ *Burns J. H. Political ideas and parliament // The history of the Scottish Parliament : The Scottish Parliament : themes and issues, 1286–1707 / Ed. by K. M. Brown, A. R. MacDonald.* Edinburgh : Edinburgh University Press, 2010. P. 217–218.
- ⁶⁴ *Richardson H. G., Sayles G. Op. cit.* P. 301.
- ⁶⁵ *In proximo parlament suo // A1292/6/1.* URL: <http://www.rps.ac.uk/> (дата обращения: 04.02.2020).
- ⁶⁶ *Notre parlement // A1304/1.* URL: <http://www.rps.ac.uk/> (дата обращения: 04.02.2020).
- ⁶⁷ *Statute 1290/7/1.* URL: <http://www.rps.ac.uk/> (дата обращения: 04.02.2020).
- ⁶⁸ *Duncan A. A. M. Op. cit.* P. 42.
- ⁶⁹ *Brown K. M., Tanner R. J. Op. cit.* P. 8.

Образец для цитирования:

Рева К. С. «Община королевства» в конце XIII века: к вопросу о становлении парламента в средневековой Шотландии // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. История. Международные отношения. 2020. Т. 20, вып. 4. С. 490–496. DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2020-20-4-490-496>

Cite this article as:

Reva K. S. 'The Community of the Realm' in the Late XIII Century: on Formalization of the Parliament in Medieval Scotland. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. History. International Relations*, 2020, vol. 20, iss. 4, pp. 490–496 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2020-20-4-490-496>

УДК 94(411).03

Уильям де ла Поль: история падений и успеха «любимого купца» Эдуарда III

О. В. Яблонская

Яблонская Ольга Васильевна, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и обществознания, Арзамасский филиал Нижегородского государственного университета имени Н. И. Лобачевского, Oyablonskii@yandex.ru

Статья посвящена Уильяму де ла Полю, английскому финансисту и торговцу XIV в. Представлены результаты анализа нарративных, документальных источников, а также современной научной литературы. Деятельность У. де ла Поля освещается на фоне социально-экономической и политической истории Англии. Характеризуется ранняя деятельность купца, оцениваются его роль как королевского финансиста и участие в решении финансово-экономических задач государства в период Столетней войны. Рассматриваются судебные процессы над У. де ла Полем 1340–1344, 1353–1354 гг. Формулируются выводы о роли купечества в экономике и политике страны XIV в.

Ключевые слова: средневековая Англия, Эдуард III, Столетняя война, торговля, финансы, Уильям де ла Поль, Майкл де ла Поль, Халл.

Поступила в редакцию: 13.04.2020 / Принята: 01.07.2020 / Опубликована: 21.12.2020

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

William de la Pole: the Story of the Fall and Success of "Favorite Merchant" of Edward III

О. В. Yablonskaya

Olga V. Yablonskaya, <https://orcid.org/0000-0002-5479-5561>, Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod (Arzamas Branch), 36 Karl Marx St., Arzamas 607220, Russia, Oyablonskii@yandex.ru

The article is dedicated to William de la Pole, an English financier and merchant of the 14th century. The results of the analysis of narrative, documentary sources, as well as modern scientific literature are presented. Activities of W. de la Pole is shown against the background of the socio-economic and political history of England. The characteristic of the early activities of the merchant, his role as a Royal financier and participation in solving the financial and economic problems of the state during the Hundred Years' War is given. The trials of William de la Pole 1340–1344, 1353–1354 are considered. Conclusions about the role of merchants in the economy and politics of the country of the XIV century are made.

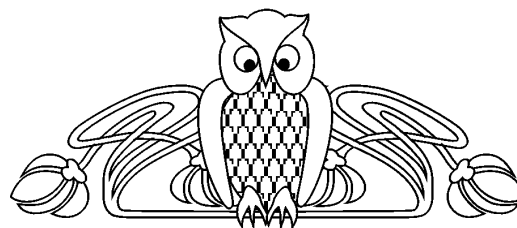
Keywords: medieval England, Edward III, the Hundred Years' War, trade, finance, William de la Pole, Michael de la Pole, Hull.

Received: 13.04.2020 / Accepted: 01.07.2020 / Published: 21.12.2020

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2020-20-4-497-503>

© Яблонская О. В., 2020

Эпоха правления Эдуарда III – одна из самых ярких страниц английской истории. Молодой, честолюбивый монарх развязал Столетнюю войну, вызвавшую кардинальные изменения в общественно-политическом строе всей Европы. Война ускорила формирование рыночного хозяйства Англии¹, выдвинула на главенствующие роли в стране новых лидеров, способных в трудной обстановке быстро и с оптимальным результатом решить экономические и политические проблемы. Такими лидерами, сумевшими в условиях военной конъюнктуры действовать эффективно, предложившими адекватные средства в решении задач материального обеспечения войны, конечно, не без выгоды для себя были братья де ла Поль.

В семье де ла Поль было три брата – Ричард, Уильям, Джон. Более заметной была деятельность двух старших братьев, а самым выдающимся был средний брат – Уильям. Томас Бертон, монах-летописец XIV–XV вв., называет его «первым купцом» страны². Его карьера – это одна из самых интересных историй успеха эпохи Средневековья. Сын купца стал советником короля, бароном казначейства, рыцарем, членом парламента. Старший сын Уильяма, Майкл, приближенный Эдуарда Черного принца, затем Ричарда II, дослужился до должности канцлера королевства и титула графа Саффолка, правнук купца – Джон де ла Поль, граф Линкольн, сын Елизаветы Йоркской, претендовал на королевские регалии как ближайший совершеннолетний родственник Ричарда III по мужской линии.

Семья Уильяма де ла Поля имела тесные связи с портовым городом Кингстон на р. Халл, однако происхождение этого рода по-прежнему до конца не выяснено. Бесспорно, братья находились здесь под покровительством богатого купца и судовладельца Джона Ротенхеринга, возможно, приходившегося им отчимом³.

Де ла Поли получили хорошее образование, имели высокий статус в городе, уже в 1310-е гг. они упоминаются как граждане и торговцы Кингстона, активно входят в деловой мир, занимают важные должности сначала в родном порту, а затем выходят на государственный уровень. Старший Ричард в 1316 г. получил охранную грамоту короля на выезд за границу для закупки зерна и других продуктов и доставки их в Англию. В 1317 г. Ричард и Уильям стали королевскими батлерами в Халле, с 1318 г. эту должность исполнял только Ричард⁴. В 1322 г. братья активно участвовали в организации шотландской экспе-

диции, а также готовили родной порт к обороне на случай вторжения шотландцев⁵. Кампания эта закончилась перемирием, которое было нарушено в 1327 г., когда англичане организовали новый поход в неукротимую Шотландию, закончившийся, однако, победой Роберта Брюса и признанием Англией независимости Шотландии. На эту кампанию братья де ла Поль предоставили 7200 ф.⁶, причем, большая часть кредитов была от младшего брата. Их займы в течение нескольких месяцев были погашены за счет таможенных отчислений. В октябре 1327 г. король распорядился выдать Уильяму 4 тыс. ф. с таможи Халла в счет погашения кредита, как сказано в документе, предоставленного королю в Йорке на шотландскую войну⁷. В январе 1328 г. с таможен Бостона и Халла братьям выдали еще 2 тыс. марок⁸, вероятно, это была компенсация расходов де ла Полей по оплате услуг взбунтовавшихся фламандских наемников и их спешной отправки на континент. Возможно, меньшая сумма военных кредитов старшего брата объясняется тем, что Ричарду, ставшему уже «любимым слугой монарха», приходилось тратить значительные средства и силы на исполнение с 1327 г. должности виночерпия всего королевства⁹. Уильям был главным помощником брата в этом деле, но, очевидно, возможностей заниматься ростовщичеством у него было больше.

С 1317 по 1327 г. братья вели дела совместно, партнерство охватывало торговые операции, ростовщичество, земельную собственность. Сообща они занимались обеспечением шотландских кампаний, собирали пошлины в порту, руководили благоустройством Халла – от ремонта старой гавани, строительства ворот и рытья рва до покупки земли для кирпичной мастерской города¹⁰. Королевская служба вынудила Ричарда переселиться в Лондон, возможностей заниматься делами на севере у него стало меньше, поэтому в 1331 г. между братьями был заключен акт о разделе имущества и бизнеса. Раздел был по географическому принципу: Ричард – юг Англии, а Уильям – север. Так как собственности и коммерческих предприятий на севере было больше, то Уильям согласился на денежную компенсацию брату¹¹. Соглашение о разделе поместья Майтона было заключено в 1332 г.¹² В документах 1330-х гг. Ричард уже называется жителем и купцом Лондона, занимается ростовщичеством, получает должности в столице и выполняет обязанности государственного виночерпия. Очевидно, королевская служба была в приоритете. Так, по распоряжению короля в 1333 г. Ричарда освободили от обязанности коронера города по причине чрезмерной занятости монаршими делами в различных частях страны¹³.

Де ла Поль состояли в тесных финансовых отношениях с Роджером Мортимером и их повышение по службе происходило не без его протекции. Однако после казни Мортимера Эдуард III не только не отказался от услуг предприимчивых и

богатых братьев, но и продолжил их продвижение вверх на политический и финансовый олимп.

В 1330 г. Эдуард III, денонсировав договор о признании независимости Шотландии, возобновил с ней борьбу. Уильям де ла Поль был с 1331 г. мэром Халла¹⁴, и, конечно же, северный город и его градоначальник приняли активное участие в подготовке очередной шотландской кампании. Жителей Халла обязали собрать продовольствие и провиант для армии и подготовить два корабля. Уильям выполнил поставленную задачу, сам расплатился с капитанами судов «La Trinite» и «La Garland», а король снова компенсировал его издержки доходами с продаж шерсти¹⁵. В 1334 г. де ла Полю было поручено собрать на северо-востоке Англии, включая Халл, флотилию из семи судов¹⁶. И эта проблема оказалась купцу по силам.

Богатого ростовщика с обширными деловыми связями дважды – в 1333 г. и 1335 г. – отправляли в составе дипломатической миссии на переговоры к графу Фландрии, чтобы убедить его не помогать шотландским морякам¹⁷.

Помимо организации шотландской экспедиции, У. де ла Поль занимался торговлей с Аквитанией и Гасконью, направлял туда свои корабли «Блум» и «Святая Мария»¹⁸. В январе 1338 г. король, готовясь к кампании в Аквитании, уполномочил де ла Поля арестовать столько судов, сколько потребуется для перевозки зерна, шерсти и других товаров на континент для «устроения королевских дел» и поддержания там «верного народа», а также закупки товаров во Франции и отправки их в Англию¹⁹.

В 1335 г. Эдуард III, стремясь ограничить вывоз денег из страны, разрешил их обмен только в нескольких городах – Лондоне, Ярмуте, Бостоне, Халле, Дувре, а главным смотрителем бирж был назначен У. де ла Поль²⁰, однако в марте он был отстранен²¹.

Помимо перечисленных дел, обязанностью Уильяма было обеспечение королевского двора всем необходимым²². Эдуард III был благосклонен к своему купцу, оплачивал его услуги, даже когда они не выполнялись по форс-мажорным обстоятельствам²³.

Расцвет его деятельность приобрела в период Столетней войны. На французскую кампанию нужны были огромные средства. Богатый и предприимчивый де ла Поль помогал Эдуарду III их находить. Как и раньше, он кредитовал корону в счет таможенных выплат, находил новых кредиторов, в том числе на континенте, а также на взаимовыгодной основе покупал королевские земли и имущество. Но особые надежды Эдуард III возлагал на доходы от торговли шерстью. Однако ее сбор и продажа требовали времени, а для задуманной кампании против Франции, субсидирования английских союзников нужны были деньги срочно. Чтобы решить эту проблему, в 1337 г. под контролем У. де ла Поля организуется «шерстяная компания», включавшая самых вли-

ятельных купцов королевства. Эта организация согласилась предоставить короне 200 тыс. ф.²⁴ за монополию на закупку в стране 30 тыс. мешков шерсти с правом последующей реализации сырья на континенте, в первую очередь во Фландрии²⁵. Однако проект себя не оправдал. Технические трудности сбора, нежелание производителей отдавать свою продукцию по низким ценам, отсутствие для закупок необходимого количества денег, контрабанда, воровство королевских чиновников и их некомпетентность не позволили собрать нужное количество товара. Негодующий монарх, обещавший с этой выручки заплатить своим восьми союзникам 124 тыс. ф., изъял привезенные в Дордрехт 11 500 мешков шерсти. Купцам за реквизированную шерсть были выплачены небольшие суммы, не покрывавшие издержек закупки сырья (они получили по 2 ф. за мешок, а его стоимость в то время составляла примерно 5 ф.²⁶) и выданы долговые обязательства на сумму 65 тыс. ф., с неясной перспективой их погашения²⁷.

Многие участники «шерстяной компании» разорились, но Уильяму удалось удержаться. Следует сказать, что торговец из Халла сохранил свое положение не только благодаря близости к королю. Сравнение его счетов со счетами других купцов, в частности, его заместителя, лондонского купца Р. Кондакта, свидетельствует не только о большей добросовестности в делах, но и продуманности коммерческой стратегии. Непосредственной скупкой шерсти занимались агенты, поэтому объемы, качество товара зависели во многом от этих посредников. Условия, которые предлагал им де ла Поль, были более выгодными, нежели предлагаемые другими участниками шерстяной компании. Так, закупщики Уильяма получали за каждый мешок 3 ш. 4 д., в то время как у упомянутого Р. Кондакта – 3 ш., причем, помощники последнего покупали товар у производителей по более высоким ценам²⁸.

После провала с закупкой шерсти, стремясь смягчить гнев монарха, Уильям предоставил Эдуарду значительные суммы. С июня 1338 г. по октябрь 1339 г. он выдал кредитов короне на 111 тыс. ф.²⁹, причем существенную часть этих денег он занимал у других банкиров³⁰. Для сравнения, итальянские финансисты европейского масштаба Барди и Перуцци за этот же период одолжили Эдуарду чуть больше 125 880 ф.³¹ В начале 1340 г. Уильям снова одолжил Эдуарду деньги под залог получения отчислений с 14 таможен³². В отличие от флорентийских ростовщиков Уильям сумел вернуть большую часть кредитов. Надежды, которыми Эдуард III возлагал на своих богачей, позволяли английскому королю проявлять бесцеремонность с когда-то незаменимыми итальянскими банкирами и отказывать им в оплате долгов, что способствовало банкротству фирмы Перуцци в 1343 г. и Барди в 1345 г.³³ Уильям де ла Поль, как и другие купцы острова, стремился к вытеснению из торговли и финансов Англии иностранных

конкурентов. Весьма символично, что лондонский особняк итальянских ростовщиков на Ломбард-стрит был приобретен семьей де ла Поль и стал их наследственным владением³⁴.

Королевский купец, как и во время войны с шотландцами, не только финансировал, но и готовил всю французскую экспедицию. Он собирал армию, обеспечивал ее продовольствием, вооружением, кораблями, перевозил на континент. В период с 1338 по 1340 г. де ла Поль постоянно находился во Фландрии вместе с королем, находил короне деньги у иностранных кредиторов³⁵, вел переговоры с фламандской знатью, чтобы убедить принять сторону Англии. В то же время он продолжал следить за экспортом шерсти и руководил антверпенским стэплем³⁶. Неудивительно, что при такой занятости де ла Поль не мог должным образом контролировать сбор шерсти в стране³⁷.

Эдуард III признавал, что военная кампания состоялась и не закончилась провалом только благодаря поддержке де ла Поля³⁸. Король щедро оплачивал труды своего «преданного» и «горячо любимого» купца, сделал его бароном казначейства, дал звание баннерета³⁹. Ему самому и членам его семьи были предоставлены особые льготы: освобождение Ричарда и Уильяма от ежегодных плат за манор Майтон; защита и покровительство государства ему и младшему брату Джону; разрешение супруге Уильяма после смерти мужа выйти замуж за любого подданного королевства; обязательство подыскать состоятельных мужей трем дочерям купца или заплатить 1 тыс. марок каждой оставшейся без выгодной партии; обещание Уильяму, «измотанному трудами на благо государства», по окончании войны с Францией позволить жить в любом месте королевства, «наслаждаясь комфортом своего дома», и не обременять без желания государственной службой⁴⁰.

Но королевская любовь непостоянна. Летом 1339 г. появилась угроза опалы «любимого купца». Провал «шерстяной схемы» вызывал подозрения в мошенничестве ее главных работников. Эдуард III потребовал проверить данные по поводу закупок шерсти, в том числе отчеты У. де ла Поля и Р. Кондакта. Тогда монарх удовлетворился объяснением Уильяма и тот избежал наказания. Но весной 1340 г. по требованию парламента снова началась проверка участников «шерстяной компании». Де ла Поля отстранили от занимаемой должности барона казначейства, а в июле 1340 г. была назначена специальная комиссия для подробного изучения его дел. В составе комиссии были архиепископ Стафффорд, епископ Бери, с которыми Уильям за год до этого заседал в парламенте, лорд Уэйк и др.⁴¹ Де ла Поль отвергал обвинения в мошенничестве. Эдуард III был склонен ему поверить и защитить, поэтому, зная о неприязни населения к королевскому фавориту, опасаясь, что комиссия пойдет на поводу общественного мнения, предупредил, чтобы никакой расправы над Уильямом до его возвращения

из Фландрии не было. Для выяснения всех обстоятельств с неудачной закупкой шерсти были вызваны таможенные коллекторы со счетами и расписками, мэры городов, шерифы, бейлифы королевства, а также 16 самых влиятельных торговцев шерстью⁴².

Однако у монарха имелись и свои личные причины для недовольства гульским купцом. Они были связаны с усадьбами Барствик в Холдернесе, Уитли и Гринли в Ноттингемшире, принадлежавшие когда-то королеве Филиппе, а затем перешедшие де ла Полю на условиях покупки или аренды⁴³. Эдуард III согласился на сделки с Уильямом в условиях острой нужды в деньгах⁴⁴. Но в 1340 г., когда монарх начал разочаровываться в способностях торговца в решении финансовых проблем, он решил еще раз изучить условия сделок по поместьям. Королевские оценщики нашли «ошибки» в прежних договорах и дали заключение, что реальная стоимость Уитли, Гринли и Барствика в 1338 г. была занижена в 2 раза. Этот «обман» стал основанием для возвращения назад в королевскую собственность любимых усадеб⁴⁵.

Осенью 1340 г. Эдуард III, разъяренный из-за отсутствия денег на продолжение кампании на континенте, возвратился на остров и приказал арестовать чиновников и торговцев, виновных, по его мнению, в происшедшем. Среди арестованных был и У. де ла Поль⁴⁶. Брат Ричард тюрьмы избежал, но его отстранили от должности гейджера (выяснял содержимое винных бочек)⁴⁷. «Любимый купец» короля находился под арестом с декабря 1340 г. по май 1342 г., дольше, чем содержались остальные. Арест сопровождался лишением доходов и конфискацией имущества. В октябре 1341 г. Барствик был передан в управление У. Лэнгли⁴⁸, в феврале 1342 г. на йоркширские земли де ла Поля местные шерифы наложили арест⁴⁹. Среди этих конфискаций была усадьба Стадли Джона де Грааса, находившаяся в доверительном управлении У. де ла Поля. Наследница Грааса, воспользовавшись арестом купца, попыталась прибрать к своим рукам поместье, но ей это сделать не удалось⁵⁰. Ежегодные выплаты Уильяму с таможи также были приостановлены.

Арест был наложен и на три корабля Уильяма. С ними связана настоящая история. В марте 1342 г. обнаружили, что на конфискованных у де ла Поля галере и корабле «Блум» исчезли снасти и некоторые инструменты. У. Лэнгли попытался отыскать пропажу, но не нашел⁵¹. Спустя 2 месяца пропало снаряжение с другого конфискованного корабля – «Святая Мария»⁵². Расследование закончилось безрезультатно. Чтобы получить хоть какой-то доход с судов Уильяма, в декабре 1344 г. У. Лэнгли было приказано «оценить и продать по максимально высокой цене оба корабля и галеру»⁵³. Но и это не удалось сделать.

Комиссия вьедливо изучала все финансовые операции Уильяма, в том числе провела ревизию королевских драгоценностей. В 1342 г.

купцу из Халла было предъявлено обвинение в коррупции, контрабанде, мошенничестве. Вероятно, правонарушения и злоупотребления со стороны торговцев имели место. Степень вины У. де ла Поля в этих преступлениях оценить сложно. Факт прямого участия в подобных махинациях он отрицал, признавая лишь отсутствие должного контроля за поступлением шерсти, но и эти промахи оправдывались большой занятостью на государственной службе. Впрочем, предприимчивый купец, вероятно, не упустил шанс пополнить семейную сокровищницу за счет монаршего богатства: гимн купцам, их предпринимательскому таланту, в том числе способности пожить за счет высокородного дворянства, не приспособленного к новым условиям жизни, звучит в «Кентерберийских рассказах» Дж. Чосера⁵⁴. Вероятно, и Эдуард III не верил в невиновность де ла Поля, но талантливый финансист, умевший находить средства на войну, снова понадобился ему, поэтому был освобожден.

Полное прощение Уильям получил в 1344 г., а из тюрьмы он вышел еще в мае 1342 г. под поручительство Ральфа Невилла, Роберта де Уффорда, графа Саффолка⁵⁵. Арест и конфискации подорвали позиции купца. Но вряд ли он остался без средств к существованию, как заявлял в прошении к королю⁵⁶, судя по тому, как быстро он смог восстановить свои капиталы и положение в деловом мире. Вероятно, влиятельный купец, опираясь на поддержку братьев и друзей, смог уберечь большую часть своего имущества от королевского преследования. Чиновники Эдуарда III так и не смогли найти покупателей многих товаров арестованного негоцианта, Уильям же, освободившись, их себе вернул. После прекращения процесса началось восстановление прав де ла Поля на все его движимое и недвижимое имущество, возобновились выплаты с таможи.

Вскоре после освобождения «любимого купца» из тюрьмы Эдуард III взял его к себе на службу. В счет удовлетворения королевского займа ему передали 530 мешков шерсти на реализацию. Казначейству поручалось выявить должников Уильяма и передать причитающиеся с них долги в распоряжение короля как компенсацию за понесенные убытки короны от действий де ла Поля. Сам же монарх, разумеется, освобождался от долговых обязательств⁵⁷. К 1343 г. де ла Поль полностью вернул доверие Эдуарда III, свидетельством чему стало монаршее одобрение на учреждение новой торгово-финансовой организации, состоящей из 34 влиятельных торговцев во главе с Уильямом⁵⁸. Эта компания согласилась за монопольное право на экспорт шерсти, а также выплату королю ежегодно 10 тыс. марок в год и 1 тыс. марок каждые 4 недели. Однако и этот проект привел к разорению большинства его участников, к 1344 г. кредитоспособными оказались только 13 членов организации⁵⁹. В целом за период с 1343 по 1351 г. Эдуард III получил

от английских купцов 369 тыс. ф., значительные суммы по-прежнему были от У. де ла Поля⁶⁰.

Однако в 1353 г. корона снова начинает расследование против «первого купца». На заседании Королевского совета в сентябре – октябре 1353 г. судья У. Шаршулл заявил об ущербе всему государству, который наносят экспортеры шерсти, присваивая себе большую часть прибыли⁶¹. Расследования, вскрывшие огромные масштабы контрабанды, мошенничества с шерстью в конце 1330-х гг., подтвердили эти обвинения. Так, коллектор крупнейшей бостонской таможни признал, что пропустил через свой пункт товара в 2 раза больше, нежели представил в отчетах⁶². Эти факты дискредитировали главного организатора «шерстяной компании» У. де ла Поля. В адрес этих дельцов прозвучало обвинение в узурпации власти⁶³.

Преследование Уильяма началось с незначительных тяжб. В июле 1353 г. ему предъявили иск о неуплате аренды за усадьбы Уитли и Гринли в Ноттингемшире. Де ла Поль этот иск оспаривать не стал, но платы с него летом не потребовали. В ноябре 1353 г. в его адрес прозвучало обвинение в нарушении таможенных и экспортных законов при вывозе из страны 46 мешков шерсти на сумму 474 ф. Тяжбу уладили тем, что Уильям простил королевский долг в 500 ф.⁶⁴ Семье купца, потерявшей доверие короля, стали предъявлять иски и другие недоброжелатели. Дж. Берлэнд обвинил сына Уильяма Майкла в том, что он и его слуги напали на него и нанесли увечья. У. де ла Поль смог урегулировать конфликт за 200 ф.⁶⁵

Более серьезную угрозу представляли обвинения со стороны бывших коллег по кредитному бизнесу – У. Чиртона и Т. Свэнленда. В 1340-е гг. они предоставили казне сотни тысяч фунтов⁶⁶, согласившись выкупить королевский долг в Гаскони и долг Перуцци в 120 тыс. ф.⁶⁷ За столь щедрую помощь они получили монопольные права на экспорт шерсти, таможенный откуп, королевскую собственность. Англия была заложена купцам, заметила Э. Пауэр⁶⁸. В 1339 г. залогом кредита в 50 тыс. флоринов была предложена королевская корона⁶⁹. В 1349 г. У. Чиртон и Т. Свэнленд обанкротились, а затем последовал их арест. Эпизодически им предоставляли свободу, но лишь для того, чтобы они могли судиться с собственными должниками, а выигранные по искам деньги отдавать короне на покрытие нанесенных ими убытков⁷⁰.

У. де ла Поль с У. Чиртоном, Т. Свэнлендом и другими богачами в 1343 г. организовали компанию, занимавшуюся скупкой долговых обязательств короны с последующей компенсацией через таможенный откуп. Свэнленд, Чиртон утверждали, что У. де ла Поль не выполнил свои обязательства по таможенной службе. По их подсчетам, его долг короне составлял к апрелю 1349 г. 20 478 ф. Купец пытался отрицать свое партнерство с обвинителями, но напрасно, на-

шлись свидетели и документы, подтвердившие их слова⁷¹.

В то же самое время иск У. де ла Полю предъявил У. де Мелчебурн, заявивший, что Уильям обманул его в 1343 г. на сумму 2309 ф. при продаже долговых бумаг. Однако, по желанию Эдуарда III, рассмотрение исков Т. Свэнленда, У. Чиртона, У. де Мелчебурна было отложено на следующий год⁷². В июле 1354 г. Уильяма арестовали. Основное внимание в судебном разбирательстве было сосредоточено на секретных займах королю 1337–1338 гг., не регистрировавшихся в казначействе. Именно эти кредиты позволили де ла Полю заполучить королевские поместья. Арест длился 4 месяца. 20 октября 1354 г. его освободили, но казначейству король приказал возобновить расследование деятельности «шерстяной компании» 1330-х гг. Очевидно, опасаясь более тяжелых обвинений и последствий, Уильям в тот же день отказался от своих прав на королевские земли. С 29 октября по 7 ноября де ла Поль снова находился под арестом, обдумывая условия освобождения. Выйдя из тюрьмы, он заключил с Эдуардом III компромиссное соглашение: купец отказывался от долгов, составляющих 21843 ф., прав на королевские земли, приобретенных в счет кредитов, а король даровал полное прощение⁷³, причем, касавшееся не только «денег короля или шерсти, полученных или доставленных де ла Полем и его поверенными», но и «всех тяжелых преступлений, убийств, грабежей, которые он или его поверенные, возможно, совершили вопреки миру королевства»⁷⁴. За стоворчивость король увеличил сумму ежегодных выплат Уильяму и его сыну Майклу с таможни Халла с 260 до 400 марок, предоставленных им пожизненно⁷⁵. Вчерашних же обвинителей Уильяма – Чиртона и Свэнленда – снова отправили в тюрьму. У. де ла Поль мог теперь чувствовать себя в безопасности и отомщенным.

Очевидно, смысл этого судебного процесса состоял не в том, чтобы наказать вороватого купца, чьи услуги еще могли понадобиться королевству, а в том, чтобы дать возможность монарху освободиться от тяжелого бремени долгов и вернуть поместья, принадлежавшие когда-то его драгоценной супруге. При Эдуарде III купечество разбогатело, но было еще политически неорганизованным. Приближенные ко двору олигархи были беззащитными займодавцами перед своим главным заемщиком – королем. Многие из них становились жертвами монаршего гнева, утихавшего только после «прощения» богачами королевского долга. Кроме того, богатые купцы были для государей удобными «козлами отпущения», аресты временщиков всегда встречали радостное ликование общин королевства⁷⁶.

Через 10 лет, в 1363 г., У. де ла Полю снова пришлось предстать перед судьями за нарушения правил экспорта шерсти. За 100 марок Уильям был помилован. Умер «любимый королевский купец» в своем поместье Лоугейт в 1366 г.

Уильям де ла Поль, безусловно, был одной из самых ярких и могущественных фигур Англии XIV в. Братья де ла Поль утвердились в качестве торговцев и финансистов с национальным статусом еще при Эдуарде II, а при его сыне, амбициозном и энергичном Эдуарде III, их влияние лишь усилилось. С начала правления юного короля купцы из Халла оказывали помощь и в обеспечении всем необходимым двора, и в организации военных кампаний. Расцвет предпринимательского таланта Уильяма приходится на Столетнюю войну, когда молодой английский король в условиях экономической неразвитости страны вознамерился нанести удар могущественному государству Европы. Эдуарду удалось воплотить свои честолюбивые замыслы во многом благодаря организаторским способностям У. де ла Поля, не только находившего деньги, но и союзников, занимавшегося обеспечением армии, переправкой ее на континент. Предприимчивый купец помог энергичному монарху осуществить задуманные военные кампании.

Однако приближенные ко двору олигархи вызывали ненависть у всего населения – от крестьян и крупных землевладельцев, ненавидевших «шерстяных монополистов», вымогавших шерсть по низкой цене и лишивших их возможности продавать свою продукцию по высоким ценам иностранным агентам, до титулованной знати, отесненной от власти неродовитыми выскочками. У Эдуарда III также были основания негодовать на купцов – у них не всегда получалось обеспечивать его финансовые потребности, да и долги корона не любила возвращать. Большинство торговцев и банкиров, которые вели дела с английским королем, рано или поздно терпели банкротства, конфискации, оказывались в тюрьме. Для монархов это был удобный способ избавиться от бремени долгов, что подтверждают судебные процессы, которые пришлось пережить У. де ла Полю. Он – один из немногих сумел их выдержать, оставив детям богатое наследство и высокое положение в обществе.

Примечания

- 1 См.: Чернова Л. Н. Лондонский купец второй половины XIV века : деловые интересы, круг общения, судьба // Вестн. Воронеж. гос. ун-та. Сер.: История. Политология. Социология. 2016. № 2. С. 120.
- 2 *Chronica Monasterii de Melsa, a Fundatione Usque ad Annum 1396, Auctore Thoma de Burton, Abbate. Accedit Continuatio ad Annum 1406 a Monacho Quodam Ipsius Domus* : in 3 vols. L. : Longman, Green, Reader, and dyer, 1868. Vol. 3. P. 48.
- 3 Harvey A. S. The De La Pole Family of Kingston upon Hull. Hull : East Yorkshire Local History Society. 1957. P. 3–5.
- 4 Ibid. P. 5–6.
- 5 Ibid. P. 27.
- 6 См.: Репина Л. П. Сословие горожан и феодальное

государство в Англии XIV века. М. : Наука, 1979. С. 116.

- 7 Calendar of Close Rolls of Edward III : in 14 vols. / ed. by H. C. Maxwell Lyte. 1327–1330. L. : H. M. Stationery Office, 1896. Vol. 1. P. 180 (далее – CCR, 1).
- 8 Ibid. P. 197.
- 9 Ibid. P. 141.
- 10 Harvey A. S. Op. cit. P. 7–8.
- 11 Frost Ch. Notices Relative to the Early History of the Town and Port of Hull. L. : J. B. Nichols, 1827. P. 39–40.
- 12 Harvey A. S. Op. cit. P. 15.
- 13 Calendar of Close Rolls of Edward III : in 14 vols. / ed. by H. C. Maxwell Lyte. 1333–1337. L. : H. M. Stationery Office, 1898. Vol. 3. P. 38–49 (далее – CCR, 3).
- 14 Frost Ch. Op. cit. P. 145.
- 15 CCR, 3. P. 28–38, 49–62.
- 16 Ibid.
- 17 Ibid. P. 49–62, 115–122, 482–489.
- 18 Fox Bourn H. R. English Merchants : Memoirs in Illustration of the Progress of British Commerce. Vol. I. L. : Richard Bentley, 1866. P. 59.
- 19 Calendar of the Patent Rolls Preserved in the Public Record Office : Edward III, 1334–1338 : in 16 vols. L. : H. M. Stationery Office, 1895. Vol. 3. P. 566.
- 20 CCR, 3. P. 525–529.
- 21 Ibid. P. 549–557.
- 22 Ibid. P. 49–62.
- 23 Ibid. P. 573–586, 603–609, 677–684.
- 24 Calendar of Close Rolls of Edward III : in 14 vols. / ed. by H. C. Maxwell Lyte. 1337–1339. L. : H. M. Stationery Office, 1900. Vol. 4. P. 141–150 (далее – CCR, 4).
- 25 Fryde E. B. The Wool Accounts of William de la Pole a Study of Some Aspects of the English Wool Trade at the Start of the Hundred Years' War. York : St. Anthony' Press, 1964. P. 5–6.
- 26 См.: Чернова Л. Н. Под сенью Святого Павла : деловой мир Лондона XIV–XVI вв. М. ; СПб. : Центр гуманитарных инициатив, 2016. С. 181.
- 27 См.: Репина Л. П. Указ. соч. С. 117.
- 28 Rose S. The Wealth of England. The Medieval Wool and its Political Importance 1100–1600. Oxford : Oxbow Books, 2018. P. 61.
- 29 Fryde E. B. The Last Trials of Sir William de la Pole // The Economic History Review. New Series. 1962. Vol. 15, no. 1. P. 17.
- 30 Ibid.
- 31 Ibid.
- 32 Calendar of the Patent Rolls Preserved in the Public Record Office : Edward III, 1338–1340 : in 16 vols. L. : H. M. Stationery Office, 1898. Vol. 4. P. 408–409 (далее – CPR, 4).
- 33 Russell E. The Societies of the Bardi and the Peruzzi and Their Dealings with Edward III. Manchester : Manchester University Press, 1918. URL: <http://www.british-history.ac.uk/manchester-uni/london-lay-subsidy/1332/pp93-135> (дата обращения: 12.03.2019).
- 34 CPR, 4. P. 394.
- 35 Calendar of the Fine Rolls Preserved in the Public Record

- Office. Prepared Under the Superintendence of the Deputy Keeper of the Records : in 22 vols. L. : H. M. Stationery Office, 1915. Vol. 5 : Edward III. A.D. 1337–1347. P. 38, 42, 49, 67, 100, 120, 121.
- ³⁶ CPR, 1338–1340. P. 408.
- ³⁷ Harvey A. S. Op. cit. P. 51.
- ³⁸ Fox Bourn H. R. Op. cit. P. 64–65.
- ³⁹ Chronica Monasterii de Melsa... P. 48.
- ⁴⁰ Calendar of Close Rolls, Edward III : in 14 vols. / ed. by H. C. Maxwell Lyte. 1364–1368. L. : H. M. Stationery Office, 1910. Vol. 12, P. 245–246.
- ⁴¹ Chronica Monasterii de Melsa... P. 47–48.
- ⁴² Harvey A. S. Op. cit. P. 51.
- ⁴³ Ibid. P. 43–44.
- ⁴⁴ Chronica Monasterii de Melsa... P. 48.
- ⁴⁵ Fryde E. B. The Last Trials of Sir William de la Pole. P. 22.
- ⁴⁶ Calendar of Close Rolls, Edward III : in 14 vols. / ed. by H. C. Maxwell Lyte. 1341–1343. L. : H. M. Stationery Office, 1902. Vol. 6. P. 111 (далее – CCR, 6).
- ⁴⁷ Ibid. P. 280.
- ⁴⁸ Calendar of the Fine Rolls. P. 244.
- ⁴⁹ Harvey A. S. Op. cit. P. 51.
- ⁵⁰ CCR, 6. P. 423.
- ⁵¹ Calendar of the Fine Rolls. P. 282.
- ⁵² Ibid.
- ⁵³ Ibid. P. 402–403.
- ⁵⁴ См. : Яблонская О. В. Порочная аристократия и добродетельные труженики Джеффри Чосера // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. : История. Международные отношения. 2018. Т. 18, вып. 3. С. 323–329. DOI : 10.18500/1819-4907-2018-18-3-323-328.
- ⁵⁵ CCR, 6. P. 536.
- ⁵⁶ Fryde E. B. The Last Trials of Sir William de la Pole. P. 20.
- ⁵⁷ CCR, 6. P. 656–657.
- ⁵⁸ Calendar of Close Rolls of Edward III : in 14 vols. / ed. by H. C. Maxwell Lyte. 1343–1346. L. : H. M. Stationery Office, 1904. Vol. 7. P. 266.
- ⁵⁹ См.: Репина Л. П. Указ. соч. С. 117.
- ⁶⁰ Rose S. Op. cit. P. 141.
- ⁶¹ Rotuli Parliamentorum : in 6 vols. / ed. J. Strachey. L. : H. M. Stationery Office, 1835. Vol. 2. P. 246.
- ⁶² Fryde E. B. The Last Trials of Sir William de la Pole. P. 20
- ⁶³ Rotuli Parliamentorum. P. 246.
- ⁶⁴ Ibid. P. 24.
- ⁶⁵ Ibid. P. 26.
- ⁶⁶ Calendar of Close Rolls of Edward III : in 16 vols. / ed. by H. C. Maxwell Lyte. 1346–1349. L. : H. M. Stationery Office, 1902. Vol. 8. 72–74, 248–249 (далее – CCR, 8).
- ⁶⁷ CCR, 8. P. 260.
- ⁶⁸ Power E. The Wool Trade in English Medieval History. Westport, 1987. P. 64–65.
- ⁶⁹ Fox Bourn H. R. Op. cit. P. 61.
- ⁷⁰ Fryde E. B. The Last Trials of Sir William de la Pole. P. 27.
- ⁷¹ Ibid.
- ⁷² Ibid.
- ⁷³ Ibid. P. 27–29.
- ⁷⁴ Harvey A. S. Op. cit. P. 53.
- ⁷⁵ Calendar of Close Rolls of Edward III : in 14 vols. / ed. by H. C. Maxwell Lyte. Vol. 12. 1364–1369. L. : H. M. Stationery Office, 1910. P. 246.
- ⁷⁶ См.: Яблонская О. В. Ричард Лайонс : взлет и падение английского королевского финансиста XIV века // Научный диалог. 2019. № 12. С. 469–483. DOI : 10.24224/2227-1295-2019-12-469-483.

Образец для цитирования:

Яблонская О. В. Уильям де ла Поль: история падений и успеха «любимого купца» Эдуарда III // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. История. Международные отношения. 2020. Т. 20, вып. 4. С. 497–503. DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2020-20-4-497-503>

Cite this article as:

Yablonskaya O. V. William de la Pole: the Story of the Fall and Success of “Favorite Merchant” of Edward III. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. History. International Relations*, 2020, vol. 20, iss. 4, pp. 497–503 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2020-20-4-497-503>

УДК 94.63.3(0)4

Супруги Лайл: деловые партнеры или «сердечные друзья»?

Д. А. Котлукова

Котлукова Дарья Александровна, аспирант кафедры всеобщей истории, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, darya.kotlukova@yandex.ru

В статье рассматриваются взаимоотношения супругов в раннетюдоровской аристократической семье. На материале переписки леди Гонории Лайл и сэра Артура, виконта Лайла выявляются темы, которые обсуждали между собой супруги. Это – деловые вопросы, касавшиеся финансового положения семьи, новости о ее членах, знакомых и о придворной жизни, вопросы обмена подарками. В письмах просматриваются также чувства, которые испытывали друг к другу супруги Лайл. Автор приходит к выводу о том, что, несмотря на различия в происхождении, моделях поведения и характерах, лорд и леди Лайл являлись не только деловыми партнерами. Их отношения были основаны на уважении, искренней привязанности, а возможно, и любви.

Ключевые слова: семья Лайл, история семьи, Англия, XVI век, Тюдоры, тюдоровская аристократия, супруги, «старое дворянство», джентри.

Поступила в редакцию: 30.04.2020 / Принята: 01.07.2020 / Опубликована: 21.12.2020

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

Lisle Spouses: Business Partners or «Loving Friends»?

D. A. Kotlukova

Darya A. Kotlukova, <https://orcid.org/0000-0001-6574-1377>, Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia, darya.kotlukova@yandex.ru

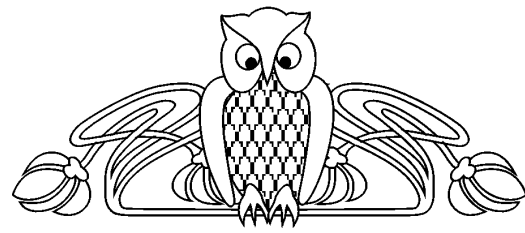
The article discusses the relationship of spouses in the early Tudors aristocratic family. The material from the correspondence of Lady Honour Lisle and Sir Arthur, Viscount Lisle, reveals topics that were discussed between spouses. These are business issues related to the financial situation of the family, news about family members, acquaintances and court life, exchange of gifts. The letters also show the feelings that the Lisle spouses had for each other. The author concludes that, despite differences in origin, behavior and characters, the Lord and Lady Lisle were not only business partners, but their relationships was based on respect, sincere affection, and, possibly, love.

Keywords: Lisle family, Lisle letters, history of the family, England, 16th Century, Tudors, Tudor's aristocracy, spouses, old nobility, gentry.

Received: 30.04.2020 / Accepted: 01.07.2020 / Published: 21.12.2020

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2020-20-4-504-512>

Обращение к истории семьи Лайл – одной из наиболее привилегированных в раннетюдоровской Англии – обусловлено рядом соображений. Первая половина XVI в. стала для королевства во всех отношениях переломной: после бесконечных феодальных смут в стране постепенно устанавливался мир, что было связано с воцарением новой династии – Тюдоров (1485–1603). Укрепление порядка в правление Генриха VIII (1509–1547) способствовало экономическому подъему страны, изменениям в системе государственности, трансформации общества и шкалы социального престижа, переменам в религиозном сознании и нравственных ориентирах людей¹. Целостное осмысление структурных сдвигов в английском социуме должно базироваться не только на выявлении и изучении разного рода новообразований, но и на исследовании групп, представлявших традиционное общество, а именно – титулованной аристократии.

Изучение раннетюдоровской титулованной знати находится в русле новейших историографических тенденций. Глубокие изменения в исторической науке на рубеже XX–XXI вв. привели к появлению новых объяснительных моделей и исследовательских направлений. В частности, речь идет о таких отраслях исторического знания, как история повседневности и микроистория, которые доказывают, что люди неодинаково движутся по одной и той же колее, а потому путь к постижению общего (представлений о мире некоторой группы людей или всего общества) через индивидуальное («повседневности» отдельных людей) – весьма продуктивный путь воссоздания жизни ушедших столетий.

Изучение истории семьи Лайл актуализируется также успехами гендерных исследований, среди которых самая представительная группа в области изучения частной жизни посвящена институтам семьи и брака, игравшим решающую роль в определении индивидуальных судеб мужчин и женщин². К концу средневековой эпохи произошли изменения в статусе женщин, прежде всего – замужних. Не только горожанки³, но и женщины из высших слоев общества по всей Европе, в том числе английские аристократки, начинали предъявлять права на материальные блага и управление делами⁴. М. Ялом также отмечает, что к середине XVI в. в Англии появилась необходимость упоминания совместного ведения семейного хозяйства даже на уровне богословских

трактатов⁵. На примере аристократической семьи Лайл можно проследить процесс превращения жены в полноправного партнера и участника экономической жизни семьи.

Семья Лайл принадлежала к высшей английской аристократии благодаря происхождению сэра Артура Плантагенета, 1-го виконта Лайла. Он был незаконнорожденным сыном короля Эдуарда IV (1461–1470 и 1471–1483), представителя Йоркской линии династии Плантагенетов, и приходился дядей королю Генриху VIII Тюдору. Сэр Артур занимал пост лорда-наместника Кале, важного торгового порта, единственного сохранившегося на тот момент владения Англии в континентальной Европе. Вторым браком лорд Лайл был по воле короля женат на овдовевшей Гонории Бассет, урожденной Гренвилль, представительнице провинциальной аристократии, которая обладала крупным состоянием, оставленным ей умершим супругом⁶.

Судьба семьи Лайл, ее семейные стратегии и повседневные практики как нельзя лучше характеризуют процессы в Англии первой половины XVI в., а также публичную и частную жизнь «высшего общества» эпохи ранних Тюдоров. Тем не менее эта семья долгое время оставалась в тени исследовательского интереса, несмотря на значительное количество имеющегося источникового материала, представленного, прежде всего, эпистолярным наследием супругов Лайл.

Фрагменты эпистолярного комплекса семьи Лайл привлекались зарубежными исследователями при рассмотрении отдельных проблем. В частности, биографический очерк о леди Лайл во многом основан на ее письмах⁷. Можно отметить работу Шерил Бэкон, уделившей внимание взаимоотношениям леди Лайл и аристократических кругов тюдоровской Англии, включая придворных⁸, а также исследование Джасмин Николс-фигьердо, посвященное анализу переписки леди Лайл с Томасом Кромвелем, управляющим Джоном Хьюси (лондонским торговцем и торговым агентом в Англии сэра Артура Плантагенета) и детьми⁹. При этом отношения леди Лайл с мужем крайне скупо представлены в историографии. Между тем в переписке супругов содержится не только информация личного характера, но и сведения, позволяющие намного лучше понять способы ведения хозяйства этой семьи, а также место супругов Лайл в английском высшем обществе.

В данной статье постараемся ответить на следующие вопросы: какие темы обсуждали между собой супруги Лайл, кто из них оказывал большее влияние на решение деловых вопросов, какие отношения связывали леди Гонорию и сэра Артура, являлись ли они друг для друга лишь деловыми партнерами или же были «товарищами... утверждающими свои сердца в доброй склонности друг к другу»¹⁰.

Прежде чем приступить к исследованию поставленных вопросов, кратко охарактеризуем источник. В этом качестве выступает переписка

лорда и леди Лайл в период с 1538 по 1539 г. На это время приходится две поездки супругов из Кале, где они тогда проживали, на островную часть страны для решения деловых вопросов. В 1538 г. в столицу отправилась леди Лайл, а в 1539 – лорд Лайл. Супруги вели активную переписку друг с другом во время отъезда одного из них. Всего в нашем распоряжении имеется 31 письмо, из них 14 написала леди Гонория, а 17 – сэр Артур. Можно заметить, что не все письма были написаны «в ответ», встречается несколько писем одного адресата, написанные подряд, не дожидаясь ответной корреспонденции. Так, лорд Лайл написал по 3 письма в периоды с 20 по 22 ноября и с 24 по 27 ноября 1538 г., а в ответ получил лишь по одному письму от своей супруги. Леди Лайл также писала мужу несколько писем в короткие сроки, не дожидаясь ответа на предыдущее послание. В частности, с 14 по 16 ноября 1538 г. она отправила 3 письма и по 2 письма подряд: 7–8 ноября 1538 г., 30 ноября – 2 декабря 1538 г., 21–22 сентября 1539 года.

В целом все письма составлены по одному шаблону: приветственная часть, где принято называть супруга дорогим, любимым, уважаемым; основная часть, ради которой и писалось данное письмо; заключительная фраза, где чаще всего выражали надежду на доброе здоровье супруга, уверяли в любви, могли добавить фразу о том, как ждут его дома. В заключительную фразу входила также и подпись, весьма клишированная: от вашего преданного (верного) любящего мужа (жены). Но у супругов были и свои особые подписи, которые фигурировали почти в каждом письме. Сэр Артур обычно писал: «Ваш любящий муж Артур Лайл»¹¹, иногда приписывая к этой фразе слово «навсегда». И лишь однажды его подпись формально была другой, но смысл фразы остался тем же. Леди Лайл всегда заканчивала письмо фразой: «От той, кто более принадлежит вам, чем себе, любящая жена Гонория Лайл»¹². Иногда к письму добавлялся постскриптум, содержащий минимум вежливых стандартных фраз и максимум полезных сведений. Так, в одном из писем в постскриптуме была просьба держать письмо в секрете или вовсе сжечь¹³.

Тем не менее есть одно письмо, которое значительно отличалось по своей конструкции от остальных посланий. Оно было написано сэром Артуром 20 ноября 1538 г. В самом начале письма лорд Лайл опускает все формальности («О, моя всецело любимая жена» и пр.) и напрямую обращается к леди Лайл. Не использует он и конструкции «моя леди» или «леди Лайл». Он называет ее «жена» и практически сразу, не считая фразы «I commend me to you» («Я поручаю себя вам»), переходит к сути письма и выражает радость от того, насколько хорошо к ней относится король¹⁴. Очевидно, что благоволение Генриха VIII леди Гонории было настолько лестно и важно для сэра Артура, что он пренебрег формальностями.

Главной темой переписки между супругами являлось обсуждение деловых вопросов, касающихся финансового положения семьи. Леди Лайл была вынуждена отправиться ко двору короля, чтобы лично принять участие в сложном деле о наследстве ее старшего сына Джона. Следует сказать, что это весьма запутанное дело имело долгую историю. Для более ясного понимания важности победы в тяжбе необходимо кратко изложить суть вопроса. Первый муж леди Гонории – Джон Бассет – был весьма состоятельным дворянином, чьи земли располагались в Корнуолле и Девоне, к тому же он унаследовал от своей бабки Джоан Бомон поместье Амберли. Однако ему не хватало денег для уплаты соответствующей пошлины при вступлении в наследство. Ситуация усугублялась тем, что от первого брака у Джона были три дочери и, как ему казалось, он утратил всякую возможность на появление наследника мужского пола. Тогда Джон Бассет заключил договор с жившей по соседству семьей Добини. По условиям этого договора Добини согласились помочь Бассету заплатить пошлину, но только если будет заключен брак одной из дочерей Джона Бассета, Энн или Томасин, и старшего сына семьи Добини – Генри. В этом случае земли оставались в пожизненном владении Джона Бассета и его жены, а затем должны были перейти к Добини. Если же брак по каким-то причинам не будет заключен, то поместье Амберли оставалось в семье Бассет¹⁵. Ввиду кончины Генри Добини-младшего брак так и не состоялся, но Генри Добини-старший продолжал претендовать на земли семьи Бассет. Через некоторое время Джон Бассет женился во второй раз на Гонории Гренвилль (будущей леди Лайл), произвел на свет наследника Джона Бассета-младшего и через 10 лет умер. Леди Гонория Лайл старалась как можно быстрее решить вопрос с правом наследования своего сына. Она подавала многочисленные прошения через своего управляющего, но затем решила лично заняться этим вопросом, поскольку Бассет-младший достиг совершеннолетия и мог вступить в право собственности.

В связи с решением вопроса о наследстве леди Лайл неоднократно упоминает в письмах Джона Рассела, будущего графа Бедфорда, одного из приближенных короля¹⁶, и Томаса Кромвеля, первого советника Генриха VIII, которые помогали ей с прошениями¹⁷. Т. Кромвель оказывал поддержку леди Гонории по нескольким причинам: он находился в хороших отношениях с семьей Лайл, и сын леди Лайл, тот самый Джон Бассет-младший, состоял в его хаусхолде.

Ситуация осложнялась тем, что в этот имущественный спор ввязалась еще одна очень влиятельная семья – Сеймур. Сеймуры и раньше имели разногласия с сэром Артуром из-за земельных владений в Сомерсете, которые в итоге отошли Эдварду Сеймуру¹⁸. По словам М. Л. Баш, «как шурин короля, он был непобедим»¹⁹. Эдвард

Сеймур решил вмешаться в спор Бассет–Добини и поддержал будущего (с 1538 г.) графа Бриджутера. Более того, впоследствии он намеревался выкупить эти владения и присоединить их к своим. Именно из-за его участия в этом имущественном споре окончательная точка в нем была поставлена уже после смерти Джона Бассета-младшего, примерно в 1542 г. Поместье Амберли отошло Артуру Бассету, сыну и наследнику Джона Бассета-младшего. Именно здесь, на попечении своего внука, леди Лайл провела остаток жизни после смерти своего второго мужа.

Помимо тяжбы за наследство покойного мужа леди Гонории, супругов Лайл волновала и другая проблема, связанная с финансами. Речь идет о содержании, которое король выделял сэру Артуру²⁰. Последний даже писал королю письмо, в котором сообщал, что из-за недостатка средств не может давать приемы, обязательные для его положения лорда-наместника Кале, и принимать послов²¹. Деньги, расценки, расходы постоянно фигурируют в письмах лорда и леди Лайл. Упоминания об этом встречаются в письмах 17 раз. В основном это сетования одного из супругов, находившегося в отъезде, по поводу дороговизны путешествия, одежды или еды²². Шла речь также о денежных долгах неким Смиту²³ и Кери²⁴, которые лорд Лайл просил оплатить свою жену. Такое поведение не является необычным для раннетюдоровской аристократии. Произошедшие перемены в ведении хозяйства, нерентабельность прежнего источника дохода (земельные ренты), а также сокращение земель ставили аристократию в весьма тяжелое материальное положение. Преуспевали лишь единицы, большинство же сталкивалось с весьма серьезными проблемами. Сюда же стоит отнести постоянное удорожание предписанного знати образа жизни, «который был не по средствам даже самым состоятельным представителям указанной социальной группы»²⁵. Следствием этого становились увеличивающиеся долги знати, которые буквально «жили взаймы». Подчас долги ростовщикам и поставщикам продуктов и одежды превышали годовой доход представителя аристократии²⁶.

Для облегчения финансовых проблем и ведения соответствующего его положению образа жизни лорд Лайл хотел получить в свое владение новый манор – Пейнсвик. Он писал леди Лайл, что Пейнсвик находится недалеко от владений ее сына, что очень удобно для управления, а также на его территории есть лес, который позволит получать свежую дичь к столу²⁷. Лорд Лайл, как и многочисленные придворные и сам король Генрих VIII, очень любил охотиться. Охота была не только обязательным для знати развлечением, но и возможностью сэкономить. Уместно напомнить, что мясо составляло львиную долю всего рациона питания аристократии²⁸. Соответственно, расходы на мясо (реже – рыбу) превышали траты на все остальные продукты. Если у аристократа

были охотничьи угодья, это заметно снижало их стоимость за счет дичи.

Можно видеть, что модели поведения супругов различались. Лорд Лайл был склонен к излишней трате денег, все свои надежды на обогащение он связывал с королевской милостью и не особо пользовался каналами неформального влияния для решения каких-либо вопросов в свою пользу. Леди Лайл, напротив, была весьма деятельной натурой, активно создавала и использовала связи в высшем обществе. В частности, она дарила подарки представителям аристократии, чтобы те, в свою очередь, могли впоследствии помочь ей, используя свое влияние при дворе. Так, она оказалась в хороших отношениях с графиней Ратленд (урожденной Пастон), старшей фрейлиной королевы Анны Болейн до Екатерины Говард. Именно в доме леди Ратленд стала фрейлиной дочь леди Гонории, Кэтрин, после неудачной попытки добиться аналогичного места при дворе. Помимо этого, леди Лайл в силу своего происхождения не чуждалась и альтернативных источников дохода, связанных с торговлей, что расходилось с представлениями ее супруга, связывавшего свое благополучие со службой королю. Можно сказать, что в одной семье проявилось два противоположных мировоззрения тюдоровской аристократии. Лорд Лайл принадлежал к «старому дворянству», а леди Лайл, очевидно, тяготела к джентри²⁹.

Вторая тема переписки – это новости о членах собственной семьи, о знакомых и придворной жизни. Однако отметим, что, по сравнению с прочими письмами, адресованными супругам Лайл их друзьями, знакомыми и родственниками при дворе, в семейной переписке крайне мало упоминаний о каких-то новостях или сплетнях. Прежде всего, письма содержат информацию о болезнях родных и знакомых супругов Лайл. В частности, сэр Артур 20 ноября пишет о состоянии здоровья дочери леди Лайл Филиппы³⁰, которая, в отличие от своих младших сестер, не получила образования за границей и постоянно находилась в доме своей матери. Возможно, она, как и Джон, старший из сыновей леди Лайл, обладала слабым здоровьем в подростковом возрасте и поэтому не могла уехать учиться далеко от своей семьи. В другом письме от 24 ноября лорд Лайл сообщает о болезни их некоего общего знакомого³¹. Такое внимание к проблеме здоровья не случайно. В тюдоровской Англии существовало большое количество болезней (чума, нома, лепра, оспа, сифилис и пр.), которые поражали как простых жителей, так и знать. Даже Генрих VIII, известный своей ипохондрией и всерьез опасавшийся в том числе появившейся в конце XV в. болезни, известной как «английский пот», или потница, имел собственную аптечку, активно интересовался лекарственными средствами³². Аристократы, подражая королю, также становились собирателями всевозможных рецептов и средств от болезней.

Некоторые письма леди Лайл свидетельствуют о том, что она старалась быть в курсе всех медицинских новинок и советовала окружающим те или иные лекарства. Так, сэр Эдвард Говард, отец будущей королевы Англии, попросил у леди Гонории лекарство от боли в почках. Леди Лайл посоветовала ему некое средство от мочекаменной болезни, которое помогло ему, хотя и причинило некоторые неудобства³³. А 20 ноября 1538 г. лорд Лайл написал жене, что это же лекарство помогло некоему Хайфилду и его сыну³⁴. Также леди Лайл верила в возможность излечения ревматизма крестильными кольцами³⁵. Возможно, эти кольца леди Лайл собирала не для себя, а для своего супруга, поскольку тот испытывал такую боль в руках, что практически перестал собственноручно писать письма. На тот момент среди тюдоровской аристократии данные кольца считались хорошим лекарством, помогающим также и при родах³⁶. Известно, что Томас Кромвель отправил одно такое кольцо сестре короля Генриха VIII Маргарите, королеве Шотландии³⁷.

Придворная жизнь лучше представлена в письмах леди Лайл, которая находилась при дворе, хотя, надо признать, что и эти письма весьма скудны на подробности. Наиболее пространно ею описаны 2 дня пребывания при дворе. В письме от 14 ноября 1538 г. леди Гонория рассказала, как она ездила с прошением в Хемптон-корт и была вынуждена остаться там на ночь. Для нее была приготовлена отдельная комната, о чем она заранее не знала, а по соседству находились комнаты лорда и леди Саффолк, а также графов Сассекса и Хартфорда с женами. Их кормили обедом и ужином, а король показал дворец³⁸.

В другом письме от 23 ноября того же года леди Лайл сообщает, что имела честь увидеться с детьми короля, в том числе посмотреть на родившегося год назад принца Эдуарда. Леди Гонория хвалит принца, восторгается им. Она пишет: «... Я была с моим господином принцем, я молю Бога, чтобы его жизнь была долгой и процветающей, ибо Его милость – самый прекрасный ребенок, которого я когда-либо видела. Я молю Бога дать ему долгую жизнь, ибо думаю, что никогда не устану смотреть на него»³⁹. Молитвы леди Гонории понятны, если вспомнить, насколько принц был долгожданным ребенком мужского пола. Наследника Генриху VIII подарила его третья жена Джейн Сеймур, в свое время бывшая одной из фрейлин королевы Екатерины Арагонской, а позже – королевы Анны Болейн и скончавшаяся всего через несколько дней после рождения сына⁴⁰. Как известно, Эдуард, ставший после смерти отца королем Англии Эдуардом VI, прожил неполных 16 лет: в 1553 г. он умер от туберкулеза или пневмонии.

Леди Лайл не обходит своим вниманием и принцесс: «... Также я видела мою леди Мэри и мою леди Элизабет»⁴¹, а принцесса Мэри и вовсе «сердечно спрашивала, как вы поживаете, и по-

желала передать вам привет»⁴². Слова принцессы Мэри, будущей Марии I Тюдор, вполне объяснимы: она, несомненно, хорошо знала сэра Артура, который нередко присутствовал при дворе в те годы, когда Генрих VIII был женат на ее матери – Екатерине Арагонской, королеве Англии с 1509 по 1533 г. (умерла в 1536 г.).

Леди Лайл сообщила супругу в письме еще одну очень лестную и важную для него новость: не только принцесса Мэри вспомнила о нем, но и король также выразил сожаление по поводу отсутствия своего родственника при дворе⁴³.

Тот факт, что для леди Лайл подготовили комнату при дворе, сам король показал ей дворец, она получила возможность увидеть и даже пообщаться с детьми и наследниками короля, прямо указывают на принадлежность леди Лайл к высшей аристократии. Она отличалась деятельной натурой и активно налаживала отношения с теми, кто мог быть ей полезен, путем дарения подарков и (или) оказания небольших услуг. Например, могла помочь найти работу бывшей служанке⁴⁴.

В свою очередь, когда лорд Лайл находился при дворе осенью 1539 г., он очень подробно информировал жену о событиях, связанных с ним и королевским окружением. Обращает на себя внимание то обстоятельство, что в центре внимания сэра Артура находится, прежде всего, он сам, его чувства, переживания по поводу собственной персоны. Пространно описана его поездка в Дувр 13 сентября 1539 г., он даже замечает, что хорошо перенес путешествие и, наконец, стал «сильным моряком»⁴⁵. От лорда Лайла слышать такое весьма странно, ведь он был лордом-адмиралом и не мог не проводить время на корабле. Он приехал в Дувр вместе с герцогом (не сообщается с каким), там их встретили придворные, также была стрельба из пушек. Кроме того, король прислал им карету, обитую малиновым бархатом, и теперь они направляются в Кентербери⁴⁶.

А письмо от 14 сентября, хотя и не содержит сведений о времяпрепровождении лорда Лайла, позволяет понять его истинное положение. В нем сэр Артур просит жену прислать ему соболей, поскольку хочет иметь отделанное мехом платье⁴⁷. Это очень показательно, ведь «закон о роскоши, принятый в 1532 году, постановлял, что соболей носить могут только члены королевской семьи»⁴⁸. Соответственно, лорд Лайл и окружающие его люди воспринимали его как члена королевской семьи, а не просто аристократа. Отсюда понятна и высокая самооценка сэра Артура, основанная на осознании своего места в высшем обществе.

Следующее письмо от 24 сентября было кратким: ему весело в Кентербери⁴⁹. Также сэр Артур пишет, что его очень хорошо приняли при дворе, ему понравились развлечения, а также король: «Сердечно спросил, как вы поживаете»⁵⁰. Несомненно, король благоволил своему родственнику и, выказывая внимание, не мог не упомянуть и его жену, которая находилась при дворе годом ранее.

Но сам сэр Артур был персоной более значимой, чем его жена, о чем можно судить даже по присланной ему карете. Следует принять во внимание и тот факт, что вместе с сэром Артуром приехал и некий герцог, а также наличие у сэра Артура важной должности лорда-наместника в Кале.

В последующих письмах лорд Лайл не перечисляет подробно все придворные мероприятия, а просто пишет, что ему «очень весело». Очевидно, что при дворе он принимал участие во всех развлечениях, для него это было совершенно естественно. Королевский двор был для сэра Артура привычной средой.

Третий немаловажный аспект, упоминавшийся в письмах, – обмен предметами, а также просьбы прислать или купить те или иные вещи. Если прибавить сюда же благодарности за уже присланные предметы, то мы получим 38 упомянутых различных подарков. Чаще всего речь шла о продуктах питания либо о предметах гардероба. Так, о вине писали 7 раз, о мясе – 17. Причем в письмах говорилось не только о тех продуктах питания, которыми обменивались между собой супруги. В одном из писем леди Лайл пишет мужу о подарке кузена из Стампля, который привез ей много дичи⁵¹.

В письмах, которыми мы располагаем, речь идет лишь о мясе, дичи и вине, но в тюдоровскую эпоху в качестве подарков часто использовались различные продукты питания. Известно, что леди Лайл через свою дочь-фрейлину дважды передавала королю котиньяк – мармелад из айвы⁵², причем он настолько понравился королю, что тот попросил рецепт блюда⁵³. Фигурируют как один из подарков, которые отправляла леди Лайл, и вишни⁵⁴. Важность подобного подношения ясна. Ведь вишня была доступна лишь несколько недель в году, поскольку в Англии климат был суровее, чем на континенте, а привозить фрукты и ягоды из-за высокой стоимости перевозки и быстрой порчи могли себе позволить только король и очень богатые придворные. И то список фруктов был ограничен лишь апельсинами и лимонами. Конечно, сезонные ягоды и фрукты заготавливали впрок, но разница между свежими и консервированными дарами природы была очевидной⁵⁵. Поэтому подарок леди Лайл имел особую ценность для получателя. Британская исследовательница Ф. Хил отмечает, что обмен подарками, особенно продуктами питания, содержал в себе несколько смыслов. Во-первых, пища выступала в качестве объединяющего элемента, т. е. «мы едим одно и то же, следовательно, у нас много общего». Во-вторых, при помощи подобных подарков можно было установить отношения патроната, все зависело от статуса дарящего и одаряемого. И, в-третьих, примешивается религиозный аспект – необходимость проявления щедрости⁵⁶. Так что для леди Лайл эти подарки были способом установить неформальные связи с представителями высшего общества и укрепиться среди них.

Что касается гардероба, то упоминается одежда лорда Лайла, который неоднократно просит жену прислать ему то ночной колпак, то чулки, то соболиный мех⁵⁷.

Однажды лорд Лайл попросил жену прислать ему книги, которые тот привез из Дувра, и называет некоего Старски, у которого эти книги находятся⁵⁸. К сожалению, нет информации о том, что это были за книги, поэтому говорить о книжных предпочтениях сэра Артура затруднительно. Но сам по себе факт весьма примечательный, он вносит дополнительный штрих в характеристику лорда.

Четвертая тема, которая не упоминается часто, но наиболее полно раскрывает взаимоотношения супругов Лайл, – чувства друг к другу, обмен мнениями и мыслями. Несмотря на нежелание подробно обсуждать в письмах подобные вопросы, в переписке можно найти некоторые свидетельства конфликтов между супругами. В письме от 7 ноября 1538 г. леди Лайл, затрагивая тему споров за манор Пейнсвик, пишет супругу, что тот раздал слишком много обещаний и спрашивает его: «Что я могу сделать, милорд, если нужно всегда учитывать ваши обещания? С таким успехом я могла бы остаться дома»⁵⁹. В этой фразе сквозит некоторая обида на супруга и даже раздражение, просматриваются и некоторые черты его характера: легкомыслие, граничащее с безответственностью, и желание нравиться.

Еще один конфликт между супругами произошел из-за нарушенного лордом Лайлом данного жене обещания. Сэр Артур договорился с супругой, что в ее отсутствие он будет ложиться спать пораньше и не будет устраивать посиделок со своими знакомыми и друзьями. Тем не менее леди Лайл стало известно об ужине мужа с гостями поздно вечером, о чем она немедленно ему сообщила 15 ноября⁶⁰. 20 ноября тот поспешил оправдаться, заявив, что приходили лесничий, мистер Николас, и мэр, мистер Винкфилд⁶¹. Возможно, он пытался дать жене понять, что эти господа пришли по делу. Леди Лайл такие собрания не устраивали по нескольким причинам. Первая и самая явная из них – позднее время и продолжительность посиделок ее супруга, который имел уже достаточно солидный возраст, к тому же страдал от лишнего веса и ревматизма, мог легко почувствовать недомогание на следующий день. Как все люди, отличающиеся в молодости отменной конституцией и здоровьем, сэр Артур мог считать себя достаточно здоровым для того, чтобы продолжать вести привычный ему образ жизни, который, беспокоясь за здоровье супруга, совсем не одобряла его жена. Вторая причина – попытка леди Лайл ограничить нерациональные траты своего супруга. Очевидно, лорд Лайл привык жить на широкую ногу, не отказывая себе в удовольствиях. Он был гостеприимным хозяином, стремившимся накормить своих гостей, но это желание стоило немалых денег. Вполне возможно,

что леди Лайл, отвечавшая за ведение домашнего хозяйства, могла контролировать «запросы» своего супруга, пока находилась дома, но в отъезде сделать это было не так легко. Поэтому она и взяла с супруга обещание не приглашать гостей на ужины, которое было им благополучно нарушено.

В другом письме лорда Лайла от 27 ноября читаем: «... Я написал Хаси, который, я хорошо знаю, покажет вам все мои письма»⁶². То есть леди Лайл контролировала жизнь своего мужа, даже находясь от него далеко. Очевидно, что она пользовалась большим влиянием в их доме, намного большим, чем ее супруг. Ведь о его посиделках она узнала из писем одного из служащих семьи Лайл, который, скорее всего, мог эту информацию утаить, но предпочел обо всем рассказать. Управляющий семьей Лайл Джон Хаси, который занимался имуществом лорда и леди Лайл, отстаивал наследство Джона Бассета и интересы лорда Лайла (речь идет о том самом Пейнсвике) при дворе, и вовсе показывал или зачитывал письма лорда Лайла его жене. Есть даже мнение, что Джон Хаси был «глазами и ушами леди Лайл» и рассказывал ей обо всех делах ее мужа при дворе и дома⁶³. Очевидно, делалось это для получения одобрения леди Лайл планов и желаний супруга.

Может сложиться впечатление, что лорд Лайл очень любил свою жену, а та была весьма скупа на эмоции. В письмах сэра Артура неоднократно присутствуют описания его «страданий» из-за отъезда жены. Он грустит, он «много думает о ней и не может спать по ночам, ни один ребенок никогда не думал так долго о своей няне, как я думаю о Вас»⁶⁴. Леди Гонория о своих чувствах пишет не так поэтично, но однажды и в ее письме проскальзывает фраза о «невозможности спать»⁶⁵. Она пишет, что мало спит и только приезд мужа может этому помочь. Кроме того, в письме от 23 ноября 1538 г. леди Лайл выражает надежду, что ее супруг не очень злит ее из-за ее долгого пребывания в Лондоне. Она уверяет его, что старается изо всех сил, чтобы завершить все дела как можно скорее⁶⁶. Кроме того, в одном из писем леди Лайл просит своего мужа писать ей письма собственноручно, так как ей «приятнее получить две строчки, написанные его рукой, чем сто, написанных другими»⁶⁷. Далее она говорит, что не хочет, чтобы ему было больно⁶⁸, а «только для вашего собственного удовольствия от таких тайных вещей, о которых вам будет угодно мне сообщить»⁶⁹. Для леди Лайл, очевидно, было очень важно доверие. Она хотела, чтобы муж рассказывал ей о более личных вещах. Кроме того, известно, что лорд Лайл обладал легким и открытым нравом, был очень общителен и обаятелен, поэтому подобной фразой леди Гонория пыталась добиться от мужа той же манеры повествования в письмах, как и в личном общении. Создаваемый таким образом «эффект присутствия» мог скрасить их временное расставание.

Есть еще одна немаловажная деталь в письмах супругов: уровень приватности. Зачастую письма сэра Артура писал за него поверенный или секретарь, леди Лайл даже просила мужа писать ей письма собственноручно, о чем упоминалось выше. Возможно, она пыталась исключить третьего лишнего в их с супругом отношениях, добиться от него большей искренности. Сама леди Лайл и вовсе писать не умела, а потому письма за нее писал также поверенный или секретарь. Поэтому супруги не могли до конца быть откровенными в своих посланиях. Не случайно лорд Лайл 8 сентября 1538 г. пишет: «...Когда я приеду, ты сможешь узнать больше о моих мыслях»⁷⁰. 24 ноября того же года он употребляет в письме фразу: «Когда ты приедешь, я расскажу тебе, каким хорошим мужем я был»⁷¹, а 24 сентября 1539 г. заявляет, что, без сомнения, принесет ей утешительную весть⁷². 6 октября лорд Лайл снова пишет, что, когда он приедет, она (его жена) и друзья смогут узнать, что он «хорошо завершил свои дела»⁷³. То есть сэр Артур пишет о благоприятном исходе какого-то важного дела, но не раскрывает никаких подробностей.

Леди Лайл тоже есть, что рассказать мужу при личной встрече. Разговаривая с Кромвелем по поводу содержания лорда, леди Гонория услышала нечто, что потрясло ее, но она не хочет писать этого в письме и прямо заявляет, что «это не то, что должно быть написано»⁷⁴. Она и так считает, что сказала больше, чем должна была, и просит хранить письмо в секрете или вовсе сжечь. Леди Гонория также обещала поговорить с мужем лично и по поводу его поздней вечеринки во время ее отъезда. Она заявила, что все знает и выскажет ему свое мнение и обещает ради этой возможности закончить свои дела как можно раньше⁷⁵.

Очевидно, что даже столь близкие люди, как супруги, должны были тщательно обдумывать все, что хотели бы написать в письме. Возможно, по этой причине переписка лорда и леди Лайл иногда бывает малоинформативной и не изобилует проявлениями чувств.

Можно сделать вывод, что супругов Лайл, как и всех английских аристократов, волновали финансовые вопросы, такие как тяжбы за наследство, попытки добиться получения от короля нового манора или ренты. Не обходит стороной семью Лайл и тема долгов, столь актуальная для представителей тюдоровского высшего света. Помимо этого, леди Лайл, до своего второго замужества принадлежавшая к провинциальному дворянству, активно интересуется всеми подробностями придворной жизни, которые, будучи под впечатлением, описывает в письмах мужу. Сэр Артур же, напротив, родившийся и выросший в королевском окружении, воспринимает двор как должное и практически не упоминает никаких деталей.

В переписке ярко высвечивается роль леди Лайл, которая, в отличие от многих женщин сво-

его времени, имела большое влияние на своего мужа, причем, не только в ментальном плане, но и в финансовом плане, поскольку именно она оплачивала долги супруга. Ее рачительный подход к ведению домашнего хозяйства проследживается в переписке, что еще раз подчеркивает различия между изначальным социальным статусом супругов. Леди Гонория, привыкшая экономить и сокращать необязательные траты, что свойственно провинциальному дворянству, и лорд Лайл, который, как и любой представитель высшей аристократии, был склонен к жизни «на широкую ногу».

Несмотря на такие различия в происхождении, поведении, характерах и возникавшие вследствие этого конфликты, лорд и леди Лайл все же испытывали друг к другу теплые чувства. Об этом можно судить из нескольких скупых фраз, изредка мелькавших в письмах каждого из супругов. Возможно, проявлять свои чувства леди Гонории и сэру Артуру мешало постоянное присутствие в их переписке «третьих лиц» – секретарей, читавших и (или) писавших письма. Именно поэтому многие сведения о борьбе за наследство сына леди Лайл, о приобретении манора Пейнсвик, а также подробности о ссорах и личных переживаниях супругов остались в тени.

Даже с учетом того, что этот брак был заключен исключительно с целью финансовой выгоды, что типично для первой трети XVI в., когда придворные аристократы женились на провинциальных дворянках и даже представительницах богатого купечества⁷⁶, он оказался удивительно удачным и счастливым. Однако безоблачное существование семьи и супругов Лайл продлилось всего 9 лет. В 1542 г. лорд Лайл был отправлен в Тауэр по обвинению в государственной измене, где и умер через 2 года, получив незадолго до этого королевское помилование. Леди Лайл лишилась мужа, возможности общаться со своими друзьями и родными и провела эти 2 года под домашним арестом. Смерть супруга стала для нее тяжелой утратой дорогого ей человека и крушением всех ее амбициозных планов, что сказалось на психическом здоровье леди Гонории. В итоге она вернулась в имение своего первого мужа, где и умерла, пережив сэра Артура почти на 25 лет.

Примечания

- 1 См.: Киясов С. Е., Мосолкина Т. В., Чернова Л. Н. Лондон на рубеже эпох : мозаика повседневности (XVI–XVIII вв.). Саратов : Техно-Декор, 2015. С. 4.
- 2 См.: Ретина Л. П. Историческая наука на рубеже XX–XXI вв. М. : Кругъ, 2011. С. 525–526.
- 3 См.: Чернова Л. Н. «Женские» завещания : возможности социального исследования (на материале тюдоровского Лондона) // Актуальные проблемы социально-гуманитарных наук и образования : сущность, концепции, перспективы : матер. VII Междунар. науч. конф., посвященной 110-летию СГУ имени Н. Г. Чернышевского

- (15 апреля 2019 г.). Саратов : Саратовский источник, 2019. С. 143–148.
- 4 См.: Ялом М. История жены / пер. с англ. Д. Панайотти. М. : ООО «Новое литературное обозрение», 2019. С. 125.
 - 5 Там же. С. 140.
 - 6 The Lisle Letters : in 6 vols. / ed. by M. St. Clare Byrne. Chicago ; London, 1981. Vol. 1. P. 309 (далее – The Lisle Letters).
 - 7 Rowley-Williams J. A. Image and Reality : the Lives of Aristocratic Women in Early Tudor England. Bangor, 1998.
 - 8 Bacon C. B. Influence, Image and Intimacy : Gift-Giving in Tudor England. Virginia, 1987.
 - 9 Nicholsfgueiredo J. The Lisle Letters : Lady Honor Lisle's epistolary influence. Barnaby, 2014.
 - 10 Ялом М. Указ. соч. С. 153.
 - 11 Lord Lisle to Lady Lisle 8 November 1538 // The Lisle Letters. 1981. Vol. 5. P. 277.
 - 12 Lady Lisle to Lord Lisle 14 November 1538 // Ibid. P. 282.
 - 13 Lady Lisle to Lord Lisle 3 December 1538 // Ibid. P. 319.
 - 14 Lord Lisle to Lady Lisle 22 November 1538 // Ibid. P. 298.
 - 15 Bush M. L. The Lisle–Seymour land disputes : a study of power and influence in the 1530s // The Historical Journal. 1966. Vol. IX, № 3. P. 269–270.
 - 16 Lady Lisle to Lord Lisle 3 December 1538 // The Lisle Letters. Vol. 5. P. 318–319.
 - 17 Lady Lisle to Lord Lisle 14 November 1538 // Ibid. P. 282.
 - 18 Bush M. L. Op. cit. P. 269.
 - 19 Ibid.
 - 20 Lord Lisle to Lady Lisle 8 September 1538 // The Lisle Letters. Vol. 5. P. 210.
 - 21 Lord Lisle to Henry VIII 8 May 1536 // Ibid. Vol. 3. P. 356–357.
 - 22 Lady Lisle to Lord Lisle 7 November 1538 // Ibid. Vol. 5. P. 275.
 - 23 Lord Lisle to Lady Lisle 20 November 1538 // Ibid. P. 298.
 - 24 Lord Lisle to Lady Lisle 22 November 1538 // Ibid. P. 301.
 - 25 Элиас Н. Придворное общество. Исследования по социологии короля и придворной аристократии. М. : Языки славянской культуры, 2002. С. 93.
 - 26 См.: Дмитриева О. В. Социально-экономическое развитие Англии в XVI веке. М. : Изд-во МГУ, 1990. С. 40.
 - 27 Lord Lisle to Lady Lisle 8 November 1538 // The Lisle Letters. Vol. 5. P. 277.
 - 28 См.: Борман Т. Частная жизнь Тюдоров : секреты венценосной семьи. М. : Э, 2017. С. 128.
 - 29 Chernova L. N. English Gentry in the First Half of the 15th Century // Вестн. Санкт-Петербург. ун-та. История. 2019. Т. 64, вып. 3. С. 970–972. DOI <https://doi.org/10.21638/11701/spbu02.2019.309>
 - 30 Lord Lisle to Lady Lisle 20 November 1538 // The Lisle Letters. Vol. 5. P. 300.
 - 31 Lord Lisle to Lady Lisle 24 November 1538 // Ibid. P. 308.
 - 32 Борман Т. Указ. соч. С. 121.
 - 33 Lord Edmund Howard to lady Lisle n. d. // The Lisle Letters : An Abridgement / ed. by M. St. Clare Byrne. Chicago, 1983. P. 68–69.
 - 34 См.: Блок М. Короли-чудотворцы : Очерк представлений о сверхъестественном характере королевской власти, распространенных преимущественно во Франции и в Англии. М. : Языки русской культуры, 1998. С. 300.
 - 35 Lord Lisle to Lady Lisle 20 November 1538 // The Lisle Letters. Vol. 5. P. 300.
 - 36 См.: Блок М. Указ. соч. С. 300.
 - 37 Cromwell to Margaret Queen of Scots 14 May 1537 // Life and letters of Thomas Cromwell by Roger Bigelow Merriman with a portrait and fac-simile : in 2 vols. Oxford, 1903. Vol. 2. P. 53.
 - 38 Lady Lisle to Lord Lisle 14 November 1538 // The Lisle Letters. Vol. 5. P. 282.
 - 39 Lady Lisle to Lord Lisle 23 November 1538 // Ibid. P. 305.
 - 40 См.: Уиллер Д. Жены Генриха VIII : Джейн Сеймур. М. : ООО ИГ «Азбука-Аттикус», 2014. URL: <https://history.wikireading.ru/197641> (дата обращения: 19.04.2020).
 - 41 Lady Lisle to Lord Lisle 23 November 1538 // The Lisle Letters. Vol. 5. P. 305.
 - 42 Ibid.
 - 43 Lady Lisle to Lord Lisle 15 November 1538 // Ibid. P. 283.
 - 44 См.: Абаренова А. И. Женские социальные сети влияния : взаимоотношения знатных дам в Англии первой половины XVI века // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. История. Международные отношения. 2012. Т. 12, вып. 2. С. 24.
 - 45 Lord Lisle to Lady Lisle 13 September 1539 // The Lisle Letters. Vol. 5. P. 646.
 - 46 Ibid.
 - 47 См.: Lord Lisle to Lady Lisle 14 September 1539 // Ibid. P. 647.
 - 48 Борман Т. Указ. соч. С. 137.
 - 49 См.: Lord Lisle to Lady Lisle 24 September 1539 // The Lisle Letters. Vol. 5. P. 655.
 - 50 Ibid.
 - 51 Lady Lisle to Lord Lisle 2 December 1538 // Ibid. P. 317.
 - 52 См.: Третьякова М. В. Десерты кухни Англии XVII века : котиньяк, мармелад, пастила, марципаны и много-много сахара... // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. : История. Международные отношения. 2018. Т. 18, вып. 1. С. 71. DOI : <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2018-18-1-70-76>
 - 53 Ann Basset to lady Lisle 19 February 1540 // The Lisle letters : An Abridgement. P. 333.
 - 54 Elinor, Countess of Ruthland to Lady Lisle 10 June 1537 // Letters of royal and illustrious ladies of Great Britain from the commencement of the twelfth century to the close of the reign of Queen Mary : in 3 vols. / ed. by M. A. E. Wood. London, 1846. Vol. 3. P. 309.
 - 55 См.: Борман Т. Указ. соч. С. 128.
 - 56 См.: Heal F. Food Gifts, the Household and the Politics of Exchange in Early Modern England // Past and Present. 2008. №. 119. P. 53.
 - 57 Lord Lisle to Lady Lisle 14 September 1539 // The Lisle Letters. Vol. 5. P. 647.
 - 58 Lord Lisle to Lady Lisle 7 September 1538 // Ibid. P. 210.
 - 59 Lady Lisle to Lord Lisle 7 November 1538 // Ibid. P. 275.
 - 60 Lady Lisle to Lord Lisle 15 November 1538 // Ibid. P. 283.
 - 61 Lord Lisle to Lady Lisle 20 November 1538 // Ibid. P. 299.

- ⁶² Lord Lisle to Lady Lisle 27 November 1538 // Ibid. P. 310. ⁷⁰ Lord Lisle to Lady Lisle 8 September 1538 // Ibid. P. 210.
⁶³ *Nicholsfigueiredo J.* Op. cit. P. 107. ⁷¹ Lord Lisle to Lady Lisle 24 November 1538 // Ibid. P. 308.
⁶⁴ Lord Lisle to Lady Lisle 5 December 1538 // *The Lisle Letters*. Vol. 5. P. 323. ⁷² Lord Lisle to Lady Lisle 24 September 1539 // Ibid. P. 655.
⁶⁵ Lady Lisle to Lord Lisle 22 September 1539 // Ibid. P. 654. ⁷³ Lord Lisle to Lady Lisle 6 October 1539 // Ibid. P. 668.
⁶⁶ Lady Lisle to Lord Lisle 23 November 1538 // Ibid. P. 306. ⁷⁴ Lady Lisle to Lord Lisle 3 December 1538 // Ibid. P. 318.
⁶⁷ Lady Lisle to Lord Lisle 21 September 1539 // Ibid. P. 652. ⁷⁵ Lady Lisle to Lord Lisle 15 November 1538 // Ibid. P. 283.
⁶⁸ Ibid. ⁷⁶ См.: *Чернова Л. Н.* Под сенью Святого Павла : деловой мир Лондона XIV–XVI вв. М. ; СПб. : Центр гуманитарных инициатив, 2016. С. 269.
⁶⁹ Ibid.

Образец для цитирования:

Котлукова Д. А. Супруги Лайл: деловые партнеры или «сердечные друзья»? // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. История. Международные отношения. 2020. Т. 20, вып. 4. С. 504–512. DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2020-20-4-504-512>

Cite this article as:

Kotlukova D. A. Lisle Spouses: Business Partners or «Loving Friends»? *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. History. International Relations*, 2020, vol. 20, iss. 4, pp. 504–512 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2020-20-4-504-512>

УДК 655.26(427.1)|15|+929 Бартоломей Нетолицкий из Нетолиц

Издательская деятельность чешского типографа XVI века Бартоломея Нетолицкого из Нетолиц

Е. Н. Многолетняя

Многолетняя Елена Николаевна, кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Elenamногоletnjaja@rambler.ru

В статье рассматривается издательская деятельность чешского типографа XVI в. Бартоломея Нетолицкого из Нетолиц, в которой выделяются два периода: до и после восстания чешских сословий 1547 г.; выявляется количество сохранившихся изданий по их названиям и жанровый репертуар продукции. Обращение к источникам, в частности к библиографии чешских изданий, позволяет констатировать, что из типографии Нетолицкого выходили самые разнообразные издания, например религиозные сочинения как католической, так и утравкистской направленности, текст Библии, летучие листовки, проностики и т. д.

Ключевые слова: книгопечатание в Чехии, чешские типографы, издательская деятельность, репертуар книжной продукции.

Поступила в редакцию: 10.04.2020 / Принята: 01.07.2020 / Опубликовано: 21.12.2020

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

Publishing Activities of the 16th Century Czech Book Printer Bartholomew Netolicky of Netolic

Е. Н. Многолетняя

Elena N. Mnogoletnyaya, <https://orcid.org/0000-0002-2079-6080>, Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia, Elenamногоletnjaja@rambler.ru

The article is devoted to the publishing activities of the 16th-century Czech typographer Bartholomew Netolicky of Netolic. The author examines the publishing activities of the printing house, which distinguishes two periods before and after the uprising of the Czech estates of 1547, reveals the number of preserved publications by their names and the genre repertoire of products. An appeal to the sources, in particular, to the bibliography of Czech publications, suggests that a wide variety of publications came out of the Netolitsky printing house, for example, religious works of both Catholic and Utraquist orientation, the text of the Bible, flying leaflets, penetrations, etc.

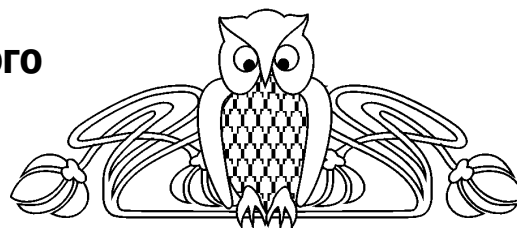
Keywords: book printing in Bohemia, book printer, publishing, repertoire of books.

Received: 10.04.2020 / Accepted: 01.07.2020 / Published: 21.12.2020

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2020-20-4-513-516>

Чешский типограф XVI в. Бартоломей Нетолицкий из Нетолиц работал в Чехии в сложное для ее книгопечатания время. С одной стороны, он

удостоился права стать королевским типографом, единственным в стране после восстания чешских сословий 1547 г., а с другой – стал компаньоном известного чешского типографа Иржи Мелантриха.

Вторая половина XVI в. для книгопечатного дела в Чехии стала новым, своеобразным периодом в ее истории. Этот период имел кардинальные отличия от предыдущего. В Чехии резко изменились условия существования и развития книгопечатания. Сразу после подавления восстания чешских сословий чешский король Фердинанд I 9 октября 1547 г. издал мандат, который был адресован «панам, рыцарям, владыкам и городам и всем другим обывателям и подданным нашим». В мандате запрещалось свободное книгопечатание в Чехии: «... Чтобы сразу же в тот же день, как вы получите наш мандат, во всех городах, местечках, поместьях и имениях ваших никаких типографов не было, либо же книг, трактатов и иных вещей, которые не названы, но быть могут, печатать не разрешали и в соответствии с нашим мандатом запретили и нигде издавать не разрешали, лишь только в нашей типографии, которая в Праге...»¹.

Причина, по которой вводился этот строгий запрет, была объяснена в самом мандате: «... Потому что допустили оскорбление в прошлое время через различного рода убеждения, печатные трактаты и песни клеветнические не только против Господа Бога, Святой империи христианских добрых порядков, но и против Римского императора (имеется в виду император Священной Римской империи немецкой нации. – Е. М.) и нас короля»².

Действительно в период восстания 1547 г. печать использовалась противниками Фердинанда I в целях антикоролевской агитации. Сразу после его подавления для ослабления оппозиции и под предлогом борьбы с ересью Фердинанд I запретил деятельность типографий в Чехии. Исключение составила лишь типография Бартоломея Нетолицкого из Нетолиц, королевского типографа, находящаяся в Праге и используемая впоследствии для издания печатной продукции официального направления³.

Известно, что королевский типограф Бартоломей Нетолицкий из Нетолиц родился в Нетолице – в одном из старейших городов Южночешского края, расположенном на северо-востоке района Прахатице в предгорье Шумавы. Точная дата рождения не известна, умер после 1562 г. Можно с уверенностью сказать, что он получил предикат Нетолице в 1537 г. и был членом Малостранского совета в 1545–1547 гг. Исходя из характера деятельности Нетолицкого в

области книгопечатания, которая, согласно современным исследованиям, приходилась на 1540–1552 и 1561–1562 гг., можно заключить, что он обучался искусству книгопечатания в Германии. Точно известно, что в 1536 г. Нетолицкий основал типографию в Праге на Малой стране (один из домов современного дома «U Splavínů»). Поддерживал политику Фердинанда I, причем определенный временной период после подавления сопротивления 1547 г. был единственным разрешенным типографом в королевстве, получил привилегию на печатание Библии, а также предикат.

В базе данных чешской библиографии содержатся сведения о 54 изданиях, напечатанных Бартоломеем Нетолицким⁴.

Старейшее известное на сегодняшний день издание Нетолицкого – это морально-образовательное иллюстрированное произведение Яна Бртвина из Плосковице под названием «Книжка, которая содержит две страницы ... о пути и жизни христианина ... и о порядке» (Прага, 1540)⁵.

Ян Бртвин – автор первой чешской печатной и сохранившейся сельскохозяйственной книги, появившейся во времена популярной латинской сельскохозяйственной литературы. Считается, что автор сам был опытным экономистом, который хорошо знал чешскую действительность. В 30-е гг. XVI в. он написал свое оригинальное произведение. В первой части повествуется о христианском образе жизни, во второй части книги в шести разделах автор писал об управлении крупной усадьбой, работах ремесленников и слуг в сельском хозяйстве и в рамках господского дома, своих собственных дворах круглый год, о положении крестьян, об обязанностях помещичьих управляющих. В книге можно найти наставления трактирщикам, как вести свое дело, заметки о животноводстве; содержались первые упоминания о тогдашнем способе ведения сельского хозяйства в лесах, описывались служебные обязанности, прежде всего лесников. Тем самым было продемонстрировано превосходство охоты над начавшимся уходом за лесами. Книга была опубликована в Праге зимой 1540 г. Бартоломеем Нетолицким из Нетолиц и считалась образцом такого рода литературы в Чехии.

До 1547 г. Бартоломей Нетолицкий подготовил не менее 28 публикаций. Среди них можно назвать такие, как, например, сочинение Ондржея Клатовского из Далманхорста «Книжка на чешском и немецком языках ...» (Прага, 1540)⁶, произведение Брикси из Лицка «Избранные религиозные законы из прав латинских учителей...» (Прага, 1541)⁷, газета Вацлава Хаека из Либочан «О несчастном случае, произошедшем в результате пожара в Малой Праге... 1541» (Прага, 1541)⁸, а также ранее не издававшаяся рукопись консервативного гуситского богослова Яна Пржибрама «Книги о жалобах великой Святой Церкви начинаются...» (Прага, 1542)⁹. С 1541 г. Бартоломеем Нетолицкому было поручено печатать официальные документы. Сохранились издания «Артикулов сейма чешского королевства», изданные в 1543,

1544, [1545?], 1545, 1546, [1547?], [1549?], 16 января 1552 (два разных издания за данный год)¹⁰.

Новый период чешского книгопечатания после победы Габсбургов в 1547 г. начался изданием в типографии Бартоломея Нетолицкого из Нетолиц, на тот момент ставшего единственным разрешенным в королевстве типографом, в Праге официальных документов, которые появились за время восстания чешских сословий. Издание получило название «Актов всех тех дел» (1547 г.)¹¹. Акты были изданы на чешском и немецком языках. Как было сказано в предисловии к этой книге, в ней содержались все документы, начиная с королевского мандата от 12 января 1547 г.¹² Однако их подбор был далеко не полным.

Король осознавал необходимость обосновать свои столь решительные действия при подавлении сословного восстания и наказания виновных, искал в глазах общественного мнения оправдания, поэтому стремился доказать, что сословия вели себя противозаконно, восстав против него, ибо вопрос о легальности сопротивления сословий был в той обстановке чрезвычайно актуальным. Фердинанд I пытался показать, что против него выступила лишь горстка бунтовщиков, умалив тем самым значение и масштаб сопротивления своей власти.

Документы чешских сословий, противоречившие этой концепции, в «Акты», включены не были. Тем самым искажалось истинное положение вещей¹³. Бывший канцлер комитета восставших сословий Сикст из Оттерсдорфа считал издание Фердинанда I «великим посрамлением чешского народа и старых и знаменитых родов». Сборник короля, по мнению Сикста, не содержал и четверти всех документов и представлял события в искаженном свете. Поэтому Сикст сравнивает Фердинанда I с «хитрым мясником», обманывающим народ. Он же в связи с этим язвительно заметил, что запрет чешского книгопечатания был вызван страхом короля перед возможной волной печатной полемики на издание «Актов»¹⁴.

Современные чешские исследователи и более старая научная литература изображают Бартоломея Нетолицкого убежденным католиком, оппортунистом и обличителем. Мы не знаем, в какой степени данная оценка правдива, но надо иметь в виду, что довоенные историки имели определенную тенденцию склоняться к наличию в период до Белой горы католической цензуры.

Однако не нужно забывать, что вокруг Нетолицкого сформировался круг писателей утраквистов, преследуемых Фердинандом I, в который входили Павел Быдзовский, Брикси из Лички, Сикст из Оттерсдорфа. Из его типографии выходили работы северогерманского лютеранина Антониуса Корвинуса «Пасхальные чтения ...» (Прага, 1542 г.)¹⁵ и «Воскресные чтения ...» (Прага 1542 г.)¹⁶.

За время работы после подавления восстания чешских сословий в 1547 г. Нетолицкий издал и представил на чешском книжном рынке несколько совершенно новых изданий, например, «Завеща-

ния (Заветы) двенадцати патриархов, сыновей Иакова» (Прага после 1547 года?)¹⁷. Издание представляет собой этико-апокалиптический трактат, написанный от имени 12 патриархов – сыновей Иакова. Этот ветхозаветный апокрифический текст, составленный в I веке до н. э. в Палестине, сохранился в греческой, эфиопской и славянской версиях, которые были широко известны в Средние века.

Один из периодов издательской деятельности Бартоломея Нетолицкого был связан с Иржи Мелантрихом, поселившимся в Праге не позднее середины 1547 г. До этого времени он, вероятно, работал с Яном Гюнтером в Простееве. В начале июля 1547 г. Иржи Мелантриху удалось завершить издание катехизиса лютеранского священника Ур-гиса Регия (Прага, 1547)¹⁸. Дальнейшей его работе по изданию книг помешал запрет Фердинанда I на свободную печать. Поскольку Иржи Мелантрих не участвовал в мятежных действиях чешских коллег-типографов, он воспользовался возможностью объединить свою только что созданную пражскую мастерскую с официальной придворной мастерской Бартоломея Нетолицкого.

К 1552 г. объединенная типография опубликовала 20 изданий. Тем не менее партнеры не смогли предотвратить предстоящий спад отчасти из-за бойкота продавцов книг. Однако очевидная причина возникла ранее уже с осени 1549 г., когда монарх возволил печатному ремеслу и связанным с ним конкурентам постепенно возрождаться. В этих условиях ликвидировать долги типографии не удалось, не помогли даже такие издания, как выпуск официальных документов (артикулов сеймов), ни привилегированное издание Чешской Библии (Прага, 1549). Даже издание католической литературы не спасло типографию¹⁹.

В 1552 г. типография Бартоломея Нетолицкого, загруженная непроданными книгами, была продана Иржи Мелантриху. Год спустя передача всех привилегий была подтверждена, и в июле новый владелец опубликовал первое известное собственное издание – газетную листовку-письмо Генриха IV Плауэна маркграфу Альбрехту с Бранденбурга²⁰.

Бартоломей Нетолицкий после продолжительного перерыва в 1561–1562 гг. работал в типографии своего умершего родственника Яна Ловичского. Согласно чешским исследователям Вацлав Оуцкий должен был стать временным владельцем Ловичской типографии после смерти самого Яна Ловичского, но Нетолицкий подал иск и выиграл спор. В 1561–1562 гг. он восстановил там свое дело и стал владельцем типографии.

С октября 1561 г. Бартоломею Нетолицкому снова была предоставлена привилегия на изготовление праностик (праностика – это форма народной литературы, предсказание, касающееся определенных дней или периодов, особенно в отношении сельского хозяйства и погоды) и административной литературы. От этого периода

деятельности сохранились три небольшие публикации, в частности сочинение Алеша Кноблоха из Пирнсдорфа²¹. Однако в 1562 г. Бартоломей Нетолицкий продал типографию, оснащенную печатным оборудованием, Яну Козелу Старшему.

Одной из последних книг, отпечатанных в типографии Бартоломея Нетолицкого в Праге на Малой стороне, стало сочинение Псевдо-Августина «Руководство» (1562 г.)²².

Точная дата смерти Бартоломея Нетолицкого неизвестна. Предположительно он умер после 1562 г. Данный факт можно принять как данность, поскольку не сохранилось ни одного издания типографа, датированного последующими годами.

Таким образом, Бартоломей Нетолицкий оставил заметный след в истории чешского книгопечатания. Он внес важную лепту в распространение в Чешском королевстве востребованной на тот период времени печатной продукции – достаточно разнообразной, включавшей в себя литературу самых различных жанров и направлений.

Примечания

- 1 Отрывок из мандата см : *Voit P. Moravské prameny z let 1567–1568 k dějinám bibliografie, cenzury knihtisku s literární historie. Příspěvky ke knihopisu 5. Praha : SK ČSR, 1987. S. 27.*
- 2 Цит по : *Pešek J. Jiří Melantrich z Aventýna. Příběh pražského arcitiskaře, Slovo k historii 32 Praha, 1991. S. 5.*
- 3 *Voit P. Moravské prameny z let 1567–1568 k dějinám bibliografie, cenzury knihtisku s literární historie. Příspěvky ke knihopisu 5. Praha : SK ČSR, 1987. S. 27.*
- 4 KPS – Výsledky dotazu : Slova-Všechna pole= Bartoloměj Netolický // Databáze Národní knihovny ČR. URL: https://aleph.nkp.cz/F/T8YSDKQMR FUTA28637VLM2VKG2X2XQA5RGLJIGEP3V SJM8Y1-28446?func=find-b&find_code=WRD&x=38&y=7&request=Bartolom%C4%9Bj+Netolick%C3%BD+z+Netolic&filter_code_1=WTP&filter_request_1=&filter_code_2=WLN&adjacent=N (дата обращения: 27.03.2020).
- 5 *Brtvín z Ploškovice, Jan. Knizka tato dwie Stranky wsobie drzy Wprzednij Strancze gest o Zpusobu a Ziwotu krestianskem ... Praha : Bartoloměj Netolický z Netolic, 1540, 12. února? // Databáze Národní knihovny ČR. URL: https://aleph.nkp.cz/F/EXKA5V 5YMLTB55KT658CFY4BLKHNN2S7EJ2GD4YA7 868UA99A1-40009?func=find-b&find_code=WRD&x=45&y=9&request=Knizka+tato+dwie+Stranky+w sobie+dr%C5%BEy+Wprzednij+Strancze+gest+o+Z pusobu+a+Ziwotu+krestianskem...+%2F+Jan+Brtv%C3%ADn+z+Ploskovic&filter_code_1=WTP&filter_request_1=&filter_code_2=WLN&adjacent=N (дата обращения: 27.03.2020).*
- 6 *Klatovský z Dalmanhorstu, Ondřej. Knižka(!) w Czieském a Niemeckem zazyku složena | kterakby Czech Niemecky a Niemeck Česky čysti | psáti y mľuwiti včyti se mief... Praha : Bartoloměj Netolický z Netolic, 1540. Databáze Národní knihovny ČR. URL: https://aleph.nkp.cz/F/I4DTIFLSBAQJFP2PKUFDHNVIEEMLETD4F4A NLEG72P3KIYSE6F-40195?func=full-set-set&set_*

- number=091996&set_entry=000015&format=999 (дата обращения: 27.03.2020).
- 7 *Brički z Licka, Matěj*. Regule / To gest Ržeholy Obecně z Latinských Včyteluow Práv wybrane ... Praha : Bartoloměj Netolický z Netolic, 1541 // Databáze Národní knihovny ČR . URL: https://aleph.nkp.cz/F/SFR67HX11KX87AFCDXF9N51GXAJ8BIYR8ADEQDF3A2VE2LHC22-30420?func=find-b&find_code=WRD&x=10&y=2&request=Bričk%C3%AD+z+Licka+Regule%2C&filter_code_1=WTP&filter_request_1=&filter_code_2=WLN&adjacent=N (дата обращения: 27.03.2020).
 - 8 *Hájek z Libočan, Václav* O nesstiatneee przihodie kteráž gse stala skrže ohen [!] w Menssim Miestie Pražském ... Praha : Bartoloměj Netolický z Netolic, 1541, 17. Června. // Databáze Národní knihovny ČR. URL: https://aleph.nkp.cz/F/6NSUIVJXKADECQUGMMT6HVIUTEMK886VR3I2K45XYDR8I89YSI47317?func=find-b&find_code=WRD&x=16&y=5&request=O+nesstiatneee+przihodie+kter%C3%A1%C5%B E+gse+stala+skrže+ohen+&filter_code_1=WTP&filter_request_1=&filter_code_2=WLN&adjacent=N (дата обращения: 27.03.2020).
 - 9 *Jan z Příbramě*. Poczijmagij se Knijhy O zarmutcenijch velikých Czýrkwe Swatě | y každé Dusse wierné, kteréž magij trpieti od Draka w poslednij dni... Praha : Bartoloměj Netolický z Netolic, 1542, 5. Února. // Databáze Národní knihovny ČR. URL: <https://aleph.nkp.cz/F/14DTIFLSBAQJFP2PKUFDHNVIEEMLETD4F4ANLEG72P3KIYSE6F-05825?func=short-jump&jump=000031> (дата обращения: 27.03.2020).
 - 10 KPS – Výsledky dotazu : Slova-Všechna pole= Bartoloměj Netolický z Netolic // Databáze Národní knihovny ČR URL: <https://aleph.nkp.cz/F/FBRG87VDFY5BJ4X49XJ9BPB5K4APPRUM7QYT8G8J3988GN4IKD-36088?func=short-jump&jump=000051> (дата обращения: 27.03.2020).
 - 11 Knihopis českých a slovenských tisků od doby nejstarší až do konce XVIII století. Vydala Komise pro knihopisný soupis československých tisků až do konce XVIII. století. Díl. II. Tisky z let 1501-1800. Č. I-IX. Praha, 1939–1967. Knihopis. Č. 105 (ссылка на библиографический источник дается на порядковый номер издания).
 - 12 Цит. по: Мельников Г. П. Чешское восстание 1547 г. и Сикст из Оттерсдорфа как его хронист // Сикст из Оттерсдорфа. Хроника событий, свершившихся в Чехии в бурный 1547 год. М. : Наука, 1989. С. 31.
 - 13 Там же. С. 32.
 - 14 *Sixt z Ottersdorfu*. O pokoření stavu městského léta 1547 / K tisku připravil a sestavil J. Janáček Praha, 1950. S. 143, 144 ; Přehled dějin Československa. 1/2 [1526 až 1848]. Praha, 1982. S. 332.
 - 15 *Corvinus, Anton*. Weyklady na Cztenij Swátkůw weygročnijch Antonya Korwijna... Praha : Bartoloměj Netolický z Netolic, 1542, 3. Dubna // Databáze Národní knihovny ČR. URL: <https://aleph.nkp.cz/F/FBRG87VDFY5BJ4X49XJ9BPB5K4APPRUM7QYT8G8J3988GN4IKD-36088?func=short-jump&jump=000051> (дата обращения: 27.03.2020).
 - 16 *Corvinus, Anton*. Výklady na Cztenij Nedělnij Antonya Korwina Praha : Bartoloměj Netolický z Netolic, 1542 // Databáze Národní knihovny ČR. URL: <https://aleph.nkp.cz/F/FBRG87VDFY5BJ4X49XJ9BPB5K4APPRUM7QYT8G8J3988GN4IKD-36088?func=short-jump&jump=000051> (дата обращения: 27.03.2020).
 - 17 Testamentowé / a neb Kssaffthowé / Dwanácti Patryarchuow Synuow Jákobowých ... [Praha] : Bartoloměj Netolický z Netolic, [před 1544] // Databáze Národní knihovny ČR. URL: https://aleph.nkp.cz/F/FBRG87VDFY5BJ4X49XJ9BPB5K4APPRUM7QYT8G8J3988GN4IKD-16339?func=full-set-set&set_number=122293&set_entry=000042&format=999 (дата обращения: 27.03.2020).
 - 18 *Rhegius, Urbanus*. Katechesis Vrbána Rhegia . Praha : Jiří Melantrich z Aventýna starší, 1547 // Databáze Národní knihovny ČR. URL: https://aleph.nkp.cz/F/DNASIV6PCLL4QHKHBLVSPY3SBRJLYDF41GKBY8TFBL41YMJHYE-47023?func=full-set-set&set_number=147963&set_entry=000186&format=999 (дата обращения: 27.03.2020).
 - 19 Bartoloměj Netolický z Netolic // *Voit P.* Encyklopedie knihy : starší knihtisk a příbuzné obory mezi polovinou 15. a počátkem 19. století, Praha 2006. URL: https://www.encyklopedieknihy.cz/index.php/Bartolom%C4%9Bj_Netolick%C3%BD_z_Netolic (дата обращения: 27.03.2020).
 - 20 *Heinrich IV von Plauen*. Przeloziená Wohrada z Němčiny na Česko / Markrabi Albrechtowi z Brandenburku odeslaná ... Praha : Jiří Melantrich z Aventýna starší, 1553, 31. Července // Databáze Národní knihovny ČR. URL: https://aleph.nkp.cz/F/6DDKPPVCREN794MB1T1BB49BLNHTQ87TTLJ6N99GBJFQISTYH9-09618?func=full-set-set&set_number=134953&set_entry=000145&format=999 (дата обращения: 27.03.2020).
 - 21 *Knobloch z Pirnssdorfu Aleš*. Pijsnie Dwie Nowé | o tom hanebném a ne Křestianskeem Trunkopolstwi ... Praha : Bartoloměj Netolický z Netolic, 1561. // Databáze Národní knihovny ČR. URL: https://aleph.nkp.cz/F/X4QTBA2J5IDEGGNRPA5JND65C9VMCG7KTQEBF4STK8F8TC88NH-49528?func=full-set-set&set_number=142278&set_entry=000031&format=999 (дата обращения: 27.03.2020).
 - 22 *Augustinus (Pseudo-Augustinus)*. Manuale. V menším městě Pražském u Bartoloměje Netolického Impressora 1562. Praha : Bartoloměj Netolický z Netolic, 1562. // Databáze Národní knihovny ČR. URL: https://aleph.nkp.cz/F/T8YSDKQMRRFUTA28637VLM2VKG2X2XQA5RGLJIGEPR3VSJM8Y1-30728?func=full-set-set&set_number=110971&set_entry=000019&format=999 (дата обращения: 27.03.2020).

Образец для цитирования:

Многолетняя Е. Н. Издательская деятельность чешского типографа XVI века Бартоломея Нетолицкого из Нетолиц // Изв. Сарат. ун-та. Нов. сер. Сер. История. Международные отношения. 2020. Т. 20, вып. 4. С. 513–516. DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2020-20-4-513-516>

Cite this article as:

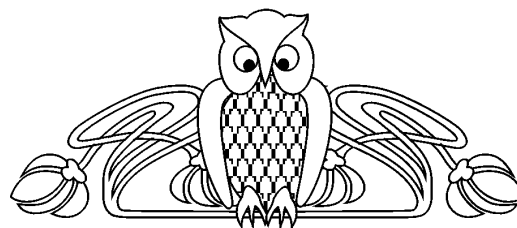
Mnogoletnyaya E. N. Publishing Activities of the 16th Century Czech Book Printer Bartholomew Netolicky of Netolic. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. History. International Relations*, 2020, vol. 20, iss. 4, pp. 513–516 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2020-20-4-513-516>

УДК (94(44).028/.029

Споры о монархии в политической мысли Франции XVI века

И. Я. Эльфонд

Эльфонд Ирина Яковлевна, доктор исторических наук, профессор кафедры дизайна архитектурной среды, Саратовский государственный технический университет имени Гагарина Ю. А., iyelfond@mail.ru

В статье рассматривается ведущая проблема политической теории во Франции XVI в. в период формирования новых доктрин. Анализируются изменения в трактовке проблемы монархии и характер связанной с ней полемики в период гражданских войн.

Ключевые слова: политическая мысль, государство, монархия, виды монархии, суверенитет.

Поступила в редакцию: 31.03.2020 / Принята: 01.07.2020 / Опубликовано: 21.12.2020

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

The Debate about the Monarchy in French Political Thought in the 16th Century

I. Ya. Elfond

Irina Ya. Elfond, <https://orcid.org/0000-0002-8665-5926>, Yury Gagarin State Technical University of Saratov, 77 Politehnicheskaja St., Saratov 410054, Russia, iyelfond@mail.ru

The paper deals with the central problem of political theory in the 16th century France during the period of the formation of new concepts. The author attempts to analyze the evolution in the interpretation of the problem of monarchy as well as the character of the discussion around the problem of the monarchy during the civic and religious wars.

Keywords: political thought, state, monarchy, forms of monarchy, sovereignty.

Received: 31.03.2020 / Accepted: 01.07.2020 / Published: 21.12.2020

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2020-20-4-517-525>

Политическая борьба во Франции периода гражданских войн XVI в. определила необходимость идейной аргументации для обоснования борьбы и поиск новых доводов. Сложившаяся доктрина конституционализма уже не соответствовала новым условиям, и идеологи всех партий стремились обосновать правомерность своей позиции. В результате бурных событий гражданских войн формировались новые политические доктрины. В эпицентре идейной борьбы оказались споры о монархии. При этом ни один автор фактически

никогда не выступал против монархии как формы государства. Защитников республиканского правления в литературе почти не встречается. Спор шел вокруг проблемы ограниченной и неограниченной монархии (и тирании), причем не столько в сфере общих проблем политической теории, сколько вокруг истории Франции.

Впервые концепция конституционализма была системно изложена в сочинении Клода де Сейсселя «Великая Французская монархия» (1516). Трактат отразил определенный уровень политического сознания общества в эпоху утверждения абсолютизма, а также характер политической идеологии эпохи. В нем выдвинут идеал государства – наследственная монархия, в которой действуют сословно-представительные учреждения, т. е. идеальное государство совпадает с реально существующим французским королевством, сословно-представительной монархией. Согласно Сейсселю власть королей во Франции исторически была ограничена тремя институтами – законом, религией, государственными учреждениями. Особое значение придавалось последним: «Третья узда, которой сдерживаются французские короли, – это учреждения и обычаи королевства, которые освящены многими веками и подтверждены длительным обычаем»¹, в силу чего они приобрели вечный и непреложный характер. Именно наличие подобных учреждений и гарантирует возникновение в обществе «добраго порядка и гармонии, существующих в отношениях между всеми слоями»².

Основной контроль согласно этой теории должны осуществлять не Генеральные штаты, а судебные учреждения, т. е. парламенты, которые и были созданы «ради укрощения абсолютной власти» короля³. Идеи конституционализма служили для определения специфики французской государственности; французское королевство рассматривалось как смешанное государство, а в его политическом устройстве присутствовали элементы аристократического и демократического правлений. Эта идея дополнялась учением о сословиях и тезисом о возможности социальной мобильности, которую обеспечивает сам факт существования смешанного государства.

Сейссель определил дальнейшее развитие политической мысли эпохи, а направление, восходившее к его концепции, стало магистральным. Все теории, связанные с ней, опирались на идею необходимости ограничения власти монарха

государственными институтами (сословно-представительными или судебными) или законом. Идеи Сейсселя становятся отправными в развитии политических доктрин периода гражданских войн XVI в. Как показала история, апология монархии была взята на вооружение идеологами абсолютизма, требование ограничения центральной власти интерпретировано и развито тираноборцами.

Заметим, что на ранних этапах войн эти воззрения пропагандировались и убежденными защитниками сложившейся политической системы. Канцлер Лопиталь был далек от критики действий и политики монархов и не клеймил их как тиранов. Тем не менее он полагал, что сословно-представительные учреждения призваны контролировать деятельность и политику государя: «Именно они удерживают государей от слишком большого обременения народа и крайней перегрузки его при введении новых налогов, осуществлении экстраординарных гигантских расходов, а также при назначении на должность судей дурных людей, передаче недостойным лицам епископств и аббатств, а также от всех других бесконечных бедствий»⁴. Отсюда и видение функций Генеральных Штатов: они не только должны контролировать власть, но и уведомлять ее обо всех бедствиях, «государь могут услышать и раз-узнуть обо всем только когда проводят Штаты»⁵. Генеральные Штаты тем самым превращаются в важнейший политический орган во Франции, от функционирования и активности которого зависит благоденствие государства. В силу этого любое выступление против Генеральных Штатов свидетельствует о политической неблагонадежности человека, о том, что он – враг народа и страны. Этими людьми, судя по всему, в представлении гуманиста оказываются королевские советники, которые мешают деятельности короля, повинуясь личным интересам.

Характерно, что отказ от проведения сословно-представительных собраний, с точки зрения Лопиталья, свидетельствует о проявлении определенных тенденций к установлению тирании, «тех, кто опасается подобных великих собраний, должно подозревать в стремлении к тирании, и их не следует считать законными государями»⁶. Тирания для Лопиталья – это отказ от сословного представительства и попытка сконцентрировать власть в одних руках. Вообще королевская власть должна быть ограничена, по его убеждению, «неконтролируемое могущество всегда низводится до уровня тирании». Ограничение же устанавливается, прежде всего, законами, даже «король не в силах ничего сделать вопреки закону»⁷. Контроль же за следованием законам и обычаям передан сословно-представительным учреждениям. Важно, что Лопиталь писал это уже в начале гражданских войн, следовательно, утверждение абсолютизма вызывало и у него подозрение в тенденциях к тирании. Это было далеко от апологетики Сейсселя. Все же канцлер стоял на охранительных

позициях. Желая сохранить учреждения, которые были освящены традицией, он преувеличивал историческое значение и политическую роль Генеральных Штатов и объективно выступал против новшества в политической жизни, которые несла в себе абсолютная монархия (преданным слугой которой канцлер в то же время оставался).

Подобные идеи использовались в дальнейшем в сочинениях историков и политических теоретиков, защитников легитимизма. Пожалуй, наиболее оригинальная интерпретация этих идей была дана в творчестве известного историка Э. Пакье⁸, который попытался создать определенный теоретический компромисс. Он полагал, что центральная власть должна быть ограничена (иначе создастся возможность для установления тирании), но проводил тезис о неограниченности власти государя, предоставленной ему Богом: «Бог дал королям полную и абсолютную власть»⁹. Вопиющее противоречие в своем учении Пакье разрешил, выдвинув идею о добровольном самоограничении власти монархов. Оно не было иницировано какими-либо учреждениями, но было следствием инициативы самих королей Франции, поскольку истинный государь не станет использовать подобный дар Бога. По его мнению, «мудрый государь передает абсолютное могущество под власть законов»¹⁰.

Эта исключительная политическая сознательность – монархи добровольно идут на ограничение прав, принадлежащих им по закону, дарованных им от Бога, – могла возникнуть, утверждал историк, только во Франции, где с давних времен сформировалась уникальная политическая ситуация, обусловленная страстью народа к свободе и справедливости. Следует заметить, что апология добровольного сужения своих прав ставила еще одну конкретную политическую цель – она обязывала к благодарности подданных, которые в этих условиях могли только выказывать покорность королю.

Короли добровольно жертвуют своим могуществом из любви к народу, во имя общественного блага, ради торжества закона, по формуле Пакье «наши короли вследствие своей природной любви к своим подданным передали свое могущество под власть законов»¹¹. Таким образом, выше короля в силу его добровольного отрешения от законных прав стоят только законы, но ни одно политическое учреждение не может претендовать на контроль над действиями монарха. Историк вступает в спор с формирующейся теорией тираноборцев и отвергает тезис о Генеральных Штатах как выразителе суверенных прав народа. Его вывод прямо направлен против тираноборцев: «Некоторые считают и настаивают на том, что собрания сословий сыграли большую роль в истории Франции, имеют очень древнее происхождение и усматривают в этих учреждениях воплощение свободы народа. Ни то, ни другое не соответствует истине»¹². Пакье подчеркивал

ограниченные возможности Генеральных Штатов и настаивал на том, что сословно-представительные учреждения служили интересам короны, а не защищали народ, тем более не ограничивали произвол королевской власти: «В нашей Франции общие ассамблеи трех сословий всегда собирались только для того, чтобы увеличить казну наших государей и сократить средства народа»¹³. Историк настаивал на ограниченной временем, пространством и правом роли сословного представительства. Не менее категоричен он и в отношении тираноборческой идеи о делегировании верховных прав народа вельможам.

На его оценках сказалось негативное отношение к политической роли французской знати в истории общества и государства; историк справедливо считал ее инициатором мятежей против короны и подстрекателем народа¹⁴. Если уж монархи сами пошли на ограничение собственных законных прав во имя блага общества, то ограничивать их могут только законы. Однако законы могут признаваться таковыми только в случае издания их монархами, попытки народа присвоить это право верховной власти, утверждает историк, достойны осуждения. По мнению гуманиста, «нельзя допустить, чтобы подданные бросали вызов государю или же диктовали ему законы»¹⁵. Взгляды Пакье обрели завершенное выражение в максиме: «Короли ограничены законами, народ повинуется королям, а король подчиняется закону»¹⁶. По мере углубления политического кризиса во Франции гуманист переходит на позиции апологетики сильной абсолютной власти короля и по сути порывает как с наследием конституционализма, так и с собственной идеей добровольного ограничения королевской власти законами.

Подлинно революционная интерпретация идей конституционализма была создана в ходе гражданских войн второй половины XVI в. теоретиками тираноборчества и популяризовалась в публицистике. Ф. Отман, Т. де Без, Ф. Дюплесси-Морнэ и многочисленные авторы памфлетов разработали традиционные идеи на новом уровне, значительно их переосмыслив. Они пришли к идее изначальной верховной власти народа, нашедшей выражение в деятельности народного представительства и выборности королей, а затем к апологетике народного суверенитета и обоснованию законности выступления против монарха, его свержения и даже убийства¹⁷.

Тем самым радикально менялась сложившаяся концепция монархии. Новое учение выглядело приблизительно следующим образом: во Франции с момента возникновения элементов государственности королевская власть была выборной, а значит ограниченной. Реальная власть принадлежала народу, делегировавшему ее своим доверенным лицам, сословному представительству (по термину Отмана, «общественному совету народа» (*publicum gentem consilium*)). На этой основе автор выстроил учение о народном суверенитете,

«верховная государственная власть в королевстве Франкогаллии принадлежала общественному совету, который в более поздние времена стал называться собранием трех сословий»¹⁸.

Таким образом, во Франции с незапамятных времен существовала только выборная монархия, а наследственная передача власти от отца к сыну – позднейшее изобретение французских королей из династии Капетингов, преследовавшее цель сократить политические права народа. В сочинении утверждается тезис об изначальном историческом существовании ограниченной власти монарха во Франции. Сам факт возникновения монархии был связан с ее ограничением. В роли таких ограничителей выступали законы. Целая глава «Франкогаллии» (в первых изданиях она была заключительной) посвящалась анализу фундаментальных законов Франции. Автор насчитал восемь (!) законов, ограничивающих действия французских королей. К ним Отман относит, прежде всего, отсутствие для короля права распоряжения престолонаследием. Вступление на престол определено функционированием издревле установленных законов, но не наследственным правом или божественной волей: «Король держит свое королевство только благодаря мощи и могуществу непоколебимого закона королевства, которым он и призывается к этой должности»¹⁹. Король лишается права распоряжаться своим наследием по завещанию, это «никакой юридической силы не имело». Король не мог распоряжаться судьбой домена, объявленного собственностью государства, т. е. всего народа: «Ни один король не обладает правом отчуждения части своего домена без постановления общественного совета, так как домен был предоставлен королю и король пользовался им»²⁰. Король не мог назначать людей на высшие государственные должности: «Майордомы и другие высшие должностные лица не назначались королем по собственному волеизъявлению»²¹.

Среди этих законов находятся также запрет изменять систему мер и весов (не говоря о монете) и даже давать помилование осужденным преступникам, менять решение суда. Но самым существенным, вероятно, следует считать тезис о невозможности решения королями государственных дел: «королю не дозволяется единолично без власти общественного совета решать что-либо из того, что распространяется на государство в целом»²².

Тем самым в интерпретации Отмана королевская власть во Франции всегда была лишена всех функций, которые в представлении современников определяли ее как верховную власть (Боден все эти права квалифицировал как признаки суверенитета). Естественно, при установлении подобных ограничений в деле управления она лишается сакральности и трактуется как чисто исполнительная: «Эта царская власть, похоже, представляла собой нечто вроде постоянной магистратуры»²³. Король, таким образом, пре-

вращается в чиновника, рядовое должностное лицо, подотчетное некоему верховному органу, по сути измышленному Отманом. Власть монарха ограничена не только законами, но и политическими органами. К таковым он причисляет в первую очередь «общественный совет народа». Данное понятие Отман применяет и к народному собранию эпохи родового общества, и к собраниям знати в эпоху Каролингов, и к сословному представительству. Обозначенному органу якобы принадлежит высшая власть, «вся власть в управлении королевством явно принадлежала общественному совету»²⁴.

Сам факт возникновения этого всемогущего согласно Отману органа, сочетающего законодательные и исполнительные функции, автор связывает с консервацией традиций древней Галлии: «Свободная и древняя Галлия управлялась собранием избранных людей»²⁵. Совет должен включать лиц высокого социального статуса (что говорит о политических симпатиях автора); по его мнению (подкрепленному ссылкой на Платона), «царскую власть следует контролировать с помощью знати и выдающихся людей, которым народ доверил могущество, дабы те осуществляли то, что может быть нами определено как обуздание власти». В противном случае, повторяет автор мысль, уже ставшую политическим штампом, она превращается в тиранию. Тирания как форма единовластия понималась не как захват высшей власти, а как результат разложения легитимной монархии.

Подобное превращение и установление тирании для Франции исключено в силу ее приверженности свободе. Отман декларирует: «Наши предки поистине являлись франками и подлинными стражами свободы, не ставили себя под власть какого-либо тирана или палача, который мог бы относиться к своим гражданам так, как если бы они являлись скотом; скорее они ненавидели всякую тиранию и в особенности господство любого тирана по турецкому образцу»²⁶. А потому все древнейшие институты и порядки во Франции были установлены исключительно для ограничения власти короля и воплощения принципа народовластия: «Во Франции королями становились согласно определенным законам, и короли не утверждались подобно тиранам при неограниченной власти и при необузданной совести»²⁷, и «становились королями по согласию и избранию народа, а не по праву наследования»²⁸. Тем самым отрицалось существование наследственного принципа передачи короны, монархия лишалась одной из своих важнейших основ. Все это служило опровержению наследственной власти: «Королевства не были наследственными, но передавались по воле народа, короли не пользовались неограниченной свободой, но находились под контролем особых законов»²⁹. Выборность монархии доказывала суверенитет народа: «Верховная власть как в том, чтобы передавать

королевство, так и в том, чтобы его забирать, принадлежала собранию народа и общественному совету народа»³⁰.

Уже сам приход к власти означал серьезные ограничения власти государя; тот, кто предоставлял власть, тот и контролировал ее. А в случае недовольства народа правлением монарха его власть можно было законно отнять столь же волевым решением. Ведь право избрания означало и право низложения: «Поскольку у народа и его представительных учреждений имеется право избирать и возводить на трон царей, то следует считать, что собрание сословий наделено также высшей властью и низлагать королей»³¹. Власть монарха оказывалась под полным контролем.

Отман утверждал, что главным политическим принципом и основой французского государства являлось подчинение королевской власти народу. Он доказывал, что существовала супрематия власти народа, что проявлялось в деятельности штатов. Короли покорно склонялись перед этим порядком: «На протяжении более чем пятисот пятидесяти лет суд и решение всех важных дел принадлежали собранию народа, или как мы выражаемся теперь, собранию сословий или штатов»³². Этот порядок существовал с древнейших времен: «Наши предки при создании государства установили, что оно будет управляться общим собранием всех сословий»³³.

Ограничение власти короля связано также с тем, что все важнейшие государственные дела Отман объявляет вне сферы его компетенции, их «не могли решать никакие государственные ведомства или учреждения, за исключением совета сословий или их представителей»³⁴. Эти ничем не доказанные тезисы подводили читателя к мысли о незаконности неограниченной власти монарха и к идее дозволенности сопротивления абсолютистским стремлениям. Такие государи объявлялись тиранами: «короли, которые пытаются подавить священную свободу своими злыми измышлениями, должны считаться не королями, но тиранами, так, словно они являются нарушителями этого права, общего для всех народов, существами, выключенными из человеческого общества»³⁵. Если принцип народовластия законен («народы не были созданы и приготовлены для королей, но скорее наоборот, короли – для народа»), то обосновано право народа на борьбу с законным монархом и на свержение такой власти, но право на борьбу получали не сословно-представительные учреждения, а знать. Тем самым легализовались феодальные мятежи против короны. Позиция озвучена ясно; знать имеет право выступить против короля.

Самое неожиданное в трактовке монархии Отманом, это тезис о существовании во Франции смешанного государства; «при учреждении королевства Франкогаллии следовали за суждением Цицерона о том, что наилучшее государство то, в котором соединены три вида правления». А три сословия «следует связывать скорее с тремя

формами государства, которые воплощены в этом совете – монархией, аристократией и демократией»³⁶.

Влияние этих идей заметно даже в том из сочинений Отмана, где он переходит на легитимистские позиции – «О праве наследования королевства Франции» (1586). В нем также утверждается необходимость подчинения королей общепринятым законам, хотя не проводится тезис о верховной власти народа. Монарх обязан соблюдать законы своего государства³⁷, законы традиционно ставятся выше государственной власти и определяются как средство обуздания королей. Нарушитель этих законов квалифицируется как тиран: «Если король выходит за рамки правил, обычаев и пределов, установленных ему, и постоянно выдает свои собственные желания за пользу народа, он – хищный тиран, жестокий и нестерпимый»³⁸. Отман усложняет идеи Сейсселя и объявляет совокупность всех имевшихся политических институтов уздой, ограничивающей власть государя. Для ее обозначения Отман ввел заимствованный у Аристотеля термин «полития»; объявив сословия источником всех институтов, обычаев и законов: «уздой, которая сдерживает королей Франции, является полития, те обычаи и многочисленные учреждения королевства, созданные сословиями»³⁹.

Даже Салический закон, который в данном трактате оценивался как основной конституционный закон страны, связывается с якобы бытовавшей в древности традицией электоральной передачи власти у франков: «Наследник владеет французской короной не благодаря тому, что получил ее от отца, а благодаря законам и обычаям этого королевства»⁴⁰. Данное сочинение интересно тем, что при попытке защитить принцип легитимизма Отман не отказывается от своих положений, выдвинутых им ранее.

Концепция монархии, предложенная Отманом, получила завершение в наиболее позднем из сочинений тираноборцев «Иске к тиранам». В нем, однако, были развиты до предела идеи, связанные с правом народа на сопротивление и свержение несправедливой власти (пусть даже законной). Анонимный памфлет, принадлежащий перу Ф. Дюплесси-Морнэ (в этом мнении сходятся теперь исследователи проблемы) еще более радикализировал идеи Отмана. Власть государя даже не просто ограничена волей народа, он окончательно превращается в должностное лицо, правда, назначенное и избранное богом ради пользы народа: «Государь – это слуга, определенный богом для блага и процветания народа»⁴¹. Источником власти объявлялся народ, именно он избирает короля, а тот просто исполняет его волю. При этом Морнэ объявляет эту ситуацию соответствующей воле Божией: «Народ учреждает королей, которым он и дает скипетр, короли обязаны своим избранием доверию народа. Бог желает, чтобы так продолжалось до тех пор, пока короли признают, что они

обязаны своей верховной властью и могуществом народу, и в то же время получили ее благодаря божьей воле»⁴².

Автор делает важный вывод: претензии монарха на неограниченную власть – это не проявление божественного права, а нарушение воли Бога. В силу этого, учит Морнэ, в борьбе с таким государем народ не просто защищает свои права, на его стороне оказывается сам Бог: «Бог чаще поддерживает народы, чем государей»⁴³. Завершаются рассуждения о правах народа и ограниченной власти короля тезисом о супрематии власти народа. По мнению Морнэ, «король становится государем по решению народа и во имя любви к народу, что же странного в том, что мы сделаем вывод о том, что народ выше государя»⁴⁴. Власть короля априорно ограничена в силу своего происхождения, суверенитета народа и воли бога. Негодного же слугу общества правомерно и законно устранить. Идеи «Иска к тиранам» завершают долгий путь развития концепции монархии во Франции XVI в. и демонстрируют не только радикализацию ее, но и связь со средневековыми политическими представлениями.

Теории тираноборцев вызвали серьезные опасения у защитников абсолютизма. Это проявлялось уже у Э. Пакье, и именно данный аспект приобретает особую важность в величайшем труде эпохи по политической теории – трактате «О государстве» Ж. Бодена, который рассматривает теорию государства комплексно, но, судя по некоторым признакам, особое внимание его привлекают именно те моменты, которые могут опровергнуть взгляды тираноборцев. Неслучайно он объяснял само обращение к этому трактату необходимостью опровержения тезисов тираноборцев (и Макиавелли), пресечения вредных, по его мнению, идей, которые расшатывают государство и могут привести к его гибели. Эту позицию Ж. Боден изложил в предисловии к трактату и неоднократно повторял, призывая читателей не следовать соблазну, «не останавливаясь на прекрасных речах тех, кто хочет заставить подданных думать, будто необходимо подчинить монархов народу, и сделать так, чтобы подданные давали закон своему государю, принимая во внимание, что это несет гибель не только монархиям, [но] и подданным»⁴⁵. Ж. Боден объявляет преступными, провоцирующими мятежи и революции публикации тираноборческих трактатов: «С помощью этого способа готовят восстания, дабы изменить правильно управляемую монархию и перевернуть все вверх дном». Неслучайно Боден пишет свой трактат на французском языке, чтобы сделать его более доступным для широкого читателя.

Внимание автора большей части книг трактата сконцентрировано на проблемах, связанных с монархией. Боден не зря считается создателем абсолютистской теории. Теория суверенитета (важнейший вклад автора в историю политических учений) также служит защите и апологии

монархии. Он объявляет неделимость суверенитета и опровергает теорию смешанного государства. Боден осуждает ошибки политических мыслителей прошлого, утверждая, что суверенитет неделим, смешанное государство не может существовать: «Если суверенитет по самой своей природе неделим, как может он быть предоставлен государю, сеньорам и народу одновременно». Исторический опыт человечества доказал, что «совмещать монархию с демократическим государством или с аристократическим владычеством – это вещь невозможная, неосуществимая в действительности, даже нельзя вообразить подобное»⁴⁶. Именно в связи с этой теорией Боден полемизирует с тираноборцами: «Иные пишут, что французское королевство сочетает все три формы государства – парламент представляет аристократию, Генеральные Штаты – демократию, а король – монархию»⁴⁷. Это – прямой выпад против учения о народном суверенитете: «Нет никакого народного суверенитета в собрании трех сословий, которое существует в данном королевстве»⁴⁸. Он заявляет, что такая пропаганда во Франции является уголовным преступлением. Если Пакье полемизирует, то Боден выдвигает политические обвинения. Опровержение теории смешанного государства опровергало трактовку тираноборцев сущности монархии.

Боден допускал только три вида государства; суверенитет в монархии может принадлежать только государю. Ни о разделении его, ни о делегировании речи идти не может: «Имя царя может относиться лишь к тому, кто является абсолютным сувереном»⁴⁹. Защищая традиционное французское государство, Боден вступает в полемику с античными авторами, даже с Аристотелем, отвергая его определение монарха, поскольку оно включает в себя согласие подданных и тезис о том, что государь становится тираном, если правит против воли своих подданных. По мнению Бодена, «подобные дефиниции не просто безосновательны, но они еще и опасны». Естественно, что он вынужден обратиться к проблеме тирании, и вводит классификацию монархий, которые различаются по характеру правления, «существуют только три варианта – деспотическая, царственная монархия и тирания»⁵⁰. Однако все «они не являются разными государствами, и деление относится к различиям в управлении монархией»⁵¹.

Анализ этих трех видов показателен. Деспотическая (Боден переводит термин Аристотеля как «сеньориальная») монархия является первой формой государства, ее «не следует называть тиранией»⁵², хотя основана она на насилии. Такое государство не могло утвердиться в Европе из-за свободолюбивой природы народов Европы и сохраняется лишь у татар и в Московском государстве. Исторический опыт доказал неизбежность быстрого падения тирании и прочность древнейших монархических государств: тирании быстро приходят к гибели, а деспотические монархии

(в особенности обширные) доказали прочность своего существования. Самое важное, что этот древнейший вариант единовластия эволюционировал благодаря процессу цивилизации общества: «Государи и народы постепенно смягчались человечностью, и добрыми законами, так что сохранили лишь образ деспотической монархии»⁵³. Странная терпимость к деспотии вызвана, возможно, попыткой опровергнуть тезис Аристотеля, что первые цари героических эпох избирались народом. Эволюция состояла в том, что деспотический монарх мог изменить характер правления и тогда «перестает быть владыкой и становится царем, а деспотическую монархию превращает в царственную»⁵⁴. К тирании же Боден относится не лучше прочих, подчеркивая ее неизбежный крах: «Тираническая монархия – наиболее слабая среди всех государств, так как она сохраняется и питается исключительно жестокостью, злодействами; и, тем не менее, можно видеть, что ей приходит конец в результате бунта и гражданских войн»⁵⁵. Именно в этой связи впервые гибель государства в форме единовластия связывается с мятежами и гражданскими войнами. Неслучайно большая часть четвертой книги посвящена причинам революции или переворота, среди которых основное место занимают социальные конфликты.

Поэтому в правильно организованной монархии «подданные обязаны повиноваться царственному монарху, дабы показать, что верховная власть заключается только в суверенном государе, а сам монарх – подчиняться законам природы». Царственная монархия характеризуется торжеством законов, в итоге возникает социальная гармония: «Закон становится для обеих сторон повелителем; он соединяет узами взаимной дружбы подданных между собой и со своим государем, обеспечивает повиновение подданных по отношению к государю, а отсюда проистекает сладчайшая и нежная гармония, тех и других и всех вместе с монархом»⁵⁶.

Основное внимание в своем трактате Боден уделяет прославлению царственной монархии, для которой, по его мнению, характерно, что государь приходит к власти легитимно, следует законам природы, «сохраняя за каждым из подданных естественную свободу и собственность на имущество»⁵⁷. При этих условиях подданные обязаны подчиняться безоговорочно, независимо от способа прихода к власти, поскольку «высшая власть воплощена только в суверенном государе»⁵⁸. Оговорка не случайна, поскольку политика правителя может различаться: «Один и тот же государь может вести себя как деспот по отношению к одним подданным, как царь – к другим, и как тиран – к прочим»⁵⁹. Таким образом он объясняет возможность гражданских войн и связывает с этим появление антимонархической пропаганды, «печатных книг, согласно которым подданные могут по справедливости взять в руки оружие против своего государя-тирана, и предать его смерти»⁶⁰.

Позиция Бодена выражена предельно ясно: «Подданный никогда не может покушаться на своего суверенного государя, даже если он – злобный и жестокий тиран»⁶¹. Наиболее четко его оценки монархии излагаются в шестой книге трактата. Боден сравнивает преимущества и недостатки разных государств, но если демократию решительно осуждает, в отношении аристократической республики ограничивается доводами за и против, то монархию восхваляет, открыто заявляя, что «чистая и абсолютная монархия является самым надежным государством и без сравнения лучшим из всех»⁶². Более того, он объявляет монархию формой организации общества, наиболее соответствующей мировому порядку: «Все законы природы нас ведут к монархии», приводя длинный список сторонников мнения, что монархия является наилучшим государством. К этому выводу приводит и исторический опыт: «Народы обнаружили благодаря опыту многих столетий, что монархия является более надежной, более полезной и более продолжительной формой государства, чем аристократия или демократия»⁶³. Однако не всегда она является совершенной: «Мало сказать, что царственная монархия лучше демократического или аристократического государства, если только при этом не добавить, что монархия должна передаваться нераздельной и по праву наследования по мужской линии к наиболее близкому родственнику». По его мнению, «среди монархий наиболее прекрасной является царственная монархия, и лучше, если она будет передаваться по наследственному праву, а не путем выборов». Именно к этому пришли разные народы, и в результате «наследственные монархии были установлены почти во всем мире»⁶⁴. Боден выступает сторонником наследственной монархии, которая «является в большей мере достойной похвал и более стабильной, чем остальные, которые передаются по жребию или согласно выбору или даже потомку по мужской линии, но не самому близкому или даже самому близкому, но являющемуся потомком по материнской линии, или даже тому, кто наиболее близок по мужской линии, но не должен разделять с другими родичами все государство, или его часть»⁶⁵.

Впоследствии Боден защищает французские фундаментальные законы, поэтому лучшими монархиями «являются те, которые основывались на праве наследования по мужской линии ближайшим родственником», прежде всего по принципу примогенитуры, соответствующему законам природы.

Таким образом, «правильная монархия» у Бодена, по сути, соответствует исторически сложившейся во Франции монархии и это учение является опровержением теории тираноборцев. Боден не просто протестует против права элекции, это прямая полемика с тираноборцами. В подтексте лежит осмысление событий граждан-

ских войн, страх перед будущим: «Если желали нарушить и осквернить этот естественный закон, всегда за этим следовали великие беды и гражданские войны»⁶⁶.

Боден явно выступает против электоральной монархии как основы учения тираноборцев. По его мнению, выборность правителя приводит к катастрофам: «Во всех выборных монархиях государство оказывается в чистой анархии, без царя, без правителя или регулярного правления, и находится под угрозой опасности разрушения»⁶⁷. Это приводит к распрям и борьбе в обществе: «Если монархия упадет в хаос, каждый пожелает надеяться на трон и... невозможно избежать того, чтобы возникли большие партии, а они расколуют подданных и превратят их в чьих-то сторонников»⁶⁸. Борьба за избрание может привести к чужеземному вторжению, он напоминает, чем обернулось право элекции для Венгрии: «Венгерский народ, чтобы сохранить право избрания наместника, попал в вечное рабство у государя, утратив не только право избрания, но также поставив в зависимость от случая потерю своих законов и религии»⁶⁹.

Отсюда и защита абсолютной монархии: «В правильно организованном государстве должно быть установлено, что суверенная власть принадлежит только одному человеку, без участия штатов или власти давать ему закон»⁷⁰. Возможно, отсюда проистекает все более усиливающееся негативное отношение к демократии как к худшему виду государства, причем она оказывается в числе незаконных форм государства: «Среди трех законных форм государства, правовая монархия является наилучшей, а среди незаконных форм государства наиболее порочной является демократия»⁷¹. Только в одном вопросе Боден согласен с тираноборцами: недопустим переход короны к женщине, так как это ведет к раздорам внутри государства либо к приходу к власти чужеземцев.

Тем не менее Боден отмечает слабость единовластия: «Суверенитет несет в себе такое несчастье, что часто даже мудрые превращаются в безумцев, отважные становятся трусами, а добрые – злыми»⁷². Так как хороших людей вообще меньше, чем дурных, «нечего удивляться тому, что мало было добродетельных государей. А потому просто великое чудо, если среди многих находится один превосходный правитель»⁷³. Боден не идеализирует правителей, сама природа неограниченной власти способствует растлению людей: «Он превратился после того как вкусил высшей власти в самого отвратительного тирана... погряз в жестокости и грязных пороках»⁷⁴. Личность государя во многом определяет судьбы монархии: «Если государь является хитрым и злым, то он устанавливает тиранию, если он жесток, то он устраивает в государстве бойню, если он развратен, то превращает его в бордель, или то и другое вместе; если скуп, то сострижет

шерсть и сдерет шкуру с подданных, если он расточителен, то высосет кровь и мозг»⁷⁵. Самое худшее, если государь будет дураком и неучем. При этом Боден отмечает, что лучше жестокость, чем прекраснотушие, государь обязан «привести к повиновению мятежный народ»⁷⁶. Но должно строго караться выступление против законного государя и призывы к нему.

Трактовку монархии как наилучшей формы государства Боден обосновал также учением о распределительной, уравнивательной и гармонической справедливости: «Нельзя только декларировать, что монархическое государство является превосходнейшим, если при этом также не показать, что его следует умерять при помощи аристократического и демократического управления, то есть с помощью гармонической справедливости»⁷⁷. Все рассуждения по этому поводу сводятся к одному выводу, завершающему огромный трактат: при легитимной монархии утверждается гармоническая справедливость и «возникает приятная гармония всех подданных между собой и всех вместе – с суверенным государем».

Вся концепция монархии Бодена (при гораздо более широком рассмотрении проблемы) является ответом на теорию тираноборчества и попыткой полностью опровергнуть эту теорию. На основании опыта самых различных государств (даже Азии и Африки) он доказывает, что наличие правильно организованной монархии предотвращает угрозу социальных конфликтов, гражданских войн и переворотов в государстве, их гибели.

Споры о монархии подводили итог развития политической мысли эпохи и отвечали актуальным политическим запросам. Тираноборцы, опираясь на идею ограничения власти правителя, выстроили новую политическую доктрину, порожденную оппозицией абсолютизму. Именно в связи с трактовкой проблемы единовластия ими были провозглашены учения о правах народа и сословий, важнейшей роли сословного представительства и как результата – положения о супрематии власти народа, народном суверенитете и народном договоре. В решении проблемы монархии идеологи тираноборчества пошли еще дальше, позитивно решив вопрос о законности сопротивления правителю и провозгласив право на восстание против власти монарха. Иной путь был у защитников центральной власти: они вынуждены были порвать с конституционализмом и пропагандировать учение о суверенитете и о божественном праве государей. Эти споры определялись необходимостью обоснования политической борьбы, но по мере углубления противостояния в стране все большее значение приобретают легитимистские концепции, защита уже сложившейся политической формы организации общества как средства не только стабилизировать положение дел, но и сохранить независимое французское государство.

Примечания

- ¹ *Seyssel C. de*. La Monarchie de France. Paris, 1961. P. 113.
- ² *Ibid.* P. 117.
- ³ *Keohane N.* Claude de Seyssel and Sixteenth century constitutionalism // *Constitutionalism*. New York, 1979. P. 98–150.
- ⁴ *L'Hospital M. de*. Harangue du Chancillier M. de L'Hospital sur le budget du XVI siècle dans l'assemblée des Estats Generaux. Paris, 1829. P. 3.
- ⁵ *Ibid.*
- ⁶ *Ibid.*
- ⁷ *Ibid.* P. 6.
- ⁸ См. : *Эльфонд И. Я.* Кабинетный ученый и бури гражданских войн // *Человек XVI столетия* / под ред. А. А. Сванидзе и В. А. Ведюшкина. М. : ИВИ РАН, 2000. С. 72–82.
- ⁹ *Pasquier E.* Les Recherches de la France. Paris, 1643. P. 182.
- ¹⁰ *Pasquier E.* Les lettres : in 2 vols. Paris, 1619. Vol. 1. P. 82.
- ¹¹ *Ibid.* P. 525.
- ¹² *Pasquier E.* Les Recherches de la France. P. 82.
- ¹³ *Ibid.*
- ¹⁴ *Ibid.* P. 90.
- ¹⁵ *Pasquier E.* Les lettres : in 2 vols. Paris, 1619. Vol. 2. P. 353.
- ¹⁶ *Pasquier E.* Les Recherches de la France. P. 1000.
- ¹⁷ См., напр. : *Testoni Binetti S.* Il pensiero politico ugonotto. Dalla studia della storia all' ideas di contratto. 1572–1579. Firenze, 2002.
- ¹⁸ *Hotman F.* Francogallia. Cambridge, 1972. P. 290.
- ¹⁹ *Ibid.* P. 466.
- ²⁰ *Ibid.* P. 472.
- ²¹ *Ibid.* P. 350.
- ²² *Ibid.* P. 459.
- ²³ *Ibid.* P. 154.
- ²⁴ *Ibid.* P. 342.
- ²⁵ *Ibid.* P. 302.
- ²⁶ *Ibid.* P. 342.
- ²⁷ *Ibid.* P. 236.
- ²⁸ *Ibid.*
- ²⁹ *Ibid.* P. 154.
- ³⁰ *Ibid.*
- ³¹ *Ibid.* P. 234.
- ³² *Ibid.* P. 394.
- ³³ *Ibid.* P. 302.
- ³⁴ *Ibid.* P. 350.
- ³⁵ *Ibid.* P. 316.
- ³⁶ *Ibid.*
- ³⁷ *Hotman F.* De jure successionis regiae in regno Francorum. S. L., 1588. P. 4.
- ³⁸ *Ibid.* P. 4–5.
- ³⁹ *Ibid.* P. 4.
- ⁴⁰ *Ibid.* P. 16.
- ⁴¹ *Du puissance legitime du prince sur le peuple et le peuple sur le prince.* S. L., 1581. P. 95.
- ⁴² *Ibid.* P. 96.

- ⁴³ Du puissance legitime du prince sur le peuple et le peuple sur le prince. P. 56.
- ⁴⁴ Ibid. P. 95.
- ⁴⁵ Bodin J. De la Republique les six livres. Lyon, 1580. P. 670.
- ⁴⁶ Ibid. P. 177.
- ⁴⁷ Ibid.
- ⁴⁸ Ibid.
- ⁴⁹ Ibid. P. 198.
- ⁵⁰ Ibid. P. 197.
- ⁵¹ Ibid. P. 189.
- ⁵² Ibid. P. 191.
- ⁵³ Ibid. P. 192.
- ⁵⁴ Ibid. P. 194.
- ⁵⁵ Ibid. P. 442.
- ⁵⁶ Ibid. P. 195.
- ⁵⁷ Ibid. P. 194.
- ⁵⁸ Ibid.
- ⁵⁹ Ibid. P. 201.
- ⁶⁰ Ibid. P. 212.
- ⁶¹ Ibid. P. 213.
- ⁶² Ibid. P. 673.
- ⁶³ Ibid. P. 356.
- ⁶⁴ Ibid. P. 357.
- ⁶⁵ Ibid.
- ⁶⁶ Ibid. P. 690.
- ⁶⁷ Ibid. P. 681.
- ⁶⁸ Ibid.
- ⁶⁹ Ibid. P. 684.
- ⁷⁰ Ibid. P. 677.
- ⁷¹ Ibid
- ⁷² Ibid. P. 670.
- ⁷³ Ibid.
- ⁷⁴ Ibid. P. 361.
- ⁷⁵ Ibid.
- ⁷⁶ Ibid. P. 452.
- ⁷⁷ Ibid. P. 706.

Образец для цитирования:

Эльфонд И. Я. Споры о монархии в политической мысли Франции XVI века // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. История. Международные отношения. 2020. Т. 20, вып. 4. С. 517–527. DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2020-20-4-517-525>

Cite this article as:

Elfond I. Ya. The Debate about the Monarchy in French Political Thought in the 16th Century. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. History. International Relations*, 2020, vol. 20, iss. 4, pp. 517–525 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2020-20-4-517-525>

УДК 94(420).07

Даниэль Дефо и становление криминальной биографии в XVIII столетии («Правдивое и подлинное описание жизни и деяний Джонатана Уайлда», 1725)

И. М. Эрлихсон

Эрлихсон Ирина Марииковна, доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей истории и международных отношений, Рязанский государственный университет имени С. А. Есенина, профессор кафедры социальной психологии и социальной работы; Академия ФСИН России, Рязань, i.erlihsn@365.rsu.edu.ru

В статье рассматривается проблема становления криминальной биографии как одной из форм интерпретации событийной истории. На примере биографии знаменитого лондонского преступника Джонатана Уайлда за авторством Д. Дефо показано, как события жизни реального исторического персонажа трансформировались в миф, обретший самостоятельную жизнь в коллективном сознании и отразившийся в сферах художественной культуры в течение последующих столетий. На протяжении повествования писатель структурирует факты таким образом, что читатель приходит к выводу о закономерности трагической судьбы своего героя. Впоследствии этот текст стал выполнять функцию ресурса для дискурсов и репрезентаций образа Уайлда, который прочно вошел в архив лондонской криминальной мифологии.

Ключевые слова: Д. Дефо, Дж. Уайлд, XVIII век, Англия, преступление, криминальная биография.

Поступила в редакцию: 21.03.2020 / Принята: 01.07.2020 / Опубликована: 21.12.2020

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

Daniel Defoe and Criminal Biography Establishment in the 18th Century (“The True and Genuine Account of the Life and Actions of the Late Jonathan Wild, not Made up of Fiction and Fable, but Taken from his Own Mouth, and Collected from Papers of his Own Writing”, 1725)

I. M. Erlihson

Irina M. Erlihson, <https://orcid.org/0000-0002-4619-1354>, Ryazan State University named for S. A. Yesenin, 46 Svoboda St., Ryazan 390000, Russia; Academy of the FPS of Russia, 1 Sennaya St., Ryazan 390000, Russia, i.erlihsn@365.rsu.edu.ru

The author investigates the problem of a criminal biography establishment as a form of event history interpretation. On the example of the famous London criminal Jonathan Wilde's biography by D. Defoe we show how a real historical character life was being transformed into a myth that gained independent life in the collective consciousness and reflected in different spheres of artistic culture over the next centuries. Throughout the paper the writer structures the facts, leading the reader to the logical conclusion about the hero's tragic fate. This text began to serve as a resource for subsequent discourses and repre-

sentations of Wild's image, who firmly entered the archive of London criminal mythology.

Keywords: D. Defoe, J. Wild, 18th Century, England, crime, criminal biography.

Received: 21.03.2020 / Accepted: 01.07.2020 / Published: 21.12.2020

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2020-20-4-526-534>

В XVIII столетии Англия столкнулась с прогрессирующим ростом преступности, который озадачивал и панически пугал просвещённую общественность. Наиболее остро эта проблема стояла в Лондоне, одном из самых населённых европейских мегаполисов. Начавшаяся во второй половине XVI в. массовая миграция в столицу Англии вкупе с устойчивым демографическим ростом привела к изменениям в географии Лондона, который в описываемый период выплеснулся далеко за границы старинных стен Сити, трансформация культуры потребления и усложнение экономической жизни – все это стало питательным субстратом для криминализации городской жизни. Когда в 1717 г. Э. Хемминг потерял патент на установку на столичных улицах фонарей (фонари представляли собой лампы из толстого стекла, в качестве топлива использовались растительные масла и китовый жир), лондонская преступность более чем на три десятилетия погрузилась в кровавый мрак во всех смыслах. «Респектабельные буржуа превращали свои дома в неприступные цитадели с “гарнизонами” слуг и выходили вооружёнными до зубов на сумрачные улицы, кишевшие бесчисленными лежбищами и притонами, в которых розыск преступников был столь же затруднителен, как и поиск иголки в стоге сена»¹.

По свидетельству Р. Уорда, «к началу второй четверти XVIII в. перед судом Олд-Бейли (*англ.* Old Bailey – традиционное название английского центрального уголовного суда по тяжким и другим преступлениям, вызвавшим широкий общественный резонанс) каждый год представало около 500 человек, в то время как в соседних относительно плотно населённых графствах Эссексе и Суррей количество осуждённых не превышало и ста человек в год. Была и еще одна особенность. В Лондоне приговоры выносились, в основном, за тяжёлые преступления, связанные с покушением на чужое имущество, такие как кражи со взломом и вооружённый разбой, а также убийства»².

Отечественный историк права А. Кистяковский в диссертации, посвященной смертной казни, приводит следующие данные: в Лондоне с 1749 по 1772 г. было приговорено к смертной казни 1 тыс. 121 чел.³, а, по подсчетам британского историка В. Гэтрелла, в Англии в период между 1780 и 1830 гг. к смертной казни были приговорены 35 тыс. чел.⁴.

В XVIII в. преступление настолько прочно интегрировалось в жизнь англичан, что стало неотъемлемым элементом социокультурной реальности. Прямые и косвенные свидетельства эскалации преступности содержатся в самых разнообразных источниках – периодических изданиях, мемуарах и дневниках современников, отчетах о судебных процессах Олд-Бейли, Ньюгейтских календарях, художественных произведениях. К XVIII столетию относится зарождение криминальной биографии, позиционирующей себя как молодой агрессивный жанр с растущей популярностью среди читателей и естественной тенденцией поглощать более старые и примитивные формы – народные сказки, баллады, журналистские заметки, стенограммы судебных заседаний, «кистинные признания» и «благочестивые проповеди», привнося в изложение большую человеческую глубину, историческую точность и достоверность. Это была настоящая литературная революция. В новой биографии был представлен материал о состоянии человека – без социального статуса, образования, состояния – но тем не менее обладающего яркой индивидуальностью с неординарной душевной организацией, что и стало достаточным основанием для того, чтобы его сочли достойным запечатлеть в вечности.

Становление криминальной биографии неразрывно связано с именем Даниэля Дефо, чья гениальная способность идентифицировать себя со своими персонажами вкупе с анонимным авторством стирала грань между истиной и художественным вымыслом. По справедливому утверждению Лесли Стивена, «Дефо, если изъясняться на языке “Тысячи и одной ночи”, был дарован язык, который буквально гипнотизировал слушателей, заставляя верить каждому слову. Талант, служивший своему обладателю лучше острых мечей, плащей-невидимок и прочей волшебной атрибутики. Иными словами, он удивительным образом придавал правдоподобие своим рассказам, даже если в них не было ничего кроме лжи»⁵. Естественно, следует учитывать немаловажное обстоятельство, что если Дефо что-то и «выдумывал», то только то, что соотносилось с миром его современников, потенциальных читателей.

В июне 1725 г. Дефо публикует «Правдивое и подлинное описание жизни и деяний Джонатана Уайлда», где была представлена биография легендарного “короля” лондонского преступного дна. Он нес личную ответственность за поимку и казнь более 120 преступников с тех пор как начал свою деятельность в 1714 г., и накопил целое

состояние за счет наградных денег. Джонатан Уайлд также эффективно руководил организацией по отслеживанию и возвращению похищенной собственности. Говорили, что он может вернуть все, будь то бриллиантовое кольцо или целая партия фламандских кружев. «Его энциклопедическая осведомленность о том, что происходило в лондонском криминальном мире, способность узнавать, кто именно украл ту или иную вещь в сочетании с тем обстоятельством, что он сам организовывал банды и распределял их по районам, его понимание преступной мотивации делали его исключительно опасным в амплуа “воролова”»⁶.

24 мая 1725 г. Уайлд был казнен по обвинению в скупке и перепродаже краденых товаров. Полубесчувственного в состоянии наркотического транса, его погрузили в телегу и доставили в Тайберн к месту казни. Подобная манера поведения на эшафоте явно не могла найти сочувственный отклик в толпе, которая в значительной степени состояла из представителей лондонского воровского братства, более 14 лет находившегося под железной пятой Уайлда. В бывшего короля лондонского преступного дна летели камни и куски грязи, а толпа, обычно симпатизирующая несчастным жертвам правосудия, исходила проклятиями и гневными воплями и чуть не разорвала в клочья замешкавшегося палача, требуя привести приговор в исполнение без секунды промедления.

Здесь надо отметить, что первое упоминание Дефо об Уайлде встречается в заметке от 9 декабря 1721 г., в которой сообщалось об участившихся случаях ограбления карет. В 1724 г. Дефо неоднократно называл его имя в статьях о побегах Джона Шеппарда (1702–1724), знаменитого английского преступника XVIII в., прославившегося своими дерзкими преступлениями, беспрецедентными побегами из Ньюгейтской тюрьмы, а также абсолютным пренебрежением к закону. Д. Дефо посвятил ему два биографических очерка ([Defoe D.] The history of the remarkable life of John Sheppard. London, 1724; Defoe D. A narrative of all the robberies, escapes etc. of John Sheppard. London, 1724). Спустя 5 дней после его казни (29 мая 1725 г.) увидела свет статья Дефо «Казнь Джонатана Уайлда». Дж. Шеппарди и Дж. Уайлд как герои лондонской криминальной мифологии традиционно противопоставляются друг другу, что нашло отражение в различных сферах художественного творчества.

«Истинное и подлинное повествование о Джонатане Уайлде» отличается строгостью тона, в котором явственно звучит голос самого Дефо – шестидесятилетнего гражданина Лондона, семьянина, опытного литератора, блестящего знатока человеческого характера. Он полностью отвергает насмешливо-ироничный ньюгейтский стиль изложения, подчеркивая моральную ценность строгой биографической правды. «Этот трактат предназначен не для тех, кто жаждет пустых развлечений, а тех, кто желает составить

истинное представление о природе событий и вещей, и умеет отличать правду от вымысла...»⁷. Как высокопарно декларирует Дефо, он не собирается делать из жизни героя забавную историю, ибо она сама по себе является трагедией.

Преступная карьера Уайлда не вписывалась в классическую карьеру «тайбернского висельника», что создавало определенные сложности его биографам. «Обычно из подобного рода жизнеописаний легко выводилась мораль, гласящая, что праздность и безответственность ведут к нравственному разложению, а затем и к преступлению, и потому лучшая линия поведения – честность и следование букве закона. В истории Уайлда было непонятно, в чем состояла мораль, и была ли она вообще... Поэтому тайбернские журналисты прилагали массу усилий, чтобы разместить картину его деятельности в прокрустово ложе современной им идеологии преступления»⁸.

Необходимо отметить, что журналистика того времени руководствовалась очень свободными стандартами фактической точности изложения и потому трудно установить, чем была обусловлена недостоверность – злонамеренным искажением или следствием авторской небрежности. Так, в очерке некоего Уэйли (Weighley) Джонатан Уайлд был представлен как рядовой вор, якобы приобщившийся к нелегальной деятельности еще в родном Вулверхэмптоне в 1704–1705 гг., хотя официально зарегистрированных преступных эпизодов до 1709 г. не имелось. Потому Дефо во введении откровенно сетует на то, что нет ни одной напечатанной истории об Уайлде, куда не были бы вкраплены частицы лжи, которой его недобросовестные коллеги с Граб-стрит декорируют неудобные факты. «Я хотел представить свой скромный труд на суд публики еще раньше, но боялся, что его разберут по частям писаки с Граб-стрит, которые печатают без разбора все то, что принесет им хотя бы один пенни»⁹. А. В. Подгорский, объясняя не свойственную Дефо нерасторопность, отмечает, что «писатель не просто задерживал публикацию, а накапливал материал, осмысливал его»¹⁰.

Уже с первых страниц Дефо, обычно снисходительный к людским слабостям, не щадит своего героя, хотя, как ни парадоксально, делает это с оттенком восхищения. «История этого злосчастного негодяя полна событиями слишком нетривиальными, чтобы уместить их в этот трактат, потому мы вынуждены сократить их и осветить самые значимые этапы его жизни. А жизнь его – исключительное явление, поведение неподражаемо, а профессиональная деятельность настолько необычна, что должна умереть вместе с ним. Каждое его деяние преступно и заслуживает виселицы. Защищая одних преступников и выдавая других, он одновременно содействовал общественному благу и попирает его. Звериная жестокость характера помогала ему расправляться с самыми опасными бандами, она же заставляла

его совершать дерзкие и опрометчивые поступки, которые и стали причиной его падения. Нет такого злодеяния, которое бы не совершил Джонатан Уайлд за шестнадцать лет своего безраздельного и не имеющего аналогов правления»¹¹. Такая выразительная и емкая преамбула в сжатом виде передает квинтэссенцию фактов, излагаемых непосредственно в биографическом очерке.

Итак, Джонатан Уайлд родился в 1683 г. в городе Вулверхэмптон графства Стаффордшир в семье кровельщика и торговли фруктами и травами, в высшей степени порядочных людей. Он был обучен грамоте, служил подмастерьем в Бирмингеме, затем поступил в услужение к советнику мистеру Даниэлю и переехал с ним в Лондон в 1704 г. «Не знаем, как он исполнял свои обязанности, и проявились ли уже тогда его дурные склонности, но его уволили, после чего он вернулся в Вулверхэмптон, где некоторое время честно трудился, но быстро *утомился* и уехал в Лондон»¹².

В Лондоне Уайлд занимался производством и торговлей скобяными изделиями, но его единственная попытка заняться легальным бизнесом закончилась тем, что он оказался в долговой тюрьме Вудстрит Комптер. Как назидательно отмечает Дефо, он уже тогда не отличался умеренностью и потребности его превышали уровень дохода. Так как у Уайлда на тот момент не было ни денег, ни связей, он попал на общую сторону (Commons), блок для содержания низшего класса заключенных. Вплоть до середины XIX в. степень свободы и уровень комфорта обитателей долговой тюрьмы зависели от степени коммерциализации учреждения и уровня материального достатка для оплаты пакета «социальных услуг», предоставляемых тюремным персоналом.

Система отношений между заключенными и администрацией оттачивалась не одно столетие, причем первые, несмотря на численное превосходство и относительную свободу в условиях абсолютного произвола, крайне редко прибегали к силовым методам решения проблем. Заключенные были скорее клиентами тюремных чиновников, подчиняясь им на основе договоренности. Эта среда оказалась идеальной для проявления коммуникативных и социальных навыков Уайлда, который быстро расположил к себе администрацию «получил немало милостей со стороны хранителей тюрьмы, а среди них “свободу ворот”, как они это называют»¹³.

На Уайлда возложили обязанности следить, чтобы в окрестностях тюрьмы не было ночных инцидентов, а «вскоре обличили таким доверием, что он сопровождал охрану и мирового судью в погоне за зачинщиками и даже получал за это вознаграждение в один пенни»¹⁴. Так, на начальной ступени карьерного старта Уайлд приобщился к двум дьявольским искушениям – деньгам и власти, а вскоре к ним присоединилось и третье – в лице проститутки Мэри Миллинер. И это несмотря на

то, что у Джонатана осталась в Вулверхэмптоне жена и сын, а у Мэри не числился супруг. Подозревал ли скромный лодочник о бурной личной жизни Мэри, которая открыто сожительствовала с другим мужчиной, неизвестно, но она входит в список шести жен Уайлда под номером два. Дефо вообще интересуется сюжетом о многоженстве Уайлда, и читатель неожиданно обнаруживает, что некоторые из них были уважаемыми дамами, и, очевидно, были отданы ему. Так, его третья супруга Элизабет Мэн, «превосходная жена», была в высшей степени добропорядочной католичкой, которая, по утверждению автора, так пленила его своей набожностью и благочестием, что он завещал похоронить себя рядом с ней. Но безутешным вдовцом он оставался недолго, женившись на Саре Парин, а затем на Джудит Нан, которая родила ему дочь. Дефо подробно останавливается на последнем шестом союзе Уайлда с Мэри Дин, в девичестве Браун.

Жутковатую пикантность этой истории придает тот факт, что на момент заключения брака две бывшие жены счастливого «новобрачного» находились в добром здравии, а вот Мэри была вдовой, причем ее супруг, известный в криминальных кругах взломщик по прозвищу «Череп» был отправлен на виселицу в 1716 или 1717 г., как уверяли злые языки, не без содействия Джонатана. Впрочем, оговаривается Дефо, «я не полагаюсь на досужие сплетни, не подкрепленные солидным свидетельством»¹⁵. Примечательно, что Мэри дважды пыталась покончить с собой, когда Уайлд был приговорен к смертной казни.

Итак, Мэри Миллинер ввела Джонатана в преступный мир и вскоре он познал тонкости его устройства и специфику функционирования. Дела его пошли так хорошо, что он без сожалений расстался со своей «благодетельницей». Большая часть первой половины «Повествования» посвящена тщательному анализу блестящих методов Уайлда по возвращению украденной собственности и контролю банд по всему Лондону. «После того как в правление Вильгельма III был принят Акт о запрете скупки краденого, риски скупщиков многократно возросли, и потому они стали брать высокий процент, в том время как бедным ворах приходилось довольствоваться ничтожной долей... Воровское ремесло начало было угасать, но Уайлд изыскал возможность вдохнуть в него новую жизнь»¹⁶.

Изначально с помощью Миллинер он узнавал, какой именно дом ограблен, распоряжался отправить добычу в заранее оговоренное место, а затем выступал в роли «честного маклера», предлагал пострадавшим свое посредничество. «На Уайлда и Миллинер изливалась восторженная благодарность, и они принимали ее, сетуя, что они не смогли выявить грабителей и сдать их в руки правосудия для заслуженного наказания»¹⁷. Стремительным карьерным взлетом Уайлд был обязан тесному сотрудничеству с Чарльзом Хитченем,

занимавшим должность младшего городского маршала с 1712 г. Чарльз Хитчен собирал взятки с торговцев, торговавших без лицензии, содержателей борделей, преступников, желавших избежать ареста, а также скупал краденое, часть которого возвращал бывшим владельцам за вознаграждение. Когда Уайлд стал уничтожать преступников, работавших на Хитчена, тот попытался выступить с публичным разоблачением, но Уайлд пригрозил обнародовать информацию о гомосексуальных связях маршала, благодаря чему вывел его из игры и получил полный контроль над криминальным миром Лондона.

Дефо с тонкой иронией обыгрывает тему «ловкости» и «честности» Уайлда. Практикуя шантаж, вымогательство, запугивание, он тем не менее всегда оставался в рамках буквы закона: «К славе Джонатана должно признать, что, когда он лавировал среди скал и отмелей, он был смелым кормчим; он рисковал и всегда выходил сухим из воды; как не удавалось ни одному человеку до него...»¹⁸.

Дефо подчеркивает, что Уайлд умело использовал несовершенство английского законодательства: начиная с 1692 г., действовал закон, согласно которому за помощь в поимке и задержании преступника полагалось вознаграждение в размере 40 фунтов¹⁹. Уайлд становится «Верховным вороводителем Великобритании и Ирландии». «Как вороводитель он был энергичен, умен и храбр; он использовал разветвленную агентурную сеть и обладал недюжинными способностями сыщика... В 1720 году он раскрыл несколько известных лондонских шаек, а в 1724 году произвел самый шумевший арест. Джек Шеппард и его сообщник Блускин Блэк оказались за решеткой и были осуждены за ограбление и после нескольких неудачных побегов Шеппарда повешены в Тайберне»²⁰.

Показательно, что Дефо исследует психологический и эмоциональный фон преступной карьеры Уайлда. Базовыми в структуре его характера были такие качества, как исключительная скрупулезность и звериная жестокость. Остановимся подробнее на каждом из них. «... Уайлд был провинциальным мальчиком из Вулверхэмптона, амбициозным, контролирующим и одержимо дошным в своих привычках. Он содержал офис, как деловой человек, вел бухгалтерские книги с максимальной точностью и регулярностью. Он всегда был властным и манипулирующим»²¹. «Он был мастером, достигшим в своем ремесле невиданных высот. И бедняки, и богачи равно устремлялись к нему. Если терялась какая-то вещь по недосмотру, беспечности владельца или вине вора, мы шли к мистеру Уайлду. Насколько была ослеплена и одурочена нация, наделив его доверием, которым он столь бесстыдно злоупотреблял?», – восклицает Дефо²².

Безусловно, таланты Уайлда лежали в сфере административного менеджмента. За долгие годы

схема была отработана безупречно: его контора неподалеку от Олд-Бейли была открыта для всех, за первый визит следовало уплатить взнос в размере одной кроны, после чего Джонатан непременно задавал вопросы о месте жительства, обстоятельствах, при которых была потеряна вещь.

Во второй визит клиента уведомляли, что условия изменились и за пропавшую вещь просят больше оговоренной суммы, а Джонатан уверял, что приложит максимум усилий, чтобы сделать вора более сговорчивым. «Едва ли он мог осуществлять свои чудовищные деяния, не взаимодействуя напрямую с преступным миром, хотя сам он отрицал это, утверждая, что знакомство его было опосредованным, а получаемое вознаграждение сравнивал с гонораром стряпчего»²³. Формально все так и выглядело. Улаживая дело, Джонатан обставлял все так, чтобы складывалась иллюзия его личной материальной незаинтересованности и отсутствия личного контакта с похитителем.

Он посылал своего помощника к вору с сообщением, что «если он ему друг, то принесет украденное в определенное место и получит вознаграждение в десять гиней, а если нет, то будет сурово наказан»²⁴. Вор не видел Джонатана, потерпевший сам привозил и передавал деньги, причем вор впоследствии отчислял Уайлду более 50% от суммы, а благодарность за помощь в обретении утраченного неизменно облекалась в материальную форму, и что немаловажно, это происходило по желанию и доброй воле клиента, а не по прейскуранту. Позже из допросов станет ясно, что фантастическая осведомленность Джонатана объяснялась довольно прозаично: он сам и организовывал эти ограбления и контролировал лондонское «воровское братство», распределяя преступные элементы по кварталам, что давало ему возможность безошибочной идентификации пропавших и похитителя.

В течение нескольких лет Уайлд создавал себе репутацию исключительно честного человека, стоящего на страже закона, и преуспел в этом, впрочем, как и в искусстве манипуляций. Дефо упоминает, что он сам когда-то вынужден был прибегнуть к услугам Уайлда, когда у него украли шпагу с серебряной рукоятью на Стэрбриджской ярмарке. Насколько это соответствует истине, остается вопросом, так как, на наш взгляд, Дефо мог включить описание визита для придания достоверности своему изложению и создания эффекта сопричастности с читателями, многие из которых обращались к Уайлду за помощью в сходной ситуации. Впрочем, вещь так и не вернулась к владельцу, так как ее, судя по всему, успели сбыть с рук раньше, чем люди Уайлда обнаружили похитителя.

Источниками финансовых потоков Уайлда были доходы от «посреднической» деятельности и вознаграждение, которое он получал за сдачу

преступников государству, которое таким образом подтверждало свой статус гаранта прав и свобод граждан. Дефо высказывает опасение, что «ньюгейтские богословы могут назвать это честным способом получения денег», тем более, с формальной точки зрения все так и выглядело. «Он действовал с быстротой и сноровкой, благодаря чему получил признание и репутацию человека, стоящего на страже общественного спокойствия и способствующего отправлению правосудия»²⁵. Но Уайлд был не просто вдохновителем и организатором львиной доли преступлений, совершавшихся в Лондоне, он поддерживал процесс криминальной инициации в режиме непрерывного движения, постоянно подпитывая его свежими «кадрами». Сначала он вовлекал людей в преступную деятельность, а затем избавлялся от них, получая награду. Если кто-то не принимал его условия, бунтовал, произносил дерзкие речи, то судьба этого смельчака была предрешена.

Уайлд знал все притоны и у него было достаточно рычагов влияния на обитателей лондонского дна и, что немаловажно, в кругах Олд-Бейли. Он мог заставить главарей банд выдать непокорного властям, скорректировать свидетельские показания для того, чтобы обеспечить нужный исход судебного процесса. «Периодически он отправлял своих “клиентов” на виселицу, не забывая упомянуть свой вклад в поимку преступника и избавление общества от опасных элементов... Сколько несчастных он умертвил подобным образом, не могу сказать, но учитывая длительный период, в течение которого он практиковал свое ремесло, могу предположить, что число их было весьма внушительным»²⁶.

Ему были чужды жалость и сострадание, он уничтожал любого, кто осмеливался оспаривать его власть. «Почему тираны так кровожадны? Не потому ли, что они заботятся о своей безопасности? Не потому ли, что их трусость видит лучшее средство избавиться от опасности в том, чтобы истребить всех, вплоть до женщин, кто только способен встать против них, кто может нанести им хотя бы малейший ущерб?»²⁷. Абсолютно справедливое в отношении Уайлда утверждение, демонстрирует эпизод с покушением на убийство, предпринятым Джозефом Блэком. «Блускина доставили из Ньюгейта в Олд-Бейли, и перед заседанием суда он спросил у мистера Уайлда, ожидавшего во дворе с бокалом вина: “Может, Вы замолвите за меня словечко?”, на что Уайлд ответил: “Я не могу, ведь ты фактически мертвец, и будешь вздернут очень скоро”»²⁸.

Более всего Дефо удручало то, что «дьявольское ремесло» затягивало детей, из которых «их великий наставник и непревзойденный виртуоз своего дела Джонатан Уайлд воспитывал банды отпетых негодяев и шлюх... Можно бесконечно перечислять его уловки, которые он практиковал в течение шестнадцати лет, хотя в назидательных целях было бы полезно дать подробный отчет

о тех жалких существах, которых он приобщал к преступлению, присваивал себе извлекаемую ими незаконную прибыль, и когда они выказывали тягу к самостоятельности, отдавал в руки правительства...»²⁹.

Молодое поколение воров Уайлд держал «в черном теле», подвергая их безжалостной эксплуатации, причем более всего Дефо возмущал тот факт, что криминальная инициация совершалась под лицемерным прикрытием филантропии: «Мне поведали не одну историю, коим я имею основания доверять, об обездоленных детях, скитающихся по улицам Лондона, которых он подобрал под предлогом попечения о них, и все они без исключения стали ворами или мошенниками. Чудовищная жестокость! Его благотворительность обернулась тем, что многие из них были повешены за те преступления, которым он обучил их!»³⁰. Мнимое милосердие – прямая дорога в ад, развращение души и ума. Впрочем, как отмечает Дефо, этот сюжет требует длительного изложения, выходящего за рамки памфлета, воплощенного тремя годами ранее в «Истории весьма замечательной жизни... полковника Жака»: «Ведя рассказ от лица Джека-полковника, Дефо, не прибегая ни к риторике, ни к сентиментальности, показывает всю чудовищность положения этих отверженных детей, которое им самим кажется вполне обыкновенным»³¹.

По мере того, как Уайлд становился известным все более широкому кругу лондонцев, ненависть к нему и его «бизнесу» возрастала. Кроме всего прочего, он вел контрабандную торговлю с Голландией и Фландрией, сбывая золотые часы, табакерки, кольца, кредитные билеты. Когда капитан Джонсон, командовавший судном и входивший в «ближний круг», бежал из-под ареста, Уайлда обвинили в пособничестве и 15 февраля 1725 г. он был задержан и помещен в Ньюгейтскую тюрьму. Там он продолжил встречаться с клиентами и имел неосторожность принять 10 гиней за возвращение коробки кружев некоей Кэтрин Стетхем. Этим он нарушил закон 1718 г., объявляющий преступлением не только укрывание краденого, но и получение вознаграждения за возвращение краденого. Владелица кружев и два вора, «подопечных» Уайлда, выступили свидетелями и против него было выдвинуто новое обвинение. 15 мая 1725 г. ему был вынесен приговор: его преступления были зафиксированы в 11 пунктах, включавших в себя создание корпорации преступников, разделение города на сферы влияния, сокрытие беглых преступников, контрабанда и т.д.³²

Дефо деловито и лаконично фиксирует факты, мастерски отображая психологическое состояние человека, приговоренного к смертной казни. После объявления приговора охваченный ужасом Уайлд сначала «отказался посещать службу под предлогом подагры, хотя на самом деле боялся стать предметом насмешек и издевательств... В

этом проклятом Богом месте, где преступники ожидают смертного часа, обычно читаются молитвы, и он слушал их, хотя внешне не проявлял ничего, хотя бы отдаленно напоминающего раскаяние. Основные его вопросы священнику касались того, что собой представляет невидимый мир, ожидающий его за порогом вечности»³³.

Страх смерти – явление исключительно сложной комплексной природы, складывающейся из экзистенциальных, психобиологических и религиозных факторов. В периодизации отношения человека к смерти, предложенной французским историком Филиппом Арьесом, XVIII в. приходится на третий этап «смерть далекая и близкая» (*la mort lounge et proche*), когда происходит крах механизмов природы и возвращение смерти ее неукротенной сущности. «В Новое время человек, может быть, еще более остро переживает смерть... В «модели естественнонаучного человека»... смерть есть полное лишение, даже исчезновение, которое... воспринимается как своеобразное убийство, мучение, насилие над живой личностью»³⁴. А учитывая то обстоятельство, что в мировоззрении XVIII в. мораль и нравственность были еще неразрывно связаны с религией, никто не мог быть полностью уверен в том, что в загробной жизни избежит мук ада. Джонатан Уайлд по своим деяниям вполне заслужил их, но, погрязнув в грехе и пороке, решил максимально облегчить момент перехода в загробный мир. «Он предавался рассуждениям о допустимости избавления от мирских страданий, почитаемого древними римлянами в качестве знака доблести и мужественности. Это стало достаточным для того, чтобы зрители усилили надзор, дабы не допустить насилия в отношении самого себя, но он сумел обмануть их, за день до казни заполучив в свое распоряжение пузырек с лауданумом (настойкой опиума. – И. Э.) и незаметно выпил его». Надзиратели заметили это только тогда, когда он, полностью одурманенный наркотиком, был не в состоянии поднять голову и открыть глаза. Два его товарища по несчастью попытались поднять его и, поддерживая под руки, водили по камере, чтобы привести в чувство. «Эта прогулка, взбодрив его, имела еще и иные последствия: с его лица сошла краска, оно покрылось ужасной бледностью и испариной, так как будто он собирался потерять сознание, а затем его чудовищно вырвало, причем с рвотными массами он изрыгнул большую часть лауданума, не успевшего перемешаться с желудочными соками»³⁵.

Может, и Уайлду мерещились люди, которых он отправил на эшафот, и он подобно диккенсовскому Фейджину видел связанные руки и искаженные предсмертной мукой лица тех, кого он безжалостно отправлял на казнь? Дефо, чья проза свободна от театрально-патетических эффектов, естественно, об этом не сообщает. Остается догадываться, какие темные бездны разверзались в сознании Уайлда, когда он оказался наедине со

своей совестью. «Тесно связанной с темой толпы оказывается тема одиночества героя, носящей одновременно психологический и социальный характер. Психологическая отчужденность проходит стадии от кошмарного сна через изменение сознания с помощью опиума или алкоголя до полного безумия»³⁶.

Абсолютно будничным тоном Дефо повествует о том, что Уайлд несколько оживился, так что мог самостоятельно передвигаться, хотя по-прежнему находился, как будто, в полусне, до конца не осознавая, что с ним происходит. В понедельник 24 мая 1724 г. его полубесчувственного погрузили в телегу и доставили в Тайберн к месту казни, где разыгрался последний акт трагедии под аккомпанемент криков толпы, которая вошла в экстатическое состояние, правда абсолютно иного толка, чем в день казни Шеппарда. Дерзкая бравада и элегантность последнего резко контрастируют с животной покорностью Уайлда, пребывающего в наркотическом трансе, в халате, заляпанном следами от рвоты. «Если быть кратким, то всеобщая ярость охватила людей, которых удовлетворила бы только его смерть, – констатирует Дефо, – и если бы исполнение приговора было бы вдруг отложено, офицеры едва ли смогли бы доставить его обратно в тюрьму, и скорее всего он скончался бы по дороге от ран, нанесенных толпой»³⁷.

Итак, корыстолюбие Джонатана привело его на виселицу, где ранее при его непосредственном участии оказались более 120 чел. По мнению Дефо, это было заслуженное наказание, ибо деяния Уайлда, приобщавшего свои жертвы к воровскому ремеслу, а затем, отдававшего их во власть уголовного законодательства, являются ничем иным, как изощренным убийством, несмотря на то, что расценивались государством как проявления гражданской добродетели.

Несмотря на отдельные, отмеченные морализаторским пафосом пассажи, в целом биографический очерк выдержан в прохладном криминалистическом стиле. Дефо пишет об Уайлде как о «гениальном художнике», совершающем изысканные злодеяния. Биография Уайлда идеальна для анализа в рамках казуального подхода, предложенного Ю. Л. Бессмертным и нашедшего отражение в статье Э. Грэнди, который пишет: «Соглашусь, что индивидуальное поведение может изучаться и через анализ случаев, в которых человек выбирает между различными вариантами принятых норм. Но наиболее показательны все-таки казусы, в которых персонаж избирает вовсе не апробировавшийся до сих пор вариант поведения. Это может быть поведение, пренебрегавшее нормами, или абсолютизовавшее их (рациональное капиталистическое «предприятие» Уайлда и его безукоризненное «служение» закону. – И. Э.)...»³⁸.

Именно общественный резонанс вокруг Уайлда и Шеппарда привлек внимание Дефо, во

многим благодаря которому их поведенческие паттерны превратились в исторические казусы, сохранившиеся в коллективной социальной памяти. «Возможно, что стареющий Дефо не одобрял легенды, которые быстро кристаллизовались вокруг Шеппарда и Уайлда, хотя, будучи их биографом, он в значительной степени нес ответственность за них»³⁹.

Создание мифов началось быстро. Так, через несколько месяцев после казни Уайлда пантомима «Арлекин Шеппард» с успехом шла на Смитфилдском рынке в разгар Варфоломеевской ярмарки. В 1728 г. последовала упоминаемая выше «Опера нищего» Д. Гэя – «ньюгейтская пастораль», в которой Уайлд превратился в скупщика краденого Пичема. Спустя два столетия Аргур Конан Дойл сравнил Уайлда с гениальным злодеем Мориарти:

« – Джонатан Уайльд – не сыщик и не персонаж из книги. Это чрезвычайно ловкий преступник, и жил он в XVIII веке, где-то в 1750–х годах.

– Ну, тогда он мне ни к чему. Я человек дела.

– Мистер Мак, самым полезным делом для вас было бы запереться у себя дома месяца этак на три и по двенадцать часов в сутки изучать историю преступлений. Все в мире повторяется. Джонатан Уайльд управлял лондонскими преступниками, продал им свои мозги за пятнадцать процентов комиссионных. Колесо описало полный круг, и снова показалась та же спица»⁴⁰.

Прозорливость Дефо, на наш взгляд, проявилась в том, что в рассматриваемой биографии отображены тектонические сдвиги в общественной психологии, которые и породили Джонатана Уайлда как уникальное, не имеющее аналогов явление. Это знаковая фигура своего времени, чья деятельность, как лакмусовая бумага, показала зачаточные на тот момент признаки зарождения «человека массы», с одной стороны, и идеологии потребления, с другой.

Дефо очень четко выстраивал причинно-следственные связи между моральным разложением англичан и ростом благосостояния одних социальных групп на фоне тотального обнищания других. «Куда делось пресловутое мужество английской нации, когда джентльмена в сопровождении шести – семи слуг грабит один-единственный грабитель? Таких примеров множество, и мы должны благодарить за это взбитые парики, пудренные головы, чайные церемонии и прочие примеры постыдного и возмутительного фатовства»⁴¹.

Как справедливо отмечал М. Вебер, «богатство порицается лишь постольку, поскольку оно таит в себе искушение предаться лени, бездельности и грешным мирским наслаждениям, а стремление к богатству – лишь в том случае, если оно вызвано надеждой на беззаботную и веселую жизнь»⁴². В одной из статей, опубликованных в «Оригинальном журнале Эпплби», Дефо писал: «Что можно сказать в оправдание роскоши, не

довольствующейся одним экипажем и таким количеством слуг, которое позволяет размер состояния, жаждущим иметь все это в двукратном или троекратном размере, презрев соображения морали и добродетели и угрозу разорения своих потомков?»⁴³. Доступ к избыточным материальным благам приводит к моральному разложению, изначально на индивидуальном уровне, а затем по мере того, как процесс набирает обороты, к безудержному росту жизненных вожделений и убеждению в том, что эти блага являются естественными, и непоколебимой внутренней уверенности в своем будущем.

Разница между необходимостью и излишеством стирается, и то, что раньше считалось роскошью, превращается в необходимость. Дефо, заставший начальную фазу этого процесса, понимал, что именно бездумное стремление рядовых обывателей не задумываться об основах сложившегося строя, ни об основаниях собственной жизни, приводит к тому, что они старательно игнорируют то, что может нарушить стабильность их существования. В случае с Уйалдом внезапно и резко «поглупевшая нация» в течение длительного времени старательно закрывала глаза на очевидные факты, что фактически привело к появлению организованной преступности, опутавшей своими сетями как маргинальные элементы, так и вполне уважаемых граждан.

Таким образом, рассуждения Дефо о катастрофическом падении нравов отнюдь не являются банальным морализаторством, как может показаться на первый взгляд. Его проницательность проявилась главным образом в том, что он усматривал корни преступности в области нравственно-этических норм, одновременно связывая их трансформацию с влиянием набиравшего обороты капитализма, стремительно меняющего структуру общества и, соответственно, новым стилем мышления и поведения.

Примечания

- ¹ *McClynn F.* Crime and punishment in 18th century England. Routledge, 1989. P. 13.
- ² *Ward R. M.* Print, culture, crime and justice in 18th century London. London, 2014. P. 15–16.
- ³ См.: *Кистяковский А. Ф.* Исследование о сметной казни. Тула : АВТОГРАФ, 2000. (воспроизводится по изданию 1867 г., Киев).
- ⁴ *Gatrell V. A.* The hanging tree. Execution and the English people. 1770–1868. Oxford, 1996. P. 9.
- ⁵ *Stephen L.* Hours in a library : in 3 vols. London, 1899. Vol. 1. P. 17.
- ⁶ *Richter D.* Jonathan Wilde and the crime fiction // *Richter D.* Ideology and form in 18th Century literature. Texas, 1999. P. 108.
- ⁷ *Defoe D.* The true and genuine account of the life and actions of the late Jonatan Wild, not made up of fiction and fable, but taken from his own mouth, and collected from papers of his own writing. London, 1725. P. IV.
- ⁸ *Richter D.* *Op. cit.* P. 106.
- ⁹ *Defoe D.* The true and genuine account... P. V.
- ¹⁰ *Подгорский А.* Английские романисты о первом гангстере Европы, «Верховном вороловителе» Англии : очерк Д. Дефо “Жизнь и деяния покойного Джонатана Уайльда”, роман Г. Филдинга “История жизни покойного Джонатана Уайльда Великого” // Факт и вымысел в английской литературе XVII–XVIII вв. / под ред. В. А. Лукова. Магнитогорск : КИВЦ А.О. «Магнитострой», 1993. С. 42–77.
- ¹¹ *Defoe D.* The true and genuine account... P. VI–VII.
- ¹² *Ibid.* P. 3.
- ¹³ *Ibid.* P. 4.
- ¹⁴ *Ibid.*
- ¹⁵ *Ibid.* P. 19.
- ¹⁶ *Ibid.* P. 7–8.
- ¹⁷ *Ibid.* P. 9.
- ¹⁸ *Ibid.* P. 16.
- ¹⁹ *William and Mary, 1692 : An Act for encourageing the apprehending of Highway Men* [Chapter VIII Rot. Parl. pt. 3. nu. 3]. URL: <https://www.british-history.ac.uk/statutes-realm/vol6/pp390-39> (дата обращения: 29.03.2020).
- ²⁰ *Подгорский А.* Указ. соч. С. 50.
- ²¹ *Holmes R.* Introduction // *Defoe on Sheppard and Wild : The history of the remarkable life of John Sheppard. A narrative of all the robberies, escapes etc. of John Sheppard. The True and Genuine Account of the Life and Actions of the Late Jonathan Wild by Daniel Defoe* / ed. with an introduction by R. Holmes. London : Harper Perennial, 2004. P. 20.
- ²² *Defoe D.* The true and genuine account... P. 20.
- ²³ *Ibid.* P. 21–22.
- ²⁴ *Ibid.* P. 22.
- ²⁵ *Ibid.* P. 14.
- ²⁶ *Ibid.* P. 13–14.
- ²⁷ *Монтень М.* Опыты. М. : АЛЬФА-КНИГА, 2017. С. 685.
- ²⁸ [*Defoe D.*] The history of the remarkable life of John Sheppard. London, 1724. P. 38–39.
- ²⁹ *Defoe D.* The true and genuine account... P. 29–30.
- ³⁰ *Ibid.* P. 32–33.
- ³¹ *Елистратова А. Е.* Английский роман эпохи Просвещения. М. : Наука, 1966. С. 142.
- ³² *The Newgate Calendar Comprising Interesting Memoirs of the most Notorious Characters who Have Been Convicted of Outrages on the Laws of England : in 4 vols.* / by A. Knapp and W. Baldwin. London, 1824. Vol. 1. P. 248–249.
- ³³ *Defoe D.* The true and genuine account... P. 37.
- ³⁴ *Комлев А. А.* О природе страха смерти : история вопроса и гипотезы // *Вестн. Томск. гос. ун-та*, 2000. № 4(20). С. 38.
- ³⁵ *Defoe D.* The true and genuine account... P. 37–38.
- ³⁶ *Липчанская И. В.* Образ города в литературе постмодерна : к постановке вопроса // *Изв. Сарат. ун-та. Нов. сер. Филология. Журналистика*. 2012. Т. 12, вып. 3. С. 81.
- ³⁷ *Defoe D.* The true and genuine account... P. 39.
- ³⁸ *Гренди Э.* Споры о «Казусе». Ответы на вопросы // Ка-

- зус. Индивидуальное и уникальное в истории / под ред. Ю. Л. Бессмертного. М. : ИВИ РАН, 1996. Вып. 1. С. 306.
- ³⁹ *Holmes R.* Introduction // Defoe on Sheppard and Wild... P. 25.
- ⁴⁰ *Дойл А.* Долина страха. М. : Издание ФТМ, 1915. С. 12.
- ⁴¹ *Moreton A.* [*Defoe D.*] Second Thoughts are Best : Or a Further Improvement of a Late Scheme to Prevent Street Robberies. Oxford, 1841. P. 13.
- ⁴² См.: *Вебер М.* Протестантская этика и дух капитализма. URL: <https://gtmarket.ru/laboratory/basis/3637/3644/> (дата обращения: 04.06.2019).
- ⁴³ Цит. по: *Backscheider P. R.* Daniel Defoe : His Life. Baltimore, 1989. P. 484.

Образец для цитирования:

Эрлихсон И. М. Даниэль Дефо и становление криминальной биографии в XVIII столетии («Правдивое и подлинное описание жизни и деяний Джонатана Уайлда», 1725) // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. История. Международные отношения. 2020. Т. 20, вып. 4. С. 528–534. DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2020-20-4-528-534>

Cite this article as:

Erlihson I. M. Daniel Defoe and Criminal Biography Establishment in the 18th Century (“The True and Genuine Account of the Life and Actions of the Late Jonathan Wild, not Made up of Fiction and Fable, but Taken from his Own Mouth, and Collected from Papers of his Own Writing”, 1725). *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. History. International Relations*, 2020, vol. 20, iss. 4, pp. 528–534 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2020-20-4-528-534>

РЕГИОНАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ И КРАЕВЕДЕНИЕ

УДК 94(47.046)

Посольство в Грузию князя Федора Федоровича Волконского и левобережный Саратов в 1637–1639 годах

Я. Н. Рабинович

Рабинович Яков Николаевич, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России и археологии, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, RabinovichYN@yandex.ru

В статье рассмотрены неизвестные страницы истории левобережного Саратова. Особое внимание уделено крушению посольского каравана на Волге возле Саратова 1 октября 1639 г. и дальнейшим действиям посла князя Ф. Ф. Волконского. Впервые представлена подробная хронология событий, происходивших в этом городе летом 1637 г. и осенью 1639 г., дополнена за эти годы «Саратовская летопись», составленная 120 лет назад. Подробно разобраны основные источники по истории Саратова данного периода.

Ключевые слова: Арсений Суханов, грузинский посол, М. А. Полиевктов, атаман Кощей Безбожный, Астрахань, воевода, стрельцы.

Поступила в редакцию: 30.06.2019/ Принята: 01.07.2020 / Опубликовано: 21.12.2020

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

Embassy to Georgia of Prince Fyodor Fedorovich Volkonsky and Left-Bank Saratov in 1637–1639

Ya. N. Rabinovich

Yakov N. Rabinovich, <https://orcid.org/0000-0002-6204-125X>, Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia, RabinovichYN@yandex.ru

The article considers unknown pages of the history of the left-bank of Saratov. Particular attention is paid to the collapse of the embassy caravan on the Volga near Saratov on October 1, 1639 and to the further actions of Prince F. F. Volkonsky's Ambassador. For the first time a detailed chronology of the events that took place in this city in the summer of 1637 and in the autumn of 1639 is presented, the Saratov Chronicle compiled 120 years ago is supplemented over the years. The main sources about the history of Saratov of this period are analyzed in detail.

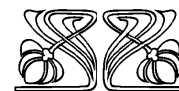
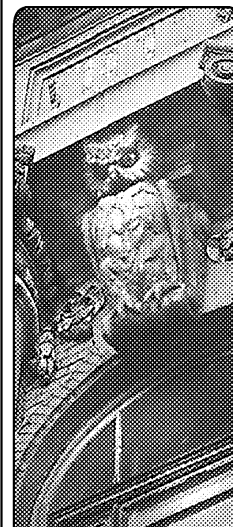
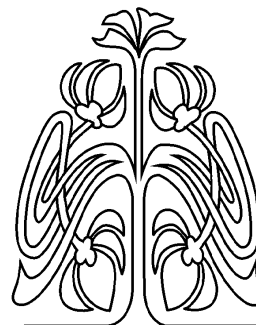
Keywords: Arseny Sukhanov, Georgian ambassador, M. A. Polievktov, chieftain Koschei the Godless, Astrakhan, governor, archers.

Received: 30.06.2019/ Accepted: 01.07.2020 / Published: 21.12.2020

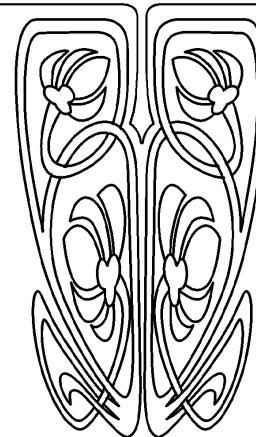
This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2020-20-4-535-541>

Вопросы русско-грузинских отношений в XVII в. неоднократно привлекали к себе внимание ученых. Не является исключением и посольство в Грузию князя Федора Федоровича Волконского (по позвищу Шериха). Одним из первых отечественных исследователей на данное посольство обратил внимание С. А. Белокуров, который, занимаясь совершенно другими сюжетами, подробно изучая биографию старца Арсения Суханова, ввел в научный оборот много сведений, связанных с данным посольством (А. Суханов и другие

НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ

священнослужители сопровождали посольство кн. Ф. Ф. Волконского)¹.

Довольно полно это посольство 1637–1640 гг. и ход переговоров кн. Ф. Ф. Волконского в Грузии с царем Теймуразом рассмотрены в труде Н. Т. Накашидзе, который по праву является крупнейшим специалистом второй половины XX в. по вопросам русско-грузинских отношений XVI–XVII вв.² Но, как это часто бывает, исследователей в основном интересует дипломатическая сторона вопроса, они больше внимания обращают на такой источник, как Наказ послам, а из Статейного списка берут сведения, касающиеся, прежде всего, самого хода переговоров. Предметом особого внимания историков также являются подарки, отправляемые с послами, иногда указывается полный состав посольств. Маршрут посольств по территории России с момента отправления из Москвы и до отплытия из Астрахани и обратный аналогичный путь обычно не интересует краеведов, а ведь именно здесь их ожидают неожиданные находки.

Посол в Грузию кн. Ф. Ф. Волконский-Шериха является дальним родственником (шестьюродный брат) известного военачальника Ф. Ф. Волконского-Меринава, героя обороны крепости Белой в 1634 г., составителя Соборного уложения, одного из полководцев русско-польской войны 1654–1667 гг., которому посвящено немало биографических очерков, как дореволюционных³, так и современных⁴.

Биография кн. Ф. Ф. Волконского-Шерихи к настоящему времени еще не стала объектом специального исследования в связи с тем, что в источниках часто упоминается кн. Ф. Ф. Волконский без указания прозвища (Меринов или Шериха). Возможно, что в те годы жил еще один кн. Ф. Ф. Волконский (без прозвища). Поэтому трудно сказать, с каким из кн. Ф. Ф. Волконских связаны те или иные события.

М. А. Полиевктов считал, что посол в Грузию кн. Ф. Ф. Волконский и защитник крепости Белой, получивший за этот подвиг чин окольничего, составитель Соборного уложения – это один и тот же человек⁵. Многочисленные источники свидетельствуют о том, что окольничий кн. Ф. Ф. Волконский-Меринов в 1638–1639 гг. находился в России (преимущественно в Москве), занимаясь различными придворными и государственными делами, в то время как его полный тезка около двух с половиной лет отсутствовал в центральных районах страны в связи с отъездом в Грузию (выехал из Москвы в июне 1637 г., а вернулся в столицу в январе 1640 г.).

Посольство кн. Ф. Ф. Волконского было отправлено в Грузию в июне 1637 г. после приезда в Москву грузинского посла от царя Теймураза «нареченного митрополита» Никифора. Небольшой посольский караван, отправившийся 25 июня из Москвы, состоял из пяти судов. Два корабля предназначались для русских послов кн. Ф. Ф. Волконского и его помощника дьяка Артемия Хватова,

один – для грузинского посла и его свиты, один – для церковных деятелей, отправленных в Грузию и один – для переводчика, толмачей, кречетников с иконописцами и их запасами.

В Статейном списке этого посольства, составленном кн. Ф. Ф. Волконским и А. Хватовым после возвращения в Москву в конце января 1640 г.,⁶ указаны точный маршрут и время прибытия каравана в каждый город по пути из Москвы в Астрахань. 25 июня 1637 г. послы выехали из Москвы, 1 июля – из Коломны, 5 июля – из Переяславля-Рязанского, 17 июля – из Нижнего Новгорода, а 23 июля пришли в Казань, где послы задержались на две недели, готовясь к дальнейшему опасному плаванью по Волге. Из Казани посольский караван отправился далее 6 августа. Воеводы Казани И. В. Морозов и кн. Н. Н. Гагарин выдали дополнительные суда для охраны послов. Теперь караван стал довольно большим. В качестве гребцов были назначены 180 астраханских стрельцов (по-видимому, они сопровождали весенний караван из Астрахани, который к тому времени уже приплыл в Казань). Теперь эти астраханские стрельцы возвращались домой. В те годы из-за разбоев воровских казаков и начавшихся набегов калмыков очень опасным был участок маршрута в районе Самары. Поэтому воеводы выделили в качестве провожатых до Самары дополнительно 400 казанских стрельцов с головой Микитой Нееловым.

14 августа 1637 г. большой посольский караван прибыл в Самару, а на следующий день – 15 августа – послы отправились далее на Саратов. Казанские стрельцы, охранявшие караван, остались в Самаре, их заменили самарские стрельцы, которым было приказано сопровождать караван до Саратова. Причем охрана была значительно сокращена: в качестве провожатых до Саратова было послано всего 100 самарских стрельцов с сотником.

20 августа 1637 г. послы прибыли в Саратов, а 22 августа отплыли на Царицын. Теперь их сопровождали 100 саратовских стрельцов. Известно, что воеводой Саратова в то время был Г. И. Феофилачев. Уже 25 августа караван прибыл в Царицын и на следующий день (26 августа) послы направились далее в сопровождении 80 царицынских стрельцов с сотником. Последняя краткая остановка была в Черном Яре (29 августа), откуда в тот же день послы отплыли к Астрахани. Теперь их сопровождали уже 80 черныярских стрельцов с сотником. Прибытие в Астрахань состоялось 5 сентября 1637 г. Все эти сведения М. А. Полиевктов взял из Статейного списка послов Ф. Ф. Волконского и А. Хватова⁷.

С. А. Белокуров приводит несколько иные даты, отличавшиеся (применительно к Самаре, Саратову и Царицыну) на один день: «6 августа посольство выехало из Казани, 15-го приехало в Самару, 21 – в Саратов, 26 – в Царицын, а 5 сентября – в Астрахань». Исследователь использо-

вал в качестве источника в основном статейный список архимандрита Иосифа, сопровождавшего это посольство. С. А. Белокуров специально отметил, что «при изложении истории этого посольства внимание будет обращено почти исключительно только на действия духовных лиц посольства»⁸.

Автор настоящей статьи ранее в своей книге о воеводах левобережного Саратова пытался выяснить, когда это посольство могло оказаться в Саратове по пути в Астрахань. Поскольку не были известны источники о данном посольстве, опубликованные М. А. Полиевктовым, поэтому дата прибытия посольства в Саратов указана весьма приблизительно («в августе 1637 г.»): «Если учесть, что отъезд послов из Москвы состоялся 25 июня 1637 г., а из Астрахани послы отплыли в первых числах октября и уже 10 октября были в Терском городке, то можно предположить, что в августе 1637 г. посольский караван проплывал мимо Саратова, где сделал кратковременную остановку. Воеводе Г. И. Феофилаьеву пришлось не только встречать и провожать этот караван, но и выделить для сопровождения знатных послов значительные силы местного гарнизона». Теперь, с учетом обнаруженных источников, когда стало известно, что в Саратове послы находились 20–22 августа, и отряд сопровождения составлял 100 саратовских стрельцов, можно несколько скорректировать данный текст⁹.

Из Астрахани послы отплыли 28 сентября, а 1 октября корабли плыли уже по Каспийскому морю. Опасность нападений на караван на море несколько не уменьшилась. Караван сопровождали в качестве охраны 150 стрельцов с двумя сотниками (Тимофеем Струковым и Федором Буриным). Кроме того, для замены части гарнизона Терского городка (там на годовой службе находились астраханские стрельцы с головой Логиным Карагашевым) на Терек были отправлены с этим же караваном стрелецкий голова Прибылой Аристов и весь его приказ – 500 стрельцов¹⁰.

Возможно, эти сведения о большом отряде сопровождения каравана остались неизвестны разведчикам воровских казаков, которые хотели поживиться богатым посольским караваном, надеясь на легкую добычу. Казаки планировали без особого труда справиться с сотней – другой стрельцов охраны, но встреча с 650 стрельцами оказалась для них сюрпризом. Казаки получили неожиданный отпор и были разгромлены. Обратимся к источнику. В своем отчете кн. Ф. Ф. Волконский сообщал следующее: «К морской пристани пришли октября в 1 де[нь] и на море пошли того ж числа. Октября в 6 де[нь] на море пришли на послов воровские казаки атаман Коцейко Безбожной с товарищи, и с ним был бой с перваго часу до осмого. И милостию божию и (титул) Михаила Федоровича счастьем воровских казаков многих побили и гоняли за ними морем верст з 10. Октября в 10 де[нь] пришли под Терек...»¹¹.

Как видим, этот морской бой 6 октября продолжался свыше 7 ч, начавшись около 8 ч утра (1-й час дня). Судьба воровских казаков и их атамана Коцейки Безбожного неизвестна, возможно, кому-то удалось уйти от преследования, а кто-то был захвачен в плен.

Такая подробная хронология маршрута посольства кн. Ф. Ф. Волконского приведена в связи с тем, что в исследованиях (за исключением публикаций С. А. Белокурова) обычно говорится о маршруте этого посольства следующее: «Выехав из Москвы 25 июня, посольство добралось до Терского города через три с половиной месяца, 10 октября 1637 г.»¹².

Итог этого посольства князя Ф. Ф. Волконского в Грузию известен – царь Теймураз «торжественно подписал крестоцеловальную запись и поцеловал крест» (т. е. присягнул царю Михаилу Федоровичу). Царь Михаил Романов согласился «пожаловать Теймураза, его детей и всю Иверскую землю под свою царскую высокую руку и во оборону принять»¹³.

В 1639 г. русские послы во главе с кн. Ф. Ф. Волконским в сопровождении грузинского митрополита Никифора и других членов посольства царя Теймураза возвратились в Россию. Н. Т. Накашидзе сообщал, что 28 апреля 1639 г. посольство выехало из Грузии. Вместе с ним ехал посол царя Теймураза «нареченый митрополит Никифор». К концу года послы прибыли в Москву¹⁴.

За время посольства в Саратове сменились воеводы: Г. И. Феофилаьева сменил кн. И. Ф. Шаховской, а затем сюда прибыл Г. Н. Орлов.

Снова процитируем отрывок из книги о воеводах Саратова (знаком «?» отмечены неточности в тексте книги, которые будут далее уточнены): «Во второй половине сентября (?) посольский караван прибыл в Саратов, где князя Волконского и митрополита Никифора встречал воевода Г. Н. Орлов. Далее послы разделились (?). По неизвестной причине (?) митрополит Никифор решил на время остаться в этом городе. Русские послы во главе с князем Ф. Ф. Волконским недолго оставались в Саратове (?). Уже в конце сентября они отплыли далее, к Самаре, оставив в Саратове грузинского митрополита ... 25 декабря митрополит Никифор отправился напрямую по зимней дороге к Москве. Уже через шесть дней после отъезда из Саратова Никифор был в Темникове, а 1 января 1640 г. он выехал из Темникова в Москву, куда прибыл 29 января 1640 г.»¹⁵.

Источники, опубликованные М. А. Полиевктовым в 1937 г. (документы из грузинских дел Посольского приказа), позволяют по-новому взглянуть на данные события. Среди этих документов, кроме уже упоминавшегося ранее статейного списка посольства кн. Ф. Ф. Волконского и А. Хватова (январь 1640 г.)¹⁶, следует выделить следующие:

1) Две отписки астраханского воеводы кн. Ю. А. Сицкого (август 1639 г.)¹⁷;

2) Челобитную послов Ф. Ф. Волконского и А. Хватова о подводах (сентябрь 1639 г.)¹⁸;

3) Память в Ямской приказ о посылке в Саратов воеводе Г. Н. Орлову грамот относительно посольских подвод (ноябрь 1639 г.)¹⁹

Названные документы позволяют, во-первых, уточнить дату приезда послов в Саратов – 28 сентября, а не «во второй половине сентября», как было ранее указано в книге о воеводах Саратова, а также время прибытия в Москву – 22 января 1640 г., а не 29 января. Из Саратова послы действительно отправились «в конце сентября», а именно – 29 сентября. Во-вторых, источники свидетельствуют, что оба посольства в Саратове не разделялись, и русское посольство кн. Ф. Ф. Волконского все это время, с начала октября до конца декабря (т. е. почти три месяца) находилось в Саратове. В-третьих, «неизвестная причина» остановки в Саратове грузинского посла на деле оказалась хорошо известной.

Но обо всем по порядку.

Вначале следует уточнить хронологию событий и состав двух посольств, которые оказались в Саратове в конце сентября 1639 г. Из Грузии вместе с кн. Ф. Ф. Волконским и А. Хватовым возвращались 2 молодых подъячих (Ивашка Федоров из Разряда и Левка Васильев из Судного Московского приказа), переводчик Иван Боярчиков, 2 толмача (Левонтий Минин и Федор Польщиков), 2 кречетника (Федор Тоболин и Иван Ковалев). Также возвращались и люди, сопровождавшие послов в Грузию: церковные деятели «для досмотру и исправленья крестьянские веры духовного чину живоначальные Троицы Ипатцкого монастыря архимарит Иосиф да черной поп Алексей да черной дьякон Арсеней да белые поп Григорей да дьякон Антоней... да для починки иконного дела 2 иконописца; да для церковного дела оконнишной мастер», а также церковный служка и служебник, которые состояли при архимандрите Иосифе. Однако домой возвратились не все указанные лица. Исключение составляли белый поп Григорий, который умер в дороге, а также иконописцы. С. А. Белокуров приводит сведения о том, что два иконописца Сенька Савин и Иван Данилов были оставлены в Грузии. Через несколько лет новый посол кн. Е. Ф. Мышецкий интересовался их судьбой, но царь Теймураз уклончиво отвечал, что их нет в его земле (при этом спрятал их в темнице, не желая отпускать домой). В общей сложности эти иконописцы пробыли в Грузии 11 лет²⁰.

Один из кречетников Федор Тоболин был уже в преклонном возрасте. Он еще свыше 30 лет назад в 1604 г. был в Грузии в составе посольства Михаила Игнатьевича Татищева. Что касается «черного дьякона Арсения», то это известный деятель русской церкви того времени Арсений Суханов, поездку которого в Грузию подробно описал в свое время С. А. Белокуров²¹.

Грузинского посла сопровождали «царевых людей 8 человек» (дворяне царя Теймураза) «да

ево митрополита Микифоровых людей 2 человека». С ними же ехал гонец от персидского шаха Сефи «шамехинского воеводы Арап-ханов человек Надыр» со слугой²². Этот гонец Надыр вез с собой грамоту шаха, адресованную персидскому послу «Иман-кули солтану», который был отправлен в Россию годом ранее вместе с голштинским посольством, хорошо известным по сочинению Адама Олеария²³. В качестве пристава при грузинском после и персидском гонце был определен стрелецкий сотник Кузьма Панфилов. Корм и питье послам и их людям астраханский воевода кн. Ю. А. Сицкий выдал с 27 августа на 5 дней до 1 сентября, а также по новой росписи с 1 сентября 1639 г. на 5 недель и 2 дня – итого на 42 дня (6 недель). 6 недель – обычное расчетное время плавания из Астрахани до Казани.

Грузинскому послу и его людям в Астрахани был подготовлен отдельный струг, а персидского гонца посадили на государев струг, выделенный для царского купчины Надеи Коровинского. В качестве охраны и гребцов были назначены казанские стрельцы, находившиеся на годовой службе в Астрахани («годовальщики»), которые возвращались домой в Казань. Количество казанских стрельцов-годовальщиков не указано, но известно по разрядным книгам, что в 1638 г. в Астрахани на годовой службе находился целый приказ казанских пеших стрельцов (500 чел.) с головой и 5-ю сотниками²⁴.

В Астрахань послы прибыли в начале июля 1639 г., находились здесь около 7 недель, а 29 августа 1639 г. в составе осеннего каравана (общее количество судов неизвестно) оба посольства направились из Астрахани в Казань. Сразу же после отплытия посол кн. Ф. Ф. Волконский отправил в Москву гонца с просьбой, чтобы воеводы Казани подготовили подводы для дальнейшего пути двух посольств в Москву. В этом письме кн. Ф. Ф. Волконский писал, что «ныне мы холопи твои приволоклися в Астарохань и из Астарохани отпущены в судех до Казани»²⁵. Уже в начале октября гонец был в Москве. Интересно отметить, что эту челобитную подал в Посольский приказ «князь Семен княж Федоров сын Волконский» (возможно, старший брат кн. Ф. Ф. Волконского).

14 октября 1639 г. последовала царская грамота воеводам Казани боярину кн. И. А. Голицыну и стольнику Ф. В. Бутурлину о выделении подвод для русского и грузинского посольств и обеспечении продовольствием посольских людей. В конце октября воеводы Казани получили эти указания, подготовили подводы и ждали прибытия гостей из Астрахани.

Далее приведем название одного документа. К сожалению, его текст не опубликован М. А. Полиевктовым, однако название говорит о многом. Это «Память в Ямской приказ боярину князю Андрею Васильевичу Хилкову и дьякам Василию Яковлеву и Никифору Демидову о посылке в Саратов грамоты относительно посольских

подвод»²⁶. «Память» датирована ноябрем 1639 г. Почему грамота адресована в Саратов, а не в Казань? Что изменилось за это время – с октября по ноябрь?

В статейном списке посол кн. Ф. Ф. Волконский сообщил, что о результатах своего посольства он отправил донесение из Астрахани 25 августа с кречетником Иваном Ковалевым (тот направлялся в Москву поем с астраханской станицей и прибыл в столицу 10 октября): «А что на посольстве в Грузех государева дела делалось, и которого числа отпущены послы из Грузей, и на которые места шли, и которого числа в Астарахань пришли, и о том писали в астараханской станице с кречетником Иваном Ковалевым августа в 25 де[нь]. И из Астарахани пошли послы вверх судами августа в 28 де[нь]»²⁷.

Правда, сам Иван Ковалев рассказывал в Москве об этом немного по-другому: «И из Астарахани-де государевы послы князь Федор и дьяк Ортемей послали ево ко государю с отписками степью, а сами поехали водою, а отпустились из Астарахани до Семеня дни за 4 дня. А грузинской посол митрополит Микифор поехал с ними ж водою. А он Иван из Астарахани поехал канун Семеня дня и ехал до Москвы всего 6 недель безо дня»²⁸. Следовательно, дорога до Москвы заняла 41 день.

Судя по рассказу Ивана Ковалева, сначала из Астрахани отправилось по Волге посольство кн. Ф. Ф. Волконского (28 августа, за 4 дня до 1 сентября, «Семена дня»), а лишь через день – два степью – станица с Иваном Ковалевым (30–31 августа). Если от 10 октября (дата приезда Ивана Ковалева в Москву) отнять 41 день, то получим 30–31 августа (канун Семеня дня, дата отъезда Ивана Ковалева из Астрахани), но никак не 25 августа, как указывает дату его отправки в статейном списке кн. Ф. Ф. Волконский. Возможно, Иван Ковалев несколько дней ждал в Астрахани, когда астраханские воеводы подготовят станицу, ведь им тоже надо было отправлять различные донесения в Москву.

В статейном списке кн. Ф. Ф. Волконский далее сообщает: «148-го сентября в 28 де[нь] пришли на Саратов. С Саратова пошли сентября в 29 де[нь]. И октября против 1-го числа в ночи против волошки, Курдюмовки князь Федора да грузинского митрополита Микифора струги погодою розбило и людей потопило. И князь Федор и Артемей воротились назад на Саратов. И на Саратове октября в 5 де[нь] говорили воеводе Григорью Орлову, чтоб князю Федору и митрополиту Микифору дал струги, на чом поднятца зверх Волгою. И воевода Григорей сказал, что у него на Саратове готовых стругов нет. И о том князь Федор и Ортемей писали ко государю (титул) к Москве с толмачом Федором Польщиковым в саратовской станице октября в 16 де[нь]»²⁹.

После чтения данного текста все становится ясным. Во-первых, дорога из Астрахани до

Саратова для каравана судов с посольством заняла ровно месяц (с 28 августа до 28 сентября). Обычно караваны преодолевали это расстояние за 20 дней. Возможно, были непредвиденные остановки на Черном Яре и в Царицыне, вполне мог быть сильный встречный ветер. Во-вторых, в Саратове караван находился одни сутки (с 28 по 29 сентября). По-видимому, вечером 29 сентября караван судов двинулся далее в сторону Самары. Однако в течение всего дня 30 сентября далеко от Саратова уплыть посольству так и не удалось. В ночь на 1 октября возле «волошки Курдюмовки» (Усть-Курдюм?) произошло крушение каравана, многие суда погибли. Повторилась ситуация почти 40-летней давности, когда 24 октября 1600 г. на этом же самом месте «у Курдюм-острова» в 7 верстах от Саратова потерпел крушение караван с русским посольством кн. А. Ф. Жирового-Засекина и персидским посольством Перкулы-бека, причем оба посольства направлялись в Астрахань и далее в Персию. В 1600/1601 г. два посольства зимовали почти полгода в Саратове³⁰, который, правда, находился тогда в другом месте – на правом берегу Волги.

Что касается событий 1 октября 1639 г. (церковный праздник Покрова Пресвятой Богородицы), то здесь ситуация была не такой катастрофичной, как 40 лет назад. Навигация на Волге еще продолжалась, река могла быть скована льдом лишь через месяц. Саратов не был уже небольшой военной крепостью с одним лишь стрелецким гарнизоном, здесь имелись запасы продовольствия, а также посадское население (по состоянию на 1634 г. – 32 посадских двора и еще 51 соседей и подсоседников), развивались промыслы (рыбный, лавочный и др.)³¹, словом, посольство могло в экстренном случае даже зазимовать без особого ущерба для жителей. Все это учитывал руководитель посольства кн. Ф. Ф. Волконский.

Такой вариант, конечно, не устраивал казанских стрельцов, стремящихся домой, а также торговых людей. На оставшихся целыми после крушения кораблях, загруженных «под завязку», казанские стрельцы-годовальщики уплыли в Самару вместе с некоторыми торговыми людьми. Посол кн. Ф. Ф. Волконский принял решение возвращаться со своими людьми и с грузинским посольством в Саратов, надеясь там найти новые суда для дальнейшей поездки. Сутки, а то и двое они находились в районе крушения, пытаясь спасти часть имущества. В Саратов послы вернулись только 5 октября. Однако здесь они узнали, что в городе нет исправных кораблей, которые могли бы в такое неблагоприятное для плавания время доплыть до Самары и Казани. Думается, что воевода Г. Н. Орлов говорил правду, исправные корабли спрятать от посла Ф. Ф. Волконского было невозможно.

Прошло еще 10 дней, в течение которых предпринимались попытки продолжить поездку по Волге, подготовить хоть какие-то суда. По-

терпев неудачу, 16 октября кн. Ф. Ф. Волконский отправил в Москву одного из членов посольства толмача Федора Польщикова в сопровождении саратовских конных стрельцов с просьбой дать команду воеводе Саратову, чтобы он выделил подводы и дал стрельцов для охраны посольств. В такой пограничной крепости при отсутствии любого жилья в радиусе 300 верст это было сделать трудно. К тому же не следует забывать, что отношения с новыми кочевниками – калмыками были в те годы враждебными, в любое время можно было ожидать их нападения на Саратов. Воевода Г. Н. Орлов опасался надолго отправлять часть гарнизона для сопровождения и охраны послов. Такой маршрут степью к тому времени еще не использовался посольскими и торговыми людьми. Только отдельные станицы конных стрельцов со срочными донесениями отважились на такой опасный путь. Ровно год назад (осенью 1638 г.) при возвращении из Москвы в Саратов на этом пути в районе Медведицы подверглись нападению татар саратовские, царичинские, астраханские и терские служилые люди, многие из которых были убиты, остальные в качестве пленников увезены в Крым³². Поэтому послам необходима была надежная охрана.

В ноябре 1639 г. эта саратовская станица и Федор Польщиков уже приехали в Москву, и вскоре последовала грамота воеводе Саратову Г. Н. Орлову о подготовке посольских подвод. В декабре это указание было получено в Саратове, и зимовка для послов закончилась, 25 декабря все они направились в сторону Темникова и далее на Москву.

В источнике отмечено: *«И генваря в 22 де[нь] послы князь Федор Волконской да дьяк Ортемей Хватов и грузинской посол нареченный митрополит Микифор к Москве пришли; а с тем грузинским послом царевых Теймуразовых людей 6 человек да ево посольских 2 человека; а два человека царевых людей в дороге умерли. Поставлен грузинской посол в Китае, ростовского митрополита на дворе; а встречи ему не было. В приставех у него велено быти Максиму Лодыженскому. И того ж дни князь Федор Волконской да дьяк Ортемей Хватов были у государя у руки»*³³.

Фраза о том, что 22 января 1640 г. кн. Ф. Ф. Волконский прибыл в Москву вместе с грузинским послом, свидетельствует о том, что оба посольства все время были вместе – и в Саратове, и в Темникове, и в дальнейшем пути к Москве. Не мог же русский посол где-то в центральных уездах ждать, когда из Саратова приедет грузинский посол, чтобы потом присоединиться к нему и вместе ехать далее в Москву.

То, что кн. Ф. Ф. Волконский «того ж дни» был у «руки государя», свидетельствует о большой значимости этого посольства и о том, что царь был удовлетворен его итогами. А вот приезд грузинского посла практически никак не был отмечен, «встречи ему не было», как обычно происходило при встрече знатных послов, когда толпы

москвичей в праздничном наряде, «в цветном платье» выходили на улицу.

Пока остается не совсем ясным вопрос: как добирались в Москву церковные деятели во главе с архимандритом Ипатьевского монастыря Иосифом и старцем Арсением Сухановым. Скорее всего, все они отплыли далее на Казань с караваном, а не остались в Саратове.

С. А. Белокуров в своем исследовании привел совершенно другие сведения, связанные с возвращением посольства в Москву. При чтении его текста неподготовленные читатели могут неверно истолковать информацию о происшедших событиях, поэтому приведем данную цитату целиком, без купюр. Взяв за основу статейный список архимандрита Иосифа, С. А. Белокуров писал следующее: *«5-го мая наши послы приехали в Шемаху, 9-го – в Шеврон (Шабран), 12-го мая в Дербент, а 28-го сентября в Саратов, прожив в Астрахани 7 недель. 29-го сентября они выехали из Саратова, а 1 октября в ночь разбило струги кн. Волконского и митрополита Никифора, который опять ехал послом от царя Теймураза в Москву, причем потонули и люди, находившиеся на них. Послы, возвратившись назад в Саратов, не нашли в запасе стругов и прожив в нем 12 недель, должны были ехать на тех судах, которые остались у них после крушения (выехали около 26–30 декабря). Недалеко от Казани, не доехав верст 50 до нее, они замерзли на пустом месте и «вывозились в деревеньку», в которой прожили около двух недель и из которой отправились в Москву уже на наемных лошадях. По приезде своем в Москву (ок. 20 января 1640 г.), наши послы почти все подали челобитные царю Михаилу с просьбою о вознаграждении за их труды и претерпенные ими лишения...»*³⁴.

Сразу возникает вопрос: что за суда-ледоколы отправились из Саратова около 26–30 декабря? Или зима в том году была аномально теплая?

В примечании С. А. Белокуров отметил, что *«судно с русскими духовными лицами уцелело»*. Благодаря этому пояснению из не очень внятного цитируемого текста можно понять, что старцы в октябре 1639 г. ехали из Саратова на судах, которые остались целыми после крушения, а в конце октября – ноябре их суда замерзли возле Казани (не доехав верст 50). В конце декабря церковные деятели на лошадях из Казани отправились в Москву.

Цель, которую преследовало русское правительство, отправляя посольство кн. Ф. Ф. Волконского, была достигнута. Посольство, с одной стороны, закрепило подданство царя Теймураза Московскому царству, приведя его «к присяге на данничество», а с другой стороны, собрало подобные сведения о Грузии, в том числе и о церковной жизни грузин.

Таким образом, документы, связанные с посольством кн. Ф. Ф. Волконского, прежде всего, Статейный список и отписки воевод, позволяют

выяснить многие не известные ранее события на Нижней Волге, в том числе – в Саратове, исправить неточности, имеющиеся в книге о воеводах Саратова. Приведенные в статье факты могут стать существенным дополнением к Саратовской летописи, в которой отсутствует всякая информация о событиях 1637–1649 гг. в этом городе.

Особый интерес представляют описание морского боя на Каспии астраханских стрельцов с воровскими казаками, имена стрелецких голов Л. Карагашева и П. Аристова, а также воровского атамана К. Безбожного, которые в других источниках пока не обнаружены.

Примечания

- 1 См.: Белокуров С. А. Арсений Суханов // ЧОИДР. 1891. Кн. 1.
- 2 См.: Накашидзе Н. Т. Грузино-русские политические отношения в 1-й половине XVII в. Тбилиси : Сабчота Сакартвело, 1968. С. 112–122.
- 3 См.: Род князей Волконских. Материалы, собранные княгиней Е. Г. Волконской. СПб. : Изд-во М. С. Волконского (тип. М. М. Стасюлевича), 1900. С. 115–137.
- 4 См.: Чистякова Е. В. Богданов А. П. «Да будет потомкам явлено...». М. : Изд-во ун-та Дружбы народов, 1988.
- 5 См.: Полиевктов М. А. Европейские путешественники XIII–XVIII вв. по Кавказу. Тифлис : Изд-во НИИ Кавказоведения АН СССР им. академика Н. Я. Марра, 1935. С. 29.
- 6 См.: Статейный список посольства кн. Ф. Ф. Волконского и А. Хватова (январь 1640 г.) // Полиевктов М. А. Материалы по истории грузино-русских взаимоотношений 1615–1640 (Посольства : Веревкина, Харитона, Феодосия, Никифора, Волконского) / документы к печати подготовил и предисловием снабдил М. Полиевктов (далее – Полиевктов М. А. Материалы...). Тбилиси : Изд-во Тбилис. гос. ун-та, 1937. С. 227–346.
- 7 См.: Статейный список... // Полиевктов М. А. Материалы... С. 227–228.
- 8 Белокуров С. А. Указ. соч. С. 128–129.
- 9 Рабинович Я. Н. Воеводы левобережного Саратова (1616–1641) / под ред. С. А. Мезина. 2-е изд., перераб. и доп. Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 2014. С. 190.
- 10 См.: Статейный список... // Полиевктов М. А. Материалы... С. 228–229.
- 11 Там же. С. 229–230.
- 12 Накашидзе Н. Т. Указ. соч. С. 117.
- 13 Цит. по: Полиевктов М. А. Посольство князя Мышецкого и дьяка Ключарева в Кахетию. Тифлис : Изд-во Тифлис. ун-та, 1928. С. 117.
- 14 См.: Накашидзе Н. Т. Указ. соч. С. 122.
- 15 Рабинович Я. Н. Воеводы левобережного Саратова... С. 127–128.
- 16 См.: Полиевктов М. А. Материалы... С. 227–346.
- 17 Там же. С. 224–226.
- 18 Там же. С. 221–222.
- 19 Там же. С. 224.
- 20 См.: Белокуров С. А. Указ. соч. С. 152.
- 21 См.: Белокуров С. А. Поездка старца Арсения Суханова в Грузию (1637–1640) // Христианское чтение. 1884. Кн. 3, 4.
- 22 См.: Полиевктов М. А. Материалы... С. 224.
- 23 См.: Олеарий А. Описание путешествия в Московию и через Московию в Персию и обратно / введ., пер., прим. и указатели А. М. Ловягина.. СПб. : Изд. А. С. Суворина, 1906.
- 24 См.: Разрядная книга 1637–38 годов / сост. В. И. Буганов. М. : Институт истории АН СССР, 1983. С. 119.
- 25 Полиевктов М. А. Материалы... С. 221–222.
- 26 Там же. С. 223.
- 27 Там же. С. 345.
- 28 Там же. С. 416–425.
- 29 Там же. С. 345.
- 30 См.: Рабинович Я. Н. История первоначального Саратова 1590–1604 годов : характеристика источников и хронология событий (до начала Смутного времени) // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. История, Международные отношения. 2016. Т. 16, вып. 1. С. 80–87. DOI : 10.18500/1819-4907-2016-16-1-80-87
- 31 См.: Рабинович Я. Н. Из истории славянской колонизации Саратовского края : рыболовный промысел и торговля в левобережном Саратове в первой половине XVII в. // Славянский сб. : межвуз. сб. науч. тр. Вып. 16. Саратов : ИЦ «Наука», 2018. С. 53–71.
- 32 См.: Гераклитов А. А. Материалы для истории Саратовского Поволжья : Столбцы Московского архива Министерства Юстиции // Труды СУАК. Саратов, 1912. Т. 29, № 7. С. 66–68.
- 33 Полиевктов М. А. Материалы... С. 226.
- 34 Белокуров С. А. Арсений Суханов // ЧОИДР. 1891. Кн. 1. С. 152–153.

Образец для цитирования:

Рабинович Я. Н. Посольство в Грузию князя Федора Федоровича Волконского и левобережный Саратов в 1637–1639 годах // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. История. Международные отношения. 2020. Т. 20, вып. 4. С. 535–541. DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2020-20-4-535-541>

Cite this article as:

Rabinovich Ya. N. Embassy to Georgia of Prince Fyodor Fedorovich Volkonsky and Left-Bank Saratov in 1637–1639. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. History. International Relations*, 2020, vol. 20, iss. 4, pp. 535–541 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2020-20-4-535-541>

УДК 94(470)

Фискальная политика Саратовского земства (1866–1914 годы)

Е. Н. Морозова

Морозова Елена Николаевна, доктор исторических наук, профессор кафедры отечественной истории и историографии, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, morozovaen@mail.ru

В статье представлена характеристика важнейшей сферы финансовой деятельности Саратовского земства – фискальной политики. Особое внимание уделяется анализу налоговой системы органов земского самоуправления Саратовской губернии, формам земского сбора, объектам налогообложения. Важное место в публикации занимает исследование тенденций роста доходной части бюджета и одновременного роста недоимок, существенно снижавших эффективность земской работы.

Ключевые слова: финансы, фискальная политика, налоговая система, земские сборы, бюджет.

Поступила в редакцию: 25.06.2020 / Принята: 01.07.2020 / Опубликована: 21.12.2020

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

Fiscal Policy of the Saratov Zemstvo (1864–1914)

E. N. Morozova

Elena N. Morozova, <https://orcid.org/0000-0003-4420-8156>, Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia, morozovaen@mail.ru

The article presents a characteristic of the most important sphere in financial activity of the Saratov Zemstvo – fiscal policy. In particular, it analyses the tax system of zemstvo self-government bodies in the Saratov province, the forms of zemstvo dues, and objects of taxation. Special emphasis is laid on a study of growth trends in the budget revenue, and a simultaneous increase in tax arrears, which significantly reduced the efficiency of the zemstvo work.

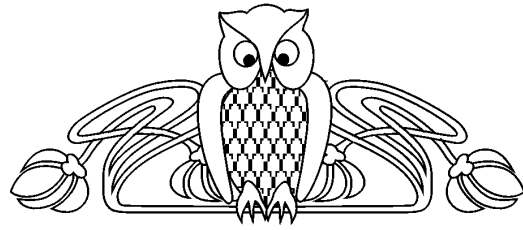
Keywords: finance, fiscal policy, tax system, zemstvo tax levies, budget.

Received: 25.06.2020 / Accepted: 01.07.2020 / Published: 21.12.2020

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2020-20-4-542-547>

Эффективность деятельности государственных, частных, общественных учреждений зависит от состояния бюджета, направлений финансовой политики. Финансовые проблемы органов местного самоуправления в современной России общеизвестны. Поэтому необходимо изучать опыт российского земства в сфере финансовой политики с учетом ее плюсов и минусов.

По Положению о земских учреждениях 1864 г. в компетенцию органов местного самоуправления входили заботы о местных пользах и нуждах губернии и уездов. Для реализации этой задачи формировались земские финансы, законодательной базой для которых являлись Временные правила о земских повинностях 1864 г.¹ Финансовая политика органов земского самоуправления складывалась из бюджетной и фискальной политики.

О деятельности земских учреждений судят чаще всего по абсолютной величине земских бюджетов и прежде всего земских сборов – доходной части бюджета. Однако все не так просто, ибо абсолютные цифры были весьма «лукавы». В сметах органов земского самоуправления царил полный порядок: доходы всегда совпадали с расходами. Выявить истинное положение дел можно лишь с привлечением значительного корпуса документов, хранящихся в Государственном архиве Саратовской области (Ф. 1 – канцелярия губернатора, Ф. 5 – Саратовская губернская управа, а также фонды 10 уездных земств Саратовской губернии).

Финансы земства нельзя сводить только к земским сборам и расходам (обязательным и необязательным). Органы земского самоуправления имели капиталы специального назначения, которые складывались из финансовых средств, переданных им правительством на основании Положения о земских учреждениях 1864 г. (благотворительный, продовольственный, почтовый, дорожный, страховой, запасной) или созданных самим земством (в частности, Ремонтный фонд; в годы Первой мировой войны был образован Фонд на вознаграждение медицинского персонала в случае смерти от заражения). Эти капиталы часто использовались не столько по прямому назначению, сколько для собственного кредитования органов земского самоуправления. Если земства занимали суммы из этой части депозита, то они должны были их обязательно вернуть, в отличие от земского сбора, который затрачивался безвозвратно.

Фискальная политика земства заключалась в том, что по земскому законодательству органы земского самоуправления имели право налагать на население губернии специальные земские сборы: губернский и уездные. Т.е. земство имело свою систему налогообложения, определенные виды налогов на имущество, могло изменять налоговые ставки.

Закон определял лишь общие основания обложения: ценность и доходность облагаемых имуществ, а конкретные системы налогообложения каждое земство вырабатывало самостоятельно². На первом очередном Саратовском губернском земском собрании в качестве первоочередного рассматривался вопрос о земских сборах, где за основу обложения была принята доходность уездов³. Между тем критерии доходности поручалось выработать самим уездным земствам, что не могло не породить самых разнообразных систем налогообложения.

Б. Б. Веселовский отмечал, что в большинстве уездов России, в том числе и Саратовской губернии, была принята «отсталая поддесятинная оценка земель»⁴. Однако утверждение «о первобытной системе огульного обложения» справедливо лишь для четырех уездов (Аткарского, Вольского, Балашовского, Сердобского). Заслуга остальных уездных земств состояла в том, что в качестве основных критериев приняли ценность и доходность облагаемых имуществ. Доходность земли определялась арендной платой, а ценность – рыночной ценой десятины земли. С этих сумм брался определенный процент, который постоянно возрастал. Эта тенденция к росту земских налогов характерна как для уездных, так и для губернских сборов. В конце 1860 – начале 1870-х гг. уездные сборы составляли 4–6 коп. с десятины, к началу 1890-х гг. – 11–13 коп с десятины. Губернский сбор выражался в сумме 6 коп. (1895 г.), 8 коп. (1896 г.), 9,6 коп. (1905 г.)⁵.

Суммы земского сбора различались не только по всем 10 уездам Саратовской губернии. Комиссия по переоценке земель в начале XX в. утверждала, что доходность земли колеблется не только по различным уездам, но и в рамках одного уезда. В частности, в Балашовском уезде доходность десятины в 1905 г. составляла от 4 руб. до 6 руб. 75 коп.⁶ «Обложение земель, – отмечалось в докладе губернской земской Бюджетной комиссии, – основывается на допотопных данных и является крайне неравномерным»⁷.

Системой земского налогообложения были недовольны все слои населения, которые с самого начала возникновения земских учреждений роптали на чрезмерно высокие земские сборы. Крестьяне жаловались на высокое обложение земель, ветряных мельниц. Такие же претензии существовали у городских сословий – купцов и мещан. В частности, купец Журавлев (Аткарский уезд) утверждал, что его пять винокуренных заводов обложены чрезвычайно высоко, саратовский мещанин М. Порядин заявлял, что его «трактир, лавка, питейный завод оценены выше, чем у других»⁸. Только в 1904 г. городское население подало 13 жалоб на неверную оценку их имущества⁹. Примеры подобных сетований можно найти практически во всех журналах заседаний Саратовского губернского земского собрания. Владельцы просили снизить земские сборы с маслобоек, паровых

лесопилен, мельниц, городских мастерских, домов и прочего недвижимого имущества.

С возрастанием земского обложения недовольство населения увеличилось. С просьбами сложить земский сбор в годы Первой мировой войны обращались призванные на военную службу. В 1915 г. Саратовское губернское земское собрание, рассмотрев 18 просьб такого рода, приняло решение отсрочить уплату земских сборов без взимания пени до окончания войны. Однако другим жалобщикам в просьбах было отказано. Так, земское собрание отклонило прошение жителя г. Саратова И. К. Шамшурина, жаловавшегося на завышенную оценку его дома. Губернские земские гласные заявили, что дом оценен по земским нормативам, и сумма губернского земского сбора невелика. Гораздо больше финансовых средств городского населения уходит на уплату других повинностей (государственных, уездных, городских сборов)¹⁰.

Особое недовольство земскими сборами выражала определенная часть дворянства. Показательным примером является патетическое заявление земского гласного В. А. Шомпулева (Кузнецкий уезд) в 1876 г.: «Мое имение отличается красотой местности, но совершенно бездоходно»¹¹. Но в то же время, когда начался процесс переоценки земель, ряд земских гласных активно выступили против него, требуя прекращения работы оценочной комиссии. Эта проблема вызвала ожесточенную полемику на очередном Саратовском губернском земском собрании 1905 г.¹²

Недовольны земским обложением были и представители казны. Уже в сентябре 1866 г. Кузнецкое уездное земское собрание приняло решение обложить казенные земли в 3 раза выше, чем земли частных владельцев. Это решение было опротестовано саратовским губернатором¹³. Помимо губернатора, на страже казны стояли чиновники Палаты государственных имуществ и удельного ведомства, которые, по Положению о земских учреждениях 1864 г. включались в состав земских собраний. Они постоянно требовали уменьшения обложения казенных имуществ, утверждая, что «казенные земли не приносят того дохода, который приносит земля частных владельцев»¹⁴.

Недовольство существующими системами земского обложения привело к тому, что в Саратовской губернии, так же как и во многих земских губерниях России, начались работы по переоценке имущества¹⁵. Однако первые попытки провести оценочно-статистические работы закончились неудачно. Их дворянство встретило в штыки, усматривая в них «стремление искусственно взвинтить цены на земли». С большим «скрипом» проходили оценочно-статистические работы в начале XX в. Ярыми противниками этого процесса стала группа титулованной знати во главе с гр. Уваровым¹⁶.

Почти все земские гласные (за исключением представителей, избранных от второй курии) выступили единым фронтом с требованием увеличить сумму налогов с торгово-промышленных предприятий: «Пусть они несут тяготы обложения»¹⁷. Городские имущества Саратовской губернии в начале XX в. давали лишь 1/3 земского сбора.

Сравнительно низкие сборы с торгово-промышленных предприятий объяснялись как аграрным характером Саратовской губернии, так и протекционистской политикой правительства. Именно она вызывала недовольство земских гласных. Об этом свидетельствует реакция российских земств и Саратовского в том числе на законы о земском налогообложении.

Через два года после создания земских учреждений, 2 ноября 1866 г., Государственный Совет утвердил новую редакцию ст. 10 Положения о земских учреждениях, где при обложении фабрик, заводов, торгово-промышленных предприятий принималась в расчет только стоимость самих помещений вне зависимости от торгового и промышленного оборота. Процентный сбор с гильдейских свидетельств не должен был превышать 25%, а с торговых и промышленных предприятий – 10% налогов, уплачиваемых в казну¹⁸. Как отмечал Б. Б. Веселовский, этот закон позволил скрывать истинные доходы предприятий, «которые не стоят в прямой связи со стоимостью помещений»¹⁹.

В 1904 г. в «Саратовской земской неделе» появилась статья Л. В. Зайковского, заведующего Отделением по текущей регистрации, об оценке недвижимых городских имуществ, обобщавшая отклики на новую редакцию закона 1866 г. Автор рассматривал этот нормативно-правовой акт, с одной стороны, как проявление протекционистской политики правительства, «ограждающей интересы торговой и промышленной собственности». Он повторял аргументы саратовского дворянства, усмотревшего в этом узаконении «ущемление прав землевладельцев». С другой стороны, Зайковский характеризовал его как проявление антиземской политики, как «акт несправедливости», «крупное правонарушение»²⁰.

Данная редакция закона воспринималась одинаково во всех земских губерниях России и рассматривалась как первая попытка уничтожения земских учреждений²¹. Подобным образом был воспринят и новый закон 1900 г. «О предельности земского обложения», по которому ежегодный прирост земских бюджетов не должен был превышать 3% в год. Однако Министерство финансов отмечало, что земские сборы и после издания закона возрастали ежегодно²². Н. Н. Авинов утверждал, что «никогда рост земских смет не был столь энергичным, как со времени издания закона о предельности земского обложения»²³.

Следовательно, ни первый, ни второй законы особого практического значения не имели. Об этом свидетельствует расцвет деятельности

земств, начавшийся в 1890-е гг. и продолжившийся в 1900-е гг.

В условиях повсеместного недовольства земским сбором налогоплательщики пытались скрыться от земского налогообложения, тем более что благоприятные условия для подобных действий создавало само Положение о земских учреждениях 1864 г. По закону система оценки зависела «от личных взглядов и соображений лиц, производящих раскладку»²⁴. Существовали особые опросные листы, рассылаемые владельцам, где те должны были указать все необходимые сведения.

Как справедливо замечал Б. Б. Веселовский, «оценочные нормы были ширмой», которая давала возможность скрыть истинные источники дохода (удобные земли представлялись неудобными, красный лес как черный, черный как кустарник и т. п.)²⁵.

По свидетельствам местной прессы, многие из избирателей неправильно указывали количество своей собственности²⁶. В журналах заседаний уездного Царицынского земского собрания сохранилось дело есаула Попова, имеющего 11 тыс. десятин земли. Из них он потребовал привлечь к обложению только 5 тыс. десятин, объявив остальную часть «неудобными землями». Земское собрание не приняло во внимание объяснения Попова и вынесло решение об обложении земским сбором всех 11 тыс. десятин, находящихся в его собственности. Есаул подал жалобу в Сенат, который удовлетворил его притязания²⁷. В данном случае от земского обложения было скрыто более половины земель, находившихся в собственности у саратовского помещика.

Оценочная комиссия сообщала в своем докладе (1905 г.), что по Саратовской губернии открыты ускользнувшие от земского обложения 300 тыс. десятин, львиная доля которых (150 тыс.) прихотилось на Аткарский уезд²⁸.

Подобным образом скрывали свое имущество от земских налогов и предприниматели. По подсчетам земской управы, только в Аткарском уезде в 1870-х гг. укрывалось от земского обложения около 600 мелких торговых предприятий²⁹.

Открытие в Саратовской губернии новых торгово-промышленных предприятий привело к созданию особого Отделения по текущей регистрации об оценке недвижимых городских имуществ в начале XX в. Только в 1905 г. в городах губернии было привлечено к обложению имуществ на 1 млн 800 тыс. руб. Это дало прибавку к земскому сбору в размере 7 тыс. руб.³⁰

Таким образом, фундаментом земского бюджета являлся земский сбор, губернский и уездный, но его анализ сопряжен с целым рядом сложностей: наличием дефицита, покрываемого из других источников; различием цифр, показываемых в сметной документации, как по итоговой сумме, так и по остальным статьям доходов и расходов. Это обуславливалось рядом причин: в

земские сметы включались недоимки и остатки прежних лет. Свое негативное влияние оказывало и медленное поступление земского сбора, и часто сумма действительного прихода была меньше назначенной распорядительным органом.

Абсолютная величина земских сборов в Саратовской губернии постоянно возрастала: 1900 г. – 1 млн 239 тыс.; 1905 г. – 1 млн 432 тыс.; 1911 г. – 1 млн 579 тыс.; 1913 г. – 1 млн 730 тыс.³¹; 1914 г. – 1 млн 920 тыс. руб.³². Структурными элементами земских налогов являлись сборы: окладные (с земель, торгово-промышленных предприятий, недвижимого имущества в городах, гильдейских свидетельств и свидетельств на право торговли) и неокладные (гербовые, с продажи игральные карт, судебных пошлин). Последние играли незначительную роль в земском бюджете, составляя 3–6% в структуре доходов Саратовского земства.

Основой земского сбора составили сборы с земель, как и в большинстве губерний России. Самыми высокими они были в черноземных уездах: Аткарском, Петровском, Сердобском, Хвалынском, где составляли свыше 80% в 1866–1890 гг. Эта цифра практически не изменилась и в начале XX в. В 1911–1913 гг. она колебалась от 78,8% (Петровский уезд) до 87,8% (Сердобский уезд).

В свою очередь, сборы с земель включали в себя сборы с земель частных владельцев, сельских обществ и принадлежащих казне. За четыре десятилетия сборы с крестьянских земель превышали 50% почти во всех уездах, за исключением трех (Аткарского, Саратовского, Сердобского), где абсолютная величина не поднималась выше 37–40%.

Самыми низкими были сборы с земель частных владельцев в Царицынском и Камышинском уездах (26,9–9,3%), где помещичье землевладение не получило большого развития.

Земский сбор с казенных земель и лесов почти не увеличивался и составлял в среднем на протяжении четверти века 6,2–7% к общей сумме обложения. В 1905 г. с 360 тыс. десятин казенных угодий в Саратовской губернии казне было уплачено 85,5 тыс. руб. земского сбора (по 24 коп. с десятины)³³.

Самые высокие сборы с торгово-промышленных предприятий были установлены в Царицынском уезде, они составляли 25,4–35% на протяжении 1860–1890-х гг. Однако в начале XX в. в Камышинском, Саратовском, Царицынском уездах сумма с неземледельческих объектов обложения резко увеличилась и составляла от 73% (Камышинский уезд), 76,5% (Саратовский уезд) до 88% в Царицынском уезде. За 2 года (1911–1913) сборы с неземледельческих объектов обложения возросли на 12%. Самыми низкими они были в уездах с развитым землевладением (Аткарском, Балашовском, Сердобском), где тенденция к увеличению сбора с данных предметов обложения была незначительна и составляла 6–12% в 1860–1890-х гг. В начале XX в. и в земледельческих районах сумма с этих объектов обложения колебалась от 5% (Хвалын-

ский уезд), 12% (Аткарский уезд) до 33% в Балашовском уезде. В Вольском и Кузнецком уездах сумма обложения с неземледельческих объектов достигала 43,2–49%.

Такая же картина характерна и для сбора с торговых документов. Здесь наиболее высокими были сборы в Саратовском уезде, достигавшие 40,3%. В Царицынском уезде они занимали до 24,7% в общем объеме земского сбора. В остальных уездах эта статья дохода особой роли не играла, редко превышая уровень 10%.

Фискальная политика земства, несмотря на вполне благополучные, постоянно растущие цифры земского сбора, осложнялась постоянно растущими недоимками. На экстренном губернском собрании в мае 1872 г. указывалось, что в течение 4 лет в губернскую управу поступило всего 89 тыс. руб. вместо полагавшихся 174 тыс. руб.³⁴ К 1890 г. недоимки по губернскому сбору составили свыше 170 тыс. руб., а вместе с недоимками по другим видам земских капиталов превышали 1,5 млн руб.

Рост недоимок продолжался и в начале XX в. На 1 января 1900 г. недоимки составляли около 510 тыс. руб., на 1 января 1905 г. – 803 тыс. руб., в 1912 – сумма недоимок составила 603,6 тыс. руб., в 1914 г. – свыше 555,6 тыс. руб.

В 1905 г. поступило всего 43,9% губернского сбора, в 1911 г. – 61,1%, в 1913 г. – 66,4%. Очевидно, что земский сбор в 1905 г. составил менее 50%. Причины этого явления озвучила Бюджетная комиссия Саратовского губернского земства. Резкое снижение доходов земства было связано с рабочими забастовками в городе и крестьянскими погромами в деревнях. Обычно недоимки, отмечала комиссия, составляли 7–8%, а в 1905 г. – 30–40%. На самом деле они составили более 50%. «Земская касса пуста», – таков был печальный вывод комиссии³⁵.

Подобные явления наблюдались и при поступлении уездных сборов. Председатели уездных управ подчеркивали, «что поступление земских сборов идет весьма слабо» и вследствие этого «земские управы не выполняли обязательств по отчислению в губернский депозит»³⁶. В 1889 г. в Хвалынском уезде «вследствие совершенного прекращения платежей земских сборов» и «полного истощения кассы» дело дошло до того, что управа была вынуждена прекратить «выдачу жалования всем служащим земства»³⁷.

Постоянный рост долгов по земскому сбору объяснялся рядом причин. Во-первых, налоговое обложение крестьянских земель превышало их доходность. По подсчетам П. Скворцова, в конце 80 – начале 90-х гг. в 37 губерниях Европейской России платежи бывших помещичьих крестьян превышали чистый доход с земли и они должны были приплачивать из сторонних заработков³⁸. Так, в 1884 г. крестьяне Камышинского уезда несли в общей сложности 870160 тыс. руб. разного рода платежей. Из них государственные налоги составляли 72,4% земские (вместе с железнодо-

рожной рентой) – 9,5%, волостные и сельские 18,1%³⁹. К тому же крестьяне платили государственные налоги в первую очередь и их взыскание осуществлялось административными органами. Земства не располагали непосредственной властью по взысканию земских сборов и недоимок. По нормативно-правовым актам 1864 и 1890 гг. органы местного самоуправления были лишены исполнительной власти в сфере взимания земских налогов. Это являлось прерогативой полиции. В 1882 г. губернское земское собрание ходатайствовало перед правительством об учреждении особых земских приставов для взыскания земских сборов⁴⁰.

Среди причин роста задолженностей по земским сборам можно отметить увеличение земского обложения, о чем говорилось выше.

Следующая причина роста недоимок заключалась в том, что среди крупных землевладельцев, имеющих огромные земельные угодья, существовали злостные неплательщики. При этом некоторые из них являлись земскими гласными. Ф. С. Иконников, Кузнецкий предводитель дворянства и председатель уездной управы, саркастически замечал: «Большая часть недоимок, например, числится за крупными землевладельцами, иногда за такими, которые своим дворецким платят жалование не меньше суммы оклада земского сбора... С этими привилегированными плательщиками полиция чрезвычайно деликатна... В нашем привилегированном обществе осталось презрение и небрежное отношение к уплате своих долгов»⁴¹. К сожалению, земская документация не дает возможности выявить поименно злостных неплательщиков. Естественно, это усугубляло проблему бюджетного дефицита, как губернского, так и уездных земств.

Еще одна причина резкого увеличения долгов по земским сборам была отмечена на губернском земском собрании 1905 г. – увеличение числа рабочих забастовок, участие крестьян в бунтах, поджоги имений. Все это привело к падению доходов земских налогоплательщиков.

Таким образом, фискальная политика земства, являясь важнейшим структурным элементом финансовой деятельности земских учреждений, испытывала на всем протяжении рассматриваемого периода серьезные трудности. Они были связаны как с объективными факторами (отсутствием четких норм в Положениях о земских учреждениях 1864 и 1890 гг.), так и субъективными – попытками населения Саратовской губернии скрыть истинную доходность принадлежащих ему имуществ (это касалось всех сословий без изъятия), накопление огромных недоимок. Все эти факторы существенно затрудняли рост доходной части бюджета органов земского самоуправления и, соответственно, оказывали негативное влияние на его расходную часть.

Примечания

- 1 См.: Морозова Е. Н. У истоков земской реформы. Саратов : Изд-во Сарат. ун-та, 2000. С. 78–81.
- 2 См.: Полн. собр. законов Российской империи. Собрание второе. СПб., 1867. Т. 39. Отделение первое. № 40547.
- 3 См.: Государственный архив Саратовской области (далее – ГАСО). Ф. 5 (Саратовская губернская управа). Оп. 1. Д. 17. Л. 258–264, 285–288.
- 4 Веселовский Б. Б. История земства за сорок лет : в 4 т. СПб. : Изд-во О. Н. Поповой, 1909–1911. Т. 1. С. 42–47.
- 5 См.: Доклады губернской управы чрезвычайному Саратовскому губернскому земскому собранию 1888 г. : в 5 ч. Саратов, 1888. Ч. 3. С. 60–65.
- 6 Там же. С. 304–305.
- 7 Там же. С. 311.
- 8 Российский государственный исторический архив (далее – РГИА). Ф. 1287. Оп. 23. Д. 668. Л. 21 ; Д. 1582. Л. 14–17.
- 9 См.: Журналы 40-го очередного Саратовского губернского земского собрания сессии 1905 г. Саратов, 1906. С. 320.
- 10 См.: Журналы 49-го очередного Саратовского губернского земского собрания сессии 1914 г. Саратов, 1916. С. 76.
- 11 Журналы заседаний чрезвычайного Саратовского губернского земского собрания 1876 г. Саратов, 1876. С. 35.
- 12 См.: Журналы 40-го очередного Саратовского губернского земского собрания сессии 1905 г. С. 304–305.
- 13 См.: ГАСО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 17. Л. 100–102.
- 14 Свод статистических сведений по Саратовской губернии : в 3 ч. Саратов, 1888. Ч. 1. С. 442–443.
- 15 См.: Журналы заседаний чрезвычайного Саратовского губернского земского собрания 1876 г. С. 44–50.
- 16 См.: Журналы 40-го очередного губернского земского собрания сессии 1905 г. С. 304–305.
- 17 Там же. С. 309.
- 18 См.: Пирумова Н. М. Земское либеральное движение. Социальные корни и эволюция до начала XX века. М. : Наука, 1977. С. 32.
- 19 Веселовский Б. Б. Указ. соч. Т. 3. С. 120.
- 20 Зайковский Л. В. К вопросу об источниках земских доходов // Саратовская земская неделя. 1904. № 8–9. С. 62–63.
- 21 См.: Никитенко А. В. Дневник : в 3 т. Т. 3. С. 92 // Право. 1900. № 1–52. С. 1791–1800.
- 22 См.: Шингарев А. И. Вопрос об улучшении земских финансов // Юбилейный земский сборник, 1864–1914. СПб. : Изд-во О. Н. Поповой, 1914. С. 45.
- 23 Авинов Н. Н. Главные черты в истории законодательства о земских учреждениях // Юбилейный земский сборник. С. 27.
- 24 Журналы заседаний очередного Саратовского губернского земского собрания 1887 г. Саратов, 1887. С. 251, 255–260.
- 25 См.: Веселовский Б. Б. Указ. соч. Т. 1. С. 79.

- ²⁶ См.: Саратовский справочный листок. 1865. 18 июля ; 18, 24 авг.
- ²⁷ См.: Журналы заседаний очередного Царицынского уездного земского собрания 1870 г. Саратов, 1971. С. 35 ; РГИА. Ф. 1287. Д. 1310. Л. 97.
- ²⁸ См.: Журналы 40-го очередного губернского земского собрания сессии 1905 г. С. 26, 304, 336.
- ²⁹ См.: Отчеты и доклады Аткарской уездной земской управы очередному уездному земскому собранию 1870 г. Саратов, 1870. С. 9.
- ³⁰ См.: Журналы 49-го очередного Саратовского губернского земского собрания сессии 1914 г. Саратов, 1916. С. 211, 189–209.
- ³¹ См.: Статистический обзор Саратовской губернии за 1899–1915 гг. Саратов, 1916. С. 11–12.
- ³² См.: Журналы 49-го очередного Саратовского губернского земского собрания сессии 1914 г. С. 211.
- ³³ См.: Журналы 40-го очередного Саратовского губернского земского собрания сессии 1905 г. С. 309.
- ³⁴ См.: Систематический свод постановлений Саратовского губернского собрания : в 2 ч. Саратов, 1899. Ч. 1. С. 948–949.
- ³⁵ См.: Журналы 40-го очередного губернского земского собрания сессии 1905 г. С. 33–38.
- ³⁶ ГАСО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 17. Л. 285.
- ³⁷ Доклады Саратовской губернской земской управы очередному губернскому земскому собранию 1889 г. Саратов, 1889. С. 253.
- ³⁸ См.: *Скворцов П.* Распределение крестьянской поземельной собственности // Юридический вестник. 1892. Т. 10, кн. 4. С. 605.
- ³⁹ См.: Сборник статистических сведений по Саратовской губернии : в 4 т. Саратов, 1884. Т. 2. С. 134–137.
- ⁴⁰ См.: Систематический свод постановлений... Ч. 1. С. 950.
- ⁴¹ Отчетность по Кузнецкому уезду за 1881 г. Саратов, 1881. С. 23.

Образец для цитирования:

Морозова Е. Н. Фискальная политика Саратовского земства (1866–1914 годы) // Изв. Сарат. ун-та. Нов. сер. Сер. История. Международные отношения. 2020. Т. 20, вып. 4. С. 542–547. DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2020-20-4-542-547>

Cite this article as:

Morozova E. N. Fiscal Policy of the Saratov Zemstvo (1864–1914). *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. History. International Relations*, 2020, vol. 20, iss. 4, pp. 542–547 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2020-20-4-542-547>

УДК [94+176.176](470.44–25)18/19

Феномен проституции в повседневной жизни Саратова на рубеже XIX–XX веков

А. А. Ахметов

Ахметов Аскар Айипович, аспирант кафедры отечественной истории и историографии, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, askar.akhmetov.93@bk.ru

В статье исследуется феномен проституции в повседневной жизни г. Саратова на рубеже XIX–XX вв. На основе архивного материала рассмотрены особенности данной девиации, а также меры ее государственного контроля. Отражена местная специфика развития проституции в условиях раннеиндустриальной модернизации России.

Ключевые слова: г. Саратов, проституция, дом терпимости, «желтый билет», «бланк», публичный дом, Врачебно-полицейский комитет.

Поступила в редакцию: 17.03.2020 / Принята: 01.07.2020 / Опубликована: 21.12.2020

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

Saratov Prostitution at the Turn of the XX Century

A. A. Akhmetov

Askar A. Akhmetov, <https://orcid.org/0000-0001-7621-6092>, Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia, askar.akhmetov.93@bk.ru

The article examines the issue of Saratov prostitution as a part of everyday life at the turn of the XX century. The analysis of the deviation and its state control are based on the archive documents. Regional development in early years of Russian modernization was detected.

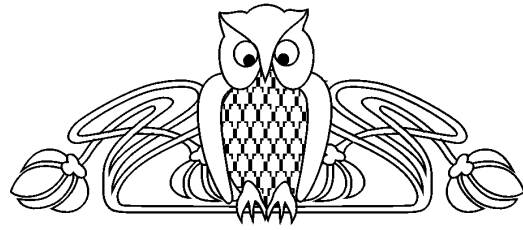
Keywords: Saratov, prostitution, bawdy-house, «yellow ticket», «blank», cathouse, Medical-police committee.

Received: 17.03.2020 / Accepted: 01.07.2020 / Published: 21.12.2020

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2020-20-4-548-553>

В повседневности как специфической сфере историко-культурного бытия человечества важное место занимает проблема менталитета и глубокого всестороннего осмысления социальной реальности с точки зрения таких ее фундаментальных аспектов, как норма и аномалия. Проблема проституции как одна из форм отклонения от нормы в повседневности актуальна во все времена и во всех обществах. В России в пореформенный период в результате раннеиндустриальной модернизации усилились миграционные потоки крестьян в города. Процесс их адаптации к новым

городским условиям был сопряжен с трудностями, приводившими к снижению устойчивого психологического состояния и утрате традиционных норм поведения.

Дефиниция понятия «проституция» в науке является спорной и поэтому до сих пор нет точного определения этого явления. В начале XX в. один из авторов отмечал, что «под проституцией понимается торговля женщины ее телом с целью получить вознаграждение»¹. В XXI в. исследователи относят проституцию к одной из наиболее устойчивых форм девиантного поведения и рассматривают ее как «систему общественных отношений, посредством которых реализуются внебрачно-коммерческие формы сексуального поведения»².

Легализация и регламентация проституции в России была связана с широким распространением венерических заболеваний среди населения, особенно в крупных городах. В 1843 г. в Петербурге был создан Врачебно-полицейский комитет (далее – ВПК) по надзору за проститутками. В соответствии с приказом министра внутренних дел Д. А. Перовского, все проститутки должны были зарегистрироваться во Врачебно-полицейском комитете и, таким образом, превращались в своеобразных поднадзорных. Паспорта у девиц изымались, а взамен выдавалось медицинское свидетельство – знаменитый «желтый билет», устанавливающий статус «публичных женщин». Еще в 1799 г. император Павел I, известный своим пристрастием к мундирам и знакам отличия, ввел для проститутки специальную одежду – желтое платье. Хотя в этих нарядах проститутки щеголяли недолго, именно с того времени желтый цвет стал символом профессии.

В 1844 г. появились правила для содержательниц публичных домов и проститутки, а в 1861 г. вышел «Табель о проституции», в котором регламентировалась деятельность домов свиданий³. Основные положения этого документа остались без изменений до 1917 г. Правительство установило возрастной ценз для проститутки: в публичные дома девушки принимались с 16, а индивидуальной проституции могли заниматься – с 18 лет⁴. В 1901 г. был установлен более высокий возрастной ценз для индивидуальной проституции – 21 год⁵. Однако на практике при приеме девушек в дома терпимости документов не спрашивали, возраст определяли «на глаз», и средний возраст девиц колебался от 16 до 28 лет.

В Саратове, как и по всей России, легализация проституции сопровождалась установлени-

ем контроля за проститутками. Первоначально эти функции были возложены на Временную санитарную комиссию⁶, основной задачей которой являлся надзор за санитарным состоянием города⁷. Судя по архивным материалам, власти губернского города в 1870-х гг. столкнулись с большими трудностями в установлении контроля за проституцией. В частности, полицмейстер Саратова в своем отчете губернатору отмечал: «Во-первых, недобросовестное отношение на местах к врачебно-полицейским предписаниям; во-вторых, совершенное непонимание самого населения в опасности венерических болезней»⁸. Полицмейстер просил губернатора установить более серьезную ответственность за халатность со стороны компетентных ведомств, а также расширить медицинский контроль в губернии⁹.

Несмотря на то, что в рассматриваемый период проституция была легализована, она также относилась к форме девиантного поведения, поскольку осуждалась и не принималась обществом как форма нормального поведения. В законодательстве рассматриваемого периода проституция олицетворяла собой принцип противозаконной сексуальности, осуществление надзора за которой являлось прямой функцией государства. При этом власть признавала проституцию непосредственным инструментом сексуальной социализации индивида, тем самым преследовалась цель снижения случаев насилия по отношению к женщинам. Врачебный инспектор г. Саратова, Н. Гольдберг в письме городскому главе Недошивину так выразил позицию власти по отношению к проституции: «Лучшими деятелями науки и нашим правительством признано, что для успокоения нормальной физической потребности полового сближения следует допустить терпимость проституции, дабы оградить индивида от извращения потребности и заболевания вследствие воздержания, а общество от преступных деяний, вследствие подавления этой потребности»¹⁰.

Для установления эффективного надзора за проституцией 15 января 1883 г. в Саратове был создан ВПК под руководством полицмейстера¹¹. Содержание комитета полностью возлагалось на Городскую Думу – ежегодно на его работу выделялось 300 руб.¹² Кроме полицмейстера, в его состав входили два городских врача, военный врач и офицер. В функциях комитета значились введение учета публичных женщин, внесение их в особые книги, еженедельный медицинский осмотр проституток городскими врачами в полицейских частях города по месту проживания, а также розыск и установление надзора «за притонами и женщинами, тайно промышлявшими развратом», и ведения реестра проституток¹³.

В реестре публичных женщин второй полицейской части в 1897 г. имелось 150 страниц¹⁴. Наличие большого количества женщин, занимавшихся проституцией, объясняется тем, что

Саратов на рубеже XIX–XX вв. являлся крупным торговым и промышленным городом и привлекал внимание пришлого люда. «Губернский город Саратов велик по числу жителей, имеет пристани, железную дорогу, много фабрик, заводов, ремесленных заведений и отпускная торговля значительно развита. Следовательно, в Саратове кроме коренного населения, ежегодно вращается масса пришлого элемента»¹⁵, – отмечал городской врач Н. Гольдберг.

В городе существовало четкое деление проституции на явную, официальную, терпимую, состоявшую под регламентированным надзором, т. е. поднадзорную «билетную (бордельную)», и тайную, неофициальную, преследуемую, «бланковую (свободную)». Все виды проституции отличались как условиями труда и заработками проституток, так и возможностями потребителей. Проститутки дифференцировались на проживавших в публичных домах и имеющих медицинские билеты, и тех, кто занимался ремеслом самостоятельно, поодиночке, «свободно».

Места по продаже публичных услуг делились на специализированные, разрешенные властью и тайные, нелегальные заведения. Дом терпимости – специализированный публичный дом, в котором любой желающий за деньги мог получить сексуальные услуги от проживавших в нем проституток. К специализированным домам свиданий относились заведения, которые предлагали апартаменты для встреч мужчин и женщин. Дома терпимости и дома свиданий, как правило, в г. Саратове работали с разрешения власти.

Тайными публичными домами являлись многочисленные партерные, кабаки, гостиницы, бани и другие подобные заведения, которые, помимо прямого своего назначения, параллельно предоставляли сексуальные услуги. Так, например, в отчете саратовского полицейского от 23 декабря 1882 г. отмечалось, что «трактир «Портсмут» и портерная лавка «Франция» представляют собой «главный рассадник сифилиса». В этих заведениях находятся по несколько девиц и женщин, «промышляющих развратом, и они составляют главную доходную статью, без них, портерные немислимы и должны тогда прекратить свое существование»¹⁶. Для борьбы с тайной проституцией городские власти использовали агентов, которые следили за женщинами, посещавшими питейные и увеселительные учреждения «в одиночку»¹⁷. Они считались неблагонадежными, поскольку посещали данные заведения без сопровождения. Кроме того, в 1883 г. вышло постановление ВПК города, запрещавшее нанимать женщин в качестве прислуги, банщиц и горничных¹⁸.

Анализ документов позволяет выявить устройство домов терпимости. По регламенту ВПК содержать публичный дом могли исключительно женщины не моложе 35 лет при наличии пакета документов с обязательным свидетельством полиции о благонадежности кандидата

и письменным заверением владельца жилья, в котором предполагалось открыть заведение¹⁹.

Благонадежность содержательницы дома терпимости определялась запросом в полицейское управление по месту прописки. По архивным данным можно сделать вывод, что часто сама содержательница являлась подставным лицом, а фактическим управленцем заведения был другой человек, как правило, мужчина, который использовал жену или экономку для оформления прав на содержание публичного дома. Так, крестьянке Саратовской губернии Аткарского уезда, деревни Мотовиловки М. Эммануиловне, имевшей свидетельство на содержание «борделя», саратовским ВПК в открытии заведения было отказано по причине передачи права управления мещанину Н. Т. Иванову, у которого она служила экономкой²⁰.

Особое внимание уделялось месту расположения заведения: публичные дома должны быть удалены от церквей, училищ, школ, базаров и других общественных учреждений не менее чем на 150 саженцев с обязательным входом во двор²¹. В 1910 г. мещанка М. И. Вакулова получила отказ на обустройство «дома свиданий» на улице Верхний базар (между ул. Кутякова и Московской) по причине того, что «дом Виноградова расположен возле базара, где было и без того громадным скоплением всякого рода нежелательных элементов, поэтому наличие нового притона дает почву для усиления безобразия»²². На рубеже XIX–XX вв. известными улицами г. Саратова, где больше всего располагались публичных домов, являлись Петинная, Угодниковская, Камышинская и Валовая. Поскольку именно на этих улицах находилось больше всего трактиров, кабаков, номеров и гостиниц, спрос на сексуальные услуги всегда был высок.

В 1891 г. постановлением Уголовного кассационного департамента правительственного сената была введена ответственность за несоблюдение правил о регистрации проституток. По регламенту содержательницы домов терпимости обязывались вести списки зарегистрированных проституток, обновлять их и ставить пристава в известность при каких-либо изменениях²³. Список включал данные о дате поступления и отъезда девушки, ее порядковой номер, а также место, куда она выбыла. В случае, если девушка желала сменить место своего жительства, она должна была сообщить полиции населенный пункт своего нового проживания. Ее документы отправлялись в полицейский участок по месту пребывания²⁴. Так, в рапорте пристава четвертой части от 1899 г. отмечалось, что «проститутка П. М. Петрова саратовская цеховая 10 февраля уехала на жительство в Покровскую слободу»²⁵. При этом полиция имела право не отпускать ее за пределы города, если по сведениям врача у нее находили сифилис²⁶.

На основании описаний, сделанных ВПК во время осмотров домов терпимости, можно рекон-

струировать эти заведения. Одни представляли собой дома для состоятельных клиентов, «с большой гостиной, с пианино, высокими потолками, отдельные комнаты для приема посетителей, все комнаты светлые и сухие, меблированы с хорошей вентиляцией, при каждой имеется теплый ватерклозет»²⁷. Другие предназначались «для черной публики», олицетворяли собой «вертеп», «помещение без окон с сырыми стенами, мебель скудная»²⁸.

По правилам ВПК содержательница дома терпимости обязана была содержать его в чистоте. Однако не во всех публичных домах поддерживались гигиенические требования. Так, в доме терпимости солдатки Н. Г. Москвичевой на ул. Угодниковской приставами было обнаружено, что «в комнатах постели грязные и в полном беспорядке, воздух пропитан запахом алкоголя»²⁹. В таких случаях, как правило, ВПК лишал «нерадивую хозяйку» права содержать дом терпимости, однако власти города беспрепятственно позволяли открывать им новые бордели.

В тесной взаимосвязи с проституцией находился алкоголизм. Об этом свидетельствует тот факт, что серьезную проблему для саратовских властей представляло распространение спиртного в публичных домах. ВПК г. Саратова неоднократно отклонял прошения на организацию буфетов в домах терпимости с правом отпуска алкогольных напитков. Правило, утвержденное МВД от 29 мая 1844 г., запрещало продажу алкогольных напитков, в том числе и пива. В публичных домах разрешалась только продажа сельтерской воды и лимонадов³⁰. Однако возможность получения двойной прибыли не останавливала многих от риска потерять свидетельство на публичный дом. По донесениям полиции, «продажа алкогольных напитков, в том числе и пива, содержательницами публичных домов производится тайно и давно, при чем цены берутся вдвое против обыкновенного, из-за всего этого происходят многие безобразия: ссоры, драки и даже кража вещей у посетителей»³¹. Например, в одном из донесений постового указывалось, что «в 1892 г. женщины, работающие в доме терпимости Л. А. Мавриной, вечером 30 августа выбежали на улицу в пьяном виде в одном ночном белье и производили разные беспорядки, сопровождая их бранью; хозяйка, несмотря на предупреждение постового, никаких мер к прекращению беспорядков не принимала»³². Таким образом, владельцы публичных домов игнорировали запреты властей на продажу алкоголя.

В конце XIX – начале XX в. численность домов терпимости росла наиболее быстрыми темпами³³. Так, за период с 1890 по 1910 г. их число увеличилось с 26 до 43³⁴. Рост масштабов проституции можно объяснить общими тенденциями социально-экономического развития страны, болезненным переходом от патриархальной модели семьи к современной, основанной на сравнительно свободном выборе партнеров и

определенной независимости жены. Кроме того, на фоне революционных процессов происходило всеобщее падение нравственности и отмирание прежних ценностей.

Рассматривая социально-демографические особенности проституции, можно отметить, что среди содержательниц публичных домов по словному признаку преобладали мещанки – 57%, затем следовали крестьянки – 28%, солдатки – 10%, цеховые – 3%³⁵. На наш взгляд, это было связано с тем, что мещанки были более материально обеспеченными для содержания борделя и социально-адаптированными в городе, в отличие от крестьянок.

Напротив, среди жительниц публичных домов и проституток-одиночек, крестьянок было значительно больше (таблица).

Сословная принадлежность проституции в Саратове в начале XX века, %³⁶

Сословия	Содержательницы публичных домов	Обитательницы публичных домов
Крестьянки	28	58
Мещанки	57	33
Цеховые	3	5
Солдатки	10	4

Данные таблицы подтверждают общероссийскую тенденцию преобладания крестьянок в проституции. По мнению Н. Б. Лебиной и М. В. Шкаровского, «это явление можно назвать закономерным. Соблазн большого города сильнее всего действовал на людей, впервые с ним столкнувшихся. И чем многочисленнее становились миграционные потоки, тем больше усложнялся процесс адаптации приезжих к новым условиям жизни в городе»³⁷.

Основная часть женщин-крестьянок работала в городе прислугой и систематически подвергалась рискам: насилию со стороны хозяев, потере места жительства, что в условиях закрытого сословного общества лишало их средств к существованию. Не менее важную роль играло отсутствие образования, молодой возраст, неустроенность семейной жизни. Как результат, некритическое отношение к действительности, погоня за внешней ее стороной – материальным благополучием, «красивой жизнью».

Анализируя документы саратовского ВПК о взаимоотношениях владельцев публичных домов и женщин, работавших на них, можно прийти к выводу, что они были далеки от нормальных. Содержательницы всегда находили способ закабалить их: если принять во внимание, что «женщины в среднем зарабатывали по 10 рублей, половину отдавали за знакомство с гостями, еще ежемесячно за постель – 1 рубль, за стирку белья – 2 рубля, доктору – 3 рубля»³⁸, то в итоге получается, что женщина находилась в неоплатном

долгу у хозяйки. Н. Гольдберг отмечал, что в расчетных книжках на страницах прихода заработка «содержательницы занижают расходы и не перечисляют по-предметно на что удержаны деньги, в большинстве случаев огульно показано: уплачено столько-то, затем в долгу остается столько-то. Самый расчет между ними не совершается как того требуют правила, еженедельно, а как придется, так что стороннему лицу без пояснения причастных, невозможно разобраться»³⁹.

Кроме того, многие содержательницы незаконно скрывали венерически больных проституток от врачей, не желая тратить деньги на их лечение в Александровской больнице. В 1891 г. содержательница Л. А. Маврина была лишена права содержать дом терпимости за сокрытие проституток М. Ш. Самсоновой и Е. И. Добрыниной от врача в течение двух месяцев и допуск больных девиц к промыслу. В качестве причин уклонения от медицинского освидетельствования многие исследователи называют опасение потерять заработок из-за необходимости пребывания в больнице и страх перед проведением осмотра⁴⁰.

Неизбежным спутником проституции являлись венерические заболевания. Официальная статистика такова – при проверке из 178 женщин в домах терпимости в 1893 г. больными оказались 10, из тайных проституток – 16⁴¹. В 1914 г. их численность резко возросла: в документах ВПК сообщалось о 499 осмотренных женщинах, из которых 90 были больны⁴². Рост заболеваемости привел к росту частнопрактикующих врачей-венерологов «Ныне много развелось врачей-венерологов в следствии конкуренции»⁴³, – отмечал городской врач Н. Гольдберг.

Поэтому посещение борделей для клиентов, даже при наличии у проститутки медицинской книжки, представляло большой риск заражения венерическими болезнями. Другая опасность заключалась в том, что публичные дома были постоянными источниками криминальных случаев. Приставы в отчетах часто отмечали неприличное поведение потребителей услуг: «пьяные драки, выстрелы из револьвера, избивание проституток»⁴⁴. В 1892 г. на ул. Угодниковской (ныне ул. Ульяновская) «казак Винокуров в доме терпимости содержательницы Шпаренковой устроил стрельбу из револьвера по девицам из-за ссоры с ними; публичные женщины найдены были в безобразном состоянии»⁴⁵. Не отличались примерным поведением и служащие домов. Они позволяли себе обкрадывать своих клиентов: «5 ноября 1894 г. у крестьянина Новоузенского уезда с. Борисоглебовка Н. Н. Кокурина девицей Гусевой было украдено 700 рублей»⁴⁶. Таким образом, посещение публичных домов было опасным делом, в том числе потому, что здесь могли искалечить и ограбить клиента.

Среди посетителей публичных домов можно выделить несколько групп: постоянные клиенты, мужчины, придающие большое значение лечеб-

ному осмотру, «ленивые» мужчины, случайные посетители⁴⁷. К частым «гостям» из низшего разряда относились казаки, крестьяне, студенты, солдаты, ремесленники, именно эти социальные слои присутствуют в отчетах приставов при различных разбирательствах⁴⁸.

Деятельность ВПК г. Саратова была направлена на усиление контроля за билетной проституцией. Однако «настоящими хозяйками» городских улиц являлись одиночки-бланковые и тайные проститутки. По данным С. Г. Быкова, в г. Саратове в 1907 г. их насчитывалось свыше 5000⁴⁹. В отличие от билетной и бланковой проституции установить реальное число одиночек и тайных проституток трудно, поскольку последние не поддавались подсчету. Подпольная проституция процветала и вызывала тревогу как у властей города, так и общественности. Во-первых, собственницы публичных домов и бланковые платили налог за деятельность, в отличие от тайных проституток; во-вторых, именно тайные проститутки являлись распространителями венерических болезней, так как не подвергались врачебному осмотру; в-третьих, они не подчинялись административному контролю власти.

Рост общественного движения в Саратове против нелегальной проституции выразился в требовании переселить дома терпимости на окраины города⁵⁰. К 1909 г. все они были переведены на ул. Петинскую⁵¹ (ныне ул. Рабочая). Кроме того, для уменьшения численности тайной проституции ВПК использовал полицию и тайных агентов: в результате облав всех пойманных женщин насильно ставили на учет, выдавая вместо паспорта бланк. Так расширялся контингент бланковых проституток⁵².

Бланковая, или так называемая «одиночная», проституция в отличие от билетной, не была прикреплена к публичному дому. Проститутки подобного типа искали клиентов самостоятельно, из-за этого не имели постоянного пристанища и часто праздно шатались в трактирах, банях, кабаках, ресторанах и кафе.

«Одиночная» проституция воспроизводила аналогичную организацию со своими особенностями: съемные меблированные комнаты, рестораны для высокого и среднего классов и дешевые трактиры, ночлежные дома, предназначенные для «социального дна»⁵³.

Для контроля над бланковой проституцией ВПК Саратова рекомендовал применять практику домов свиданий. Подобные заведения начали открываться в городе только в начале XX в. В 1903 г. МВД утвердило правила для их содержания⁵⁴. Существенной разницы между «домами свиданий» и «домами терпимости» в действительности не было. Требования к владельцам обоих типов публичных домов были одинаковы. В уставе о содержании дома свиданий не прописывались обязанности самих «одиночек», напротив, они были направлены только в отношении хозяек.

Объясняется это тем, что власть таким образом стремилась привлечь проституток в официальные публичные дома. Женщины, обитавшие в этих домах, пользовались большой свободой, они беспрепятственно выходили на улицу на поиск клиентов и приводили их в квартиру. Хозяйка обеспечивала своих «съемщиц квартиры» питанием и жильем⁵⁵. К тому же в ее обязанности входил контроль за тем, чтобы «жрицы» раз в неделю посещали врача.

По мнению многих исследователей, «бланковые» проститутки обладали только внешней свободой от какого-либо учреждения, так как отчисления за квартиру и за стол составляли большую часть их дохода, и девушки чаще всего оказывались в полной зависимости от хозяйки⁵⁶. Следует отметить, что, несмотря на либеральные правила для проституток, в дореволюционном Саратове официально действовало всего 3 «дома свиданий»⁵⁷. Следовательно, одиночки промышляли в основном на улицах города, в ночлежках, трактирах и ресторанах. Непопулярность домов свиданий объясняется отсутствием увеселительных программ для мужчин, в то время как дома терпимости предлагали широкий выбор развлекательных мероприятий.

Таким образом, феномен проституции в Саратове на рубеже XIX–XX вв. явился закономерным результатом раннеиндустриальной модернизации России. Для предупреждения наметившихся тенденций в 1883 г. был создан ВПК по контролю за проституцией. В городе существовало четкое деление проституции на официальную и тайную. Публичные заведения дифференцировались на два вида: рассчитанные на состоятельных клиентов и «для черной публики». Рост масштабов проституции объясняется общими тенденциями социально-экономического развития страны.

Примечания

- ¹ Гремяченский Д. Современный строй и проституция. М. : Издание И. Д. Сытина, 1906. С. 5.
- ² Девиантность и социальный контроль в России (XIX–XX вв.) : тенденции и социологическое осмысление / отв. ред. Я. И. Гилинский. СПб. : Алетейя, 2000. С. 319.
- ³ См.: Лебина Н. Б., Шкаровский М. В. Проституция в Петербурге : 40-е гг. XIX в. – 40-е гг. XX в. М. : Прогресс-Академия, 1994. С. 14.
- ⁴ См.: Илюхов А. А. Проституция в России с XVII века до 1917 года. М. : Новый Хронограф, 2008. С. 23.
- ⁵ См.: Государственный архив Саратовской области (далее – ГАСО). Ф. 60 (Саратовский полицмейстер). Оп. 1. Д. 5. Л. 33.
- ⁶ Там же. Ф. 4 (Саратовская городская управа). Оп. 1. Д. 518. Л. 3.
- ⁷ Там же. Л. 4.
- ⁸ Там же. Ф. 60. Оп. 1. Д. 5. Л. 18–19.
- ⁹ Там же. Л. 19.
- ¹⁰ Там же. Ф. 4. Оп. 1. Д. 518. Л. 8.
- ¹¹ Там же. Ф. 60. Оп. 1. Д. 5. Л. 11.

- ¹² Там же. Л. 31.
- ¹³ Там же. Л. 13.
- ¹⁴ Там же. Ф. 66 (Частные приставы города Саратова Саратовского городского полицейского управления). Оп. 2. Д. 34. Л. 75.
- ¹⁵ Там же. Ф. 4. Оп. 1. Д. 518. Л. 11.
- ¹⁶ Там же. Ф. 60. Оп. 1. Д. 5. Л. 20.
- ¹⁷ Там же. Л. 46.
- ¹⁸ Там же. Л. 45.
- ¹⁹ Там же. Ф. 4. Оп. 1. Д. 518. Л. 2.
- ²⁰ Там же. Ф. 59 (Саратовское городское полицейское управление Министерства внутренних дел). Оп. 1. Д. 130. Л. 30.
- ²¹ Там же. Ф. 66. Оп. 2. Д. 37. Л. 263–278.
- ²² Там же. Ф. 59. Оп. 1. Д. 1482. Л. 7.
- ²³ Там же. Ф. 4. Оп. 1. Д. 518. Л. 31–35.
- ²⁴ Там же. Ф. 60. Оп. 1. Д. 5. Л. 10–12.
- ²⁵ Там же. Ф. 66. Оп. 2. Д. 24. Л. 34.
- ²⁶ Там же. Л. 13.
- ²⁷ Там же. Ф. 59. Оп. 1. Д. 130. Л. 30.
- ²⁸ Там же. Л. 35.
- ²⁹ Там же. Ф. 59. Оп. 1. Д. 155. Л. 23.
- ³⁰ Там же. Ф. 60. Оп. 1. Д. 5. Л. 38.
- ³¹ Там же. Л. 37.
- ³² Там же. Ф. 59. Оп. 1. Д. 155. Л. 20.
- ³³ Там же. Ф. 60. Оп. 1. Д. 26. Л. 18.
- ³⁴ Быков С. Г. Проституция в г. Саратове и меры борьбы с ней. Саратов. 1922. С. 18.
- ³⁵ См.: ГАСО. Ф. 59. Оп. 1. Д. 130. Л. 1–47; Д. 155. Л. 1–37.
- ³⁶ Там же. Ф. 4. Оп. 1. Д. 518. Л. 57; Д. 1910. Л. 1–44; Ф. 66. Оп. 2. Д. 11. Л. 1–40; Д. 24. Л. 1–86; Ф. 66. Оп. 4. Д. 45. Л. 1–37.
- ³⁷ Лебина Н. Б. Шкаровский М. В. Указ. соч. С. 98.
- ³⁸ ГАСО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 518. Л. 35.
- ³⁹ Там же. Л. 36.
- ⁴⁰ См.: Илюхов А. А. Указ. соч.
- ⁴¹ ГАСО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 518. Л. 57.
- ⁴² См.: Статистический обзор Саратовской губернии за 1914 год. Саратов, 1915. С. 26.
- ⁴³ ГАСО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 518. Л. 36.
- ⁴⁴ Там же. Ф. 59. Оп. 1. Д. 1126. Л. 3.
- ⁴⁵ Там же. Д. 155. Л. 22.
- ⁴⁶ Там же. Д. 1488. Л. 25.
- ⁴⁷ См.: Бентовин Б. Торгующие телом // Антология социальной работы : в 5 т. Т. 2. М. : Сварог, 1995. С. 138.
- ⁴⁸ ГАСО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 518. Л. 5.
- ⁴⁹ См.: Быков С. Г. Указ. соч. С. 19.
- ⁵⁰ См.: ГАСО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 1910. Л. 1.
- ⁵¹ Там же. Л. 22.
- ⁵² Там же. Д. 518. Л. 37.
- ⁵³ Там же. Ф. 66. Оп. 2. Д. 11. Л. 2; Ф. 60. Оп. 1. Д. 5. Л. 35;
- ⁵⁴ Там же. Ф. 59. Оп. 1. Д. 1488. Л. 10.
- ⁵⁵ Там же. Д. 1487. Л. 2.
- ⁵⁶ См., напр.: Энгельштейн Л. Ключи счастья. Секс и поиски путей обновления России на рубеже XIX–XX веков. М. : ТЕРРА, 1996.
- ⁵⁷ ГАСО. Ф. 59. Оп. 1. Д. 1482, 1487, 1488.

Образец для цитирования:

Ахметов А. А. Феномен проституции в повседневной жизни Саратова на рубеже XIX–XX веков // Изв. Сарат. ун-та. Нов. сер. Сер. История. Международные отношения. 2020. Т. 20, вып. 4. С. 548–553. DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2020-20-4-548-553>

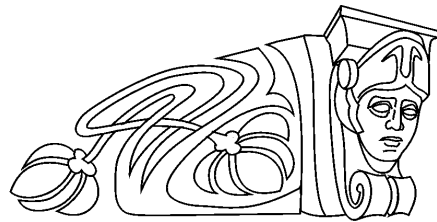
Cite this article as:

Akhmetov A. A. Saratov Prostitution at the Turn of the XX Century. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. History. International Relations*, 2020, vol. 20, iss. 4, pp. 548–553 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2020-20-4-548-553>

УДК 94(470.44)

Социально-психологические факторы восприятия революционных событий 1917 года в солдатской среде (по материалам Саратовской губернии)

Н. В. Аленичева

Аленичева Наталья Владимировна, аспирант кафедры истории России и археологии, Саратовский национально-исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, aleni4ewa.nat@yandex.ru

В статье предпринят анализ перипетий революционных событий в России через призму социокультурной и социопсихологической динамики провинциального общества. Исследовательский ракурс направлен на изучение настроений солдатских масс в период политического кризиса 1917 г. Формулируется вывод о том, что солдатские гарнизоны, находившиеся в крупнейших городах страны, по большей части не были готовы к восприятию и поддержке демократических преобразований новой власти.

Ключевые слова: армия, гарнизоны, политический кризис, Саратовская губерния.

Поступила в редакцию: 13.03.2020 / Принята: 01.07.2020 / Опубликована: 21.12.2020

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

Socio-psychological Factors of Perception in the Soldier Environment of Revolutionary Events of 1917 (According to the Materials of the Saratov Province)

N. V. Alenicheva

Natalia V. Alenicheva, <https://orcid.org/0000-0002-8615-2667>, Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia, aleni4ewa.nat@yandex.ru

The article analyzes the vicissitudes of revolutionary events in Russia through the prism of socio-cultural and socio-psychological dynamics of provincial society. The author's research perspective is aimed at studying the mood of the soldiers' masses during the political crisis of 1917. The Author comes to the conclusion that the soldiers' garrisons located in the largest cities of the country were mostly not ready to accept and support the democratic transformations of the new government.

Keywords: army, garrisons, political crisis, Saratov province.

Received: 13.03.2020 / Accepted: 01.07.2020 / Published: 21.12.2020

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2020-20-4-554-558>

В последнем десятилетии прошлого века в отечественной исторической науке обозначились новые исследовательские тренды в изучении различных граней процесса социокультурных и политических

трансформаций позднеимперской России. Вместе с тем обозначились и новые концепции в исследовании революционных событий 1917 г. В частности, более привлекательными стали научные изыскания в области социальной истории и антропологии, которым не уделялось должного внимания в советской историографии, где, по мнению Ю. В. Варфоломеева, «на первый план выдвигались проблемы, связанные с социально-экономическими вопросами, классовый борьбой и революционным движением, и по этой причине история, как правило, изучалась вне человека, вне личности»¹.

В настоящее время большой популярностью пользуется точка зрения о том, что революционные процессы первой трети прошлого столетия происходили в первую очередь в сознании людей. В рамках направления социальной истории, предполагающей использование методов смежных социально-гуманитарных дисциплин, рассматривается проблема отношения к происходящему «обывателя»: крестьянина, рабочего, солдата, студента и т. д. Ментальные, социокультурные, социопсихологические характеристики разных социальных слоев стали распространёнными сюжетами современных научных исследований. В наиболее общем виде это можно выразить, как считает Ю. В. Варфоломеев, формулой: «Не только история действует в человеке, но и человек и его поступки создают её»².

Одной из главных сил, определивших ход событий в революционном процессе 1917 г., стала армия, представлявшая собой гигантскую социальную массу: на фронте солдат и офицеров было 9620 тыс., в запасных частях тыловых военных округов числилось до 1,5 млн чел. в военной форме³.

Население Поволжья в годы Первой мировой войны, особенно губернских и ряда уездных городов, столкнулось с новой реальностью в городской среде – притоком военнотружущих на длительный срок, мобилизованных призывников и запасных, вливавшихся в состав городского социума. Связано это было с нахождением на территории городов гарнизонов и запасных частей.

В Саратовской губернии к 1915 г. воинские формирования размещались в Саратове (3 пехотных и 2 пулеметных полка, 2 артиллерийские бригады, 2 отдельных артиллерийских дивизиона и пешая дружина)⁴. В городах оседали дезертиры, бежавшие с фронта и во время поездки на фронт. Причем состав воинских частей, размещенных в поволжских городах, в течение военных лет менялся. Таким образом, в конкретную среду постоянно вливался

новый социальный конгломерат, ранее чуждый данной территории.

В городах Поволжья присутствовали фронтовики, проходившие лечение в лазаретах и госпиталях, а также посещавшие родных во время краткосрочных отпусков, предоставлявшихся военнослужащим после лечения. Поволжские губернии входили в состав эвакуационных районов. На территории Саратова был создан окружной эвакуационный пункт, куда прибывали раненные и больные с фронта. На территории города и губернии госпитали и лазареты для раненых фронтовиков располагались в самых различных учреждениях. Так, уже с конца 1914 г. военнослужащие, побывавшие на фронте, могли общаться с жителями тыла, являясь носителями информации, передаваемой ими лично. Поток раненых и больных солдат, прибывавших на лечение в Поволжье, был массовым. К примеру, в г. Саратове только за август 1914 г. было принято 2975 раненых⁵.

В городах формировалась новая категория населения – больные и раненые фронтовики, ведущие себя, как дезертиры, и оказывавшие влияние на мировоззрение горожан. Причем это уже были не наивные деревенские парни, вышколенные военной муштрой, а солдаты, побывавшие на фронте, видевшие его подноготную, постоянно ощущавшие смерть и страх, изменившие их психику и сознание. Прошедшие бои и окопные лишения, эвакуированные нижние чины были одной из самых деморализованных групп, склонной к анархии, жестокости и насилию, беспокойным элементом в тыловых гарнизонах. Характерным в этот период становился тот факт, что во многих уездных центрах Нижнего Поволжья вначале создавались Советы солдатских депутатов: в Камышине, Петровске, Кузнецке, где размещались довольно крупные гарнизоны, которые оказывали определяющее влияние на местную политическую жизнь⁶.

Взгляды, настроения, симпатии и антипатии солдатских масс доминировали в общественном сознании, так как зачастую с ними вынуждены были считаться другие слои населения. Армия представляла собой гетерогенную социальную массу, включающую в себя представителей различных социально-демографических групп и служащую индикатором происходящих в стране процессов. Ввиду этого изучение социальной психологии солдатских масс дает возможность рассмотреть важную составляющую социокультурной динамики российского общества в период революционных процессов.

Анализ мотивов, социокультурных, психологических и ментальных факторов, влияющих на поведение армейских масс в 1917 г., представляет собой крайне сложную методологическую задачу. Наиболее целесообразно рассматривать эту проблему через призму формирования социально-психологических особенностей солдатских масс, их убеждений, проявляющихся в действии, поведении и поступках солдат.

По своему составу армия оставалась преимущественно крестьянской, поэтому социопсихоло-

гическая модель солдатских масс определялась главным образом особенностями социокультурного облика русского крестьянства. Еще с начала XX в. в ходе развития капиталистических отношений и начавшейся модернизации российскую деревню настигли кризисные явления: менялась социально-экономическая жизнь деревни, происходила трансформация традиционной системы ценностей крестьянского мира.

Тяжким бременем русской деревни стала Первая мировая война. Значительная часть мужского трудоспособного населения была призвана на военную службу. Из 15,5 млн мобилизованных за три с половиной года войны 12,8 млн чел. были призваны из деревни⁷. Человек, попавший на фронт, был вырван из привычной для него социокультурной среды, поэтому зачастую первой реакцией мобилизованных на войну был психологический шок, нашедший отражение в их асоциальном поведении: захвате винных складов, пьяном разгуле, разгроме, нападении на полицию, поджогах помещичьих имений и хуторов зажиточных крестьян.

Поражения на фронте, экономические трудности в тылу, ухудшавшие материальное снабжение войск, казарменный быт вызывали недовольство солдатских масс. Об их настроениях свидетельствуют письма на родину. Так, в саратовской печати можно встретить заметки о настроениях в г. Камышине. Местный житель от солдат узнал, что «армии все равно, хоть сам Вильгельм будет править Россией, порядка больше будет, а воевать говорят они (солдаты), мы не будем, пусть воюют буржуи всех стран»⁸.

В Самаре в 1915 г. рядовой, прибывший в город, сообщал горожанам сведения о жизни в армии, о лишениях на фронте, о неготовности России к войне, о «засилье» немцев в администрации, которое должно привести к поражению России, о родственных связях Николая II и германского императора Вильгельма, а также о ведении войны с целью «убивать народ, так как его очень много, а земли не хватает»⁹.

Характеризуя настроение населения Казанской губернии в октябре 1915 г., начальник Казанского губернского жандармского управления зафиксировал в отчете, что прибывающие «с театра войны увечные, больные, раненые зачастую рассказывают небылицы», описывают пережитое «в мрачных красках»¹⁰.

Как и в письмах фронтовиков, составляющей негативной информации в рассказах военных, прибывших на лечение и на побывку, являлась критика правительства. Одним из самых распространенных обвинений власти были слухи о целенаправленном вредительстве интересам страны руководителей немецкого происхождения.

Саратовский губернатор в донесении от 16 июля 1915 г. в Департамент полиции особо отмечал: «Как в письмах из армии, так и в толках, распространяемых на местах возвратившимися с театра войны солдатами, отмечается апатия действующей армии, переутомление ее, жажда вернуться по домам»¹¹.

В марте 1917 г. от Временного командующего войсками Казанского военного округа Комиссаром по управлению г. Саратовом и губернией была получена телеграмма, в которой говорилось о сложной ситуации на фронте, о том, что «каждый день к позициям неприятеля на северном фронте подходят подкрепления, боевые припасы и продовольствие», сам Петроград и его окрестности «наводнены германскими шпионами <...> укрывающимися в толпе, волнующие самых робких и слабых»¹². Примечательно, что такая пропагандистская информация, поступавшая от высших должностных лиц в государстве и направленная на сплочение населения, в конечном счете начинает играть против них самих, раскручивая карусель шпиономании и подкрепляя образ предательской государственной верхушки, виновной в бедственном положении страны.

В рамках своего мировоззрения солдаты пытались понять, почему бедствуют они сами и их семьи? На кого возлагается эта вина? Что необходимо сделать, чтобы изменить ситуацию?

Чаще всего неудачи армии солдаты объясняли тем, что в стране много изменников, предателей и шпионов на высших должностях. В сознании солдат укоренились мысли, что за деньги, подарки нарушается всякая справедливость во взаимоотношениях военнослужащих. Армейская масса делала вывод: если уж чистить армию, так надо «начинать с головы», т. е. с самого Николая II, ибо «какой это царь, который окружил себя жуликами и всякими мошенниками»¹³.

Рейтинг Николая II, возложившего на себя функции Верховного главнокомандующего, упал в армейской среде до крайне низкого уровня. Этому способствовали истории с Распутиным¹⁴, а также немецкое происхождение императрицы Александры Федоровны. Так, в армии получила распространение самодельная открытка, на которой Григорий Распутин обнимает Николая II и Александру Федоровну с надписью: «Встроим-то лучше!». Солдаты громким и залившимся хохотом реагировали на нее, открыто говорили, что «царю Николашке недолго осталось править Россией»¹⁵.

Все активнее в действующей армии муссировались слухи о «немецкой партии», якобы сложившейся вокруг императрицы Александры Федоровны, о других «темных силах», окружавших престол, о продаже немцам территорий России за золото и т. п. Известный российский историк Г. Л. Соболев отметил интересный факт: почти все визиты Александры Федоровны в Ставку были строго засекречены, так как в войсках существовало твердое убеждение, «что после каждого такого посещения русская армия терпела поражения»¹⁶.

В этот период изменяются и религиозные представления, и чувства населения, в частности солдат. Российская идеология носила религиозный характер, в свою очередь, начиная с XVIII–XX вв., религиозные учреждения, главным образом православные, приобрели характер государственных органов, в большей степени выполняющие

формальные обязанности. Кризис официальной церковной институции означал и кризис государственной идеологии в целом и, соответственно, десакрализацию и делегитимизацию власти¹⁷. Таким образом, в годы Первой мировой войны в России отсутствовала адекватная новая государственная идеология, в то время как традиционные институты функционировали недостаточно полно.

При легитимной и авторитетной власти солдат находился в повиновении ей и покорно мирился с этим. В условиях начавшейся дискредитации офицерского состава армии и монархии порядок в частях размывался, падала дисциплина, начиналась физическая и моральная деградация немалой части армии на почве пьянства и безделья. Карточные игры, пьяная и распутная жизнь стали частым явлением в армейской среде. Улицы городов Российской империи были наполнены людьми в военной форме, часто находившимися в нетрезвом состоянии.

К 1917 г. в воинских частях скопилось большое количество солдат, не желавших служить и тем более воевать. Масса дезертиров, не имевших определенного занятия и средств к существованию, бродя по городам и селам, представляли угрозу властям при возможных волнениях. Беглые солдаты бродяжничали, грабили, мародерствовали. Солдаты тыловых гарнизонов являлись инициаторами множества пьяных погромов и беспорядков. Помимо этого, происходило распространение среди населения слухов о военных неудачах России. Все это вместе возбуждало население, обостряло ситуацию в городах.

Февральские события 1917 г. взбудоражили солдатские массы и породили у них надежды на скорое решение всех волнующих их проблем. Новость о падении монархии большая часть солдат встретила с энтузиазмом и поддержала революцию. Вместе с тем важную роль солдаты сыграли в смещении и арестах представителей царской власти во многих регионах страны.

Выдернутый из деревни, оторванный от семьи, прошедший фронтовые невзгоды и казарменный быт, вчерашний крестьянин – сегодняшний солдат был способен привнести в революционное движение огромный разрушительный потенциал. Росту деструктивных тенденций способствовал неизбежный во всякой революции процесс массовизации¹⁸.

Один из видных представителей социальной психологии Г. Лебон утверждал, что каждый человек, становясь частицей толпы, опускается на несколько ступеней ниже по лестнице цивилизации, так как толпа превращает цивилизованного человека в варвара, инстинктивное существо¹⁹.

Революционные события февраля–марта 1917 г. сопровождались насилием и хулиганством, исходившим от солдат. Так, на Губернском съезде комиссаров в Саратове докладчик из г. Камышина рапортовал: «Дезорганизующий элемент в уезде – солдаты, в особенности дезертиры, допускающие даже вымогательства под угрозой целых карательных экспедиций. Были попытки отправить дезертиров к воинскому начальнику, но отправленные

скоро возвращались опять и под угрозами расправой оставались дома. Оказалось, что воинский начальник выдавал дезертирам проходное свидетельство и направлял их в соответствующие части, а дезертиры с первой же станции возвращались домой»²⁰.

В г. Петровске неоднократно предпринимались попытки солдат разгромить винные склады и разлить вино и спирт, сопровождавшиеся нападением на склад. В результате полиции пришлось прибегнуть к огнестрельному оружию, и дело кончилось ранением 18 чел.²¹

Конечно, животрепещущим среди солдат стал аграрный вопрос. «Земля и мир – вот две загаянные мечты, прожигавшие, подобно каленому железу, все существо солдата-крестьянина»²², – вспоминал генерал Ю. Н. Данилов. В решение земельного вопроса солдаты призывали крестьян в деревнях самостоятельно встать на защиту своих интересов. Очень часто солдаты сами выступали зачинщиками аграрных волнений, вставали во главе крестьянских выступлений. Например, в Кузнецком уезде Саратовской губернии «появился солдат из уголовных, сумевший создать целое движение среди крестьян и только соединенному заседанию всех общественных организаций удалость арестовать авантюриста»²³.

В одном из отчетов отдела сношений Государственной думы с провинцией подчеркивалось, что, как только в деревнях появлялись солдаты, «сейчас же начинались резкие выступления против помещиков»²⁴. Так, в Петровском уезде согласно рапорту комиссара «до наступления сенокосов все было спокойно. Но во время сенокосов начались захваты помещичьих и отрубных покосов», что комиссар объяснял агитацией матросов, приехавших из Кронштадта: «Например, помещик Рокотов обычно ладил с крестьянами, но с приездом в Троицко-Вырыпаево кронштадского матроса все пошло, как говорят, вверх дном»²⁵.

Солдатские настроения, острый вопрос о власти в период после февраля 1917 г. подвели армию в эпицентр борьбы между политическими партиями. Идеологическое воздействие партий на солдатские массы происходило в процессе митингов, демонстраций посредством печати и других средств агитации. Солдаты доверчиво относились к обещаниям партий, эмоционально реагировали на их публичные выступления. «Солдаты склонны были хлопать каждому, кто красиво и с подъемом скажет речь; смысла же речи, по темноте своей, они пока не способны были усвоить»²⁶.

В феврале 1917 г. в России появилась демократия в организационно-политической структуре, но отнюдь не в социально-психологической. В массовом сознании зачастую политически невежественные в своей массе солдаты не воспринимали отвлеченные призывы, солдатам более понятными были лозунги: «Мира!», «Земли!». Эти желания они не встретили в политике Временного правительства или армейских общественных организаций, что постепенно привело к усмирению революционной эйфории, а также политической апатии и недо-

верию. К тому же, как отмечают В. В. Васькин и Г. А. Герасименко, Временное правительство после Февральской революции считало единственным источником власти губернских и уездных комиссаров, назначенных им же вместо отстраненных от власти губернаторов и уездных исправников. В этом процессе «демократическим инстинктом массы чувствовали стремление Временного правительства возродить единоличную губернаторскую власть»²⁷.

Летом 1917 г. обозначился более глубокий раскол между армейскими массами и демократией. Этот процесс был ускорен подготовкой июньского наступления русской армии на фронте и отправкой в действующую армию запасных войск.

Прежнее монархическое государство было разрушено, но оно еще продолжало существовать в общественном сознании, выражаясь привычками и первичными реакциями. Социальные массы, утратив веру в силу царизма, не отреклись от давних представлений о типе государственного устройства, в котором власть была сильной, независимой и безраздельной. Временное правительство, не обладавшее этими качествами и не решавшее основные вопросы, в итоге лишилось поддержки армии.

Событием, повлиявшим на политическую обстановку в стране и усилившим значение солдат в общественно-политической жизни страны стал так называемый «корниловский мятеж» в августе 1917 г. После случившегося солдаты в который раз посчитали себя обманутыми властями, усилились разочарование во Временном правительстве и усталость от тягот казарменного быта. Как отмечает И. М. Ионенко, «на собраниях солдатских депутатов принимались постановления, требовавшие немедленного ареста Корнилова, «прекращения политики соглашательства с буржуазией»²⁸, к тому же солдаты еще упорнее стали срывать приказы об отправке на фронт. С каждой земли и мира солдатская масса встречала октябрь 1917 г.

Еще накануне, в сентябре 1917 г., изо дня в день нарастала большевизация широких солдатских масс, а в октябре крупнейшие гарнизоны в Казанском военном округе от Екатеринбурга до Царицына перешли на сторону большевиков и сыграли важную роль в установлении Советской власти. По утверждению И. М. Ионенко, «во всех, даже самых захолустных гарнизонах в октябре солдаты пошли за большевиками, так как их собственный опыт борьбы убеждал в полном предательстве народных интересов со стороны соглашателей»²⁹.

В самом деле, наиболее адекватной традиционному массовому сознанию оказались ясность и простота большевистских программ. Ощущая потребность в сильной государственной власти и твердом порядке, определяя постоянную готовность к расправе с «врагами» и выдвигая популистские лозунги: «Мира!», «Хлеба!», «Земли!», «Воли!», леворадикальные силы быстро и стремительно завоевывали симпатии в армейской среде.

Большевики создавали и вели срочную подготовку собственных силовых структур и, как под-

черкивает А. А. Герман, «активно занимались созданием вооруженных рабочих формирований еще с лета 1917 г., которое осуществлялось под ленинским лозунгом пролетарской милиции»³⁰.

Таким образом, к октябрю 1917 г. на место революционной романтики и эйфории февраля–марта приходят совершенно другие социопсихологические доминанты. Превалирующими настроениями в солдатской среде теперь становятся апатия и безразличие к происходящим переменам. В связи с недоверием большинства армейской массы к политической власти меняется поведенческая модель солдат, преобладающими чертами которой становятся самосохранение, выживание, желание переждать кризисные явления в стороне. Впоследствии, понимая опасность подобных настроений в старой армии, начиная с февраля 1918 г., большевистское правительство приступило к ее демобилизации и созданию новой – Красной Армии, ставшей главной ударной силой в Гражданской войне в России.

Примечания

- 1 Варфоломеев Ю. В. Николай Константинович Муравьев : Адвокат, политик, человек. Саратов : Научная книга, 2007. С. 9–10.
- 2 Там же. С. 10.
- 3 См.: Булдаков В. П. Красная смута. Природа и последствия революционного насилия. М. : РОССПЭН, 1997. С. 120.
- 4 См.: Максимов Е. К., Тотфалушин В. П. Саратовский край в годы первой мировой войны // Энциклопедия Саратовского края : в очерках, фактах, событиях, лицах / редкол. А. И. Аврус [и др.]. Саратов : Приволж. кн. изд-во, 2002. С. 272.
- 5 Там же. С. 273.
- 6 См.: Васькин В. В., Герасименко Г. А. Февральская революция в Нижнем Поволжье. Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 1976. С. 92.
- 7 См.: Россия в Мировой войне 1914–1918 гг. (в цифрах). М. : ЦСУ, 1925. С. 49.
- 8 Письма к редактору // Листок Заволжья. Саратов. 1917. № 193.
- 9 Центральный государственный архив Самарской области. Ф. 466 (Самарское сыскное отделение. 1910–1917). Оп. 1. Д. 5. Л. 21.
- 10 Национальный архив Республики Татарстан (НАРТ). Ф. 199 (Казанское губернское жандармское управление). Оп. 1. Д. 1021. Л. 32–48.
- 11 Государственный архив Саратовской области (ГАСО). Ф. 1 Канцелярия Саратовского губернатора. Оп. 1. Д. 9585. Л. 129–129 об.
- 12 Германские шпионы // Саратовские ведомости. 1917 г. № 23. 22 марта.
- 13 Пирейко А. В. В тылу и на фронте империалистической войны. Л. : Прибой, 1926. С. 5.
- 14 См.: Варфоломеев Ю. В. Г. Е. Распутин и «Распутинада» в судьбе России начала XX века (по материалам Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства) // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. 2011. Сер. История. Международные отношения. Т. 11, вып. 2, ч. 2. С. 34–40.
- 15 Старцев В. И. Последние дни империи // Страницы минувшего : очерки / сост. Л. М. Анисов. М. : Советский писатель. 1991. С. 129.
- 16 Соболев Г. Л. Тайный союзник. Русская революция и Германия. 1914–1918. СПб. : Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2009. С. 61.
- 17 См.: Хасин В. В. Национальный фактор и традиционное общество в конструировании имперской идеологии в России начала XX века // Вестн. Саратов. гос. социально-экон. ун-та. 2011. № 5. С. 178–179.
- 18 См.: Ямицкий С. В. Детерминанты солдатской революции 1917 года в России // Историческая психология и социология истории. 2008. Т. 3, № 2(2). С. 172
- 19 См.: Лебон Г. Психология народов и масс. СПб. : Макет, 1995. С. 234.
- 20 См.: Губернский съезд комиссаров // Саратовские ведомости. 1917. № 60. 6 авг.
- 21 Там же.
- 22 Данилов Ю. Н. На пути к крушению. Очерки из последнего периода русской монархии. М. : Воениздат, 1992. С. 147.
- 23 Отчеты уездных комиссаров // Саратовские ведомости. 1917. № 60. 6 авг.
- 24 Якупов Н. М. Партия большевиков в борьбе за армию в период двоевластия. Киев : Изд-во Киевского ун-та, 1972.
- 25 Отчеты уездных комиссаров // Саратовские ведомости. 1917. № 60. 6 авг.
- 26 Пирейко А. В. Указ. соч. С. 44.
- 27 Васькин В. В., Герасименко Г. А. Указ. соч. С. 89.
- 28 Ионенко И. М. Солдатские массы в Октябрьской Революции. По материалам Поволжья и Урала. Казань : Изд-во Казан. ун-та. 1982. С. 38–44.
- 29 Там же. С. 87–115.
- 30 См.: Герман А. А. Военно-боевая работа большевиков Нижнего Поволжья в период подготовки и проведения Великой Октябрьской социалистической революции : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Саратов, 1985. С. 12.

Образец для цитирования:

Аленичева Н. В. Социально-психологические факторы восприятия революционных событий 1917 года в солдатской среде (по материалам Саратовской губернии) // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. История. Международные отношения. 2020. Т. 20, вып. 4. С. 544–558. DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2020-20-4-554-558>

Cite this article as:

Alenicheva N. V. Socio-psychological Factors of Perception in the Soldier Environment of Revolutionary Events of 1917 (According to the Materials of the Saratov Province). *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. History. International Relations*, 2020, vol. 20, iss. 4, pp. 554–558 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2020-20-4-554-558>

ПРЕДСТАВЛЯЕМ КНИГУ

УДК 94(410).06

Английские философы-рационалисты о феномене чудесного

Н. С. Креленко

Рецензия на книгу: *Яковлев В. В. Христианская философия чуда : Идеи Томаса Гоббса и Джона Локка / науч. ред. В. А. Суровцев. Томск : Изд. Дом ТГУ, 2019. 244 с.*

Креленко Наталья Станиславовна, доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры всеобщей истории, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, krelenkon@mail.ru

Рецензия посвящена анализу монографии, рассматривающей влияние христианского понимания чуда на взгляды английских философов XVII в. Томаса Гоббса и Джона Локка. Внимание рецензента сосредоточено на том, как автор монографии охарактеризовал духовную атмосферу, в которой формировались мировоззренческие позиции этих мыслителей, а также на том, как их теории трактовались в историографии.

Ключевые слова: философия, рационализм, христианство, чудо, Томас Гоббс, Джон Локк.

Поступила в редакцию: 13.04.2020 / Принята: 01.07.2020 / Опубликовано: 21.12.2020

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

English Rationalist Philosophers about the Phenomenon of Miracle

N. S. Krelenko

Book review: *Yakovlev V. V. The Christian Philosophy of Miracle : Ideas of Thomas Hobbes and John Locke / Science Editor : V. A. Surovtsev. Tomsk : Publishing House of Tomsk State University, 2019. 244 p.*

Natalia S. Krelenko, <https://orcid.org/0000-0002-7691-6811>, Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia, krelenkon@mail.ru

The review deals with the analysis of the monograph devoted to the influence of Christian understanding of the phenomenon of miracle on the views of English seventeenth-century philosophers Thomas Hobbes and John Locke. The reviewer's attention is focused on the way the author of the monograph describes the spiritual atmosphere in which the world view of these thinkers developed, as well as on the historiographical interpretations of their theories.

Keywords: philosophy, rationalism, christianity, miracle, Thomas Hobbes, John Locke.

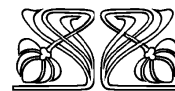
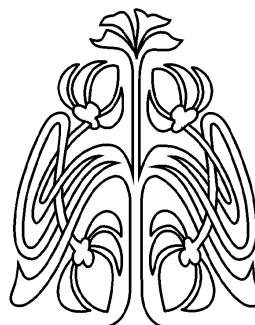
Received: 13.04.2020 / Accepted: 01.07.2020 / Published: 21.12.2020

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

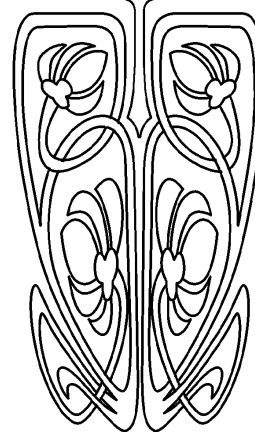
DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2020-20-4-559-561>

Рецензируемая монография В. В. Яковлева «Христианская философия чуда: идеи Томаса Гоббса и Джона Локка» (думается, вполне допустимо с точки зрения русской грамматики писать после двоеточия с маленькой буквы) посвящена изучению взглядов, пожалуй, самых знаковых английских философов XVII в. Томаса Гоббса и Джона Локка. Эти имена на слуху у всех, кто хоть сколь-нибудь знаком с историей Раннего Нового времени, с состоянием общественной мысли того периода, а вот избранный автором подход к воззрениям этих философов можно признать далеким от традиционного.

Критика и библиография

КРИТИКА
и
БИБЛИОГРАФИЯ

Избранная автором для рассмотрения проблема представляет большой интерес и дает огромные возможности для более глубокого осмысления теоретического наследия великих философов. Совершенно оправданным является анализ, который ведется через призму историографических подходов.

Автор сосредоточил свое внимание на рассмотрении христианских корней философских воззрений прославленных английских рационалистов Т. Гоббса и Д. Локка, на их отношении к такому феномену, как чудо. Следует отметить хороший стиль изложения, причем, автор старается подчинить построение монографии научным подходам с опорой на четко обозначенные в начале каждого раздела (главы, параграфа) цели и задачи, а затем – подведением итогов по завершении каждого раздела. Такой прием, как указание цели перед началом знакомства с текстом, наводит на мысль, что материал должен подтвердить заранее намеченную цель.

Построение основывается на историографическом подходе. Историографический материал составляют, за редким исключением, работы советских философов. Только современный этап восприятия истории XVII в. анализируется через идеи, представленные в статьях доктора исторических наук, член-корреспондента РАН П. Ю. Уварова, которого автор монографии называет неомарксистом. Поскольку в данном случае рецензент – историк, то он сосредоточивается на оценке В. В. Яковлевым эпохи, когда жили и творили Т. Гоббс и Д. Локк.

Думается, что понять смысловое наполнение этого периода, а также то, как он воспринимался теми, кто его изучал, кто о нем писал, было бы поучительнее, если бы был привлечен более широкий круг исследователей. Причем не стоило ограничиваться обращением к работам философов, которые подходят к прошлому с позиций абстрактно-обобщающих, но и тех, кто использует «ползучий» исторический эмпиризм.

Но даже, если ограничиваться пределами возвышенно-философскими, не стоило избегать обращения к таким работам, как «Философия эпохи ранних буржуазных революций»¹ (или автора отпугнуло словосочетание «буржуазная революция») и книга очерков Э. Ю. Соловьева «Прошлое толкует нас»².

В тех частях исследования В. В. Яковлева, которые посвящены характеристике и оценке изучаемой эпохи, главное внимание сосредоточено на критике «формационно-эволюционистского подхода к истории», который приравнивается к марксистскому пониманию исторического процесса. Вот как звучит одно из рассуждений по этому поводу: «К сожалению, формационно-эволюционистский подход к истории заставляет понимать ее просто как рутинную борьбу старого и нового, прошлого и настоящего... Грустная логика, ведь получается, что каждая конкретная

современность с ее людьми, материальным и духовным миром оказывается всего лишь удобрением для будущего»³. Не совсем понятно, почему противостояние «нового» и «старого» рассматривается как «рутинная борьба».

Следует отметить, что такой подход был свойствен не только марксистскому взгляду на историю, но и другим историографическим направлениям XIX – первой половины XX в. В британской традиции это называлось «либерально-вигская интерпретация истории», суть которой заключалась в восприятии истории как политики, «опрокинутой» в прошлое. Типичный представитель данного направления Д. Р. Грин, автор очень известной во второй половине XIX в. «Краткой истории английского народа», переведенной на многие (включая русский) языки.

В начале 30-х гг. прошлого века Г. Баттерфилд издал книгу, посвященную анализу этого направления⁴. Позже (в 60-е гг.) историк Д. Барраклауф писал, что либерально-вигский подход к истории, естественно, с поправкой на национальные особенности, существовал в разных историографических школах второй половины XIX – первой половины XX в.⁵, и относил к этому направлению, например, и упомянутого английского историка Д. Грина, и русского историка В. Ключевского. Учитывая это, не стоит упрекать исключительно советскую историографию в подходе к прошлому как к «удобрению» для настоящего.

Несколько раз В. В. Яковлев призывает «... уйти от тривиального подхода к раннему Новому времени как к некоему переходному периоду»⁶. А что «тривиального» в признании переходного состояния общества? Сам автор как раз много говорит о том, что в рамках этого времени существовали новые и старые тенденции, что свойственно переходности.

Необходимо уделить толику внимания еще одному спорному утверждению, приведенному в монографии. Речь идет о том, что «... введенное Жаком Ле Гоффом понятие «долгое Средневековье»⁷ трудно назвать новым вариантом хронологического деления. В советской традиции 30–40-х гг. XX в. Средние века заканчивались событиями Французской революции конца XVIII в. и т. 3 учебника «История Средних веков» включал этот материал в качестве завершающего раздела.

Неоднократно В. В. Яковлев использует словосочетание «реформация и протестантизм», как бы говоря о двух параллельных явлениях. Создается впечатление, что автор монографии сводит процесс второй христианизации западноевропейского общества в XVI в. к борьбе политических интересов, к стремлению правителей централизуемых национальных государств к освобождению от политической подчиненности Риму.

Необходимо прокомментировать еще одно высказывание, содержащееся в книге: «... Даже здоровые и правильные инициативы по переводу Библии на национальные языки, по переходу

на богослужение на национальных языках вовсе не требовали радикального пересмотра вероисповедальных постулатов и доктрин. Однако же это, увы (хочется вспомнить слова из одной старой комедии: «Ну, почему ж, увы?»), было сделано»⁸. Ведь религиозные учения – суть часть духовной жизни общества определенного периода, они должны соответствовать своему времени.

Следует иметь в виду, что изменения «вероисповедальных постулатов» были откликом на вызовы времени, времени перехода от общества традиционного типа к новационному типу, причем корректировки (в разной степени) проявились не только в реформатских конфессиях, но и в католической церкви, и Контрреформация – это не только сопротивление Реформации, возникновению протестантизма, но и обновление католицизма, приспособление к новым условиям и потребностям общественной и индивидуальной жизни. Вот почему XVI век называют «Второй христианизацией Европы».

В целом следует признать, что в той части монографии, которая посвящена сюжету, озву-

ченному в ее названии, содержится не только разнообразный содержательный материал, но представлен интересный анализ этого материала, а самое главное – предложен неординарный подход к рассматриваемой проблеме.

Примечания

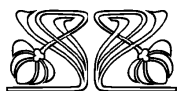
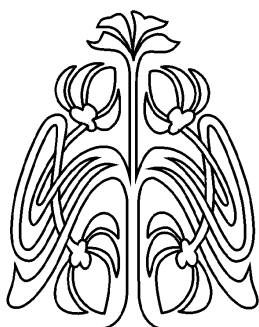
- ¹ Философия эпохи ранних буржуазных революций / ред. кол. : Т. И. Ойзерман [и др.]. М. : Наука, 1983. 584 с.
- ² Соловьев Э. Ю. Прошлое толкует нас. Очерки по истории философии и культуры. М. : Политиздат, 1991. 432 с.
- ³ Яковлев В. В. Христианская философия чуда : Идеи Томаса Гоббса и Джона Локка. Томск : Изд. Дом ТГУ, 2019. С. 13–14.
- ⁴ Butterfield H. The Whig interpretation in history. London : G. Bell, 1951. 82 p.
- ⁵ Barroclough G. Main trends in history. New York ; London : Holmes & Meier, 1979. 259 p.
- ⁶ Яковлев В. В. Указ. соч. С. 67.
- ⁷ Там же. С. 65.
- ⁸ Там же. С. 144.

Образец для цитирования:

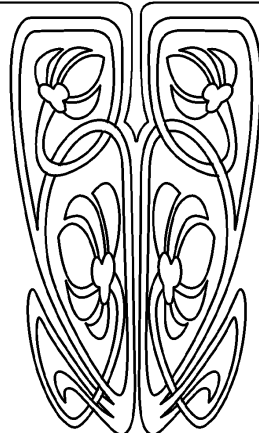
Креленко Н. С. Английские философы-рационалисты о феномене чудесного // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. История. Международные отношения. 2020. Т. 20, вып. 4. С. 559–561. DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2020-20-4-559-561>

Cite this article as:

Krelenko N. S. English Rationalist Philosophers about the Phenomenon of Miracle. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. History. International Relations*, 2020, vol. 20, iss. 4, pp. 559–561 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2020-20-4-559-561>

ПОДПИСКА

Подписка на 2021 год

Индекс издания в объединенном каталоге «Пресса России» 36018,
раздел 30 «Научно-технические издания. Известия РАН. Известия вузов».
Журнал выходит 4 раза в год

Цена свободная

Оформить подписку онлайн можно
в Интернет-каталоге «Пресса по подписке» (www.akc.ru)

Адрес Издательства

Саратовского университета (редакции):

410012, Саратов, Астраханская, 83

Тел.: +7(845-2) 51-45-49, 52-26-89

Факс: +7(845-2) 27-85-29

E-mail: izvestiya@info.sgu.ru

Адрес редколлегии серии:

410012, Саратов, Астраханская, 83

СГУ имени Н. Г. Чернышевского

Институт истории и международных отношений

Тел.: +7(845-2) 21-06-32

Факс: +7(845-2) 21-06-51

E-mail: larisachernova@mail.ru

Website: <https://www.sgu.ru/structure/imimo>